И.Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Политики в контексте эпохи

Время расцвета демократии

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

I.E. Surikov

ANCIENT GREECE

ш

Politicians in the Context of the Epoch

The Heyday of Democracy

MOSCOW NAUKA 2008

И. Е. Суриков

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

Политики в контексте эпохи

Время расцвета демократии

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
С90

Ответственный редактор
доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ

Рецензенты:
доктор исторических наук А.В. МАХЛАЮК,
кандидат исторических наук А.А. МОЛЧАНОВ

Суриков И.Е.
Античная Греция : политики в контексте эпохи : время расцвета демократии / И.Е. Суриков ; [отв. ред. Л.П. Маринович] ; Ин-т всеобщ, истории РАН. — М. : Наука, 2008. — 383 с. — ISBN 978-5-02-036984-9.

Книга представляет собой вторую часть цикла биографий выдающихся политических деятелей архаической и классической Греции, на этот раз Аристида, Фемистокла, Кимона, Перикла. Опираясь на данные античных источников и результаты работ современных исследователей, автор реконструирует основные события яркого, зачастую противоречивого и насыщенного разнообразными перипетиями жизненного пути этих политиков. Особое внимание уделяется историческому контексту и ключевым вопросам, связанным с развитием древнегреческой цивилизации, прежде всего проблемам классической афинской демократии в V в. до н.э. — в период наибольшей мощи и процветания демократических Афин.

Для историков-антиковедов, преподавателей, студентов гуманитарных вузов и всех, кто интересуется историей Древней Греции.

Темплан 2009-1-245

ISBN 978-5-02-036984-9

© Институт всеобщей истории РАН, 2008
© Суриков И.Е., 2008
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2008

Памяти моего деда
Алексея Васильевича Федякова (1911—1993)

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей работа является прямым продолжением нашей книги «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика»[1], если можно так выразиться, вторым выпуском цикла биографий выдающихся политических деятелей архаической и классической Греции. Соответственно, при работе над ней мы стремились руководствоваться теми же принципами, которые были приняты нами для первого выпуска. Мы видели свою задачу в том, чтобы, во-первых, сочетать изложение фактов и событий с их научным анализом, во-вторых, уделять особое внимание историческому контексту и использовать каждую биографию как повод для выхода на общие проблемы древнегреческой истории, в-третьих, сделать изложение в книге по возможности популярным (не в ущерб исследовательскому характеру) и доступным не только для специалистов-антиковедов, но и для более широкой читательской аудитории.

Крут источников, который будет в дальнейшем нами использоваться, в основном тот же самый, краткая характеристика которого была дана в предисловии к вышеупомянутой книге. Это, в первую очередь, важнейшие исторические произведения, повествующие о Греции в V в. до н.э. (труды Геродота, Фукидида, «Афинская полития» Аристотеля), сочинения представителей античного биографического жанра (Корнелия Непота и особенно Плутарха), а также, естественно, и все прочие тексты, в которых содержится оригинальная и релевантная информация, — тексты не только нарративного, но и эпиграфического характера (как раз в классическую эпоху роль эпиграфического материала для изучения древнегреческой истории резко возрастает по сравнению с предшествовавшими столетиями). Конкретный крут важ-

[1] *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.

нейших источников о жизни и деятельности каждого из интересующих нас политиков будет оговариваться во вступительных частях соответствующих глав.

Хронологические рамки книги целиком ограничены V в. до н.э.[2], что в значительной степени обусловливает специфику ее содержания. Уже при просмотре оглавления можно обратить внимание на то, что все без исключения ее герои — афиняне. И это объясняется не произвольным подходом автора или его пристрастием именно к Афинам, а имеет вполне объективные причины. Собственно, для всей древнегреческой истории доэллинистического времени афинские данные являются (и, наверное, всегда останутся) решительно преобладающими над сведениями из всех остальных полисов, и здесь нам приходится исходить из состояния источниковой базы. Но к V в. до н.э. сказанное относится в наибольшей степени.

Начало классической эпохи в Элладе можно уподобить (воспользуемся метафорой, может быть, слишком красивой для научной работы) утру, когда на небосводе исчезают звезды и над горизонтом появляется солнце. Если архаический греческий мир представлял собой сложный конгломерат многих центров политической, экономической и культурной жизни, значение и влияние которых было примерно сопоставимо друг с другом, то V в. до н.э. проходит всецело «под знаком Афин». Сказанное, конечно, не означает, что остальные полисы утратили всякую историческую роль. Это очевидным образом не так: достаточно вспомнить, что, скажем, в военном отношении, Спарта была ничуть не слабее, а в конечном счете оказалась даже сильнее, как показали итоги Пелопоннесской войны. Дело несколько в другом. В V в. до н.э. Афины (и, насколько можно судить, только они) зарекомендовали себя, пожалуй, единственным в своем роде по-настоящему креативным центром. Эта уникальность

[2] Правда, провести четкую хронологическую грань между материалом предыдущего и этого выпусков не представляется возможным. Так, первый выпуск завершался биографией Мильтиада; во втором речь пойдет об Аристиде и Фемистокле. Эти последние, хотя и не принадлежали к одному поколению с Мильтиадом, но были все же его современниками. Одной из самых сложных стоящих перед нами задач в плане изложения будет необходимость по возможности избегать повторений, поскольку политики, о которых пойдет речь, участвовали в одних и тех событиях. Впрочем, совершенно обойтись без такого рода «накладок» окажется, видимо, невозможным, и автор вполне отдает себе в этом отчет.

Афин, непохожесть их на то, с чем приходилось ранее сталкиваться эллинам, осознавалась уже современниками. Уместно будет процитировать один пассаж из Фукидида (I. 70), в котором великий историк устами коринфских послов, обращающихся к народному собранию в Спарте, дает меткую и точную характеристику жизненного стиля афинян. Вот что говорят коринфяне, естественно, относящиеся к Афинам с ярко выраженной неприязнью, но при этом воздающие им должное как сильному и опасному врагу:

«Вероятно, вам еще никогда не приходилось задумываться о том, что за люди афиняне, с которыми вам предстоит борьба, и до какой степени они во всем несхожи с вами. Ведь они сторонники новшеств (νεωτεροποιοί), скоры на выдумки (έπινοήσαι οξείς) и умеют быстро осуществить свои планы... Они отважны выше сил (παρά δύναμιν τολμηταί), способны рисковать свыше меры благоразумия (παρά γνώμην κινδυνευταί), не теряют надежды в опасностях... Они подвижны (άοκνοι), вы — медлительны. Они странники (άποδημηταί), вы — домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть. Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. Жизни своей для родного города афиняне не щадят, а свои духовные силы отдают всецело на его защиту. Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достояния (οικείων στέρεσθαι ήγοΰνται), а каждое удачное предприятие для них — лишь первый шаг к новым. Если их постигнет какая-нибудь неудача, то они изменят свои планы и наверстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, потому что исполнение у них следует непосредственно за желанием. Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоянием, так как желают еще большего. Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие (ήσυχίαν άπράγμονα) столь же неприятно им, как самая утомительная работа (άσχολίαν έπίπονον). Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его (μήτε αυτούς εχειν ήσυχίαν μήτε τους άλλους ανθρώπους έάν)».

Конечно, мы могли бы с той же целью привести выдержки из более знаменитого текста — «Надгробной речи Перик-

ла» у Фукидида[3]. Но нам представлялось более интересным процитировать пассаж, в котором отразился взгляд на афинян извне, со стороны, а не изнутри. Безусловно, здесь необходимы оговорки. Речь коринфян была либо сочинена самим историком, либо, даже если в ее основе лежал какой-то аутентичный памятник, подвергнута им весьма значительной риторической обработке. И естественно, Фукидид, будучи горячим патриотом своего полиса, постарался — даже от лица врагов — изобразить его, в общем-то, в благоприятном свете[4]. Тем не менее хотя бы в интересах правдоподобия он должен был попытаться достаточно достоверно представить для читателей, как воспринимались Афины жителями других греческих государств.

[3] Из последней литературы о речи см.: *Bosworth A.B.* The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // JHS. 2000. Vol. 120. P. 1-16; *Balot R.* Pericles' Anatomy of Democratic Courage // AJPh. 2001. Vol. 122. P. 505 - 525; *Winton R.* Thucydides 2, 37,1; Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. 2004. Bd. 147, H. 1. S. 26-34. Кстати говоря, сама эта речь *(Thuc.* II. 35-46) ставит более серьезные проблемы, чем обычно считается. Как правило, ее рассматривают в качестве вдохновенного гимна во славу афинской демократии. Однако не следует забывать о том, что сам Фукидид не был в числе горячих сторонников радикально-демократической формы правления. Ср.: *Hanson V.D.* Introduction // LT. P. X, Его идеалом являлась скорее умеренная олигархия; не случайно режим «Пяти тысяч», установленный в 411 г. до н.э., оценивается историком (VIII, 97. 2) исключительно высоко. Возникает некоторое противоречие, и приходится задуматься над вопросом: а насколько искренне на самом деле Фукидид симпатизировал Периклу? И не пронизаны ли его «перикловские» пассажи иронией? Как минимум два обстоятельства, кажется нам, могут косвенно свидетельствовать об этом: 1) Перикл говорит в «Надгробной речи»: «Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу» (II. 45. 2); но ведь тогдашняя супруга «афинского олимпийца», Аспасия, всем своим образом жизни являла полное противоречие этому тезису. 2) Перикл восхваляет афинскую демократию как строй, при котором «городом управляет не горсть людей, а большинство народа» (И. 37 .1); а несколько ниже (II. 65. 9) Фукидид замечает, что при Перикле в Афинах «по названию... было правление народа, а на деле власть первого гражданина». Эти противоречия бросаются в глаза современному читателю и, следует полагать, точно так же были заметны читателям античным. Да и в целом странно было бы, если бы Фукидид, выходец из рода Филаидов и родственник Кимона, оказался вдруг в лагере своего потомственного противника.

[4] У Фукидида вообще объективность нередко отступает на второй план перед патриотизмом. См. многочисленные примеры этого в работе: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.

«Афинский эксперимент» V в. до н.э. был в полном смысле слова прорывом за пределы традиционного полисного социума. Противники Афин часто употребляли по отношению к ним словечко πολυπραγμοσύνη, буквально «многоделание, хлопотливость, суета». Это звучало как ругательство. И все же именно πολυπραγμοσύνη сделало Афины Афинами. Не случайно на протяжении большей части рассматриваемого здесь столетия «город Паллады», как магнитом, притягивал к себе лучшие, наиболее деятельные и интеллектуальные человеческие ресурсы со всего эллинского мира. Это, наверное, был первый в мировой истории случай «утечки мозгов». Видные деятели древнегреческой культуры (почти все они, независимо от места своего происхождения, были в это время хотя бы раз на протяжении жизни как-то связаны с Афинами), насколько можно судить, находили в афинском полисе конгениальную себе среду. Правда, в определенный момент (в последней трети V в. до н.э.) мы обнаруживаем всплеск острой реакции против этих интеллектуалов — вплоть до репрессий в форме судебных процессов о так называемом «нечестии». Но это, несомненно, был уже признак начинающегося кризиса[5] — кризиса, в ходе которого, уже в IV в. до н.э., Афины перестали быть «солнцем Эллады» и уравнялись с другими полисами[6].

Говоря же о времени расцвета, о периоде Пентеконтаэтии (480 — 431 гг. до н.э.), необходимо отметить следующее: характерно, что в отличие от философов, художников и поэтов политические деятели из других городов отнюдь не устремлялись в Афины. Наверное, многие из них и не отказались бы от такой карьеры, однако путь в афинскую политику для них оказывался практически полностью закрыт, поскольку политикой можно было заниматься только в своем полисе, гражданином которого то или иное лицо являлось. Известны, конечно, случаи натурализации. Так, в первой половине V в. до н.э. определенную роль в афинской политической жизни играл фессалиец Менон[7], а ближе к концу того же столетия — Гераклид из Клазомен[8]. Однако, во-первых, такие случаи были редкими исключениями, а, во-вторых, речь

[5] См. об этом подробнее: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М„ 2002.

[6] *Davies J.K.* The Fourth Century Crisis: What Crisis? // AD. S. 35.

[7] *RaubitschekA.E.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. Vol. 24, N4. P. 286-289.

[8] *Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ, 2000. № 3. С. 87 - 88.

идет, как читатель может заметить, о политиках далеко не первого ранга.

В связи с громадной ролью Афин в жизни Греции на рассматриваемом хронологическом отрезке можно говорить скорее о другом феномене. Любой ведущий афинский политический деятель тем самым уже становился фигурой панэллинского масштаба. Имена Аристида и Фемистокла, Кимона и Перикла, о которых будет говориться в этой книге, были на слуху, наверное, у любого грека. В сущности, в каком-то отношении политическая история Древней Греции V в. до н.э. — это история афинских политиков. Во всяком случае, рассказывая о них, мы не минуем практически ни одного сколько-нибудь важного события, имевшего место в греческом мире.

Безусловно, в складывание такого положения вещей, в афинское преобладание периода высокой классики внесла свой огромный вклад демократия, установившаяся и развивавшаяся в «городе Паллады» как раз в это время. Поэтому нам представляется уместным, открывая книгу вводной главой общего характера, посвятить эту главу именно афинской демократии.

* * *

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить коллег — сотрудников Отдела древней истории Института всеобщей истории РАН: Л.П. Маринович, С.Г. Карпюка, А.А. Молчанова, С.Ю. Сапрыкина, А.Л. Смышляева. Они взяли на себя труд прочесть книгу в рукописи, на обсуждении высказали ряд ценных советов, предложений и замечаний. Многие из этих замечаний были нами учтены при дальнейшей работе над текстом; в то же время в каких-то вопросах мы предпочли остаться при своем мнении. В любом случае вышеперечисленные исследователи не несут никакой ответственности за недостатки, которые могут обнаружиться в книге: таковые следует относить всецело на счет автора.

Глава I

АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В V в. до н.э.

Пожалуй, во всей античной истории (во всяком случае, в древнегреческой) нет феномена более известного в веках, оказавшего большее влияние на последующие эпохи и соответственно привлекавшего более пристальное внимание исследователей, нежели классическая афинская демократия. Было бы бессмысленно пытаться перечислить, хотя бы с некоторым приближением к полноте, посвященные ей работы, пусть даже выходившие только за последнее время; одних монографий среди них, нужно полагать, несколько десятков, не говоря о сотнях, если не тысячах, статей[1]. Определен-

[1] Поэтому мы ограничимся указанием на некоторые важнейшие монографические исследования из числа недавних: *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985; *Mosse C.* La democratie grecque. P., 1986; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989; *Idem.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; *Idem.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999; *Hansen M.H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989; *Idem.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995; *Chätelet F.* Pericles et son siecle. P., 1990; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; *Sinclair R.K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxford. 1991; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991; *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991; *Davies J.K.* Democracy and Classical Greece: 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1993; *Sealey R.* Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. Oxford, 1993; *Bleicken J.* Die athenische Demokratie: 2. Aufl. Paderborn, 1994; *O'NeilJ.L.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995; *Levi M.A.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996; *Welwei K.-W.* Das klassische Athen:

ным стимулом для интенсификации работы антиковедов на этом направлении послужил отмечавшийся не столь давно 2500-летний юбилей реформ Клисфена и рождения демократического устройства в Афинах.

Равным образом было бы наивно надеяться на то, что в данной вводной главе к книге (главе, неизбежно представляющей собой краткий очерк) нам удастся сказать что-то принципиально новое об афинской демократии. И тем не менее необходимость в таком очерке, как нам представляется, все-таки есть. Во-первых, прежде чем перейти к конкретному разговору о политиках и их деятельности, нужно все-таки попытаться определить по возможности четко и недвусмысленно, в условиях какой политической системы им приходилось работать, какими специфическими чертами и принципами эта система характеризовалась. Во-вторых, очерк о классической демократии не помешает уже потому, что в отечественной историографии этот крут сюжетов освещен (признаться, по не вполне понятным нам причинам) несравненно слабее, чем в западной. В частности, ощущается очень болезненный дефицит именно в общих описаниях феномена[2].

Прежде чем перейти непосредственно к этому описанию, представляется необходимым сделать ряд принципиальных оговорок. Прежде всего, как видно уже из заголовка главы, речь здесь пойдет об афинской демократии в V в. до н.э. — ведь именно таковы, повторим, хронологические рамки книги. Это важно учитывать, поскольку два столетия демократии — весьма четко отграниченные друг от друга внутренним кризисом и олигархическими переворотами времен конца Пелопоннесской войны[3] — являют собой несомненную специфику с точки зрения как институциональной стороны, так и определяющих черт общественной жизни[4]. Народовластие в афинском полисе на протяжении IV в. до н.э. было во многом не таким, как в предшествующем столетии. Но об этом пока не место говорить. Возможно, время для такого разговора наступит в третьем выпуске нашего исследования, когда мы перейдем к соответствующему хронологическому периоду. Равным образом пока вряд ли уместно рассмотрение вопроса о, так сказать, «качественном» соотношении двух этапов истории демократии, о том, являлся ли второй из них упадком или «совершенствованием», шагом назад или вперед по сравнению с первым. А в данный момент лишь оговорим, что в историографии, как зарубежной, так и отечественной, наибольшее внимание привлекают проблемы политической системы и политической борьбы как раз в IV в. О «веке Перикла» ныне пишут реже и меньше, нежели о «веке Демосфена» (хотя, бесспорно, ценные работы имеются и на этом исследовательском поле[5]). Впрочем, многие

Demokratie und Machtpolitik im 5, und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999; *Hornblower S.* The Greek World 479-323 BC: 3rd ed. L,; N.Y., 2002. Перечень получился достаточно объемным; тем не менее он не просто далек от исчерпывающего, но включает в себя лишь небольшую долю книг об афинской демократии. А ведь мы еще не указываем появившихся в последние годы статей в журналах и сборниках.

[2] Вплоть до того, что потребовалось переиздание известной книги В.П. Бузескула об афинской демократии *(Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб., 2003), а книга эта, - бесспорно, хорошая, но все-таки уже почти столетней давности. Не хочется верить, что тем самым российское антиковедение расписалось в своей неспособности создать книгу на эту тематику, которая освещала бы ее на современном уровне. Ведь у нас есть прекрасные, высококомпетентные специалисты в указанной области, авторы ряда очень ценных работ. Укажем среди них следующие: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991; *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII - V ВВ. ДО н.э.). СПб., 2002; *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. В этих работах предметом анализа становятся те или иные аспекты истории и функционирования афинской демократии, а не весь этот феномен в своей целостности. Очень важны также статьи и комментарии в сборнике текстов: Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996.

[3] Из новой литературы об этих переворотах см.: *Lehmann G.A.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen, 1997; *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Leipzig, 1998; *Heftner H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.

[4] Лучше, чем кто-либо, это, как нам кажется, продемонстрировала Клод Моссе в ряде небольших, но очень важных работ: *Mosse C.* De l'ostracisme aux proces politiques: le fonctionnement de la vie politique ä Athenes // Istituto universitario Orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 9—18; *Eadem.* La classe politique ä Athenes au IVeme siecle // AD. S. 67 - 77.

[5] Важнейшими из них представляются нам монографии: *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971; *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979; *Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993.

наблюдения, сделанные на материале IV в. до н.э., сохраняют силу также и применительно к веку V, поскольку наряду с переменами имели место и значительные элементы континуитета.

Далее, нужно специально подчеркнуть, что речь здесь пойдет в большей степени об общих принципах, а не о том, как они конкретно воплощались в жизнь, как «работали» на практике. В результате изложение может показаться несколько абстрагированным, оторванным от живой повседневности. Как известно, принципы отражают в себе некий идеал, а идеал и реальность — далеко не одно и то же. Перикл в «Надгробной речи», рисуя картину Афин как образцового демократического полиса, естественно, ни словом не упоминает ни о каких сопутствующих теневых сторонах. Тщетно было бы искать в этом памятнике сведений, скажем, о сикофантах — при том, что об их существовании Перикл к 431 г. до н.э., после прямо коснувшихся его судебных процессов Анаксагора, Фидия и Аспасии, просто не мог не знать. Но о конкретике пойдет речь в следующих главах. А перед этим, в начале, нам важнее как можно более четко оттенить именно принципы функционирования античного демократического устройства.

Наше внимание к принципам имеет, помимо прочего, обоснование методологического характера. Речь пойдет о специфике предмета исторического познания. В наиболее общем и простом виде проблему можно сформулировать следующим образом. Является ли для историка наиболее интересным то в обществах прошлого, в том числе и в древних, что объединяет, роднит их как друг с другом, так и с современными обществами? Или же, напротив, необходимо уделять особое внимание моментам особенного, неповторимого? Бесспорно, обе «стороны медали» представляются важными и нужными. Однако не скроем, нам все же ближе второй из названных подходов. Он представляется более актуальным, а в перспективе — более продуктивным. Все мы достаточно долго занимались тем, что есть общего в самых разных и непохожих социумах. И на этом исследовательском поле достигнуты значительные успехи. А теперь не будет ли уместным взять, так сказать, иной угол зрения и попытаться выявить как раз черты несходства даже в том, что выглядит очень близким?[6]

[6] Нам уже приходилось заявлять эту принципиальную методологическую позицию: См.: *Суриков И.Е.* Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской

Поясним свою мысль. Приятно, конечно, находить в античности элементы «общечеловеческого» (или того, что представляется «общечеловеческим» на данном этапе исторического развития[7]). Приятно, потому что это порождает ощущение (не иллюзорное ли порой?) давно и хорошо знакомого, сознание того, что люди во все времена были примерно одни и те же. В каком-то смысле это и действительно так, поскольку вид homo sapiens на доступном изучению временном отрезке, насколько можно судить, не подвергался существенным модификациям в биологическом плане, в том числе и с точки зрения своей психической организации. Но это такая банальность, что на ней вряд ли даже стоит долго задерживаться. А в то же время несомненно и то, что та же греческая полисная цивилизация в целом (коль скоро уж мы о ней говорим и будем говорить в контексте настоящей книги), по большому счету, явилась все-таки социокультурным миром, глубоко отличным от нашего. И мы гораздо лучше поймем греков, если станем тщательнее искать не «точки сходства», а «точки различия», не то, в чем они были такими же, как мы, а то, в чем они были *не такими* [8].

А если мы именно с этих позиций будем подходить к античности в целом и к античной демократии, главному объекту этой главы, в частности, то окажется, что различия оттенятся лучше всего именно на уровне принципов, а не повседневности, на уровне теории, а не практики. Подчеркнем: «лучше оттенятся» и «в большей степени присутствуют» — не одно и то же. Безусловно, при беглом взгляде на конкретику политической жизни в условиях античного полиса, в том числе и демократического полиса, на первый взгляд может показаться, что суть ее та же, что и в нынешнем мире, — борьба групповых интересов. На деле это неверно, что не столь давно убедительно продемонстрировал О. Меррей[9]. Некоторые положения, которые для современных госу-

цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 274.

[7] В свое время, как известно, находили в полисном мире, например, буржуазию и пролетариат. Впрочем, эти параллели не выдержали проверки временем и были по справедливости оценены как модернизаторские.

[8] В силу вышесказанного нам особенно близки методологические установки одного из величайших антиковедов XX в. — Мозеса Финли, который в своих работах не уставал подчеркивать именно черты, отличающие античные общества от современных.

[9] *Murray O.* Cities of Reason // GC. P. 20 f.

дарств воспринимаются как нечто само собой разумеющееся (например, «экономика определяет политику»), по отношению к древнегреческому миру будут просто вопиюще неправомерными. Однако на уровне конкретики нюансы такого рода находить значительно сложнее, и выводы окажутся не столь очевидными, поскольку неизбежна аберрация, порождаемая поверхностным сходством (не случайно и по сей день в антиковедческой литературе сплошь и рядом можно встретить упоминания о «партиях», хотя, как говорится, «уж сколько раз твердили миру...» о порочности подобной практики). Сопоставление же базовых принципов позволит увидеть специфику релевантных феноменов значительно яснее.

Наконец, последняя оговорка. Классическая античная демократия была системой многосторонней, многогранной. Нам неизбежно придется делать акцент на каких-то из этих ее «граней», обрисовывать их более отчетливо и выпукло, нежели другие. В связи с общей проблематикой книги этими вопросами приоритетного рассмотрения окажутся вопросы, связанные с особенностями политической борьбы в условиях демократического полиса. Но система на то и система, что каждый ее компонент существует не изолированно, а в тесной связи со всеми остальными. И об этом надлежит всегда помнить, по возможности избегая вырванной из контекста интерпретации тех или иных реалий.

* * *

Политическое устройство любого государства в значительной степени зависит от положения и роли основных имеющихся в нем социальных групп. Это положение в полной мере применимо и к демократическому афинскому полису V в. до н.э. Афинская демократия, появившаяся на свет в результате реформ Клисфена на рубеже архаической и классической эпох, на протяжении последующих десятилетий постоянно развивалась и модифицировалась, постепенно приобретая свою окончательную форму. Можно говорить о нескольких этапах или ступенях ее становления — «от Клисфена до Перикла»[10]. Вначале это была так называемая

[10] Об этом периоде развития афинской демократии и эволюции политической жизни в Афинах см., в частности: *De Sanctis* G. Da Clistene a Temistocle // RFIC. 1924. Vol. 52, fasc. 3. P. 289-306; *Ehrenberg V.* Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 264-297; *Knight D.W.* Some Studies in Athenian

«гоплитская демократия», имевшая в качестве своей главной опоры слой среднезажиточных крестьян, которые служили в фаланге (солоновский класс зевгитов[11]). К тому же это была еще и демократия с сильным аристократическим оттенком[12], который выражался в том, что высшие полисные должности по-прежнему находились в руках знатной элиты, и в силу всего этого демократия в достаточной мере умеренная и консервативная. Но в дальнейшем усилились ее радикальные элементы, возросло значение тех граждан, которые стояли по своему достатку ниже гоплитского статуса.

В частности, важную роль в радикализации демократического строя сыграла морская программа Фемистокла, реализованная в 80-е годы V в. до н.э. и приведшая к созданию мощного военного флота. Подробнее об этой программе речь пойдет ниже, в посвященной Фемистоклу главе; там же будут приведены ссылки на основные источники и литературу вопроса. А пока вкратце напомним: в качестве гребцов на афинских триерах использовались прежде всего представители низшего из солоновских классов — феты, беднейшие граждане, доходы которых не позволяли им приобрести паноплию и встать в ряды фаланги. Ранее они привлекались в полисное ополчение лишь в качестве легковооруженных воинов, играли вспомогательную роль и не определяли исход сражений. Соответственно и политическая роль этой части гражданского коллектива оказывалась весьма незначительной: ведь положение гражданина в античном полисе вообще

Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 5 — 42; *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. Vol. 1, N 2. P. 66-75; *Kinzl K.H.* Athens: Between Tyranny and Democracy // GEM. P. 199-223; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Op. cit.; Lorze *D.* Bürger und Unfreie im vorhellenistischer Griechenland: Ausgewählte Aufsätze. Stuttgart, 2000. S. 195-205; *Funke P.* Wendezeit und Zeitwende: Athens Aufbruch zur Demokratie // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr., Mainz, 2001. S. 1 - 16.

[11] По традиции мы называем имущественные классы «солоновскими», хотя велика вероятность того, что они существовали уже до Солона, а последний упорядочил их и привел в систему.

[12] «Аристократическая демократия», как ее иногда парадоксально называют. См., например: *Roberts J.T.* Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. Vol. 64, fasc. 3/4. P. 355-369.

в очень большой степени определялось именно его вкладом в военные предприятия государства.

Теперь же ситуация кардинально изменилась: поскольку основой афинских вооруженных сил являлся отныне флот, а не сухопутная армия, то и голос фетов в общественной жизни стал несравненно более весомым. Они получили моральное право влиять на судьбы полиса. Уже в силу этого демократия после Фемистокла была более ориентированной не на средние, а на наименее обеспеченные слои гражданского населения — и тем самым более радикальной. Тесная связь между возрастанием значения флота и движением демократического устройства от умеренных форм к крайним не ускользнула от внимания уже античных политических теоретиков[13].

Судя по всему, по инициативе того же Фемистокла в 487 г. до н.э. была осуществлена реформа архонтата: если раньше, со времен Солона, архонты избирались голосованием в народном собрании, то теперь их стали назначать по жребию. Эта чрезвычайно важная мера была порождена каким-то конкретным политическим контекстом[14], но имела большое значение в долгосрочной перспективе, причем значение двоякого плана. С одной стороны, новый способ комплектования коллегии архонтов быстро привел к тому, что на посту, считавшемся высшим в государстве, все чаще стали оказываться не видные политические лидеры, как прежде, а в сущности, почти случайные люди. А это, в свою очередь, становилось источником снижения реального значения архонтской магистратуры, а также и Ареопага, поскольку в состав последнего входили бывшие архонты. Таким образом, отступали на второй план институты, являвшиеся самыми

[13] Насколько известно, первым, кто эксплицитно отметил это, был Псевдо-Ксенофонт (Ath. pol. 1. 2): «Справедливо в Афинах бедным и простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли и дает силу государству...»

[14] См. о возможном контексте: *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 34. Несомненна связь с первыми остракофориями. См. о них в политическом контексте 80-х годов V в. до н.э.: Он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118 - 130. В наиболее общей форме можно говорить о борьбе Фемистокла со своими соперниками — представителями высшей знати Афин. Подробнее сопутствующие вопросы будут рассмотрены ниже.

древними в политии и по самой своей природе наименее совместимыми с народовластием. С другой стороны, введение жеребьевки на одном из ключевых участков политической системы само по себе знаменательно: как мы увидим чуть ниже, и дальнейшее развитие демократии сопровождалось нарастанием значимости принципа жребия.

Впрочем, нельзя сказать, что эволюция демократического устройства в Афинах была простой и прямолинейной. После отражения нашествия Ксеркса в 480 — 479 гг. до н.э. радикализация демократии почти на два десятилетия приостановилась, более того, процесс даже временно приобрел обратное направление[15]. Представитель знатнейшего (и, кстати говоря, издревле консервативно настроенного) аристократического рода Филаидов Кимон, в течение 70 — 60-х годов V в. до н.э. стоявший фактически у руля государства и пользовавшийся огромным влиянием по причине своих славных побед в Греко-персидских войнах, отнюдь не принадлежал к сторонникам увеличения роли демоса в жизни полиса. Ему куда больше по душе было жесткое государственное устройство Спарты, основанное на дисциплине и безоговорочном подчинении рядовых граждан властям. Кимон имел совершенно справедливую репутацию главного афинского лаконофила.

Следует сразу подчеркнуть: в корне неверно было бы считать Кимона принципиальным олигархом и врагом демократии[16]. Нет, демократия умеренная, демократия «клисфеновского» типа его вполне устраивала. А вот идти дальше нее он действительно не считал ни нужным, ни возможным. Отношение Кимона к демосу было проникнуто духом патернализма: лидер и его окружение проявляют демонстративную филантропию, оказывают «благодеяния» простонародью, а это последнее из благодарности послушно следует воле своих вождей. Вполне естественно, что в годы лидерства Кимона никаких реформ демократического характера в Афинах не проводилось.

[15] «Эпохой реакции» называет период 480 — 461 гг. до н.э. С.Я. Лурье. См.: *Лурье С.Я.* История античной общественной мысли: общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.; Л., 1929. С 156.

[16] О методологической неправомерности отождествления на афинской почве понятий «аристократы» и «олигархи» см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 22.

Кимона всячески поддерживал Совет Ареопага. Этот древний аристократический орган[17], чей «золотой век», казалось бы, остался в далеком прошлом, сумел возродить и укрепить свое положение, достойно проявив себя в тяжелую годину персидской опасности: в частности, именно ареопагиты пресекли панику и организовали эвакуацию жителей из Афин, когда Ксеркс в 480 г. до н.э. приближался к городу. После этого, воспользовавшись возрастанием своего авторитета, Ареопаг присвоил себе ряд важных политических функций, ранее ему не принадлежавших или, во всяком случае, давно уже им фактически не использовавшихся. Так, он стал проводить проверки (докимасии) граждан, избранных на государственные должности, принимать отчеты (эвтины) у магистратов по истечении срока их полномочий, судить тех должностных лиц, отчеты которых оказывались неудовлетворительными[18]. Совокупность происшедших в общественной жизни изменений, бесспорно, следует оценить как «шаг назад» в эволюции афинской демократии, ослабление радикальных тенденций и укрепление аристократического элемента в государственном устройстве.

Однако Кимону и ареопагитам лишь ненадолго удалось «подморозить» политик». Собственно, не может не броситься в глаза парадоксальная коллизия: в области военной организации полиса Кимон продолжал линию Фемистокла на укрепление флота. А это шло вразрез с его же внутренней политикой. Пресловутая «корабельная чернь», которую он мог недолюбливать, но на которую ему волей-неволей приходилось опираться, рано или поздно должна была взять свое. Следующий этап демократизации афинского полиса оказывался неизбежным.

[17] Ареопагу в последние десятилетия был посвящен целый ряд интересных работ. Укажем только монографические исследования: *Wallace R. W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989; *Вгиуп О. de.* La competence de l'Areopage en matiere de proces publics: Des origines de la polis athenienne ä la conquete romaine de la Grece (vers 700— 146 avant J.-C). Stuttgart, 1995; *Braun M.* Die «Eumeniden» des Aischylos und der Areopag. Tübingen, 1998.

[18] Перечень основных полномочий, которые Ареопаг сконцентрировал в своих руках после 480 г. до н.э. (так называемые «дополнительно приобретенные полномочия» — τά επίθετα, в отличие от «исконных» — τά πάτρια), см.: *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 44 — 45.

Этот этап начался в конце 60-х годов и продолжался приблизительно десятилетие. Политические противники Кимона, выдвинув лозунг увеличения роли демоса в управлении государством, набрали силу и в конечном счете сумели одержать верх над этим лидером. Эту группировку, как считается, возглавлял Эфиальт, но не исключено, что реальным ее «двигателем», пусть и не афишировавшим до поры свое истинное значение, уже в это время выступал Перикл — политик молодой, но уже пользовавшийся известностью благодаря славным предкам и в еще большей степени — благодаря выдающемуся ораторскому таланту[19]. В 462/461 г. до н.э. Кимон был изгнан из Афин остракизмом, а вскоре после этого (а, может быть, несколько ранее, но в любом случае в том же году) по предложению Эфиальта состоялась важная реформа Ареопага. Древний Совет лишился присвоенных им незадолго до того полномочий, которые были теперь распределены между более демократическими органами управления — народным собранием, гелиеей и Советом Пятисот.

В целом, по нашему мнению, значение реформы Эфиальта все же несколько преувеличивается в современной историографии: ее изображают как этапное событие афинской истории. Не следует забывать о том, что эта реформа имела совершенно конкретное, можно сказать, даже узкое содержание — не ликвидацию Ареопага, а лишь отнятие у него ряда функций, причем не свойственных этому органу изначально (т.е. в сущности, реставрацию ранее существовавшего порядка), — и не менее конкретный политический контекст — борьбу с группировкой Кимона, на стороне которо-

[19] Процитируем известный пассаж Плутарха (Pericl. 8): Перикл «...появлялся среди народа лишь по временам, говорил не по всякому делу и не всегда выступал в народном собрании, но приберегал себя, как Саламинскую триеру, по выражению Критолая, для важных дел, а все остальное делал через своих друзей и подосланных им других ораторов. Одним из них, говорят, был Эфиальт...» Описанная ситуация относится, безусловно, преимущественно именно к началу политической деятельности Перикла (о том же, кстати, говорит и упомянутое здесь имя Эфиальта): позже, когда он стал «первым гражданином», ему уже не было надобности прятаться за чью-то чужую спину. Заметим к слову, что и в целом подобная практика, когда видный лидер инициировал и проводил важное постановление посредством подставного лица, была достаточно распространенной в условиях афинской демократии. Известный декрет 425/424 г. до н.э. о резком повышении ставок фороса (IG.I[3].71) был предложен неким Фудиппом. Но мало кто сомневается в том, что реальным инициатором этой Меры являлся Клеон.

го в тот момент стояли ареопагиты. Вряд ли правомерно трактовать данное преобразование чрезмерно расширительно. Действительно, в тот период, о котором идет речь, в общественной жизни Афин произошли новые серьезные изменения. Но их логичнее связывать не с одной, отдельно взятой псефисмой Эфиальта (который, кстати, вскоре был убит при неясных обстоятельствах), а с целым комплексом мер, осуществленных после этого уже Периклом, и со ставшими их результатом процессами[20]. Эти меры составили собой целостную серию новшеств в политической жизни государства, каждая из них сочеталась с другими и дополняла их.

Чрезвычайно большое значение имел введенный по инициативе Перикла институт мистофории — оплаты деятельности должностных лиц[21]. Вначале плату за исполнение своих обязанностей стали получать судьи-присяжные в коллегиях гелиеи. Но за первым шагом не могли не последовать следующие: затем мистофория была распространена на членов Совета Пятисот, а затем, и на многие другие магистратуры. Это позволило значительно более активно, чем раньше, участвовать в политической жизни гражданам небольшого достатка, чем они, конечно, сразу же не преминули воспользоваться, понемногу лишая аристократию монополии на большинство государственных постов. В частности, в 457 г. до н.э. на должности архонтов, ранее доступные лишь представителям двух первых солоновских классов (пентакосиомедимнам и всадникам), было позволено избирать также зевгитов[22]. Феты, или беднейшие из афинян, такого права формально не получили, но фактически и они тоже могли становиться архонтами: выставляя свою кандидатуру на жеребьевку, фет просто умалчивал о принадлежности к низшему разряду граждан, и власти смотрели на это «сквозь пальцы» *(Arist.* Ath. pol. 7. 4).

Мистофория (во всяком случае, в таких широких масштабах) была из греческих полисов свойственна исключительно

[20] Ср.: *Bleicken J.* Die Einheit der athenischen Demokratie in klassischer Zeit // Hermes. 1987. Bd. 115, H. 3. S. 283.

[21] Есть мнение, что именно эта мера маркировала собой окончательное формирование классической демократии. См.: *Mosse C.* Inventing Politics // GT. P. 152.

[22] О ряде важных политических преобразований 50-х годов V до н.э., начиная с допуска зевгитов к архонтату, см.: *Arist.* Ath. pol. 26. 2 — 3. Впрочем, рассказ Аристотеля неполон и не учитывает некоторых значимых мер, о которых речь пойдет чуть ниже.

демократическим Афинам[23]. И дело здесь не только в функционировавшей в них системе развитого народовластия. Чтобы государство имело возможность оплачивать работу своих должностных лиц, необходима была какая-то компенсация этих расходов поступающими в бюджет доходами. Для нынешней политэкономии это элементарная вещь, но не будем забывать, что в условиях античного полисного мира средства пополнения бюджета, не говоря уже о его планировании, были еще практически не разработанными теоретически[24]. В финансовом отношении полисы, как правило, жили «сегодняшним днем», не слишком-то заботясь о будущем. Специфика Афин, однако, заключалась в том, что они *могли себе позволить* крупные траты, не окупавшие себя, постольку, поскольку имели после 478 г. до н.э. неисчерпаемый источник дохода — форос, поступавший от союзников по Делосскому союзу налог.

Форос и его влияние на внутренние процессы в афинском государстве V в. до н.э. — это отдельная и большая тема; вряд ли будет оправданным подробно останавливаться здесь на ней. Не можем не отметить только одно. Иногда можно встретить мнение, согласно которому форос не играл столь уж большой роли в истории Афин и демократии, какую ему обычно приписывают. Отмечается, в частности, что грандиозная строительная программа на Акрополе осуществлялась не только за счет ежегодных податей с союзных полисов, но и из других средств[25]. Но здесь необходимо видеть диалектику сложного процесса. Даже если допустить, что форос вообще не шел на строительство, — очень крупные суммы, направленные на него, могли быть высвобождены в бюджете *только за счет того,* что форос резко увеличивал сам этот бюджет. Выражаясь предельно простым языком, реальная демократия — весьма дорогая вещь. Эта политическая система — в определенном смысле роскошь, которую могут позволить себе только богатые государства. Этот тезис верен для наших дней, верным он был и применительно к

[23] Ср.: *Finley M.I.* The Ancient Economy. Berkeley, 1973. P. 173: оплата государственных должностей не зафиксирована ни в одном античном полисе, кроме Афин.

[24] Ср.: *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v. Chr. // AD. S. 557.

[25] Один из последних примеров: *Макарова О.М.* Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 17.

античности. В Афинах развилась реальная демократия - не в последнюю очередь потому, что Афины были очень богаты. А одним из главных источников этого богатства, — тут, думается, никто не будет спорить, — являлся пресловутый форос.

Вернемся к основной нити изложения. На том же временном отрезке (конец 60-х и 50-е годы) происходили изменения принципиального, демократического характера в системе судопроизводства[26]. Так, был осуществлен переход от открытого к тайному голосованию судей в гелиее. А это, вне сомнения, резко снизило возможности аристократии реально влиять на вынесение приговоров, воздействуя различными способами на рядовых граждан, заседавших в дикастериях. Далее, члены судебных коллегий, насколько можно судить, именно в это время стали назначаться по жребию. А жребий, как уже говорилось выше, считался в античности сугубо демократическим методом. Как писал Аристотель (Pol. 1294b8), выражая в данном случае общее мнение, «одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же — по избранию». Не только в гелиее, но и в целом в политической системе применение разного рода жеребьевок, особенно при выборах должностных лиц, все больше и больше интенсифицировалось.

С того же самого времени произошла значительная активизация деятельности народного собрания. Оно стало собираться чаще, чем прежде. По археологическим данным, около 460 г. до н.э.[27] на Пниксе, одном из холмов в центральной части Афин, был построен экклесиастерий — специальное сооружение для работы экклесии, оснащенное рядами скамей для граждан и трибуной для выступающих ораторов. До того экклесия собиралась на Агоре (рудиментом этого можно считать проведение там остракофорий вплоть до конца V в. до н.э.), а теперь, судя по всему, ставшие весьма частыми ее заседания создавали серьезные неудобства для других видов деятельности (в том числе для торговли) на этой главной городской площади Афин. Потому-то и возникла необходимость в переносе собраний в особое место, предназначенное только для этого и соответственным образом оборудованное.

[26] *Boegehold A.L.* et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995. P. VIII, 22.

[27] *Hansen M.H.* The Athenian Assembly. In the Age of Demosthenes. Oxford, 1987. P. 12-13.

Далее, именно с середины V в. до н.э. отмечается резкое падение реального значения солоновских имущественных классов, ранее занимавших центральное место в социальной градации гражданского коллектива[28]. Среди причин этого можно назвать отмечавшееся выше общее увеличение роли жребия в политической жизни, отмену предварительного избрания кандидатов перед жеребьевкой (πρόκρισις), а следовательно — снижение роли демов (и таким образом — аристократов, сохранявших традиционное влияние в демах) при определении состава органов власти: ведь πρόκρισις имел место именно на уровне дема. Нельзя не упомянуть и о введении в 453 г. до н.э. института «судей по демам» (δικασταί κατά δήμους) - разъездных судебных коллегий, отправлявшихся в сельскую местность и там разбиравших тяжбы между земледельцами. В сущности, здесь Перикл фактически скопировал учреждение, уже вводившееся за век до того Писистратом (*Arist.* Ath. pol. 16. 5), но, видимо, отмененное после свержения тирании. Цели обоих политиков были во многом схожими: подрыв авторитета знати на местах и в целом утверждение решительного приоритета центральных, общегосударственных органов власти над локальными. Крестьянин, даже из отдаленного дема, должен был ждать разрешения своих проблем не от родовитого соседа, а из Афин. По большому счету, на протяжении всей первой половины V в. до н.э. шло последовательное разрушение связей «патроната—клиентелы», доставшихся демократическому полису в наследство от архаической эпохи с ее аристократическим правлением.

Завершает и достойно венчает серию перечисленных выше новшеств известный закон Перикла о гражданстве, принятый в 451/450 г. до н.э. (*Arist.* Ath. pol. 26. 4; *Plut.* Pericl. 37; *Aelian.* Var. hist. VI. 10; XIII. 24)[29]. Следует сказать, что он

[28] *Schmitz W.* Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v. Chr. // AD. S. 573-597.

[29] Об этом законе см.: *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. N 155. P. 3 — 33; *Суриков И.Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 и след.

производит своеобразное и неоднозначное впечатление. Согласно этому закону, полноправными афинскими гражданами стали считаться лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу как по отцовской, так и по материнской линии (ранее происхождение матери при решении этого вопроса не учитывалось). При оценке закона о гражданстве следует иметь в виду, что многие аристократы издревле имели обычай вступать в брак с женщинами из других государств, порой даже негреческих. Так, женой Мильтиада и матерью Кимона была фракийская царевна Гегесипила. Теперь дети от таких «смешанных» браков теряли права афинского гражданства, что опять же наносило серьезный удар именно по знати. Для того же Кимона родство с домом монархов Фракии прежде было предметом законной гордости, а теперь то же самое обстоятельство оказывало ему дурную услугу, поскольку он мог подпасть под действие нового постановления; в таком случае не исключено, что лишь скорая смерть «спасла» его от атимии, лишения гражданских прав. Впрочем, мы не стали бы настаивать на этом тезисе, поскольку, строго говоря, неизвестно с достоверностью, имел ли закон ретроактивную силу.

Как бы то ни было, в результате принятия закона, о котором идет речь, гражданский коллектив Афин как бы замкнулся, превратился в привилегированное сословие «избранных», пользующихся всеми благами демократии. И в данном отношении Перикла, кстати, нельзя назвать наследником традиций Солона и Клисфена. Эти два выдающихся реформатора, напротив, активно способствовали принятию новых граждан в афинский полис. Наверняка они считали, что периодический приток «свежей крови» не повредит никакому государственному организму. Перикл, судя по всему, придерживался иного мнения, но главное и самое интересное даже не в этом, а в том, что народное собрание с энтузиазмом приняло закон. Перед нами один из парадоксов афинской демократии (а с парадоксами подобного рода нам не раз еще придется сталкиваться): демос, гордый свободой и равенством, которых он добился, отнюдь не желал делиться этими достижениями с какими бы то ни было «чужаками».

Закон Перикла, ужесточивший критерии гражданского статуса, не может, конечно, считаться импонирующим, но нельзя отказать ему в известной логичности. Демократический полис, постепенно конституируясь, все более четко

отграничивал себя от «внешнего мира», в том числе и в самой Аттике. В целом реформы Эфиальта и Перикла привели к тому, что к середине V в. до н.э. афинская демократия приобрела свой классический, законченный облик. Демос реально взял власть в свои руки, постепенно, но неуклонно избавляясь от «опеки» аристократов. Наступил знаменитый «Периклов век», время высшего внутреннего и внешнего расцвета Афин. Именно применительно к этому периоду следует вести речь об основных принципах античного демократического устройства, как они проявлялись в афинском государстве. Ведь именно тогда эти принципы были очерчены наиболее четко и ясно; именно тогда они, помимо всего прочего, стали предметом сознательной рефлексии (прежде всего в упоминавшейся уже выше «Надгробной речи Перикла»).

* * *

Афинская демократия не была самой первой в греческом мире. Еще до реформ Клисфена, в VI в. до н.э. демократические устройства спорадически возникали в некоторых других частях Эллады (в Мегарах, на Хиосе и др.)[30]. Однако именно демократия, сложившаяся в Афинах классической эпохи, стала, во-первых, самой развитой, сильной и яркой во всей античной истории, во-вторых, наиболее стабильной и долговечной, а не эфемерной, как демократии периода архаики (она просуществовала почти два столетия[31]), в-третьих, оказала, бесспорно, наибольшее влияние на всю последующую историю человечества. Многие ключевые категории

[30] Систематический обзор этих ранних демократий см. в кн.: *Robinson E.W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997. См. также: *Zimmermann H.-D.* Frühe Ansätze der Demokratie in der griechischen Poleis // Klio. 1975. Bd. 57, H 2 S. 293-298.

[31] Есть мнение, что даже дольше, что в действительности историю классической афинской демократии следует заканчивать не в 322 г. до н.э., как обычно делается, а около 260 г. до н.э. См.: *Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27 - 66. Но такая точка зрения не представляется оправданной. Бесспорно, государственное устройство афинского полиса и на протяжении эпохи эллинизма продолжало официально называться «демократией». Однако нужно, на наш взгляд, проводить четкое разграничение между формой, которая ведь может быть и фиктивной, и реальным содержанием. Не думаем, что в эллинистическом мире вообще была возможна демократия в своей классической форме.

(хотя, естественно, отнюдь не все), выработанные афинской демократией, легли в основу устройства современных демократических государств[32]. Иными словами, классическая афинская демократия являлась одним из самых крупных достижений политической практики античности. Отсюда и оправданный интерес к ее принципиальным чертам и характеристикам.

Не будем забывать еще и то (как говорится, last but not least), что в силу состояния источников из всех античных демократий только афинскую можно изучать со значительной степенью целостности и системности. Об остальных мы имеем в лучшем случае отдельные, разрозненные сведения, для афинской же возможно написание более или менее полной, детализированной истории.

Античная демократия предусматривала реальное, полномасштабное и непосредственное участие в управлении государством всего коллектива граждан. Это выражалось в принципе суверенитета (верховной власти) демоса, неограниченном характере полномочий народного собрания (экклесии)[33], которому были подотчетны все остальные государственные структуры.

При этом следует учитывать, что античная демократия, возникшая в полисных условиях, являлась прямой, а не представительной, как демократии современности[34]. Иными словами, высшую власть на деле осуществлял именно весь гражданский коллектив: он не делегировал своих властных полномочий какому-либо выборному органу типа парламента. Не существовало понятия «депутат». По сути дела, античная демократия выступала даже не столько формой государственного устройства и организации государственного аппарата, сколько формой наиболее полного и всестороннего вовлечения граждан в систему власти и управления государством.

Одним из основных принципов античной полисной демократии служило равенство всех граждан перед законом (исономия)[35], отсутствие привилегий у какой-либо группы гражданского населения по критериям знатности и богатства, не считая наличия имущественного ценза для занятия некоторых, незначительных по количеству, магистратур, например, должностей архонтов и казначеев, что являло собой отнюдь не правило, а мотивированное исключение. В целом, каждый гражданин имел равное право на активное участие в политической жизни.

Это обеспечивалось целым рядом эффективных механизмов. Среди них — обязательная коллегиальность отправления властных функций[36], уже неоднократно упоминавшееся нами широкое применение жеребьевки при выборах должностных лиц[37], постоянная ротация кадров в органах власти, обусловливаемая кратким сроком пребывания на государственной должности (один год)[38], свободное обсуж-

35 «Исономия» — в букв. пер. «равнозаконие». Этот термин имел настолько ключевое значение для характеристики демократического устройства, что на начальных этапах развития последнего (от Клисфена до середины V в. до н.э.) служил даже для его общего обозначения; слова δημοκρατία тогда еще не существовало (первые аллюзии на него встречаются у Эсхила, см.: *Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 18. Примеч. 13). Обратим внимание еще и на то, что из самого термина ισονομία видна огромная роль, какая придавалась закону (νόμος) в политическом дискурсе афинской демократии. См. по этому поводу: *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford, 1969.

[32] Ср.: *Copley G.R.* Natural Democracy. Democracy, Freedom, and Human Identity: Pericles' Gift to the Age of Globalization // Defense & Foreign Affairs Strategic Policy. 2005. Vol. 33, N 7. P. 4-7.

[33] Институт афинской экклесии получил всестороннее освещение в работах выдающегося датского исследователя М. Хансена и благодаря этому на сегодняшний день является, пожалуй, лучше всего изученным элементом полисного устройства Афин. Важнейшие из этих работ: *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976-1983. Copenhagen, 1983; *Idem.* The Athenian Assembly...; *Idem.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983-1989. Copenhagen, 1989.

[34] См. справедливое акцентирование этого тезиса: *Маринович Л.П.* Некоторые уроки афинской демократии // Античность и современность М„ 1991. С. 17.

[36] Подчеркнем еще раз, что речь идет о реалиях V в. до н.э. В следующем столетии допускались отступления от принципа коллегиальности. Так, некоторые важные финансовые магистраты, в том числе заведующие зрелищным (θεωρικόν) и военным (στρατιωτικά) фондами, избирались в единственном числе, sine collegis. Об указанных здесь магистратурах, являвшихся новшеством IV в. до н.э., см.: *Leppin H.* Op. cit. Но их существование — лишнее свидетельство того, что афинская демократия времен после Пелопоннесской войны достаточно значительно модифицировать по сравнению с предшествующим периодом.

[37] Должности заведующих зрелищным и военным фондами IV в. до н.э. и в данном отношении знаменуют собой торжество новых реалий и Подходов. По прямому указанию Аристотеля (Ath. pol. 43. 1), на эти посты избирали не жребием, а поднятием рук.

[38] И опять же, заведующие военным и зрелищным фондами в эпоху Демосфена и Аристотеля избирались на четыре года, «от Панафиней до Панафиней» (имеются в виду Великие Панафиней). Еще раз отступление

дение всех вопросов полисной жизни — от важнейших, до мелких, рутинных - в народном собрании, когда каждый гражданин пользовался полной свободой слова в дискуссии.

Коль скоро мы упомянули слово «свобода», нельзя не отметить: античная демократия, помимо равенства граждан, обеспечивала им также свободу, — разумеется, в рамках соблюдения законов. Однако в целом следует сказать, что в отличие от современных либеральных демократий, ставящих во главу угла права и свободы отдельной личности, демократия в древнегреческих полисах была в большей степени коллективистской и в первую очередь принимала во внимание интересы целого — всего государства коллектива граждан; отдельные же индивиды всегда должны были быть готовы на жертвы во имя этих общественных интересов.

Характерно, что свобода ограничивалась в основном рамками частной жизни. При переходе же в сферу общественной, политической деятельности принцип свободы отодвигался на второй план перед принципом ответственности. Даже самые высокие должностные лица не могли творить что-либо по собственному произволу. Они были полностью подконтрольны афинскому народному собранию. Даже всесильный Перикл, находясь на пике своего влияния и авторитета, каждый год давал демосу полнейший отчет в своей деятельности. Точно так же, разумеется, обязаны были поступать и все остальные магистраты. Если отчет по какой-то причине признавался неудовлетворительным (например, если выяснялось, что магистрат без необходимости израсходовал денежные суммы или превысил свои полномочия), «проштрафившийся» политик отдавался под суд. Впрочем, любое должностное лицо могли сместить и привлечь к судебной ответственности даже и до истечения срока своего пребывания у власти.

Демократия во многих полисах классической эпохи, и особенно в Афинах, оказалась чрезвычайно эффективной формой государственного устройства, наиболее адекватно соответствовавшей структуре гражданской общины и поэтому позволявшей в полной мере учитывать интересы различ-

от былых основ! Снова и снова убеждаемся в том, что разговор об афинской демократии в V и IV вв. до н.э. - это, в сущности, два разных разговора: базовые принципы изменились весьма существенно, многие высказывания, правомерные по отношению к первому столетию народовластия, во втором теряют свою силу.

ных слоев граждан, динамично реагировать на многообразные вызовы, как внешнего, так и внутреннего характера. Сказанное, конечно, не означает, что классическая демократия была «политической панацеей», дававшей абсолютную гарантию против любых кризисов. Идеальным государством демократический афинский полис нельзя назвать, — но ведь идеальные государства существуют только в утопиях, создаваемых теоретиками. А с другой стороны, характерно, что афинская демократия на протяжении долгого времени снова и снова возрождалась после потрясений и переворотов, как Феникс из пепла. И это демонстрирует ее удивительную жизненность, а значит — эффективность[39].

* * *

Что же касается недостатков, то они, несомненно, имелись. При всех несомненных положительных чертах афинской демократии, она все же не стала эталоном для последующих эпох в той степени, в какой она того заслуживала[40]. И не стала во многом именно потому, что этому государственному устройству был присущ ряд органических, неискоренимых пороков. Причем таких, которые представляются особенно нетерпимыми в наше время. Впрочем, хотелось бы подчеркнуть: афинскую демократию отнюдь не следует идеализировать, но другой крайностью, и тоже неправомерной, был бы слишком строгий суд над ней. Неисторично и поэтому недопустимо подходить к античным политическим системам с критериями сегодняшнего дня, предъявлять им завышенные требования, которым они удовлетворять заведомо не могут.

Так, отмечается (и во многом совершенно справедливо), что афинская демократия, да и любая античная демократия,

39 Г. Леманн специально подчеркивает, что и конечная ликвидация афинской демократии в последней четверти IV в. до н.э. была обусловлена не внутренним разложением этой политической системы, а чисто внешними факторами. См.: *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // AD S. 139-150.

40 Так, «отцы-основатели» США, составляя конституцию, которой надлежало лечь в основу нового государства, сознательно выбрали в Качестве модели не демократические Афины, а республиканский Рим. См.: *Roberts J.* Athenian Democracy Denounced: The Political Rhetoric of America's Founders // The Birth of Democracy. Athens, 1993. P. 164-167.

была, в сущности, «демократией для меньшинства». Она распространялась далеко не на всё население, живущее на территории государства. В Афинах никакими политическими правами не пользовались метэки, не говоря уже о рабах[41]. Женщины, хотя номинально и считались гражданками, участия в управлении полисом тоже не принимали. Фактически из жителей Аттики — а их общее количество для «Перикловa века» оценивается более чем в 300 тыс.[42] — всей полнотой гражданских и политических прав обладали лишь взрослые свободные мужчины, принадлежавшие к урожденным афинянам. Иными словами, те, кто входил в состав коллектива граждан, из кого комплектовалось народное собрание. А таковых набиралось, по разным подсчетам, от 45 до 60 тыс.[43], иными словами, не более одной пятой населения. Бесспорно, это была демократия для меньшинства!

Однако следует подчеркнуть: можно сколько угодно упрекать афинян за то, что они не предоставляли гражданских прав женщинам[44] и рабам. Но ведь иная ситуация в дохристианские времена, когда не сложилось еще представления о равенстве мужчин и женщин, рабов и свободных как человеческих существ, была бы просто немыслимой! А что касается метэков, то в этом пункте упреки по адресу афинской демократии выглядят особенно лицемерными[45]. В сущности, в любом современном государстве имеются свои метэки, только называют их более уничижительно — мигрантами. Естественно, на своем новом месте жительства они не располагают политическими правами; более того, меры по отношению к ним постоянно ужесточаются. Пожалуй, в Афинах

[41] Ср.: *Строгецкий В.М.* Место рабов, женщин и метеков в системе коммуникативных отношений в классическом полисе // Исседон. 2005. Т. 3. С. 101 — 107. В этой статье содержится, впрочем, ряд положений, с которыми мы никак не можем согласиться. Но здесь вряд ли место для развернутой дискуссии.

[42] *Hansen M.H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 12.

[43] *Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxford, 1997. P. 14. Впрочем, пожалуй, верхняя из обозначенных здесь цифр (60 тыс.) будет все же несколько завышенной.

[44] Впрочем, ср. мнение о том, что приниженное положение женщин в классических Афинах преувеличено: *Dimakis P.D.* Quelques remarques ä propos de la position juridique des atheniennes (Αθηίδες) ä l'epoque classique // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 221-231.

[45] *Hansen M.H.* Was Athens... P. 28.

метэкам жилось лучше, свободнее. Во всяком случае, им не приходилось бояться, что их в любой момент остановит полицейский-скиф и подвергнет унизительной процедуре проверки документов (тем более что и документов-то никаких не существовало).

Очень серьезным и отнюдь не голословным выглядит следующее обвинение, предъявляемое афинской демократии. Блеск и процветание классических Афин, особенно в «золотой век» Перикла, во многом зиждились на беспощадной эксплуатации городов, входивших в Афинскую морскую державу. Ведь, повторим еще раз, демократия — весьма дорогая политическая система, и ее реальное осуществление в любую историческую эпоху доступно далеко не всякому государству, а только богатому. Афиняне смогли воплотить в жизнь основные принципы демократического устройства не в последнюю очередь потому, что форос представлял собой неиссякаемый источник доходов, которые можно было направлять на различные нужды и расходы, порождаемые народовластием.

И опять же — все сказанное, конечно, верно. Но слишком строго судить афинян за их «империализм» — значит опять же впадать в лицемерие, применять двойные стандарты. И поныне сильнейшие демократические государства, во внутренних делах, для собственных граждан, руководствуясь принципами свободы и равенства, на внешнеполитической арене движимы совсем иными мотивами. Для них точно так же характерны империалистические тенденции: стремление навязать свои ценности и интересы более слабым членам мирового сообщества, борьба за зоны влияния, а в конечном счете — за достижение гегемонии, причем теперь уже не в бассейне Эгейского моря, а в глобальном масштабе. Перед нами реальный факт, как бы к нему ни относиться. Почему же античные Афины должны были вести себя иначе?

Подчеркнем снова и снова: мы ни в коей мере не хотим идеализировать афинскую демократию. Но не следует забывать: демократическое устройство полисов Эллады, прежде всего Афин, было первым в человеческой истории образцом подобной политической системы. Пробы и ошибки в самом начале пути оказывались просто неизбежны. И не порицать нужно афинян, а учиться на этих их ошибках. Так, в области внешней политики афинский опыт показал: даже со стороны самого прогрессивного и демократического «центра силы»

грубое и неприкрытое навязывание своего диктата другим государствам — а именно этим грешили Перикл и его сограждане в период расцвета Архэ, - чревато крахом всей системы, ее развалом от первого же серьезного толчка, как и произошло во время Пелопоннесской войны. И не спасли никакие красивые лозунги свободы и равенства. Об этом не помешало бы задуматься тем, кто претендует на роль «всеобщих благодетелей» и хочет насильно осчастливить народы.

Переходим к следующему пункту, по которому афинской демократии предъявляются серьезные претензии. Прямой характер этой демократии, при котором властными полномочиями располагал не выборный представительный орган, а весь коллектив граждан, приводил к тому, что она, бесспорно, обладала чертами непрофессионализма, некомпетентности[46]. Следует отметить, что провозглашаемые идеалы (как, впрочем, бывает и всегда) существенно расходились с действительным положением дел. Считалось, что народное собрание объединяет в себе демос во всей его совокупности. Однако все без исключения граждане, несомненно, даже физически не могли собираться на частые заседания экклесии. В этих условиях непропорционально большую роль в управлении государством могли при неблагоприятных условиях начать играть ничем не занятые деклассированные элементы. Такого рода эгоистичная и легковозбудимая масса была просто обречена на то, чтобы подпадать под влияние демагогов.

Проблема демагогов в целом значительно сложнее, чем представляется на первый взгляд. Здесь, в рамках вводной главы, мы не можем остановиться на этой проблеме подробно, но сказать о ней несколько слов, безусловно, необходимо: ведь демагоги были в известном смысле интегральным элементом политической системы афинской демократии в ее наиболее развитой форме[47]. Слово «демагог» служило в классической Греции для обозначения политических деятелей демократической ориентации. Этимология этого слова («вождь народа») выглядит вполне достойной; первоначально оно не имело присущего ему впоследствии столь негативного оттенка и могло прилагаться к политикам, чья деятельность оценивалась вполне положительно (Фемистоклу, Периклу и прочим)[48]. Однако в последней трети V в. до н.э., в эпоху кризисов, связанных с Пелопоннесской войной, слово несколько изменило свое значение и приобрело — уже навсегда — эмоциональную окраску. С этого времени демагогами назывались политики «низкого происхождения», использующие свой авторитет у демоса в личных, зачастую корыстных целях.

Изменение, о котором идет речь, отнюдь не случайно: оно тесно связано с политическими реалиями эпохи. Дело в том, что после Перикла лидерами афинской демократии оказывались по большей части не представители аристократии, как в предшествующую эпоху, а так называемые «новые политики» (термин Р. Коннора, оказавшийся очень удачным и прочно прижившийся в историографии). Это были лица незнатного происхождения, в основном богатые владельцы ремесленных мастерских. Они резко изменили весь тип политической культуры[49]. В качестве типичных образчиков демагогов античная традиция, как правило, называет известную «троицу» — Клеона, Гипербола и Клеофонта. Со времен древней аттической комедии (Аристофан, Евполид и другие) демагоги подвергались резкой критике; подчеркивались их дурные манеры, необразованность, наглость, распущенность, взяточничество, заискивание перед толпой. Политические теоретики (Платон, Аристотель) считали именно их в первую очередь ответственными за кризисное состояние греческих полисов.

[46] К V в. до н.э., о котором здесь идет речь, сказанное относится в наибольшей степени. В следующем столетии элементы профессионализма в государственном управлении Афин значительно возросли. См.: *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Krise oder Vollendung? // AD. S. 23.

[47] Ср.: *Hammer D.* Plebiscitary Politics in Archaic Greece // Historia. 2005. Bd. 54, H. 2. S. 126. Лучшим исследованием о демагогах остается монография: *Connor W.R.* Op. cit.

[48] Точно такая же эволюция, между прочим, имела место и в случае с некоторыми другими понятиями («тиран», «софист»). Первоначально они были семантически нейтральными, позже приобрели отчетливо негативные коннотации. Можно говорить о феномене своеобразной «лексической девальвации», характерном, кстати, не только для античности. См. по этому поводу: *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 115 и след.

[49] Не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой смена ведущего типа политического деятеля произошла позже, на рубеже V— IV вв. до н.э., а ближайшие преемники Перикла на деле ничем от него не отличались *(Hornblower S. A* Commentary on Thucydides. V. 1. Oxford, 1992. P. 346). Это мнение входит в противоречие с оценкой всей античной традиции, которая, следует полагать, имела свои весомые резоны.

Критиковать демагогов — нетрудная задача. Никто не будет спорить с тем, что они действительно поднаторели в искусстве направлять эмоции народа в нужное для себя русло, с тем, что демократия, ведомая демагогами, не раз принимала решения, на вид перспективные и заманчивые, но в действительности авантюрные и вредные для государства, с тем, что в отдельные моменты своей истории (хотя, подчеркнем, именно в отдельные моменты, а отнюдь не всегда) демократическое правление в Афинах имело тенденцию перерастания в настоящую охлократию, «власть толпы». Всё это верно, но это, так сказать, одна сторона медали. А другая заключалась в том, что совсем без демагогов прямая полисная демократия существовать, видимо, просто не могла.

При отсутствии политических партий[50] и средств массовой информации в собственном смысле слова политическое лидерство могло, в сущности, принимать две формы, которые могут быть охарактеризованы терминами «простат» и «демагог»[51]. Простат («предстоятель») — лидер старинного, аристократического типа (Солон, Писистрат, Клисфен, Мильтиад, Кимон), который, даже вставая во главе демоса, возвышается над ним, а демос соответственно смотрит на него «снизу вверх». Демагог (в наиболее распространенном понимании) — лидер, вышедший из народа, который действует «на равных» с остальными согражданами и которого они воспринимают как «своего», многое ему за это прощая. Этот тип политика впервые в полной мере проявился в лице Клеона[52] и стал ведущим со времен Пелопоннесской войны.

[50] *Родс П.Дж.* Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ. 1998. № 3. С. 19.

[51] Мы отдаем себе отчет в том, что у античных авторов (в частности, у Аристотеля в «Афинской политии») эти два термина в принципе могут употребляться как взаимозаменяемые (хотя элементарный статистический анализ немедленно показывает, что к политикам доперикловского времени в упомянутом трактате значительно чаще применяется первый из них, к политикам послеперикловского периода — второй). Как бы то ни было, представляется плодотворным в интересах теоретического анализа противопоставить друг другу термины «простат» и «демагог», поскольку такое противопоставление адекватно отражает различие между двумя основными типами политического лидерства. По поводу оппозиции «простат - демагог» см. также: *Фролов Э.Д.* Проблема традиционных оппозиций в греческой социальной терминологии // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 30.

[52] Хотя, строго говоря, отдельные черты этого типа (пока не воплотившиеся в целостную систему) видны уже в деятельности некоторых более ранних политиков (Фемистокла, молодого Перикла).

Он возник и не мог не возникнуть на определенной стадии развития афинской демократии, а именно тогда, когда она проявила все заложенные в ней потенции, прервав традицию аристократического лидерства. С некоего момента в политической жизни Афин уже не находилось места для простатов[53], его заняли демагоги, и не их в том следует винить, а объективные исторические закономерности.

Далее, тому же непрофессионализму управления способствовало и широкое применение жребия при избрании должностных лиц, когда на ответственных постах могли оказываться случайные люди. Впрочем, принципиальная позиция афинской демократии заключалась в том, что случайных людей вообще не бывает. Считалось, что любой гражданин тем самым уже достаточно образован, развит и компетентен, чтобы решать самые серьезные политические вопросы, что в этом деле нет какой-то особенной сложности, которая требовала бы специальной подготовки. Первым, кто поставил такой подход под сомнение (опираясь на собственное, оригинальное этическое учение) был, как известно, Сократ. Его призыв к профессионализации управления полисом (см. предельно четкую формулировку: *Xen.* Mem. I. 2. 9) для нас представляется чем-то само собой разумеющимся, но в свое время он звучал просто-таки революционно (или «контрреволюционно»?). Достаточно вспомнить, что предшественники и современники Сократа - софисты - были, напротив, «универсалами», а не «узкими специалистами», что они и сами стремились к максимальному охвату всех сторон бытия[54], и слушателей своих учили тому же.

Как бы то ни было, и в этом отношении реальность оказывалась тоже сложнее (и печальнее), чем идеальные прин-

[53] Последним, кто пытался играть эту роль, был «живой анахронизм» Алкивиад. См. об этом подробнее: *Суриков И.Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 5: Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198-225. Но, как бы он ни стремился заявить себя простатом, гражданский коллектив все равно воспринимал его как демагога: знатного и этим необычного, но все-таки демагога. С этим не в последнюю очередь связана историческая неудача всех начинаний и всей деятельности Алкивиада — лидера, что ни говорить, наделенного исключительными талантами.

[54] Вспоминается известный случай с софистом Гиппием *(Plat.* Hipp, min. 368b), который как-то появился на Олимпийских играх в оригинальном костюме, изготовленном им собственноручно. См. по этому поводу: *Vernant J.-P.* Myth and Thought among the Greeks. L., 1983. P. 301.

ципы. Дурных последствий непрофессионализма было все-таки более чем достаточно. Очень часто они давали о себе знать, в частности, в судебной системе. При функционировании афинских дикастериев[55] некомпетентность судей-присяжных, отнюдь не отличавшихся знанием законов, а судивших больше «по совести» (а это вырабатывало весьма своеобразный тип правосознания[56]), сплошь и рядом приводила к обилию несправедливых (при этом безапелляционных) приговоров и клеветнических доносов. Распространенными фигурами в демократических Афинах стали сикофанты — профессиональные доносчики, сделавшие своим ремеслом шантаж, вымогавшие у состоятельных граждан взятки под угрозой возбуждения против них судебного процесса, хотя бы по заведомо ложному обвинению. От сикофанта легче было откупиться, чем судиться с ним.

Античные греки, впервые в истории создав политическую систему демократии, вряд ли вообще могли предотвратить появление сопряженных с ней негативных черт. Нельзя, конечно, сказать, что ошибки прошлого никогда и ничему не учат. Современные демократические государства многое учли, от многих недостатков избавились. Так, в целом не привилась в нынешнем мире столь характерная для античности идея прямой демократии — «демократии непрофессионалов». В наши дни, как правило, пользуются механизмами демократии представительной. Хотя, впрочем, здесь не обойтись без существенных оговорок. В сфере правосудия многих стран прочно утвердился институт суда присяжных. А ведь он целиком и полностью основан на том, что приговоры обвиняемым должны выносить не специалисты-юристы, а обычные граждане, и руководствоваться при этом не столько буквой закона, сколько своей гражданской совестью. Суд присяжных, как нам прекрасно известно, - институт античного происхождения, ведущий свое существование из древнегреческой демократии. Его первый хорошо освещенный в источниках пример — афинская гелиея[57].

[55] Очень живое и детальное описание их работы на различных этапах истории афинской демократии см.: *Boegehold A.L.* et al. Op. cit. P. 21—42.

[56] См. о нем: *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 34-42.

[57] Хорошо известно, что суд присяжных ныне вызывает к себе неоднозначное, противоречивое отношение. И это касается не только нашей страны, где у него всегда (и в XIX в., и в наши дни) находилось более чем достаточно убежденных противников, но и мира в целом. Характерна

С другой стороны, не будем умалчивать и о том, что, избавившись от одних недостатков, современные демократические государства приобрели новые. В некоторых отношениях античная демократия представляется нам имеющей даже преимущество перед нынешней. Так, в классических Афинах власть широких масс граждан, власть народа (не будем забывать, что от этого словосочетания произошел и сам термин «демократия»[58]) была несравненно более полной и реальной, нежели в любом демократическом государстве наших дней, когда (если называть вещи своими именами) народу позволяется напрямую выражать свое мнение лишь достаточно редко (на выборах, референдумах), да и то в значительной степени фиктивно, а в остальное время, т.е. почти всегда, реальная власть находится в руках политических элит, имеющих тенденцию к олигархизации и увековечению своего положения.

острая дискуссия, имевшая место на международном симпозиуме по проблемам афинской демократии в итальянском городе Белладжо в 1992 г. Немецкий ученый Г. Тюр в своем докладе подверг критике афинские дикастерии за их непрофессионализм, а американские антиковеды полемизировали с ним, указывая, что его критика правомерна лишь с точки зрения европейской «континентальной» правовой традиции, но совершенно неоправданна, если принять за основу нормы права, существующие в США. См.: *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte - eine Sackgasse? // AD. S. 322 — 331, а также выступления участников дискуссии, помещенные после текста работы.

[58] Приходится удивляться, до какой степени об этом порой забывают, в частности в современной политологии. Не столь давно нам попалась в руки книжка: *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процесс. М, 1999. Ее автор претендует на то, чтобы использовать для своих построений материал не только современных обществ, но и различных эпох, в том числе и античной (при этом, естественно, ссылаясь на устаревшую литературу, грубо искажая греческие термины и т.п.). К каким же выводам он приходит? Оказывается, главное в демократии — не власть народа, это всего лишь «демократическая мифология». Главное в демократии — это «эффективная система переговоров, позволяющая поддерживать значительный запас легитимности политического режима». Вот как! Понятно, что с таких более чем странных позиций автор отказывает Афинам и вообще древнегреческим демократиям в праве считаться настоящими, полноценными демократами. А в качестве образцов демократического устройства прежних эпох выдвигает античный Рим и средневековую Венецию. Олигархический Рим и крайне олигархическая Венеция оказываются светочами демократии! Так пишут представители науки, служащей тому, чтобы быть руководством к действию для политиков-практиков. Не удивительно, что, опираясь на подобные рекомендации, нам строят под видом демократии новый тоталитарный режим. Демократия, в которой не остается места для власти народа... Это страшно.

Если бы (представим себе невозможное) удалось усилиями науки воскресить древнего грека, скажем Аристотеля, предоставить ему возможность познакомиться с существующими ныне демократическим устройствами и попросить дать их оценку, нет сомнений, что грек вообще не признал бы *ни одно* из современных государств демократией. Какая же это демократия, если народ почти никогда не влияет на принятие принципиальных решений? Это самая обычная олигархия, сказал бы грек, да еще и с примесью тирании. Ведь в демократических государствах наших дней, что скрывать, явно наличествуют «вождистские» элементы, проявляющиеся в весьма большом объеме власти «первого лица». Ничего подобного не наблюдалось в классических Афинах. В них нельзя обнаружить должности, хотя бы отдаленно сопоставимой с привычными для нас должностями президента или премьер-министра[59].

В условиях прямой демократии античности подавляющее большинство граждан (повторим это уже не в первый раз) постоянно, регулярно, а не от случая к случаю участвовало в управлении государством. Сам этот факт ставил очень серьезные границы влиянию элит — тех самых, которые в политической жизни современности имеют определяющее значение. В начале XX в. видный немецкий политолог Р. Михельс, проанализировав функционирование ряда тогдашних обществ, выявил интересную закономерность, которую он, может быть, слишком претенциозно назвал «железным законом олигархии». Согласно этому закону, любой политический строй, возникший как демократия, рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) фактически переродится в олигархический, пусть даже и сохраняя прежнее название. Произойдет это потому, что прямое господство масс технически невозможно. Обязательно возникнет необходимость в некоем особом общественном слое, который специально занимается организацией государственного управления. Это — «активное меньшинство», профессионалы — политики и администраторы; это — элита. А для элиты всегда характерны олигархические тенденции.

[59] Довольно распространено мнение, что «президентом афинской республики» может быть назван эпистат пританов. См., например: Латышев *В.В.* Очерк греческих древностей. [Ч. 1:] Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 204. Но это на самом деле очень слабая аналогия. Слишком малы были полномочия эпистата: по сути дела, он являлся чисто техническим сотрудником. Кроме того, эпистат избирался по жребию сроком всего лишь на одни сутки.

Применим ли к Афинам «железный закон» Михельса, выработанный совсем на другом историческом материале? Дж. Обер, углубленно занимавшийся политическими практиками афинской демократии, убежденно утверждает: не применим[60]. И мы с ним полностью согласны, во всяком случае, в отношении V в. до н.э., времени расцвета демократического полиса. Никто не будет спорить с тем, что политическая элита уже тогда существовала и действовала. Собственно, герои этой книги — ее яркие представители. Но, во-первых, эта элита действовала не путем каких-то закулисных манипуляций, как это столь часто бывает в наши дни, когда видимость волеизъявления народа оказывается лишь ширмой для решений, принятых на ином, «незримом» уровне; она действовала только посредством существующих «конституционных» механизмов[61]. Во-вторых, эта элита не проявляла (и просто не имела возможности проявлять) тенденцию к превращению в замкнутый, самодостаточный организм, монополизировавший власть[62].

Целый ряд уже перечисленных механизмов задействовался для того, чтобы правление народа было реальным, а не фиктивным, чтобы элита «знала свое место»: это и отсутствие суверенитета должностных лиц, и постоянные жеребьевки, ротация «кадров» в органах власти, и неукоснительная ответственность магистратов перед гражданским коллективом. Порой отношение державного демоса к своим лидерам не может не показаться просто-таки чрезмерно пристрастным: почти нельзя назвать видного афинского политического деятеля V в. до н.э., который на протяжении своей карьеры ни разу не подвергался бы опале[63]. Как ни был влиятелен и авторитетен Перикл, согражданам ничего не стоило, как только они того пожелали, со скандалом отправить «афинского олимпийца» в отставку (об этом речь подробнее пойдет в посвященной Периклу главе). Понятно, что в таких

[60] *Ober J.* Mass and Elite... P. 334.

[61] *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II... P. 267.

[62] А, скажем, в Риме такая замкнутая, самовоспроизводящаяся элита сложилась. См. интересные наблюдения по этому поводу в раб.: *Runciman W.G.* Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 347 — 367. Но ведь в Риме и не было развитой демократии.

[63] *Knox R.A.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and Its Treatment of Its Politicians // G&R. 1985. Vol. 32, N 2. P. 132-161.

условиях олигархические элементы не могли органично сформироваться внутри политической системы. Характерно, что сторонники олигархии, коль скоро такие появлялись, даже и не пытались как-то внедриться в эту систему и исподволь, изнутри преобразовать ее в своих интересах. Видимо, понимая, что это невозможно, они предпочитали тотально критиковать демократию, отрицать ее целиком и полностью, не находя с ней никаких точек соприкосновения[64], а на уровне практической политики — вести против нее подрывную деятельность посредством гетерий[65].

Итак, в «золотой век» афинской демократии «железный закон олигархии» не работал. В IV в. до н.э. опять же и в этом отношении наблюдаем новую картину: намечается формирование профессиональной политической элиты (οί πολιτευόμενοι)[66], пока еще под верховным контролем демоса. Полноценная олигархия (но, кстати, все-таки маскирующаяся под демократию и официально именующая себя таковой) установилась в Афинах в эпоху эллинизма[67].

Обратим внимание на то колоссальное значение, которое придавалось в общественной жизни демократического полиса ораторскому искусству, на тот колоссальный взлет, который это искусство пережило в классическую эпоху. Одним из важнейших талантов, требовавшихся от политического деятеля, было красноречие, умение убедить укомплектованные демосом органы государственной власти. Как известно, в современных демократиях ораторское искусство если и существует, то в роли не очень-то уже и нужного рудимента. Это относится даже к той области, где оно может проявиться наиболее ярко и полно, — к парламентским дебатам. Сколько бы ни блистал перлами красноречия парламентарий с трибуны, — подавляющее большинство его коллег все равно проголосует не по убеждению, а по директиве, данной им руководством их партий и фракций. Соответственно, парламент и на самом деле в известной степени превращается, соответственно своему названию, в «говорильню»,

[64] *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт - «старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 24 и след.

[65] *Суриков И.Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М, 1997. С. 89-99.

[66] См.: *Mosse C.* La classe politique...

[67] См. наиболее подробно о перипетиях этого процесса: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

а решения фактически принимаются заранее, в ходе кулуарного торга.

В классических Афинах подобная ситуация была — не скажем, что совершенно невозможной, но, во всяком случае, ненормальной. Высокое значение ораторского искусства и вообще власть устного слова были связаны с тем, что в условиях прямой полисной демократии оратор действительно *мог* убедить свою аудиторию в необходимости того или иного действия. Всё это способствовало реальному, а не номинальному демократизму политической системы. Принятие решений не предрешалось, не монополизировалось теми или иными «группами влияния». К тому же, в отличие от современных условий, масса граждан, голосующих в народном собрании, не была скована никакой партийной дисциплиной. Существовавшие политические группировки (о них на материале V в. до н.э. у нас еще будет возможность говорить подробнее в дальнейшем) имели небольшие размеры и включали в себя только политиков-профессионалов. Демос же голосовал так, как считал нужным. Это тоже препятствовало предварительным закулисным сговорам.

Не то чтобы таких сговоров совершенно не было. Случалось, тайно договаривались по тому или иному поводу и Перикл с Кимоном, и Никий с Алкивиадом[68] ... Но такие случаи были, с одной стороны, очень редкими, можно сказать, исключениями, а с другой — они почти ничего не гарантировали. Заключая политическую сделку, договариваясь, скажем, о солидарном голосовании «за» или «против» какого-либо законопроекта, политики все равно не могли с уверенностью обеспечить себе успех. Крайне сложно было таким способом повлиять на то, чтобы экклесия сделала требуемый выбор, поскольку политики (даже все вместе взятые) находились в ней в заведомом меньшинстве. По большей же части народное собрание принимало решение спонтанно, без какой-либо достигнутой заранее договоренности. Временами, особенно в годину внутренних и внешних кризисов, это приводило и к негативным эксцессам. Памятна ситуация одного из первых лет Пелопоннесской войны, когда после подавления восстания в Митилене афинская экклесия на

[68] Анализ перипетий одного из таких сговоров, пожалуй, наиболее известного, см.: *Суриков И.Е.* К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17-27.

одном своем заседании постановила учинить жесточайшую расправу над жителями этого лесбосского города, а на другом, буквально на следующий же день, отменила это постановление, приняв более мягкое.

Иными словами, трудно объективно оценить, какой способ принятия решений лучше: посредством ли предварительного кулуарного торга или непосредственно в ходе дискуссии и голосования. Но, во всяком случае, никто не будет спорить с тем, что второй способ демократичнее. Классической афинской демократией очень трудно было манипулировать в чьих-либо личных или групповых интересах. Не то чтобы совсем нельзя: политической системы, абсолютно не подверженной манипуляциям, наверное, никогда не существовало, нет и не будет. Но афинский полис страдал от этого зла несравненно меньше, чем любое современное демократическое государство.

И, наконец, напомним то, о чем чуть выше уже упоминалось: в демократических Афинах принцип свободы неразрывно сопрягался с принципом ответственности. В политических системах наших дней как раз об этом последнем по большей части забывают, и здесь нам тоже есть чему поучиться у афинян. Чрезвычайно разработанными были формы отчетности носителей власти, должностных лиц перед согражданами. Они, например, ни в коем случае не допустили бы, чтобы политический лидер, нанесший своей деятельностью государству огромный ущерб, после этого избежал наказания и спокойно доживал свой век «на пенсии», огражденный неким юридическим иммунитетом. Политик не только не получал никакой «неприкосновенности», — напротив, он попадал под еще более пристальный надзор общественного мнения и в случае нарушения существующих законов или норм подвергался особенно суровой каре. У кого много власти, с того больше и спросится; влияешь на судьбы государства — держи ответ за свои действия. Такова была осознанная позиция демоса.

Обратим внимание на то, что недостатки и достоинства афинской демократии были неразрывно сопряжены друг с другом в диалектическом синтезе. Эта политическая система являлась в высшей степени целостным феноменом, обладавшим огромной степенью единства и законченности — подобно классической скульптуре, геометрической теореме или силлогизму. В этом отношении ее следует признать, конечно, явлением абсолютно греческим по своему внутреннему духу.

* * *

Вряд ли имеет смысл в рамках монографического исследования подробно перечислять и характеризовать главные институты государственного устройства демократических Афин. Эти сведения можно найти в любом общем труде[69], даже в любом вузовском учебнике. Тем не менее сказать хотя бы несколько слов (естественно, не вдаваясь в детали) об институциональной стороне рассматриваемой нами политической системы все же необходимо, дабы у читателя сразу сложилось верное понятие о том историческом контексте, в котором будет развертываться дальнейшее изложение. При этом мы, естественно, ни в коей мере не претендуем на то, чтобы сказать здесь что-то новое. Мы ограничимся минимумом абсолютно неизбежной информации.

Как известно, для всех древнегреческих полисов была характерна такая общая, сближающая их черта, как наличие нескольких обязательных элементов государственного устройства, ключевых институтов[70]. Прежде всего нужно говорить о трех важнейших: народном собрании, Совете — постоянно действующем органе — и системе магистратур, полисных должностей. Они наличествовали, повторим, повсюду, но вот взаимное соотношение между ними различалось в каждом конкретном случае. Неодинаковыми были и способы назначения магистратов и членов Совета (выборы, жеребьевка, кооптация), разнились и критерии пригодности кандидатов (знатность происхождения, богатство, личные заслуги и прочее, либо та или иная комбинация этих критериев); в народное собрание могли включаться либо все граждане, либо какая-то их часть. По итогам действия перечисленных факторов в полисах устанавливались режимы умеренной или крайней олигархии, умеренной или крайней демократии. Какая картина наблюдается в данном отношении в классическом афинском государстве?

[69] Например, и по сей день не утратил своего значения систематический очерк демократического устройства Афин, содержащийся в давней, но чрезвычайно насыщенной кн.: *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 183 — 280. Но наиболее подробно см.: *Kührstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Stuttgart, 1934- 1936. Bd. 1-2.

[70] *Davies J.K.* Democracy without Theory // Herodotus and His World. Oxford, 2003. P. 325; *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 69 — 70.

В связи со строгим и неукоснительным соблюдением одного из основных принципов античной демократии — принципа суверенитета демоса — верховным, практически ничем не ограниченным (об одном значимом исключении будет сказано ниже) органом власти в Афинах V в. до н.э. являлось народное собрание — экклесия, охватывавшая весь круг взрослых совершеннолетних[71] граждан мужского пола. Экклесия со времени реформ Эфиальта — Перикла созывалась часто и регулярно. Нельзя утверждать с уверенностью, что уже в «Периклов век» существовала практика, принятая позже, во времена Аристотеля, и предусматривавшая четыре заседания экклесии в течение каждой притании *(Arist.* Ath. pol. 43. 3), т.е. 40 раз в год или в среднем примерно один раз в девять дней[72]. Фукидид (II. 22.1) сообщает, что Перикл в 431 г. до н.э., когда в Аттике стояло пелопоннесское войско, а в городе, переполненном эвакуантами, росло недовольство оборонительной стратегией, «не созывал народного собрания (ἐκκλησύαν) или какого-нибудь другого совещания (ξύλλογον), опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок». Очевидно, Перикл обладал какими-то конституционными механизмами, позволявшими ему «оттягивать» народное собрание, и строго фиксированного количества собраний для того или иного хронологического отрезка еще не существовало.

Именно экклесия рассматривала все сколько-нибудь важные вопросы государственной жизни как принципиального характера, так и относящиеся к сфере повседневной рутины и выносила по ним решения. Так, этот орган определял в деталях внешнюю и внутреннюю политику Афин, принимал и заслушивал иностранных послов, объявлял войну и ратифицировал мирные и другие межгосударственные договоры, контролировал финансы полиса, избирал должностных лиц

[71] Совершеннолетие в Афинах считалось наступавшим в 18 лет, однако принимать участие в политической жизни, в том числе выступать в народном собрании, гражданин мог лишь с 20 лет.

[72] М. Хансен, например, считает, что до 355 г. до н.э. в год проводилось 10 так называемых ἐκκλησίαι κυρίαι, а общее число народных собраний было нелимитированным. Есть, впрочем, и другое мнение, согласно которому сам институт ἐκκλησίαι κυρίαι был создан лишь после Херонейской битвы. См.: *Errington R.M.* Εκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135-160.

и рассматривал их отчеты о своей деятельности[73], принимал законы[74], выносил постановление об остракизме, надзирал за религиозной жизнью, проведением празднеств, учреждением новых культов. Одним словом, практически ни одно дело, имевшее хоть какое-то значение для полиса, не миновало афинского народного собрания. По сути, вопросов, исключенных из его компетенции, не существовало вообще. Равным образом не определялось и каких-либо границ его власти: ведь оно в полной мере воплощало собой государство[75].

Вообще следует заметить, что в античном полисе не существовало представления (сложившегося значительно позднее) о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Поскольку экклесия пользовалась абсолютной и неограниченной властью, она сосредоточивала в своих руках самые различные властные функции. Так, ей принадлежала, выражаясь современным языком, вся полнота законодательной власти; она же осуществляла и верховный контроль над властью исполнительной. Более того, для экклесии был характерен и ряд элементов судебной власти: она рассматривала на своих заседаниях некоторые типы судебных процессов, обычно политического характера (в частности так называемую исангелию[76]), а в принципе

[73] Оговорим: выборы должностных лиц относятся к тем из них, которые заступали на свои посты по голосованию, а не по жребию. Что касается отчетов, то не у всех магистратов они принимались непосредственно экклесией; для многих из них эту функцию выполняли другие органы власти демоса (Совет Пятисот, коллегии гелиеи). Тем не менее в принципе отчет любого должностного лица мог в конечном счете быть вынесен в экклесию.

[74] В V в. до н.э. еще не существовало четкого разграничения между понятиями закона (имеющего общий характер и применимого к различным ситуациям) и псефисмы (постановления по конкретному вопросу). Любой декрет экклесии немедленно обретал силу закона. См. по этому поводу: *Суриков И.Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1(11). С. 8 и след.

[75] Ср.: *Hansen M.H.* Was Athens... P. 20.

[76] Об исангелии см.: *Hansen M.H.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; *Rhodes P.J.* Εισαγγελία in Athens // JHS. 1979. Vol. 99. P. 109-114; *Carawan E.M.* Apophasis and Eisangelia: The Role of the Areopagus in Athenian Political Trials // GRBS. 1985. Vol. 26, N 2. P. 115—140; *Idem.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. Vol. 28, N 2. P. 167-208; *Bearzot C.* Anomalie procedurali ed elusione del 'nomos' nei processi per alto tradimento: 'eisanghelia' e 'asebeia' // CISA. 1996. Vol. 22. P. 71-92.

могла взять на себя вынесение приговора по любому судебному делу.

Местом проведения народных собраний в «Периклов век» являлся, как говорилось выше, Пникс. Впрочем, в некоторых случаях экклесия могла собираться и в каком-нибудь другом месте, например, на Агоре (когда целью собрания был остракизм), в театре (после праздника Великих Дионисий для подведения его итогов) или даже в Пирейском порту (если рассматривались вопросы, имевшие отношение к флоту)[77]. Принятие постановлений в экклесии происходило следующим образом[78]. Вначале оглашалась пробулевма — предварительный проект псефисмы, подготовленный в Совете Пятисот. Затем открывалась дискуссия, в которой выступить в поддержку или против пробулевмы мог любой желающий гражданин и которая зачастую была весьма бурной. После окончания обсуждения решение принималось путем общего голосования[79]. В подавляющем большинстве случаев голосовали открыто, путем поднятия рук (так называемая хиротония). В случае, если за псефисму отдавало свои голоса большинство присутствующих, она считалась принятой в целом, но тут переходили к предложению и обсуждению дополнений или поправок. По каждому из этих изменений первоначального текста тоже голосовали, и только после этого этапа псефисма становилась окончательным документом, немедленно обретающим силу закона и, как правило, фиксировалась в письменном виде на каменной стеле (специальное указание об этом встречаем в тексте многих псефисм).

Лишь в очень редких случаях, по отдельным вопросам, считавшимся наиболее важными (таким, например, как дарование гражданских прав лицу, ранее не являвшемуся афинским гражданином), могли прибегать к тайному голосованию[80]. В таких случаях афиняне опускали в урны так называемые псефы — аналоги современных бюллетеней. Вначале псефы представляли собой обычные камешки (собственно, именно таково исконное значение этого древнегреческого слова); впоследствии же в этом качестве стали применяться специально изготовленные из металла (обычно бронзы) небольшие диски с трубочкой посередине, цельной или имеющей сквозное отверстие. Таких псефов немало дошло до нашего времени; многие несут надпись ψήφος δημοσία[81].

Народное собрание созывалось хотя и весьма часто, но все-таки не ежедневно (это было бы и невозможно, поскольку парализовало бы все остальные сферы деятельности граждан), в связи с чем возникала необходимость в существовании постоянного, непрерывно функционирующего органа власти. Таким органом был Совет (βουλή)[82]. Созданный в ходе реформ Клисфена Совет Пятисот являлся одним из важнейших властных институтов, обладавший правом законодательной инициативы (так называемая пробулевтическая функция), рядом прерогатив исполнительной и судебной власти.

Члены Совета Пятисот (булевты) избирались по жребию сроком на один год из числа граждан не моложе 30 лет, принадлежащих к любому из четырех имущественных классов. В Совет входило по 50 человек от каждой из десяти клисфеновских фил. Уже применительно к более мелким подразделениям гражданского коллектива, демам[83], такого единообразия не наблюдалось: небольшие демы были представлены тремя — семью членами (некоторые, самые маленькие, —

[77] Возможны были и более экзотические варианты. Так, в 411 г. до н.э. народное собрание, легитимировавшее государственный переворот и передавшее власть в руки коллегии Четырехсот, заседало в Колоне — предместье Афин, в святилище Посейдона *(Thuc.* VIII. 67. 2). Созвать экклесию за городом — это была, скорее всего, сознательная задумка олигархов: ведь в сельской местности позиции радикальной демократии были заведомо слабее, чем в стенах Афин.

[78] См. описание процедуры: *Rhodes P J., Lewis D.M.* Op. cit. P. 11 - 34.

[79] Подробнее о практиках голосования в классических Афинах см.: *Staveley E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 78 ff.

[80] О таких случаях см.: *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia... P. 10 ff.; *Gauthier Ph.* Quorum et participation civique dans les democraties grecques // Cahiers du Centre Glotz. 1990. Vol. 1. P. 77 ff. Строго говоря, все эти случаи зафиксированы в источниках для периода не ранее рубежа V—IV вв. до н.э. Но, с другой стороны, мы не вправе e silentio исключать возможность того, что аналогичная процедура существовала уже во времена Перикла.

[81] О псефах см.: *Lang M.* Ballots // Boegehold A.L. et al. Op. cit. P. 82 — 90. В указанной работе разбираются и иллюстрируются преимущественно судебные псефы, применявшиеся в дикастериях. Однако, как можно догадаться, псеф — это такой предмет, который в большинстве случаев не допускает сколько-нибудь точного суждения о том, в каком конкретно органе он использовался.

[82] Об этом институте в Афинах существует классическая работа: *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. Oxford, 1972. См. также: *Woodhead A.G.* ΙΣΗΓΟΡΙΑ and the Council of 500 // Historia. 1967. Bd. 16, H. 2. S. 129-140. В отечественной историографии см.: *Суриков И.Е.* ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // SH. 2005. Т. 5. С. 3-22.

[83] См. их перечень: *Traill J.S.* The Political Organization of Attica. Princeton, 1975. P. 109 ff.

даже одним членом), более крупные — 10—17 членами (крупнейший дем Ахарны — 22 членами)[84]. Перед вступлением в должность избранные подвергались докимасии, которую проводил предыдущий состав булевтов, и приносили присягу. Со времен Перикла члены Совета получали жалованье за исполнение своих обязанностей. Заседания Совета Пятисот происходили ежедневно, кроме "праздничных (а так же так называемых «несчастливых» — αποφράδες) дней, в специальном помещении — булевтерии, находившемся на Агоре.

Важнейшим полномочием Совета являлось предварительное обсуждение повестки дня ближайшего народного собрания и подготовка пробулевм — проектов постановлений. Ни одна псефисма не могла быть принята экклесией, не пройдя перед этим через Совет Пятисот. Кроме того, указанный орган принимал отчеты у некоторых из должностных лиц и при необходимости направлял дело на рассмотрение в суд, вынеся предварительный приговор. Совет Пятисот играл важную роль во внешней политике государства, в частности представлял народному собранию иностранных послов. В компетенции Совета находились также многие текущие вопросы: так, он принимал участие в контроле над военной организацией полиса (вел списки граждан, служивших в коннице, следил за состоянием флота), организовывал военное обучение эфебов (юношей, только что достигших совершеннолетия)[85], надзирал за финансовой администрацией, отдавал на откуп государственные доходы, следил за поддержанием повседневного порядка в городе. Таким образом, полномочия Совета Пятисот представлялись весьма обширными. Однако демократический характер государственного устройства классических Афин проявлялся в том, что Совет был полностью подконтролен экклесии, которая могла отменить или утвердить любое принятое булевтами решение, имевшее сугубо предварительный характер.

[84] Поэтому, кстати, квоты булевтов для отдельных демов, вычисляемые по эпиграфическим данным, принадлежат к важным источникам по афинской демографии. См.: *Rhodes P.J.* Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens // ZPE. 1980. Bd. 38. S. 191-201.

[85] Об эфебии см.: *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М, 2001. С. 135 и след. Этот институт хорошо зафиксирован с IV в. до н.э., но не приходится сомневаться в том, что он не был тогда же и придуман. Эфебия имела древние ритуальные корни и, безусловно, существовала в той или иной форме уже в «Периклов век».

Для большей эффективности своей работы Совет Пятисот был разбит на 10 отделений (по количеству фил), каждое из которых поочередно являлось дежурным в течение одной десятой части года. Члены дежурного отделения Совета назывались пританами, а срок их дежурства — пританией. Именно на притании, как на основной единице, а не на традиционном месяце, строился афинский гражданский год[86]. Пританы председательствовали на заседаниях Совета и экклесии, а часть их во главе с эпистатом должна была нести круглосуточную вахту в Толосе — круглом в плане здании на западной стороне Агоры[87].

Кроме Совета Пятисот в Афинах продолжал существовать и древний Совет Ареопага. Но после реформы Эфиальта он превратился в чисто судебный орган, рассматривающий некоторые категории дел: об умышленных убийствах, о преступлениях против религии. Тем не менее авторитет Ареопага по традиции оставался высоким, а судебные процессы в нем имели ярко выраженный сакральный, торжественный характер.

Однако основой судебной системы демократических Афин являлся не Ареопаг, а созданная еще Солоном гелиея — суд присяжных[88]. В V в. до н.э. гелиея превратилась в один из важнейших элементов политической системы и сконцентрировала в своем ведении подавляющее большинство судебных дел. Она представляла собой огромный по

[86] *Samuel A.E.* Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiguity. München, 1972. P. 57 ff. В религиозной сфере, в частности, для определения сроков праздников, естественно, и в эпоху демократии продолжал использоваться календарь, основанный на месяце. См.: *Waerden B.L. van der.* Greek Astronomical Calendars and their Relation to the Athenian Civil Calendar // JHS. 1960. Vol. 80. P. 161 - 180.

[87] Пока нельзя считать окончательно разрешенным сложный вопрос о соотношении Толоса и пританея. Насколько нам представляется, это были два разных здания (ср. также: *Vernant J.-P.* Op. cit. P. 147). Толос - «детище» демократической эпохи, а пританей существовал со значительно более ранних времен. И находился он не на классической Агоре на Керамике, а в районе так называемой «Старой Агоры» (к востоку от Акрополя).

[88] О гелиее см.: *Ruschenbusch E.* Ηλιαία. Die Tradition über das solonische Volksgericht // Historia. 1965. Bd. 14, H. 3. S. 381 - 384; *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II... P. 219-262; *Idem.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215-243; *Boegehold A.L.* et al. Op.cit. Passim; *Thür G.* Op. cit.; *Welwei K.-W.* Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: Von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // GPAA. S. 15-29.

размеру орган, включая в себя около 6 тыс. судей (дикастов, или гелиастов). Столь большая численность (она особенно бросается в глаза по контрасту с небольшим по современным меркам гражданским населением афинского полиса) определялась с целью подчеркнуть и гарантировать демократический характер судопроизводства, а также во избежание подкупа присяжных со стороны тяжущихся сторон.

Для занятия должности дикаста имелось, в сущности, только одно ограничение — возрастной ценз в 30 лет. Оставаться в этой должности можно было в течение неограниченного количества лет[89]. Судьи ежегодно приносили присягу, а за свою работу получали жалованье. Судя по сообщениям античных авторов (наиболее информативна здесь комедия Аристофана «Осы»), большинство присяжных составляли небогатые граждане пожилого возраста. Для них разбирательство судебных дел подчас становилось едва ли не основным видом деятельности.

Понятно, что полный состав гелиеи мог заседать лишь крайне редко, в исключительных обстоятельствах. А как правило, в присутственные дни судьи разбивались на коллегии, которые, собственно, и назывались дикастериями (судами). Нормальная численность такой коллегии составляла 500 человек (позже - 501, во избежание «ничейного» исхода при голосовании[90]). Впрочем, было возможно, хотя и реже, также и меньшее (200 или 300 человек) или большее (1000 или 1500 человек[91]) количество. На судебном процессе обязательно председательствовало какое-либо должностное лицо (чаще всего это был один из архонтов). Впрочем, роль магистрата была чисто технической и, в сущности, сводилась к минимуму, являя собой рудимент тех (досолоновских) времен, когда магистрат вершил суд самолично и безапелляционно. Председатель даже не принимал никакого участия в вынесении приговора.

Судопроизводство в демократических Афинах имело ярко выраженный публичный, гласный и состязательный

[89] О способе комплектования гелиеи см.: *Суриков И.Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // ДП. 2000. № 1(6). С. 20 и след. (там мы полемизируем с распространенной точкой зрения о ежегодной жеребьевке 6000 дикастов).

[90] Уже на процессе Сократа (399 г. до н.э.) дикастерий состоял именно из 501 присяжного.

[91] Строго говоря, этот последний случай можно трактовать как совместное заседание двух или трех «нормальных» коллегий.

характер. Истец и ответчик выступали с речами перед судом. Следует отметить, что институтов государственного обвинения, прокуратуры и т.п. в полисном мире не существовало; даже в процессах публичного характера с обвинением выступало частное лицо, которое поэтому резоннее называть не обвинителем, а именно истцом. Равным образом отсутствовал и институт адвокатуры в привычном нам смысле слова; каждый из тяжущихся должен был самостоятельно отстаивать свою правоту, не делегируя эту функцию представителю. Самое большее, что позволялось, — привлечь к участию в процессе так называемых синегоров, дополнительных ораторов, которые помогали основному выступающему, приводя те доводы, которые он упустит[92]. После произнесения речей дикасты без какого-либо совещания выносили решение путем тайного голосования псефами. По итогам подсчета голосов оглашался приговор, который обычно тут же приводился в исполнение.

Приговор гелиеи был окончательным и не подлежал никакому пересмотру или опротестованию. В Афинах не существовало высшей судебной инстанции, в которую гражданин, считающий себя осужденным несправедливо, мог бы подать апелляционную жалобу. Даже всесильное народное собрание не контролировало дикастерий и никогда не отменяло их приговоры. Иными словами, гелиея занимала совершенно особое место в системе органов государственной власти демократического афинского полиса. Она, и только она, была неподотчетна экклесии. Это прекрасно понимали и сами присяжные, о чем свидетельствует, например, сле-

[92] В связи с подобной практикой в Афинах IV в. до н.э. получило широкое распространение ремесло логографа - платного составителя судебных речей. Написанная логографом речь заучивалась клиентом наизусть и произносилась на процессе. Не случайно, наверное, практически все выдающиеся мастера красноречия позднеклассической эпохи (Лисий, Исократ, Демосфен и другие) в течение того или иного периода своей деятельности подвизались на этом поприще. Одним из первых случаев, в связи с которым в источниках фигурирует логограф, был опять же процесс Сократа: свои услуги философу предлагал Лисий *(Diog. Laert.* II. 40-41), но Сократ ими не воспользовался. Для «Периклова века» мы не имеем каких-либо сведений о логографах; очевидно, в ту пору они не Пользовались еще сколько-нибудь значительной популярностью. Традиция называет первым логографом афинского оратора Антифонта, младшего современника Перикла. О синегорах и логографах см.: *Lavency M.* aspects de la logographie judiciaire ä l'epoque de Lysias // AC. 1957. Vol. 26, [n] 1. P. 125-135.

дующее высказывание Филоклеона из «Ос» Аристофана: «И отчета мы (т.е. дикасты. - *И.С.)* в том никому не даем, не в пример остальным учрежденьям»[93].

А с другой стороны, гелиея, напротив, контролировала деятельность экклесии, ограничивала ее полновластие и могла даже отменять принятые демосом законы и постановления. Осуществлялось это следующим образом: если народное собрание принимало псефисму, противоречащую действующему законодательству, любой гражданин мог подать в суд присяжных жалобу-протест на эту псефисму и на того политика, который составил и внес ее проект. В одном из дикастериев возбуждался судебный процесс особого типа, называвшийся γραφή παρανόμων («обвинение в противозаконии»)[94]. Коль скоро присяжные признавали претензии обвинителя правомерными, псефисма аннулировалась, а ее автор подвергался наказанию. Таким образом, можно сказать, что в определенной степени гелиея в Афинах играла (если пользоваться современными'терминами) еще и роль конституционного суда.

Данная функция суда присяжных порождает, кстати, определенные проблемы. Прежде всего, резонен вопрос: как и почему демократия позволяла, чтобы выше экклесии, которая наиболее полно воплощала гражданский коллектив, оказывался в определенных ситуациях другой орган власти? Дело, думается нам, в следующем. Гелиея со времен Солона, по сути, воспринималась не как отдельное учреждение, а как иная «ипостась» или разновидность той же экклесии, но только для тех случаев, когда она собирается с другой

[93] και ταϋτ' άνυπεύθυνοι δρώμεν των δ' άλλων ούδεμί' άρχή.

[94] Наиболее подробно о данном типе процесса см.: *Hansen M.H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense,1974. Часто считают, что первый процесс типа γραφή παρανόμων имел место лишь в 415 г. до н.э. См., например: *Lotze D.* II cittadino e la partecipazione al governo della «polis» // 1 Greci: Storia, cultura, arte, società. Torino, 1997. Vol. 2, II. P. 375; *Кудрявцева Т.В.* Афинская демократия и первые процессы по «жалобе на противозаконнее // Мнемон. СПб., 2003. Вып. 2. С. 95. Но здесь мы имеем дело с характерной аберрацией: к 415 г. до н.э. (дело Леогора, см. *Andoc.* I. 17) относится первый *зафиксированный в источниках,* а не первый в принципе случай такого рода; это все-таки не одно и то же. Введен же процесс γραφή παρανόμων был скорее всего в середине V в. до н.э., т.е. в период демократических реформ Эфиальта и Перикла. См.: *Gerner E-* Παρανόμων γραφή // RE. 1949. Hbbd. 36. Sp. 1281.

целью — не для принятия законов, постановлений или выборов должностных лиц, а для разбора судебных дел[95]. А значит, не один орган контролировал другой, а демос контролировал сам себя.

Наконец, одним из важных элементов политической системы афинской демократии являлись коллегии должностных лиц (магистратов)[96], осуществлявшие исполнительную административную власть. Количество этих должностных лиц в Афинах V в. до н.э. было весьма велико — по оценке Аристотеля (Ath. pol. 24. 3), может быть, несколько завышенной, до 700 человек, — а обязанности их весьма дробны и узки. Некоторые коллегии даже производят впечатление излишних, таких, без которых вполне можно было бы обойтись. Но необходимо помнить, что подобное рассредоточение полномочий предпринималось в целях предотвращения концентрации реальной власти в руках одного человека: ведь это могло повести к установлению тирании, чего очень опасались. Афинские должностные лица, как и магистраты всех греческих полисов, избирались, а не назначались. При этом большинство должностей нельзя было занимать одному лицу дважды в течение жизни (исключение делалось для военных магистратур). Как мы видели выше, ежегодно избирались также и члены Совета Пятисот, но этим последним переизбрание разрешалось, хотя и булевтом гражданин имел право быть не более двух раз. Выше уже неоднократно отмечалось, что при избрании на большинство должностей активно применялась система жеребьевок. Лишь те магистратуры, которые требовали специальной компетенции и функционирование которых пострадало бы от появления на них случайных людей (речь идет о должностях, связанных с ведением войн и организацией финансов), замещались не жребием, а открытым голосованием в экклесии.

[95] Ср.: *Rhodes P.J.* Εισαγγελία...; *Humphreys S.* The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano. Como, 1983. P. 237. Иную точку зрения, согласно которой экклесия и гелиея с самого начала мыслились как четко отделенные друг от друга институты, отстаивает М. Хансен *(Hansen M.H.* Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens // GRBS. 1978. Vol. 19, N 2. P. 111 - 120), но это мнение представляется гораздо более уязвимым.

[96] Наиболее фундаментальное исследование об афинских магистратах в целом см.: *Develin R.* Athenian Officials 684-321 B.C. Cambridqe, 1989.

Номинально высшими должностными лицами Афин продолжали считаться девять архонтов[97] — коллегия, доставшаяся в наследство от эпохи архаического, аристократического полиса[98]. Впрочем, в реальной ситуации V в. до н.э. архонты утратили значительную часть своей власти и выполняли в основном представительские, церемониальные функции[99]. Их полномочия включали, в частности, надзор за религиозной жизнью общины, организацию государственных праздников, председательство в судебных процессах.

Фактически же наиболее влиятельными магистратами в условиях афинской демократии стали десять стратегов[100]. На эту учрежденную при Клисфене должность можно было переизбираться неограниченное количество раз: так, Перикл занимал этот пост 15 лет подряд, а позже, в IV в. до н.э., полководец Фокион бессменно находился на нем чуть ли не полвека. Главной обязанностью стратегов было, естественно, командование войском, обеспечение обороны государства и руководство всеми его военными мероприятиями. Однако постольку, поскольку война играла огромную, можно сказать, имманентную и даже интегральную роль в жизни любого античного полиса и военная организация была неразрывно связана с гражданской, стратеги и в мирной жизни имели

[97] Строго говоря, со времени Клисфена в эту коллегию, несмотря на название, входили уже не девять, а десять членов: к эпониму, басилею, полемарху и шести фесмофетам добавился секретарь. См.: *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700 - 338 B.C. Berkeley, 1976. P. 155. Причина данного нововведения была, скорее всего, чисто технической: в связи со введением системы десяти фил возникла необходимость привести численность архонтов в соответствие с их количеством.

[98] Именно с этим связана специфика архонтата, его некоторая «инаковость» по сравнению с прочими магистратурами. Члены коллегий должностных лиц, учрежденных при Клисфене или позже, были абсолютно взаимозаменяемы; скажем, ни один стратег по своим функциям и объему полномочий ничем не отличался от своих коллег. С архонтами дело обстояло не так, прерогативы их были четко разделены, и сама коллегия имела в известной степени иерархический характер. Она так и не была органически инкорпорирована в демократический полис, «полис равных».

[99] Подробное перечисление функций архонтов см.: *Arist.* Ath. pol. 55 — 59. Данные Аристотеля относятся, естественно, к IV в. до н.э., но с 457 г. до н.э. и вплоть до конца классической эпохи институт архонтата не претерпел сколько-нибудь существенных изменений.

[100] О них см. монографические исследования: *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971; *Hamel D.* Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.

чрезвычайно большое, ключевое значение для политической системы. Можно без преувеличения сказать, что именно они на деле отвечали за решение большинства важнейших проблем, вставших перед Афинами. В частности, стратеги значительно чаще, чем любые иные должностные лица, вносили в Совет Пятисот и народное собрание проекты псефисм.

Вряд ли имеет смысл перечислять здесь все многочисленные коллегии магистратов, действовавшие в демократических Афинах. Эти конкретные детали все равно не принесут ничего принципиально нового в наше понимание античного народовластия. Вполне достаточно exempli gratia назвать и охарактеризовать лишь некоторые должности. Финансами государства управляли различные коллегии казначеев, каждая из которых имела свои обязанности. Так, в ведении десяти «казначеев богини» находилась казна афинского полиса, хранившаяся в храме Афины на Акрополе. Десять эллинотамиев имели под своим надзором казну Афинской морской державы. Десять полетов занимались продажей и сдачей в аренду государственного имущества с целью пополнения бюджета.

Ряд коллегий должностных лиц нес службу по поддержанию общественного порядка. Десять астиномов наблюдали за чистотой на городских улицах, десять агораномов отвечали за то, чтобы торговля на городском рынке, на Агоре, велась без нарушений. Поскольку одним из главных предметов импорта в Афины было зерно (своего хлеба в Аттике постоянно не хватало для нужд разросшегося населения), важную роль играла коллегия из десяти ситофилаков, следивших за тем, чтобы хлебные торговцы не превышали установленные государством цены на этот продукт.

Обратим внимание, что во всех перечисленных случаях в коллегию входило десять магистратов. Порядок вполне понятен — по одному от филы. Из этого, конечно, не следует однозначно, что все коллегии были учреждены в период реформ Клисфена (хотя многие из них — явно именно тогда). Просто в дальнейшем каждая из вновь создаваемых коллегий (эллинотамии, например) уже «подстраивалась» под систему клисфеновских фил. Интересным исключением, как видно уже из ее названия, являлась «коллегия Одиннадцати» (οι ένδεκα), занимавшая особое место в жизни полиса, В ее компетенцию входило приведение в исполнение судебных приговоров, в том числе и высшей меры наказания.

Одиннадцать также арестовывали преступников и отводили их в тюрьму в ожидании суда. Не вполне ясно, с чем в данном случае связана выбивающаяся из общего порядка численность коллегии; какими-то рациональными соображениями это, кажется, объяснить не удается[101].

Афиняне направляли своих должностных лиц (епископов) также и во многие союзные города, входившие в состав Архэ. Аристотель (Ath. pol. 24. 3) пишет, что и таких магистратов, работавших за пределами Аттики, насчитывалось тоже до семисот (не исключаем, что и здесь цифра несколько преувеличена). Епископы следили за тем, чтобы афинские союзники в полном объеме и неукоснительно соблюдали свои обязанности: платили форос, немедленно выполняли любое пришедшее из полиса-гегемона распоряжение, не вынашивали намерений восстать против владычества Афин и выйти из состава симмахии. Наконец, должности самого низшего ранга, считавшиеся недостойными свободного гражданина, замещались государственными рабами. Наиболее известны знаменитые скифы-лучники[102] — отряд, несший полицейскую службу.

Подчеркнем: все до единого должностные лица, вплоть до казавшихся на первый взгляд всесильными стратегов, были полностью подконтрольны афинскому народному собранию. Практически каждое сколько-нибудь ответственное решение (не считая разве что повседневной рутины) могло быть принято ими только с разрешения экклесии и получить утверждение на одном из заседаний этого органа. Зато они получали за свою работу жалованье, а это было характерной приметой именно демократического полиса: в олигархических государствах Греции должностным лицам за исполнение их обязанностей не платили, что позволяло быть магистратами только людям состоятельным[103]. И у Афин хватало денег на то, чтобы содержать целую армию всех этих стратегов и архонтов, полетов и агораномов: город все богател и богател благодаря непрерывному потоку податей от союзников[104].

В тесной связи с политической системой демократических Афин находилась их военная организация, о которой поэтому тоже уместно сказать несколько слов. Афинское войско являлось ополчением граждан призывного возраста (от 20 до 60 лет). Эфебы в возрасте 18 — 20 лет несли сторожевую службу на границах Аттики, проходя военное обучение под руководством специальных наставников (софронистов). Затем они становились полноценными воинами, вносились в призывные списки и могли в случае необходимости подвергнуться мобилизации и принять участие в военном походе за пределы государства.

Все войско делилось на десять крупных отрядов — таксисов: по одному от каждой филы. Точную численность таксиса указать не представляется возможным: в отличие от современных воинских частей, имеющих фиксированный штат, количество воинов в античных афинских подразделениях зависело от того, сколько граждан призвалось в армию, а это число, естественно, год от года колебалось. Таксисы состояли из отрядов меньшего размера — лохов.

Общее руководство всеми военными действиями, как на суше, так и на море, принадлежало стратегам. Они возглавляли армию коллегиально, все были равны: верховный главнокомандующий не назначался. Проблему единоначалия, очень часто столь насущную в условиях войны, решали различными способами. Могли, в частности, разбивать вооруженные силы на несколько частей, действовавших на разных направлениях; каждую часть возглавлял один стратег, и в его компетенцию никто не вмешивался. Если же все-таки

[101] Единственное соображение (естественно, чисто гипотетическое), которое можем предложить, заключается в следующем. Предполагаем, что коллегия Одиннадцати является достаточно древней, предшествующей по времени формирования клисфеновским реформам, и именно поэтому не укладывается в систему десяти фил. Иначе говоря, она представляет параллель коллегии архонтов. Гипотеза кажется пусть и недоказуемой, но вполне оправданной, поскольку сама функция исполнения приговоров выглядит весьма ранней по времени возникновения.

[102] О них см.: *Фролов Э.Д.* Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1. С. 135—152. Работая с этой статьей, необходимо учитывать, что некоторые ее выводы были подвергнуты критике. См.: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002 № 3. С. 33 - 55; № 4. С. 2 3 - 42.

[103] Это прекрасно понимал, в частности, Аристотель, неоднократно указывающий на такое положение дел в «Политике» (Pol. 1294a39 —41). Интересно, что одной из самых первых мер, принятых в 411 г. до н.э. пришедшим к власти олигархическим правительством Четырехсот, была отмена выплат почти всем должностным лицам *(Thuc.* VIII. 67. 3; *Arist.* Ath. Pol. 29. 5).

[104] Ср.: *Arist.* Ath. pol. 24. 3: «Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин содержалось более двадцати тысяч человек» (συνέβαινε᾽ Υάρ από των φόρων καῖ των τελών *και* των *συμμάχων* πλείους ή δισμυρίους α᾽δραστρέφεσθαι).

получалось, что войско или флот вели все стратеги вместе (или, по крайней мере, несколько из них), то они могли чередоваться у власти, командуя последовательно по одному дню. Откровенно говоря, стратегической эффективности это не способствовало. Стратегам подчинялись командиры более низкого уровня, которые также избирались народным собранием: десять таксиархов (командиров таксисов), два гиппарха (командиры кавалерийских отрядов). На флоте большое значение имели триерархи — капитаны отдельных триер: впрочем, они не были магистратами и исполняли свои обязанности не через избрание, а через литургию (об институте литургий у нас еще будет возможность сказать подробнее в одной из следующих глав).

В целом афинская демократия являлась политической системой, обеспечивавшей наиболее полное и широкое вовлечение граждан в управление государством. Практически каждый гражданин хотя бы раз в жизни (а обычно — гораздо чаще) успевал побывать либо каким-либо из должностных лиц, либо судьей-дикастом, либо членом Совета Пятисот, а кроме того, естественно, более или менее регулярно участвовал в работе экклесии. Реальное участие в государственной жизни было, таким образом, обеспечено широким слоям гражданского населения. При этом в полисных условиях политическая активность представлялась не только правом, но и в какой-то мере обязанностью; уклонение от государственных мероприятий, демонстративный уход в частную жизнь служили предметом порицания.

Картина демократических Афин, нарисованная здесь, может показаться несколько статичной. Это, видимо, неизбежно: перед нами если не «идеальный тип», то, во всяком случае, некий «моментальный снимок» государственного устройства Афин на определенном этапе их развития. «Плоть и кровь» в приведенные выше схемы должно влить обращение к конкретным фактам, событиям и процессам. Именно к этому мы теперь и переходим.

Глава II

АРИСТИД: ПОЛИТИК ВНЕ ГРУППИРОВОК

В книге «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика» изложение доведено до 490 — 489 гг. до н.э. Поэтому логично, что последним крупным историческим событием, которого нам пришлось коснуться, стала Марафонская битва. Для греков, прежде всего для афинян, Марафон был, бесспорно, великой победой. Но для Ахеменидов он отнюдь не явился великим поражением, которое заставило бы их отказаться от захватнических планов в отношении Эллады. Напротив, было совершенно ясно, что персы теперь еще сильнее возжаждут реванша любой ценой (ведь их честолюбие потерпело все-таки довольно болезненный удар) и что необходимо готовиться к гораздо более серьезной борьбе.

И действительно, Дарий, восприняв разгром персидского отряда в Аттике как личную обиду, немедленно начал подумывать о подготовке нового похода на непокорных греков. Хрестоматийным стал рассказ Геродота (V. 105) о том, как он приказал рабу ежедневно напоминать: «Владыка, помни об афинянах!». Но это произошло еще до Марафона, в ходе Ионийского восстания. А теперь «великий царь», по словам того же Геродота (VII. 1), «еще сильнее распалился гневом на афинян... Он повелел ускорить приготовления к походу на Элладу». На этот раз речь шла не о сравнительно небольшой карательной операции, какую представляла собой экспедиция Датиса и Артаферна, а о полномасштабной армии вторжения, которая должна была подавить противника уже своей численностью, пройтись по стране «огнем и мечом».

К счастью для Греции, подобная акция не могла быть осуществлена немедленно, для ее подготовки требовалось несколько лет, чтобы собрать воинские контингенты из различных уголков огромной Персидской державы. Дарий же в

486 г. до н.э., в разгар приготовлений, скончался, а вступивший на престол его сын Ксеркс должен был затратить довольно значительное время для упрочения своей власти и подавления мятежей, вспыхнувших в окраинных областях, как это обычно и случалось в Персии при переходе власти от одного царя к другому[1]. Освободившись от этих забот, новый царь обратился к греческим делам и вплотную приступил к сбору огромного войска. Поскольку маршрут вторжения был на этот раз намечен по суше, северным берегом Эгейского моря, пунктом отправки ахеменидской армады стал Геллеспонт; к его азиатской стороне, к Абидосу стекались вооруженные силы со всех концов персидских владений.

Геродот несколько раз на протяжении своего труда (VII. 60 sqq.; VII. 184 sqq.) подробно останавливается на численности войска Ксеркса. Цифры, которые он приводит, вообще говоря, оставляют крайне неоднозначное впечатление: с одной стороны, они имеют вид результатов скрупулезного и ответственного подсчета, с другой — по самой своей сути они, несомненно, фантастичны. Если верить «отцу истории», получается, что владыка персов привел с собой в Элладу в общей сложности 2 641 610 воинов. Принимая при этом, что численность обоза была, во всяком случае, не меньше численности боевой силы, Геродот выводит общую цифру 5 283 220 человек. Таково, по его мнению, было совокупное количество людей, отправившихся с Ксерксом в его поход. Сухопутные силы, по указанию историка, сопровождались флотом, состоявшим из 1207 кораблей.

Разумеется, приведенные выше данные Геродота в современной историографии никем не принимаются на веру. Исследователи, в высшей степени скептически относясь ко всем этим миллионам, предлагают взамен собственные приблизительные оценки численности персидского войска. По наиболее минималистским из таких оценок, в распоряжении Ксеркса находилось не более нескольких десятков тысяч воинов, по сути дела, примерно столько же, сколько могли на тот момент выставить греки, если даже не меньше. Но это число выглядит явно заниженным, и становится совершенно непонятно, чем же, собственно, так напугала греков персидская армада, если она была совсем невелика. Судя по всему,

[1] Для ознакомления с особенностями политической жизни в Персии и деталями конкретных событий полезна кн.: *Дандамаев МЛ.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

истина лежит где-то посередине между крайними суждениями. Выражаясь как можно более приблизительно и осторожно, в войско Ксеркса должно было входить несколько сот тысяч его подданных[2]. Но уже и это — очень много, достаточно много, чтобы говорить об одной из самых крупных армий в истории древнего мира. И уж в любом случае это было значительно больше того, что могли собрать эллины — даже все вместе взятые, при том практически невозможном условии, что они отложили бы свои распри и создали действительно общегреческий союз.

Как бы то ни было, пока Дарий, а потом Ксеркс занимались этими сборами, Балканская Греция получила в общей сложности десятилетие мирной передышки. Всем было ясно, что это именно передышка - приготовления персов ни для кого не являлись секретом, — что столкновение «не на жизнь, а на смерть» совершенно неминуемо. И становилось чрезвычайно важно правильно использовать наступившее затишье, предугадать основные направления и характер грядущего удара и в соответствии с этим достойно подготовиться к нему[3]. Наступила пора напряженного ожидания, и прежде всего в Афинах, граждане которых прекрасно помнили, что у персидского царя к ним особые счеты, что еще экспедиция 490 г. до н.э. направлялась в первую очередь против них.

Тем не менее ни о каком консенсусе в афинском полисе говорить не приходилось. В условиях молодой демократии по-прежнему кипела ожесточенная политическая борьба. Напомним, какой расклад сил был характерен на момент Марафонской битвы. Боролись друг с другом четыре крупные группировки, отличавшиеся друг от друга в основном внешнеполитической ориентацией. Группировка так называемых «друзей тиранов» (т.е. сторонников Гиппия), возглавлявшаяся Гиппархом, сыном Харма, занимала проперсидские и проспартанские позиции, группировка Алкмеонидов, во главе которой стояли Ксантипп и Мегакл, сын Гиппократа, — антиспартанские и (умеренно) проперсидские, группи-

[2] Ср., например: *Myres J.L.* Herodotus Father of History. Oxford, 1953. P. 220: наиболее взвешенной признается оценка численности армии Ксеркса в 150 тыс. человек.

[3] В целом о десятилетии между Марафонской битвой и походом Ксеркса см. наиболее подробно в монографии: *Lazenby J.F.* The Defence of Greece 490-479 B.C. Warminster, 1993.

ровка Мильтиада — проспартанские и антиперсидские, наконец, группировка Фемистокла не проявляла особых симпатий ни к Персии, ни к Спарте, полагая, что Афины должны не особенно надеяться на чью-то помощь, а опираться главным образом на собственные силы.

Какие изменения внес в эту внутриполитическую обстановку Марафон? Перемены оказались достаточно серьезными. Теперь уже, насколько можно судить, открытых сторонников подчинения персам в городе не было и быть не могло: всем стало понятно, что после унижения, нанесенного Ахеменидам на поле битвы, каких-либо милостей от них ждать не приходится и в случае капитуляции судьба афинян будет плачевной. Соответственно, стратегические разногласия между группировками сменились разногласиями тактическими: вопрос отныне стоял не о том, отражать или не отражать новое персидское нападение, а о том, каков наилучший способ его отражения.

Всё это отразилось на соотношении значимости и влияния перечисленных группировок. Радикально ослабли позиции «друзей тиранов»: помимо того, что линия на соглашение с персами оказалась полностью дискредитирована, еще и не было в живых Гиппия — той политической фигуры, на которую они делали ставку. Изгнанный тиран скончался, судя по всему, или уже в ходе персидской операции 490 г. до н.э., либо сразу после этого[4]. Не столь значительную силу, как раньше, представляли и Алкмеониды: по их репутации наносили значительный удар ширившиеся слухи о попытке измены со стороны этого рода в самый момент Марафонского сражения[5]. Независимо от обоснованности этих слухов, понятно, что само их наличие создавало для Алкмеонидов проблемы.

Что касается группировки Мильтиада, то она вообще фактически прекратила существование по той простой причине, что потеряла своего лидера. Как мы знаем, в 489 г. до н.э. марафонский победитель вскоре после скандального судебного процесса по «парасскому делу» скончался[6]. В греческом полисном мире политическая жизнь строилась на личностной основе, а не на программно-теоретических установках. Вполне естественно, что со смертью Мильтиада его сторонники лишались организующего центра. Сын Мильтиада, Кимон, был еще совсем молодым человеком, и его чрезмерно активное участие в общественной деятельности не могло встретить одобрение со стороны общественного мнения[7]. Напротив, группировка Фемистокла резко усилилась. Ее ярко выраженная антиперсидская политика после Марафона стала единственно возможной для государства линией. Особенно надеяться на помощь спартанцев тоже не приходилось, как показало их опоздание на поле боя в 490 г. до н.э. По большому счету, афиняне действительно могли надеяться только на себя. Позиции Фемистокла упрочивались еще и тем обстоятельством, что теперь в рядах его приверженцев автоматически оказывались те, кто ранее поддерживал Мильтиада[8]. В результате он — и, пожалуй, только он — мог претендовать на роль «лидера сопротивления» в общеполисном масштабе.

Таким образом, политическая жизнь Афин быстро двигалась к «биполярной» модели, выливалась в противостояние группировки Фемистокла и группировки Алкмеонидов (к последней должны были примкнуть остатки «друзей тиранов»). Необходимо подчеркнуть, что констатация этого факта отнюдь не означает, что мы принадлежим к сторонникам каких бы то ни было «двухпартийных схем» применительно к внутриполитической борьбе в полисных условиях. Напротив, неоднократно уже нам приходилось выступать против таких схем, указывать, что в принципе эта борьба в греческих полисах (в частности, в афинском, для которого имеется наиболее обильный фактический материал), как правило, прини-

[4] Об обстоятельствах смерти Гиппия ничего не известно. Последний эпизод, в связи с которым он фигурирует в источниках, — высадка отряда Датиса и Артаферна при Марафоне [*Herod.* VI. 102; 107— 108). См. об этом эпизоде: *Griffith R.D.* Hippias' Missing Tooth // AHB. 1994. Vol. 8, N 4. P. 121 — 122. Причем Геродот эксплицитно отмечает, что он был стар и болен. Крушение его надежд на возвращение в Афины стало, наверное, последней каплей, переполнившей чашу, и опальный тиран не пережил этого.

[5] Известный эпизод с «сигналом щитом», о котором см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 72 и след.

[6] *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 321 — 322.

[7] Впрочем, нельзя сказать, что Кимон в 80-е годы V в. до н.э. стоял совсем в стороне от политической жизни. Как мы увидим в посвященной ему главе, достаточно значительная часть сограждан даже считала, что он заслуживает остракизма, а эта мера применялась только к самым влиятельным политикам.

[8] *Суриков И.Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и Первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118- 130.

мала полицентричный характер, выливаясь в столкновение не двух, а нескольких группировок. Биполярность мы принимаем не как норму, а как частный случай, который мог возникать в той или иной конкретной ситуации. Ситуация сложилась именно таковой конкретно в 80-х годах V в. до н.э. (а, скажем, в 90-е еще не являлась таковой).

Впрочем, действовало на афинской политической арене интересующего нас здесь периода еще одно лицо, лишь с трудом вписывавшееся в биполярную (да, можно сказать, и в любую другую) модель, — лицо, стоявшее, судя по всему, вне группировок, но при этом пользовавшееся большим авторитетом и влиянием среди сограждан. Речь идет об Аристиде, которому посвящена эта глава и к характеристике жизни и деятельности которого мы переходим.

* * *

Остановимся вкратце на проблеме исторических источников, из которых мы узнаем об Аристиде. Источники эти никак нельзя назвать обильными[9]. Так, Геродот, уделяя в «Истории» очень большое внимание его главному антагонисту — Фемистоклу, — о самом Аристиде говорит в нескольких местах очень кратко, буквально мимоходом. Рассказывая о событиях, предшествовавших Саламинскому морскому сражению, историк впервые упоминает об этом политическом деятеле (VIII. 79 — 81), сообщая, что тот был изгнан остракизмом, являлся злейшим врагом (έχθρόν δέ τά μάλιστα) Фемистокла, но перед лицом общей опасности примирился с ним, прибыв на Саламин с Эгины. Отмечается его участие во главе отряда гоплитов в битве с персидским флотом (VIII. 95), а в дальнейшем — его командование афинским контингентом в сражении при Платеях (IX. 28).

С событийной точки зрения — это всё. Однако невозможно не заметить, что Геродот еще и дает оценку Аристиду. Причем оценку вполне однозначную, чуждую нюансов и полутонов. Вот его слова (VIII. 79): «Этого Аристида я считаю, судя по тому, что узнал о его характере, самым благородным и справедливым человеком в Афинах (άριστον άνδρα... έν Άθήνησι και δικαιότατον)». И в другом месте (VIII. 95): «Афинянин же Аристид, сын Лисимаха, о котором я недавно упоминал как о человеке благороднейшем (ώς ανδρός αρίστου)...». Иными словами, уже у такого раннего автора, как «отец истории», почти современника событий, мы находим вполне сформировавшийся образ Аристида — тот самый образ, который впоследствии не менялся на всем протяжении существования античной нарративной традиции, образ человека, являющегося как бы живым воплощением благородства и справедливости. Для Геродота Аристид — даже не просто δίκαιος, а δικαιότατος. Именно с эпитетом «Справедливый» этот политик прочно вошел в историю.

Впрочем, даже у писателя, еще более раннего, нежели Геродот, мы встречаем аналогичное мнение об Аристиде. Лирический поэт первой половины V в. до н.э. Тимокреонт Родосский, который сам был свидетелем деятельности крупнейших полководцев и политиков первого периода Греко-персидских войн, так отзывается о них *(Timocr.* Fr. 1 *Page):*

> Можешь Павсания ты восхвалять и можешь хвалить Ксантиппа,
> Славь Левтихида, пожалуй, а я одного вознесу Аристида,
> Сына священных Афин,
> Лучшего (λωιστον) мужа из всех мужей...[10]

С точки зрения формирования общепринятой репутации Аристида весьма показателен пассаж из «Горгия» Платона (526ab): «Ибо это трудно, Калликл, и потому особенно похвально — прожить всю жизнь справедливо (δικαίως διαβιώναι), обладая полной свободою творить несправедливость. Таких людей немного, но они были и, я надеюсь, будут и впредь и здесь, и в иных краях — честные и достойные (κάλοι κάγαθοί) люди, чья добродетель в том, чтобы справедливо (δικαίως) вершить дело, которое им доверено; а один прославился больше остальных, и не только в Афинах, но повсюду среди греков — это Аристид, сын Лисимаха». Здесь многое привлекает интерес. Платон ставит Аристида на какую-то совсем уже недосягаемую высоту, выделяя его даже среди тех немногих политиков, которых он признает справедливыми. Более того, Аристид выступает здесь образцом не только

[9] В связи с нарративной традицией об Аристиде см.: *Calabi Limentani I.* Aristide il Giusto. Fortuna di un nome // RIL. 1960. Vol. 94, fasc. 1. P. 43-67.

[10] Полностью фрагмент будет процитирован в главе о Фемистокле, Поскольку в остальной своей части он посвящен именно этому политику (оцениваемому Тимокреонтом крайне негативно). В целом о Тимокреонте И этом его стихотворении см.: *Mattingly H.B.* Poets and Politicians in Fifth-Century Greece // GEM. P. 231 ff.

справедливости[11], но и доблести или добродетели (αρετή) в целом, воплощенной в ключевом для античного греческого менталитета понятии «калокагатии»[12]. Подчеркивается также не только локально-афинское, но и панэллинское значение этого деятеля.

Естественно, касается различных сторон биографии Аристида и Аристотель в «Афинской политии»: ведь речь идет об одной из крупнейших фигур в политической истории Афин. В трактате кратко упоминается об остракизме Аристида (Ath. pol. 22. 7), о совместной деятельности Аристида и Фемистокла (упор делается, в отличие от остальной традиции, именно на их совместную деятельность, а не на соперничество) и об организации Аристидом Делосского союза (Ibid. 23. 3 — 24. 3)[13]. В этом пассаже содержится следующая, ставшая ко времени Аристотеля уже стандартной, характеристика: «Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью (δικαιοσύνη... διαφέρειν)». Тот же политик упоминается как простат демоса наряду с Фемистоклом (Ibid. 28. 2); указывается, что он «наметил» (ὑπέδειξεν) реформу Ареопага, которую впоследствии осуществил Фемистокл[14] (Ibid. 41. 2).

Насколько подчеркнуто позитивная оценка Аристида получила распространение и устоялась уже к концу классической эпохи, может продемонстрировать хотя бы такой примерно одновременный с произведениями Аристотеля источник, как корпус речей Демосфена. Этот оратор говорит о справедливости Аристида как о чем-то само собой разумеющемся и всем известным, в качестве парадигмы для слушателей. Вот один характерный отрывок *(Demosth.* XXIII. 209): «Аристид, стоя во главе такого дела, как распределение фороса, ни приобрел ни одной драхмы сверх того, что имел до этого, а когда Аристид скончался, он был похоронен за государственный счет». Можно себе представить, как звучали, — наверное, даже не столько укором, сколько предметом удивления! — эти слова в IV в. до н.э., когда язвой коррупции была поражена вся политическая жизнь[15]. Следует полагать, что ни сам Демосфен, ни его соратники или противники не упустили бы случая поживиться, попади к ним в руки распределение фороса.

Наиболее своеобразной чертой в формировании нарративной традиции об Аристиде представляется нам именно то обстоятельство, что он входит в эту традицию как-то сразу с однозначно позитивной репутацией. Такого, пожалуй, нельзя сказать ни об одном другом политическом деятеле классических Афин. Обо всех остальных — будь то Фемистокл или Кимон, Никий или Алкивиад, Ферамен или тот же Демосфен — встречаем самые разноречивые мнения, от хвалебных до уничижительных. Даже личность и деятельность Перикла оценивались античными авторами отнюдь не только в благом свете. Аристид здесь — ярко выраженное исключение. Он — только справедливый, честный, неподкупный, ни об одном его недостатке нигде и никогда не упоминается. И, наверное, это не случайно. Коль скоро самые придирчивые из современников не нашли повода придраться к нему, стало быть, он и в действительности был едва ли не безгрешен? В дальнейшем нам еще предстоит остановиться на причинах складывания именно такого образа Аристида, на том, как, собственно, следует трактовать его постоянно подчеркиваемую «справедливость».

Дальнейшую историю традиции об интересующем нас государственном деятеле вряд ли имеет смысл излагать столь же подробно, перечисляя все свидетельства. Таковых, естественно, становится чем дальше, тем больше, но соответственно среди них возрастает и число заведомо вторичных, а значит менее информативных, не привносящих чего-то принципиально нового в наши знания об Аристиде,

[11] Справедливость (δικαιοσύνη) считалась в классической Греции лишь одной из четырех базовых добродетелей (άρεταί), наряду с мудростью (φρόνησις), мужеством **(ανδρεία)** и воздержностью (σωφροσύνη). См. по этому поводу: *North H.F.* A Period of Opposition to Söphrosyne in Greek Thought // Transactions of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 1 f.

[12] Фундаментальный анализ понятия калокагатии как выражении античного классического идеала, идеала полисного гражданства см.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1994. Кн. 2. С. 386-439.

[13] Этот последний факт упоминает уже Фукидид (V. 18. 5), цитируя текст Никиева мирного договора 421 г. до н.э.

[14] Одну из возможных интерпретаций этого парадоксального свидетельства см.: *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 34.

[15] См. по этому поводу: *Harvey F.D.* Dona ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // Crux: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday. Exeter, 1985. P. 76 - 117.

а в основном повторяющие уже сложившиеся топосы[16]. Необходимо подчеркнуть, справедливости ради (просим прощения у читателя за невольный каламбур), что справедливость Аристида относилась к наиболее выигрышным из этих топосов за весь античный период. Отсюда — и востребованность этого героя, особенно в произведениях риторического жанра. Здесь уже можно скорее говорить о развитии мотива, начавшего жить собственной жизнью, нежели о появлении принципиально нового источникового материала. Бесспорно, развитие мотива тоже может стать интересным сюжетом для исследования (ниже это будет продемонстрировано на примере лейтмотива «Аристид и неграмотный крестьянин»), но в рамках данной работы нас все же в большей степени интересуют исторические реалии и факты. Поэтому мы специально остановимся только на тех текстах позднего времени, которые не просто упоминают Аристида в той или иной связи, а именно рассказывают о нем, иными словами, представляют собой его биографии.

Таких текстов два, и (как, наверное, уже догадался внимательный читатель) один из них принадлежит Корнелию Непоту, а другой — Плутарху. Написанное Непотом жизнеописание Аристида — одно из самых коротких в его сборнике. В нем довольно конспективно излагаются основные события жизни «справедливого» политика (для римского писателя он, разумеется, не δίκαιος, а iustus): соперничество с Фемистоклом, остракизм и сопутствовавшие ему обстоятельства, участие в битвах при Саламине и Платеях, ключевая роль при организации Афинского морского союза и установлении ставок фороса. При общей оценке Аристида настойчиво отмечаются два момента: его выдающиеся личные качества — справедливость, беспристрастие, честность (iustitia, aequitas, innocentia) — и его бедность. Первая из этих характеристик является, как мы видели, самым ранним и устойчивым компонентом всей традиции об Аристиде; что же касается второй, то она, как мы попытаемся показать ниже, сложилась позже и не должна быть некритично воспринимаема.

[16] Достаточным будет несколько подтверждающих этот тезис примеров: *Aelian*. Var. hist, IV. 16; X. 15; XI. 9; *Philostr*. Vita Apoll. VI. 21; VII. 21; *Diog. Laert.* II. 26. Повсюду подчеркиваются справедливость Аристида и его бедность. Все перечисленные произведения относятся к периоду Второй софистики, для которой вообще в высшей степени характерно постоянное применение стандартных топосов.

Интересно, что в военных талантах Непот скорее склонен Аристиду отказывать *(Nep.* Aristid. 2).

О Местрии Плутархе, о его многогранной литературной деятельности, сильных и слабых сторонах его биографий как источника, об использовавшихся им подходах к анализу, подбору и изложению материала здесь практически ничего не будет говориться. И нам об этом уже приходилось писать[17], да и в целом о Плутархе существует огромная исследовательская литература[18]. Отметим, пожалуй, лишь один нюанс, который обычно находится несколько в тени, но тем не менее, на наш взгляд, принципиален и немаловажен для понимания специфики упомянутого автора.

Вообще все древнегреческие историки (да и не только историки, а, не побоимся сказать, представители любого литературного жанра) могут быть по своим базовым принципам охарактеризованы либо как «диалогичные», либо как «монологичные». Это, так сказать, «линия Геродота» и «линия Фукидида». Поясним, что имеется в виду. Вот эксплицитно выраженная позиция Геродота (VII. 152): «Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан». А вот что пишет Фукидид (I. 22. 2), вне сомнения, в пику своему великому предшественнику: «Я не считал согласным со своей задачею записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого».

Итак, в первом случае историк считает своим долгом преподнести читательской аудитории всю информацию, которая есть в его распоряжении; следовательно, мы слышим в его труде многоголосый хор самых различных мнений[19].

[17] Последний раз в работе: *Суриков И.Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3, С. 151 - 161.

[18] Поэтому сошлемся лишь на одну из последних зарубежных работ: *Lamberton R.* Plutarch. New Haven, 2001; а уже в ней можно почерпнуть информацию о важнейших предшествующих исследованиях. В отечественной историографии по сей день классической остается кн.: *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М, 1973.

[19] По вопросу об источниках Геродота за последнее время сложилась немалая и интересная своим полемическим характером историография, Начало дискуссии положил Д, Фелинг, который в намеренно провокативной работе высказал крайне гиперкритическое отношение к традициям, отразившимся у «отца истории». См.: *Fehling D.* Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989. В продолжение

Во втором же случае историк прибегает к сознательному отбору, излагает только те факты и мнения, которые представляются ему, лично ему достоверными. Метод Фукидида обычно считается началом исторической критики. Пожалуй, что это и так (хотя, наверное, все-таки не лучший способ критики — замалчивание тех взглядов, с которыми автор не согласен). Но в то же время перед нами — начало догматизма в историописании, догматизма, который Геродоту был еще чужд[20]. Данные соответствующим образом «препарируются» и подаются в таком свете, чтобы не вызвать у читателя и тени сомнения в правильности проводимой историком концепции[21]. А между тем насколько ценнее был бы эпохальный труд Фукидида, если бы в нем, в дополнение к его прочим многочисленным достоинствам, еще и приводились иные точки зрения на спорные вопросы, если бы автор не пытался взять на себя роль высшего арбитра в вопросе о том, «что есть истина»...

В дальнейшем «геродотовская» и «фукидидовская», «диалогичная» и «монологичная» линии противоборствовали в античной историографии[22]. В частности, «Афинская политая» Аристотеля написана всецело в русле второй из них; не случайно в ней, как и у Фукидида, столь редки ссылки на источники. Совсем иное дело - Плутарх. Он, следуя заветам Геродота, «передает все, что рассказывают», даже если он со многим и не согласен.

Херонейский биограф очень любит, разбирая какой-нибудь вопрос, сталкивать друг с другом две противостоящие друг другу трактовки, обнаруживаемые им в предшествующей традиции. При этом чаще всего сам он не делает однозначного выбора в пользу одной из версий, предоставляя такой выбор читателю[23]. Плутарх принципиально не догматичен, его стиль проникнут «диалогической» установкой (здесь, между прочим, еще и влияние метода Сократа, который — через труды Платона — оказал определяющее воздействие на весь склад плутархова мышления)[24]. И эта черта — не только одна из самых импонирующих в его творчестве, но еще и одна из особенно коррелирующих с наиболее передовыми ныне методиками исторической науки[25]. Парадоксальным образом Плутарх оказывается близким и современным нам по своим подходам.

Жизнеописание Аристида — не исключение: в нем тоже есть примеры «диалогизма», сопоставления различных точек зрения *(Plut.* Aristid. 1; 5; 10; 19; 20; 26; 27). Говоря в целом об этом произведении, необходимо отметить, что именно оно, в гораздо большей степени, нежели какое бы то ни было другое, является главным источником о жизни и деятельности интересующего нас здесь политика. К нему постоянно придется обращаться по ходу изложения (собственно, прежде всего именно на его материале это изложение будет строиться), поскольку только в нем карьера Аристида описана целостно, связно и со значительной детализацией. Плутарх позволяет соединить и поставить в общий контекст разрозненные данные, встречающиеся у более ранних писателей (Геродота, Аристотеля и др.). Поэтому вряд ли имеет смысл, забегая вперед, пересказывать основное содержание плутарховой биографии.

Отметим лишь, в связи с проблемой аутентичности данных, использованных Плутархом, что среди авторов, на которых он ссылается, особое место занимает Деметрий Фалерский — видный перипатетик и государственный деятель конца IV в. до н.э.[26] Судя по всему, он специально интересо-

дискуссии см.: *Vandiver E.* Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a. M., 1991; *Pritchett W.K.* The Liar School of Herodotus. Amsterdam, 1993; *Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000; *Bichler R.* Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrere Geschichte: 2. Aufl. B., 2001. Из других важных работ о Геродоте, появившихся относительно недавно, см.: *Hartog F.* Le miroir d'Herodote: essai sur la representation de l'autre. P., 1980; *Shimron B.* Politics and Belief in Herodotus. Stuttgart, 1989; *Bichler R., Rollinger R.* Herodot. Hildesheim, 2000.

[20] Ср. противопоставление Геродота и Фукидида в известной раб.: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980. С. 30 — 31.

[21] На ряде конкретных примеров это убедительно показано в монографии: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.

[22] Ср.: *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S. 181.

[23] Ср. *Plut.* Sol. 19: «Над этим вопросом ты подумай сам» (ταῦτα μέν οὑν καὶ αυτός επισκοπεί).

[24] Эта черта хорошо видна не только в биографиях, написанных Плутархом, но и в трактатах, входящих в состав его «Моралий». Эти трактаты очень часто принимают форму диалога.

[25] См., в частности, о необходимости для историка «завязать диалог с культурой иного времени»: *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 9.

[26] О сложных перипетиях судьбы Деметрия Фалерского, который в 317 — 307 гг. до н.э. был даже правителем Афин под македонским протекторатом, а потом подвергся изгнанию и окончил свои дни в Александрии

вался Аристидом и собирал сведения о нем. Суждения Деметрия часто подвергаются Плутархом критике, из чего, впрочем, никоим образом не следует, что мы в этом споре должны всегда автоматически принимать сторону биографа. Как мы увидим ниже, может быть и наоборот. Говоря в целом, в высшей степени прискорбно, что сочинения Деметрия Фалерского не дошли до нашего времени; те его фрагменты, которые имеются в распоряжении ученых, позволяют судить о нем как о добросовестном, компетентном и скрупулезном авторе[27], достойном ученике Аристотеля[28].

В общем и целом приходится мириться с той возможностью, что потребуется скрупулезно реконструировать человеческий и политический облик Аристида, отделяя реальные факты от наслоившихся на них разного рода стандартных клише.

Завершая очерк источников, отметим, что необходимо привлекать не только данные нарративных текстов, но и материал иного характера, в, частности эпиграфический. Речь идет прежде всего об острака — черепках, служивших «бюллетенями» для остракизма. Аристид, как и подобало ведущему политику его времени, на протяжении 80-х годов V в. до н.э. несколько раз подвергался опасности остракизма и один раз (в 482 г. до н.э.) был действительно изгнан посредством этой процедуры. Неудивительно, что остраконов с его именем найдено (на Агоре и Керамике) довольно много — более 120[29]; это,

Египетской, см.: *Cehrke H.-J.* Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 149-193; *Lehmann CA.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // AD. S. 139-150; *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D.Kagan, Claremont, 1997. P, 327-346; *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 58-71; *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 535-565.

[27] Ср. на материале свидетельства о погребальном законодательстве Солона: *Суриков И.Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 104.

[28] Непосредственным учителем Деметрия Фалерского называют, правда, Феофраста *(Diog. Laert,* V. 75). Однако Деметрий, судя по всему, слушал и самого Аристотеля. См.: *Хабихт Х.* Указ. соч. С. 59.

[29] Наиболее подробно о них см.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 114-117. Подкорректированные данные с учетом новейших находок см. также: *Brenne S.* Die Ostraka (487 - ca. 416 v. Chr.) als Testimonien // OT. S. 49.

разумеется, лишь малая доля тех голосов против Аристида, которые подавались его согражданами (как минимум несколько тысяч пока еще не обнаружены и ждут своего часа), но тем не менее даже имеющаяся цифра впечатляет, особенно если сопоставить ее с количеством острака с именами некоторых других ведущих афинских государственных деятелей. Так, Ксантипп «имеет» около 70 остраконов, Фукидид, сын Мелесия, — чуть меньше 70, Гиппарх, сын Харма, — примерно дюжину, Гипербол — только 3. А ведь все они тоже подвергались остракизму[30]. Вообще только для девяти афинян количество известных острака превышает сотню; Аристид — среди них.

Надписи на нескольких остраконах с именем Аристида привлекают особенный интерес, поскольку имеют, кроме этого имени, дополнительные приписки, сделанные голосующими, очевидно, под влиянием эмоций. На одном из этих черепков Аристид, возможно, поименован братом Датиса — персидского полководца, который в 490 г. до н.э. возглавил экспедицию в Аттику, завершившуюся Марафонским сражением (Ἀριστ[είδεν] τον Δά[τιδος] ἀδελφ[όν])[31], а на другом его называют «прогнавшим молящих о защите» ([Ἀριστείδες ho Λυσιμ]άχο [hog τδ]ς Ικέτας [ἀπέοσ]εν). Каким образом политик, считавшийся воплощением справедливости, стал мишенью для столь серьезных обвинений? Этот вопрос нам еще предстоит обсудить. Третий остракон интересен тем, что на нем имеются надписи, сделанные двумя разными почерками (о нем тоже см. ниже).

Переходя к краткому обзору историографии об Аристиде, с сожалением приходится отметить, что говорить, в общем-то, практически не о чем. Аристиду, мягко говоря, «не повезло»: его личность и деятельность явным образом не получила того освещения в исследовательской литературе, какого она заслуживает. В отличие, скажем, от Фемистокла

[30] С именем такого «гиганта» афинской политики, как Перикл, известно лишь четыре остракона — несмотря на то, что он подвергался опасности остракизма, и не раз в своей жизни,

[31] Это чтение принадлежит А. Раубичеку, предположившему, что перед нами — строка из застольного сколия с порицаниями Аристиду. См.: *RaubitschekA.E.* Das Datislied // Charites: Studien zur Altertumswissenschaft. Bonn, 1957. S. 234 — 242. Впрочем, уже отмечалось, что надпись сохранилась плохо и данный вариант заполнения лакун отнюдь не является единственно возможным. См.: *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990. P. 38.

или Перикла, которым посвящены десятки и сотни работ, Аристид — а это, в сущности, фигура того же масштаба, — оказался практически полностью в тени[32]. Возможно, он не привлекал серьезного внимания представителей науки об античности по той причине, что его образ, запечатленный в источниках, казался слишком однозначным и прямолинейным, а потому малоинтересным. Несомненно, имело место и гиперкритическое недоверие к традиции, иногда доходившее до прямого пренебрежения ее данными как недостоверными[33]. Соответственно, об Аристиде нет монографий; почти не существует и специально посвященных ему статей. Нам известны лишь единичные работы, да и то очень частной тематики: в них речь идет об отдельных эпизодах его биографии[34], главным образом о его остракизме[35]. Это в зарубежной историографии[36], а что касается отечественной, перед нашими глазами оказывается еще более скудная картина. Затрагивал некоторые проблемы, связанные с Аристидом, в частности его борьбу с Фемистоклом, В.М. Строгецкий[37]. Ввиду столь явно недостаточной освещенности фигуры Аристида в литературе нам придется строить дальнейшее изложение почти исключительно на данных источников.

[32] Характерно, что даже в сборнике биографий Г. Бенгтсона «Греческие государственные деятели V и IV вв. до н.э.» *(Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1983), отличающейся широким охватом материала, Аристид проигнорирован: главы о нем просто нет.

[33] Весьма характерно своей категоричностью суждение такого авторитетного ученого, как Роберт фон Пёльман: «Сохранившиеся в преданиях подробности партийной борьбы, в особенности все, связанное с именем "Справедливого" (Аристида) — большей частью вымышлены». См.: *Пёльман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 152. Не очень понятно, откуда такая уверенность.

[34] *Harvey F.D.* The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // Klio. 1984. Bd. 66, H. 1. S. 58-73.

[35] *RaubitschekA.E.* Die Rückkehr des Aristeides//Historia. 1959. Bd. 8, H. 1. S. 127-128; *Piccirilli L.* Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P 5978 // ZPE. 1983. Bd. 51. S. 169-176; *Idem.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987 (эта книга — сборник статей Л. Пиччирилли; некоторые из них посвящены Аристиду).

[36] См. также: *Calabi Limentani I.* Op. cit. Это - очерк формирования традиции об Аристиде, но автор, насколько нам представляется, чрезмерно гиперкритичен в оценке достоверности этой традиции.

[37] *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 35-44.

* * *

Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки родился в Афинах во второй половине VI в. до н.э. Более или менее точно дата его рождения может быть установлена (да и то не слишком надежно) только путем комбинации косвенных соображений. Означенные соображения выводят в конечном счете на время рождения Фемистокла, которое communis opinio относит к 524 г. до н.э. (см. ниже, в посвященной ему главе). Аристид, как считается, был несколькими годами старше своего соперника[38]; соответственно, полагают, что он родился около 530 г. до н.э.

Что по этому вопросу сообщают источники? Непот (Aristid. 1) указывает, что Аристид был «почти ровесником» (aequalis fere) Фемистокла. Выражение достаточно неопределенное: под «почти» может, конечно, скрываться временной разрыв в несколько лет. Более конкретно выражается Плутарх (Aristid. 2): «Есть сведения, что еще детьми, воспитываясь вместе, они (Фемистокл и Аристид. — *И.С.)* никогда не соглашались друг с другом». Если Аристид был на 5 — 6 лет старше Фемистокла, они, конечно, никак не могли «воспитываться вместе». Тогда остается одно из двух: либо «приблизить» по возрасту Аристида к Фемистоклу (допустив, что первый родился примерно тогда же, когда и второй, т.е. около 525 г. до н.э.), либо, наоборот, Фемистокла к Аристиду (в принципе, нет ничего невероятного в том, что Фемистокл был на несколько лет старше, чем обычно считают; подробнее мы коснемся этого вопроса, когда перейдем к его биографии). Однако неясно, насколько аутентична приводимая Плутархом информация о совместном воспитании Фемистокла и Аристида; кажется, она приходит в некоторое противоречие с данными о детстве Фемистокла, которые тот же автор сообщает в его жизнеописании (Plut.Them. 1). Не будем гадать и предложим наиболее осторожный и обобщенный вариант: относить рождение Аристида к хронологическому отрезку 530 — 525 гг. до н.э. Большая точность и вряд ли возможна, и не слишком нужна.

Как видно из названия дема, к которому Аристид был приписан в период клисфеновских реформ, он обитал в од-

[38] См., например, комментарий Н.Н. Трухиной в изд.: *Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992. С. 23. Примеч. 1.

ном из самых престижных регионов афинского полиса. Алопека[39], входившая в состав городской триттии филы Антиохиды, хотя и располагавшаяся не в самом городе, а в его предместьях (в южном направлении), занимала особое место среди аттических демов. Ее можно без преувеличений назвать «аристократическим кварталом»: ведь именно в ней уже к концу архаической эпохи находились главные резиденции двух знатнейших и влиятельнейших родов — Алкмеонидов и Кериков. Разумеется, из сказанного не вытекает, что все, кто жил в Алопеке, принадлежали к аристократам-евпатридам. Однако уже сам факт проживания в подобном окружении не мог не становиться важным фактором карьеры любого политика, поскольку именно в рамках дема устанавливались первичные политические контакты. В целом деятельность представителей элиты, их путь к вершинам власти и влияния часто начинались, в пору их молодости, на уровне дема[40], где они участвовали в локальных народных собраниях[41], в выборах демархов и других местных должностных лиц; в дальнейшем часть политиков, о которых идет речь, так и оставалась на этом уровне[42], а часть достигала общеполисного масштаба (так что демы выступали в роли своего рода «кузницы кадров» для всего государства). Но для такого «роста» требовалось иметь связи (дружественного или матримониального характера) в кругу «больших людей», своих сотоварищей по дему, особенно если сам начинающий политик не блистал происхождением и славой предков. Можно было, например, вступить в общественную жизнь как член группировки кого-нибудь из ведущих лидеров, а потом уже, окрепнув, выступить в качестве самостоятельной фигуры (именно таков случай с Фемистоклом). Аристид, как мы увидим ниже, шел к общеполисному признанию иным путем, но все-таки, если бы он совершенно не имел нужных

[39] О местонахождении этого дема см.: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С.21.

[40] *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 - ca. 250 B.C. Princeton, 1986. P. 313; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 98.

[41] Об этих собраниях на уровне дема см.: *Stanton G.R.* The Rural Demes and Athenian Politics // AAAD. P. 217. Примеры формулировок псефисм, принятых на таких собраниях, см.: *Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxford, 1997. P. 32-34.

[42] *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985. P. 87.

связей, «пробиться в верхи» ему было бы очень трудно, если не невозможно[43].

Это суждение тем более имеет силу, что к самой высшей афинской знати Аристид действительно не принадлежал. Он был, конечно, представителем аристократии, а не простонародья, но аристократии скорее второстепенной, не шедшей в сравнение с такими блистательными родами, имевшими древнюю и богатую историю, как, например, те же Алкмеониды или Филаиды. К какому роду относился он сам — неизвестно; источники об этом ничего не сообщают.

Есть, однако, аутентичное свидетельство о том, что Аристид находился в родстве с чрезвычайно влиятельным в Аттике родом Кериков. Керики занимали особое место в общественной жизни афинского полиса. Это был жреческий род, связанный с одним из важнейших государственных культов — культом Деметры и Персефоны в Элевсине. В частности, наиболее известная семья рода Кериков (в ней с середины VI в. до н.э. и на протяжении, как минимум, двух столетий с завидным постоянством чередовались два имени — Каллий и Гиппоник, что, кстати, значительно облегчает историку-просопографисту работу по идентификации членов этой семьи) держала в своих руках на наследственной основе одну из главных сакральных магистратур Элевсинских мистерий (вторую по значению после иерофанта) — пост дадуха (факелоносца). Интересно, что занятия жречеством отнюдь не мешали Керикам параллельно предаваться самой активной политической деятельности; как справедливо отмечает Г.Т. Залюбовина, род дал «афинскому полису архонтов, стратегов, послов», а не только жрецов[44].

[43] Ср.: *Rhodes P.J.* Political Activity in Classical Athens // JHS. 1986. Vol. 106. P. 144. См. также (на примере Перикла): *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y., 1990. P. 210.

[44] *Залюбовина Г.Т.* Религия Эллады // ΑΓΑΣΜΟΣ: Г.Т. Залюбовиной ученики и друзья. М., 2003. С. 210. С глубоким сожалением вынуждены отметить, что в тот же пассаж цитируемой работы вкралась очень серьезная ошибка: род, державший в своих руках должность дадуха, назван «родом Каллиев» вместо «рода Кериков», как следовало бы. Из того, что целый Ряд представителей рода носил имя Каллий, естественно, не вытекает, что можно называть Каллиями весь род. Ведь не вправе же мы называть род Алкмеонидов «родом Мегаклов», а род Филаидов «родом Мильтиадов»! Никакого «рода Каллиев» в Афинах, конечно, не существовало. В связи со сказанным, наверное, заслуживает упоминания следующее обстоятельство. Когда текст, о котором здесь идет речь, был озвучен Г.Т. Залюбовиной в устной форме на одной из конференций (Сергеевские чтения 1997 г.),

Помимо всего прочего, Керики были, пожалуй, богатейшим родом во всем афинском полисе. Особенно часто упоминания об их прямо-таки непомерном богатстве встречаются в связи с самым известным представителем рода — Каллием, сыном Гиппоника, или Каллием (II), как его обычно называют в просопографических сводах, дабы отличать от других его сородичей (предков и потомков), носивших то же имя. Это тот самый Каллий, который уже на склоне лет заключил мир, завершивший Греко-персидские войны, а до того, еще в начале V в. до н.э., трижды победил на Олимпийских играх в состязаниях колесниц и участвовал в Марафонской битве в торжественном облачении дадуха[45]. Он считался самым состоятельным человеком в Афинах *(Aeschin.* Socr. ap. *Plut.* Aristid. 25), да и во всей Греции *(Lys.* XIX. 48); его имущество оценивалось в 200 талантов, что для частного лица действительно представляло собой колоссальную по греческим меркам сумму[46].

автор этих строк в разговоре после заседания привлек внимание исследовательницы к проскользнувшей ошибке. Не сомневаемся, что Галина Тимофеевна учла бы наше замечание при подготовке работы к печати, но безвременная кончина, как известно, оставила ее труды незавершенными. В данном случае вина лежит, конечно, на составителях сборника «ΑΓΑΣΜΟΣ», которые поторопились без надлежащей редактуры посмертно опубликовать довольно «сырые» материалы из архива Г.Т. Залюбовиной. Вряд ли она сама была бы довольна таким не вполне ответственным подходом к ее творческому наследию.

[45] О Каллии и его деятельности см.: *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГДА. Ч. 1. С. 105 и след.; *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // Mesogeios. 2004. Vol. 24. P. 198 ss. Каллий — исключительно крупная фигура истории классических Афин (пожалуй, он заслуживал бы специальной биографии Плутарха), но фигура несколько «теневая», и имеющихся в нашем распоряжении сведений о нем значительно меньше, чем он заслуживает. Не можем позволить себе в биографии Аристида подробнее остановиться на личности Каллия; в принципе, это - тема для отдельного исследования. Поэтому упоминаем только некоторые, важнейшие из связанных с ним фактов, причем те, которые имеют отношение к Аристиду.

[46] Мы не затрагиваем здесь вопроса об источниках богатств Кериков и Каллия. Отметим только, что совершенно не следует принимать в расчет передаваемую Плутархом (Aristid. 5) версию, согласно которой Каллий будто бы обогатился, после Марафонской битвы найдя и тайно присвоив персидские сокровища, спрятанные в какой-то яме. От этого его и его сородичей будто бы прозвали λαχκόπλουτοι — «разбогатевшие от ямы». Версию эту, наивно-клеветническую, Плутарх, скорее всего, нашел в какой-нибудь комедии или памфлете и некритически использовал. В действительности, конечно же, подобная махинация, имей она место, не сошла бы

Именно Каллий, сын Гиппоника, являлся двоюродным братом (ανεψιός) Аристида *(Plut.* Aristid. 25). Следовательно, у них был общий дед, и дедом этим мог быть не кто иной как Каллий, сын Фениппа, или Каллий (I) — первый достоверно известный из источников представитель рода Кериков *(Herod* VI. 121), живший в середине VI в. до н.э. и получивший известность как непримиримый враг тирана Писистрата. Об этом Каллии Геродот (VI. 122) сообщает интересную подробность: он имел, кроме сына Гиппоника (будущего отца Каллия-богача), еще трех дочерей, и «когда дочери достигли брачного возраста, он роскошно одарил их и позволил каждой выбрать себе среди афинян мужа, какого она сама хотела, и тому отдал ее». Такая свобода, предоставленная дочерям, была совершенно не в афинских обычаях (как правило, родители ни в малейшей степени не интересовались мнением девушки, выдавая ее замуж) и характеризует Каллия как личность аристократически-экстравагантную[47]. И в историографии уже высказывалось обоснованное, в высшей степени импонирующее нам мнение, согласно которому матерью Аристида как раз и являлась одна из трех дочерей Каллия, сына Фениппа, выбравшая своим супругом Лисимаха[48]. Пусть в источниках эксплицитно об этом не говорится, но более убедительной альтернативы, позволяющей установить родство Аристида с Кериками, кажется, просто нет.

Можно присовокупить еще и следующее соображение. Каллий, сын Фениппа, знатнейший аристократ, да еще и выходец из жреческого рода, наверняка воспитал своих дочерей в духе традиционной добродетели. Если они выбирали

мир и судьбы последующие века.

Каллию с рук. А кроме того (и это самое главное), Каллий был, несомненно, очень богат уже до Марафона, о чем недвусмысленно свидетельствуют его три (!) олимпийские победы в самом дорогостоящем виде состязаний. А прозвище λαχκόπλουτοι, скорее всего, должно трактоваться по-другому: оно показывает, что богатство Кериков пошло от разработки Лаврийских серебряных рудников, от тамошних «ям», т.е. шахт. Ср.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 13.

[47] Как нам уже приходилось писать, в Афинах в целом в аристократических кругах общества женщина пользовалась большей свободой и играла более активную роль, нежели в массе демоса. См.: *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный М., 1995. С. 43-52.

[48] *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. Vol. 51, №1 · P. 69 — 73. Другая дочь, по выкладкам Шапиро, была выдана за некоего Струтона, а третья — за Кратин из рода Алкмеонидов.

себе мужей, руководствуясь принципами этой добродетели, и если сделать вполне естественное допущение, что Лисимах хотя бы отчасти отличался такими же качествами, как его сын, — справедливостью и душевным благородством (ведь не без влияния же родителей Аристид сформировался в образцового человека и гражданина), — то многие компоненты ситуации начинают объяснять и подкреплять друг друга.

Как бы то ни было, абсолютно достоверно, что по материнской линии Аристид происходил из Кериков, хотя официально членом их рода, безусловно, считаться не мог. Впрочем, положение это не уникально. Ксантипп и Перикл тоже не входили в состав рода Алкмеонидов, но получали от этого рода поддержку, поскольку из него вышли матери обоих названных политиков[49].

Говоря о родственных связях Аристида, отметим еще один занятный факт. Философ Сократ, как известно, был женат на Ксантиппе, имя которой стало хрестоматийным и нарицательным для сварливой женщины. Однако существует устойчивая традиция, представленная целым рядом авторов *(Arist.* Fr. 93 *Rose; Demetr. Phaler.* FGrHist. 228. F45; *Plut.* Aristid. 27; *Diog. Laert.* II. 26; *Athen.* XIII. 556a), согласно которой у Сократа имелась и вторая жена, по имени Мирто, которую он взял в свой дом то ли для того, чтобы помочь ей в нужде, то ли выполняя какое-то постановление, поощрявшее граждан для улучшения ситуации с деторождением иметь двух жен сразу.

Все перечисленные источники согласны только в одном — в том, что Мирто принадлежала к семье Аристида Справедливого. В остальном же — полный разнобой. Она фигурирует то как дочь Аристида[50], то как его внучка, то даже как правнучка. И женой Сократа она была не то до Ксантиппы, не то после, не то одновременно с ней... Не можем исключать, что по своему юридическому статусу Мирто считалась не официальной супругой Сократа, а его наложницей (παλλακή)[51]. Как известно, афинское право отнюдь не запрещало гражданам иметь таких наложниц, которые, более того, вполне могли быть свободными женщинами и даже гражданками.

Не пытаясь сейчас распутать все эти хитросплетения (поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной тематики работы), констатируем только факт, который, кажется, все-таки можно считать имевшим место: Сократ находился в каких-то близких отношениях с женщиной из потомства Аристида. И опять же ничего невероятного в этом нет. Напомним, что философ тоже принадлежал к дему Алопека. И, наверное, не случайно, что между семьями Аристида и Сократа поддерживалась наследственная дружба, о чем неоднократно сообщает Платон. Так, друзьями были сын Аристида Лисимах и отец Сократа Софрониск *(Plat.* Lach. 180e). А сам Сократ поддерживал близкие отношения с Аристидом Младшим, сыном этого Лисимаха и внуком Аристида Справедливого *(Plat.* Theag. 130a). Вполне естественно, что в круг этих отношений, продолжавшихся на протяжении нескольких поколений, оказалась втянута и Мирто — дочь или сестра Аристида Младшего[52]. Кстати, можно с немалой долей уверенности утверждать, что личность старшего Аристида, его образ жизни оказали значительное влияние на Сократа, на весь стиль его поведения, который был максимально простым и непритязательным не только (наверное, даже не столько) из-за ограниченности материальных средств, но и по принципиально-демонстративным соображениям.

Здесь мы, возвращаясь к Аристиду, выходим на немаловажный момент. Как уже отмечалось выше, в нарративной традиции второй основополагающей характеристикой этого политика, наряду со справедливостью, выступает бедность, можно сказать, «благородная нищета». Причем чем позже

[49] *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 14 и след.; *Он же.* Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100 и след.

[50] Впрочем, этот вариант представляется совершенно невозможным; достаточно сопоставить время рождения Аристида и Сократа.

[51] Об этом статусе см.: *Mosse C.* La place de la pallake dans la famille athenienne // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 273-279.

[52] Отметим здесь, что «босоногий мудрец» Сократ отнюдь не был, как зачастую считают, представителем простонародья, с которым из какого-то аристократического каприза общались члены прославленных евпатридских родов. С гораздо большим основанием можно считать философа выходцем из обедневшей знати, сохранившим связь со своей исконной средой. Имя его законной супруги, Ксантиппы, типично именно для аристократов; мужской вариант этого имени, Ксантипп, был популярен в VI —V вв. до н.э. прежде всего в роду Бузигов. За безвестного человека ни один евпатрид, конечно, не выдал бы свою дочь. Круг идей, высказанных в данном примечании, подсказан нам А.А. Молчановым. Когда эти строки были уже написаны, появилась его работа, где рассматривается соответствующий сюжет: *Молчанов А.А.* Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201-203.

источник — тем в более выпуклой и подчеркнутой форме выступает в нем этот мотив. Складывается он не сразу: у Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля, Демосфена[53] Аристид еще не предстает воплощением бедности. А вот уже Деметрий Фалерский в конце IV в. до н.э. выступает с аргументированной критикой тезиса о бедности Аристида (FGrHist. 228. F43), и это показывает, что данный тезис к тому времени появился и приобрел распространение[54]. В дальнейшем «мотив бедности», представлявший собой, повторим, весьма удобный для саморазвития топос, только увеличивал свою роль, обрастая новыми и новыми, все менее аутентичными подробностями. У авторов эллинистического и римского времен мы читаем о том, как Аристид решительно отказывается от вспомоществования со стороны богатых родственников, о том, как его дочери после смерти отца оказываются бесприданницами, и государство вынуждено субсидировать их вступление в брак...

«Мотив бедности» в риторической традиции не уникален; он встречается применительно не только к Аристиду, но и к ряду других лиц: Эфиальту, Эпаминонду, Фокиону, некоторым деятелям ранней римской истории (Цинциннату, Фабрицию и др.). Бесспорно, речь идет именно о какой-то определенной группе политиков; по отношению к другим этот мотив выглядел неуместно, что, надо думать, прекрасно понималось. Никому и в голову не приходило писать, что, скажем, Фемистокл, Кимон или Перикл жили в бедности.

Переходя же от риторики к фактам, очевидно, можно считать несомненным, что Аристид действительно не относился к кругу самых богатых афинян. Но видеть в нем бедняка тоже нет никаких оснований. Когда Деметрий Фалерский доказывает, что Аристид не был таковым, не все его доводы обладают равной силой убедительности, но, во всяком случае, одного приводимого им аргумента вполне достаточно, чтобы расставить все точки над «i». Справедливо отмечается, что Аристид занимал пост архонта-эпонима (о времени и обстоятельствах его избрания см. ниже). А в его времена,

[53] Демосфен, как мы видели, говорит только о том, что Аристид не обогатился от сборов фороса и что он был похоронен за государственный счет. Этот последний факт говорит, конечно, не о бедности Аристида, а о его заслугах перед полисом, о том, что он удостоился большого почета.

[54] Думаем, что не ошибемся, предположив определенный вклад киническ ой школы в формирование данного мотива.

в начале V в. до н.э., доступ к этой магистратуре, как уже говорилось в главе I, был открыт только представителям двух высших имущественных классов — пентакосиомедимнам и всадникам (а, может быть, даже только пентакосиомедимнам, вопрос пока нельзя считать окончательно разрешенным), и лишь в 457 г. до н.э. к ней были допущены зевгиты.

Правда, как отмечает Аристотель (Ath. pol. 26. 2), от этой нормы в принципе возможны были отступления. Во времена самого Стагирита на практике даже фет мог стать архонтом, хотя формально это по-прежнему запрещалось (Ath. pol. 7. 4). Но в самом начале классической эпохи такая ситуация вряд ли мыслима. Тогда еще не был введен институт мистофории; государственные должности не оплачивались, а вот тратить собственные средства, занимая ту или иную магистратуру, приходилось немало. Да и в целом вращаться в высших эшелонах власти, принадлежать к самой верхушке политической элиты, к первым лицам государства (а именно такое положение в течение длительного времени занимал Аристид) в начале V в. до н.э., когда демократия делала свои самые начальные шаги и не утратила еще определенного «аристократического» оттенка, бедняку было никак невозможно.

Сказанное позволяет утверждать, что Аристид, скорее всего, принадлежал по размеру своего состояния к лицам не ниже всаднического статуса. Что же касается его образа жизни, скромного и умеренного, то здесь перед нами не столько знак бедности в собственном смысле слова, сколько сознательная линия поведения, намеренный отказ от любой роскоши. Может быть, и даже весьма вероятно, что Аристид воспроизводил на афинской почве простоту быта спартанцев[55]; сообщается *(Plut.* Aristid. 2), что «среди государственных деятелей он более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать».

[55] Вообще создается впечатление, что в среде афинской аристократической элиты начала классической эпохи конкурировали между собой два жизненных стиля, ориентированных соответственно на персидскую роскошь и на спартанскую простоту. Эти стили обозначались терминами μηδισμός и λακωνισμός и во многом согласовывались с политической линией того или иного гражданина. Вопрос, насколько нам известно, еще всерьез не поднимался в историографии, а между тем он заслуживает специальной разработки.

* * *

В этом же месте Плутарх сообщает, что «Аристид был приверженцем Клисфена». В чем конкретно это выражалось, не сообщается[56]. Очевидно, интересующий нас политик действительно начинал свою деятельность, будучи еще совсем молодым, в период клисфеновских преобразований, и при этом входил в окружение реформатора, в его «группу поддержки». Кстати, данный факт, возможно, дает определенные основания передвинуть дату рождения Аристида все-таки ближе к 530, чем к 525 г. до н.э.

Иными словами, Аристид вступил в политику в составе группировки Алкмеонидов, которая была сильнейшей и наиболее влиятельной в афинском полисе на рубеже VI—V вв. до н.э. Впрочем, это сближение с Алкмеонидами не должно было вызвать какого-либо недовольства у его сородичей Кериков. Ко времени Клисфена между родами Кериков и Алкмеонидов были уже установлены прочные дружественные и матримониальные связи[57] (возможно, на почве совместного противостояния Писистратидам).

Итак, вначале Аристид двигался по вполне традиционному пути. Если бы он и продолжил в том же духе, то, скорее всего, так и остался бы политиком второго-третьего эшелона — из числа тех, кто почти или совсем не остается в памяти потомков. Однако случилось иначе. С того момента, когда сведений о деятельности Аристида становится больше (а именно с 490 г. до н.э.), выясняется, что он занимает уже совершенно иную позицию — позицию, нужно сказать, уникальную, отличавшую его от всех остальных государственных деятелей его времени, более того, почти немыслимую в условиях классического полиса; и именно эта позиция обеспечила ему особое место в истории.

Аристид в период своей наибольшей известности являлся политиком вне группировок, подчеркнуто занимал (если можно так выразиться) равноудаленное положение по отношению если не ко всем, то к нескольким важнейшим «центрам силы» в государстве. Это обстоятельство, кстати, не ускользнуло от внимания Плутарха, который отмечает: «Аристид Справедливый всякое государственное дело предпринимал в одиночестве, а товариществ (εταιρείας, т.е. политических группировок. — *И.С.)* чуждался, полагая, что власть, приобретенная через друзей, мешает человеку быть справедливым» *(Plut. Mor.* 186a; ср. также: *Plut.* Aristid. 2 in fine: «Аристид же прокладывал свой путь в полном одиночестве...»).

При этом речь здесь не идет о стиле политического поведения, характерном, например, для Перикла, который на пике своей карьеры претендовал на то, что находится как бы «над схваткой», выше всех группировок, и выступает от имени всего гражданского коллектива[58]. Перикл, как известно, с 40-х годов V в. до н.э. даже демонстративно отказался от тесного общения с друзьями и родственниками *(Plut.* Pericl. 7), что, несомненно, производило впечатление некоторого высокомерия. Никто не был более чужд подобному снобизму, чем Аристид; его приемы в общественной жизни были, по сути, противоположными. Аристид отнюдь не изолировался от прочих участников политической борьбы, напротив, всегда был открыт для конструктивного диалога и сотрудничества практически с любым из них — в тех и только тех случаях, когда видел, что это пойдет на благо полису.

Именно это, насколько нам представляется, и служило причиной восхищенного удивления современников. Именно в этом заключалась знаменитая «справедливость» Аристида — в том, что он всегда ставил общегосударственные интересы выше личных и групповых. Ведь в целом данная черта была совершенно не свойственна афинской политической жизни с ее ярко выраженным личностным, агональным вектором. В полисной политике всегда была в высшей степени сильна оппозиция «свой — чужой». Одна из основополагающих максим общественной жизни, да и всей этики, могла бы формулироваться так: делай «своему» добро, а «чужому» зло, насколько возможно[59]. Это не оспаривалось, считалось чем-

[56] Удивляться отсутствию деталей, впрочем, не приходится. Политическая борьба в Афинах в пору клисфеновских реформ освещена в источниках крайне конспективно. Собственно, известно о каких-то конкретных действиях только двух участников этой борьбы — самого Клисфена и Исагора. Все же остальные политики конца VI в. до н.э. остаются совершенно в тени.

[57] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 57.

[58] *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 26.

[59] По поводу этого принципа см.: *Snell B.* The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought. N.Y., 1960. P. 166; *Blundell M. W.* Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics, Cambridge, 1991; *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // G&R. 1996. Vol. 43, N 1. P. 11-30; *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999.

то само собой разумеющимся. Даже самые крупные государственные деятели разных эпох (будь то Солон, Фемистокл или Демосфен), при всех своих других многочисленных достоинствах, в данном отношении не являли собой исключений из правила, находились в плену коллективных политико-этических установок. Соответственно, интересы полиса как целого сплошь и рядом отступали на задний план, а на передний выдвигалась ожесточенная борьба группировок.

Но вот для Аристида такая постановка вопроса оказывалась совершенно неприемлемой. Его политическое кредо выражалось, на нетерминологическом языке того времени, в понятиях справедливости и беспристрастия, иными словами, во всецелой ориентации на общие, а не частные интересы. Потому-то он и готов был для пользы дела сотрудничать почти с любым другим политиком. «Чужих» для него просто не существовало в родном полисе, все были «своими»[60].

Это, повторим, являлось не просто большой редкостью; среди всех современных ему лидеров таким, последовательно проводимым, подходом характеризовался он и только он. Вполне закономерно за все время существования Афинского государства только *один* политический деятель получил в оценке традиции устойчивый эпитет «Справедливого» (Δίκαιος), и это был, конечно, Аристид, — единственный, хотя одаренных, талантливых и даже просто гениальных политиков в Афинах имелось более чем достаточно. Они блистали в других отношениях — а он был просто «справедливым», выделялся среди сограждан именно в этом плане. Так он и запомнился следующим поколениям — как некий «луч солнца» в непростой афинской истории; его имя называли с ностальгией, со светлой грустью, с сожалением о том, что другого, подобного ему, так и не нашлось...

Интересно, что среди античных авторов нет единого мнения по вопросу о конкретно-политических взглядах Аристида и о его (как у нас принято было одно время выражаться) «социальной базе». Аристотель (Ath. pol. 23. 3) явно считает

№ 2(5). С. 39. Он действовал как в архаическую эпоху *[Sol.* Fr. 1, 5 - 6 *Diehl:* «Так, чтобы сладостен был я друзьям, горек - вражьему сердцу, и, чтимый другом своим, был бы грозой я врагу»), так и в классическую *(Lys.* IX 20: «Так уж заведено, думается мне, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро»).

[60] Здесь опять же противоположность Периклу: для последнего в период его максимального влияния, кажется, в полисе не оставалось «своих».

Аристида политиком демократической ориентации, ставит его имя рядом с именем Фемистокла. Вот его слова: «Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый — в гражданских (τά πολιτικά), притом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу (στρατηγώ), к другому — как к советнику (συμβούλω)». Простим здесь Стагириту известное упрощение: и Аристид в своей жизни, случалось, отличался как полководец, и Фемистокл не раз и не два подсказывал согражданам в высшей степени ценные идеи. Но общую, сложившуюся репутацию не преодолеть; судя по всему, уже современниками Аристид воспринимался не столько как «муж войны», сколько как «муж совета».

Для нас сейчас важнее другое. Аристотель, повторим, числит Аристида в простатах демоса и нигде не приравнивает его к простатам «знатных» (γνωρίμων), в числе которых он называет, например, Мильтиада, Кимона, Фукидида, сына Мелесия, Никия и Ферамена (Ath. pol. 28. 2 — 3). Совсем иное дело Плутарх, характеризующий Аристида так *(Plut.* Aristid. 2): «...склоняясь на сторону аристократии (αριστοκρατικής πολιτείας), он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла». В историографии, к сожалению, закрепилась именно эта последняя модель, в которой Фемистокл выступает как «демократ» и радикал, а Аристид — как консерватор, едва ли не «олигарх»[61].

В действительности Аристид не был, конечно, ни истовым «демократом», ни, тем более, принципиальным «олигархом». Он выступал (подчеркнем еще раз) прежде всего за благо государства как целого, а не какой-то конкретной группы или слоя людей. Он мог в различных конкретных обстоятельствах оказываться как в роли противника Фемистокла (действительно, деятеля радикальных интенций), так и в позе его союзника, если считал, что это пойдет на пользу полису. Несомненно, он симпатизировал умеренной (клисфеновской) форме народовластия; в то же время нет оснований Не верить, что он искренне восхищался какими-то чертами спартанского «космоса» (и опять же, нужно полагать, лучшими его чертами). Не вызывали у него поддержки только любые

[61] Ср. выражение подобных позиций (причем еще в довольно умеренной форме): *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 44.

крайности, и тут он был, конечно, прав: крайности в политике нигде, никогда и никому еще не шли на пользу.

«Беспартийность» Аристида (точнее, его «всепартийность», которую ни в коем случае не следует путать с политической «всеядностью») тем более удивительна, что он жил в эпоху, когда сохранять мудрую беспристрастность и добиваться компромисса оказывалось труднее, чем когда бы то ни было. Обстановка менее всего располагала к этому. Внутриполитическая борьба становилась все более острой, равно как и внешнеполитическая ситуация. «Дамокловым мечом» нависала персидская угроза; назревали события огромного исторического значения. К этим событиям нам самое время теперь перейти, тем более что выдвинутые выше тезисы о политической линии Аристида достаточно серьезны и должны быть проиллюстрированы фактами.

* * *

Первый по-настоящему знаменательный поступок в жизни нашего героя, тот, который во многом предопределил его дальнейшую судьбу и политическое реноме (его можно назвать даже Поступком с большой буквы), пришелся на годину Марафонского сражения. Когда афинское ополчение выступило к Марафону, Аристид — человек уже не юный, находившийся в поре «акме», но пока еще ничем всерьез себя не проявивший в общественной жизни и пребывавший несколько «в тени»[62], был в войске одним из десяти стратегов. Он командовал континентом своей филы Антиохиды, в которой тон задавали Керики и Алкмеониды, и был избран на высокую военную должность, несомненно, усилиями этих родов и их приверженцев[63].

Номинально ополчением руководил архонт-полемарх Каллимах, но после клисфеновских реформ роль этого должностного лица свелась практически к минимуму. Реальная власть распределялась между стратегами, а они, как уже упоминалось, возглавляли армию на началах полного равенства и ротации, ежедневно сменяя друг друга на посту «верховного». Такой порядок, конечно, можно назвать «смерти подобным» в ситуации, когда единоначалие было необходимо, как воздух. Это становится особенно ясно, если учесть, что среди десяти командиров абсолютно не имелось единства ни по тактическим, ни даже по стратегическим вопросам. А четко продуманный план действий, к тому же основанный на хорошем знакомстве с персидской военной организацией, с ее сильными и слабыми сторонами, вообще имел один лишь Мильтиад.

Мильтиад добивался carte blanche, но, естественно, его доводы натыкались на полную неуступчивость коллег. Какой же афинский аристократ согласился бы поступиться собственным «я» в чью-то чужую пользу! И вот тут в роли «палочки-выручалочки» выступил не кто иной как Аристид *(Plut.* Aristid. 5). Он, по словам Плутарха, «присоединился к мнению Мильтиада относительно срока и плана битвы». Более того, Аристид уступил ему свой день командования. Этот экстраординарный поступок стал примером для остальных стратегов, и они сделали так же, в результате чего Мильтиад стал единоличным командующим афинским войском и смог разгромить персов. Таким образом, помощь пришла к марафонскому победителю с совершенно неожиданной стороны, от политика, который не только не являлся его сторонником, но, напротив, принадлежал, как считалось, к конкурирующей с Филаидами группировке Алкмеонидов и Кериков.

Итак, в 490 г. до н.э. Аристид впервые продемонстрировал, что он, единственный среди современных ему лидеров, готов поступиться личными и узкогрупповыми амбициями во имя спасения государства. Это решение выглядело настоящим парадоксом. То, что сделал Аристид, в любое другое время, при любых других обстоятельствах не сошло бы ему с Рук и, пожалуй, поставило бы крест на всей его дальнейшей карьере: прежние соратники решительно отвернулись бы от него как от «перебежчика» и «двурушника», а в новый политический лагерь его все равно не приняли бы.

Однако Аристид не просто совершил правильный поступок: он совершил его в нужное время. После Марафонской победы ни у кого просто не повернулся бы язык, чтобы упрекнуть его. Ведь «задним числом» все понимали, что именно так и должен действовать каждый патриот: Мильтиад среди афинских полководцев был, бесспорно, наиболее компе-

[62] Достаточно вспомнить, что Фемистокл, который, видимо, был все-таки помоложе Аристида, уже успел к этому времени занять должность архонта-эпонима.

[63] В частности, Керики были весьма сильны в Афинах в 490 г. до **Н.э.** Архонтом-эпонимом этого года, т.е. первым магистратом государства, был некий Фенипп *(Develin R.* Athenian Officials 684 - 321 B.C. Cambridge, 1989. P. 55), который, судя по имени, принадлежал к Керикам и являлся, таким образом, родственником Аристида.

тентен в персидских делах, и вручение ему всей полноты власти выглядело наиболее естественным, единственно эффективным шагом. Другое дело, что ни один другой стратег не был психологически готов первым «переступить через себя». Во многом благодаря самоотречению Аристида персы были разгромлены, и это прекрасно сознавали сограждане.

Не случайно сразу после Марафона «рейтинг» Аристида (выражаясь современным языком) начал стремительно расти. Уже на ближайших выборах он был избран архонтом-эпонимом, высшим должностным лицом полиса, на 489/488 г. до н.э.[64] — так афиняне почтили его «непохожесть» на остальных. Причем, судя по тому, что в собственно военном отношении Аристид не совершил чего-либо достойного упоминания в Марафонской битве (во всяком случае, об этом ничего не сообщается), его возвысили до первого поста в государстве не как «мужа войны», а именно как «мужа совета». Отныне Аристид, как бывший архонт и член Ареопага, занимал прочное место в самых высших кругах политической элиты, признавался одним из признанных лидеров афинской гражданской общины. При этом он не поссорился и с Алкмеонидами, и приобрел доверие в более широких кругах населения.

Впрочем, если бы мы сказали, что он теперь совсем не имел недоброжелателей и завистников, мы сильно погрешили бы против истины. Напротив, таковых набиралось более чем достаточно. Многим очень не нравилось, что Аристид добился крупного политического успеха, не прилагая к этому никаких специальных усилий, что это получилось у него как бы само собой, в то время как сами они, со всем напряжением сил борясь за власть и влияние, зачастую терпели фиаско.

Несомненные отзвуки антипатии отдельных афинян по отношению к Аристиду — приводившиеся выше надписи на двух остраконах с остракофорий 80-х годов V в. до н.э. Тот из названных памятников, на котором Аристид назван «прогнавшим молящих о защите» при нынешнем состоянии наших знаний остается загадочным, и пока невозможно дать однозначный ответ на вопрос, имеет ли здесь место аллюзия на какое-то конкретное событие или же перед нами — злонамеренный, ни на чем не основанный домысел кого-то из врагов «справедливого» политика; вопрос приходится оставить открытым[65]. Совсем другое дело — остракон, на котором Аристид фигурирует как брат Датиса. Намек предельно прозрачен и свидетельствует о том, что Аристиду некоторое время не могли еще забыть того факта, что он начинал свою деятельность в группировке Алкмеонидов — умеренных персофилов. Вряд ли стоит еще раз напоминать о том, что как раз в ближайшие годы после Марафона противники Алкмеонидов вели против них ожесточенную кампанию обвинений в персидской измене (дело о «сигнале щитом»). Некоторые удары, понятно, приходились и по Аристиду, однако, нужно полагать, сколько-нибудь серьезного ущерба его быстро устоявшейся репутации они не наносили. Все мыслящие граждане не могли не понимать, что Аристида, во-первых, уже нельзя однозначно идентифицировать с Алкмеонидами; во-вторых, само его поведение на Марафонском поле служило достаточным аргументом против любых подозрений в персофильстве.

Тем не менее Мильтиад, насколько можно судить, так и не приобрел полного, безоговорочного доверия к Аристиду. Обратим внимание на эпизод, имевший место непосредственно после победы при Марафоне *(Plut.* Aristid. 5). Оттеснив персов к кораблям и увидев, что те плывут к Афинам, огибая побережье Аттики, командующий немедленно приказал полисному ополчению форсированным маршем двигаться к городу, дабы опередить врага. Однако в Афины возвратилось не все войско, а отряды лишь девяти фил. Десятый отряд, а именно отряд Антиохиды во главе с Аристидом, был оставлен на поле боя, по версии Плутарха, для того чтобы охранять пленников и добычу. Нам, однако, представляется, что здесь могла иметь место и другая причина. Вряд ли в условиях, когда под угрозой оставалась сама независимость родины, к тому же на счету был каждый человек (армия персов Даже после понесенных при Марафоне потерь превосходила численностью афинскую), вопрос об охране добычи стоял так уж остро. Не исключено, что Мильтиад оставил на месте

[64] *Plut.* Aristid. 5 («после Фениппа»). Правда, Деметрий Фалерский (FGrHist. 228. F44) утверждал, что Аристид был архонтом уже после Платейского сражения. Но здесь этот авторитетный автор явно ошибался, и Плутарх в данном случае совершенно прав, опровергая его мнение. После 487 г. до н.э. архонтов уже не избирали голосованием; они занимали должность по жребию. Соответственно, с этого времени и вплоть до эпохи эллинизма мы не находим в списках архонтов ни одного сколько-нибудь видного политика. В лучшем случае это второстепенные представители знатных родов, а по большей части — просто безвестные, случайные люди. Об архонтате Аристида см.: *Develin R.* Op. cit. P. 57.

65 См.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 185.

сражения ту часть ополчения, которая казалась наиболее ненадежной, присутствие которой в городе ввиду возможной новой персидской атаки представлялось нежелательным[66]. Кстати, мы знаем, что к филе Антиохиде принадлежало, помимо Аристида, большинство представителей Алкмеонидов, которые в первую очередь подозревались в симпатиях к персам. Как бы то ни было, Аристид и эту возложенную на него задачу выполнил с честью. Он, по словам Плутарха, «не обманул возлагавшихся на него надежд: хотя повсюду были груды серебра и золота, а в палатках и на захваченных судах находились в несметном числе всевозможные одежды и другое имущество, он и сам пальцем ни к чему не притронулся, и другим не позволил». Разумеется, в этом пассаже не обошлось без риторических преувеличений относительно «несметного» числа захваченных во вражеском лагере богатств, но суть дела, нужно полагать, передана верно.

Самого Мильтиада уже год спустя не было в живых. А его сына, юного Кимона, который после смерти отца оказался в весьма затруднительном положении (как в материальном, так и в политическом плане), Аристид в некотором роде взял под свое покровительство. Как сообщает Плутарх (Cim. 5), «особенно же возвеличил его (Кимона. — *И.С.)* Аристид, сын Лисимаха, который видел прекрасные качества его характера». Политик, прозванный «Справедливым», в очередной раз продемонстрировал, что в родном полисе «чужих» для него не существует, помогая сыну отнюдь не самого благожелательного к нему лидера. При этом Аристид руководствовался, конечно же, не нормами какой-нибудь гуманистической этики. Он был не «добреньким», а принципиальным, проницательно угадывая несомненные таланты Кимона, которым предстояло раскрыться, и прекрасно понимая, что этот молодой человек в будущем способен принести большую пользу Афинам. В дальнейшем, как мы увидим ниже, Аристиду и Кимону приходилось действовать в военно-политической сфере рука об руку. Да и в целом, несмотря на то, что они были очень разными людьми, прослеживается между ними определенная черта сходства - благородство и какая-то искренность всего поведения, всего образа жизни.

[66] Обратим внимание и на то, что отряд Антиохиды получил наименее ответственное и далеко не самое трудное поручение: конечно, значительно легче было отдыхать после битвы, охраняя добычу, чем с остальным войском совершать в полном вооружении «марафонский бег» к Афинам, да еще и без всякой передышки.

Итак, Аристид снова и снова оказывался способен найти общий язык с самыми разными политиками — но только на принципиальной основе, во имя блага полиса. Он не шел ни на какие уступки там, где видел свою правоту — но зато и не считал зазорным переменить точку зрения, если иной взгляд на вещи представлялся более убедительным. «Внеся на рассмотрение народа какой-то законопроект, когда его мнение, невзирая на многочисленные и горячие возражения, все же возобладало и председатель уже готов был перейти к голосованию, Аристид убедился, что противники правы, и снял свое предложение» (*Plut.* Aristid. 3). Опять же случай почти немыслимый в условиях агонального полисного менталитета!

Случалось Аристиду сотрудничать даже и с Фемистоклом. И это несмотря на то, что в нарративной традиции они предстают самыми непримиримыми антагонистами, каких только видел свет. Мотив их противостояния занимает, пожалуй, самое заметное место и в изложении Плутарха. Насколько можно судить, дебаты между Фемистоклом и Аристидом были в 80-е годы V в. до н.э. действительно весьма горячими; страсти подчас до предела накалялись, что вообще было свойственно афинской внутриполитической борьбе этого периода. После одной из таких стычек в экклесии Аристид даже пошутил в духе «черного юмора», сказав, «что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих - и Фемистокла, и его самого - в пропасть» *(Plut.* Aristid. 3).

Однако, изучая отношения между Аристидом и Фемистоклом, вряд ли стоит односторонне выдвигать на первый план только моменты вражды и конфликта. Понятно, что в источниках, особенно поздних, именно эти моменты оказались особенно акцентированными (местами, насколько можно судить, искусственно). Ведь перед нами опять же крайне Удобный для риторической разработки топос: противопоставление друг другу двух полярно несхожих деятелей — одного, безусловно талантливого и яркого, но при этом абсолютно беспринципного, и другого, может быть, не столь одаренного, но зато по моральным качествам являющего собой воплощение идеального гражданина.

О вражде Фемистокла и Аристида упоминается уже у Геродота (VIII. 79). Но «отец истории» не говорит о том,

что эта вражда была постоянной, непримиримой; он ведет речь о конкретной ситуации, сложившейся после изгнания Аристида остракизмом. Изгнание это имело место прежде всего благодаря Фемистоклу и, понятно, не могло не обострить отношения между двумя политиками. Аристотель (Ath. pol. 23. 3-4; 28. 2) вообще считает Аристида и Фемистокла не столько противниками, сколько союзниками, распределившими между собой сферы деятельности. Но вот уже у авторов эллинистического и римского времени (Непота, Плутарха и др.) сюжеты, связанные с их соперничеством, решительно преобладают, что, бесспорно, следует оценить как упрощение реального положение дел.

Говоря о пресловутой вражде, необходимо иметь в виду несколько немаловажных нюансов. Во-первых, сам ее факт вряд ли правомерно отрицать. Слишком уж разными людьми были два упомянутых лидера, чтобы между ними могла возникнуть подлинная политическая и личная близость. Во-вторых, при этом оба они, как умудренные государственные мужи, конечно, в случае необходимости находили в себе силы забыть о разногласиях и выступать «единым фронтом». Характерно в данной связи следующее место из Плутарха (Mor. 186b): «Однажды он (Аристид. — *И.С.)* был отправлен в посольство вместе с Фемистоклом, хоть они и враждовали. "Давай, Фемистокл, — сказал он, — оставим нашу вражду на границе, а когда будем возвращаться, тогда, если хочешь, подберем ее опять"». Неважно, к какому конкретно времени и эпизоду деятельности политиков относить эту хрию; в любом случае она очень хорошо характеризует их позицию по отношению друг к другу.

В-третьих (и, это, пожалуй, самое важное), для лучшего понимания ситуации следует как можно более конкретно локализовать во временном плане противостояние Фемистокла и Аристида. Ведь, повторим, не было же оно постоянным и не подверженным никаким сближениям. Оказывается, что на протяжении первой половины 80-х годов V в. до н.э. конфликт еще практически никак не давал о себе знать; решительное столкновение пришлось только на 482 г. до н.э. (см. ниже); оно-то и запомнилось современникам и потомкам. А до того мы не раз видим Фемистокла и Аристида действующими вместе.

Так, в 487 г. до н.э., как уже упоминалось в главе I, была осуществлена важная реформа архонтата *(Arist. Ath.* pol. 22. 5)[67], после которой архонты впервые стали избираться не голосованием, как раньше, со времен Солона, а по жребию. Главным инициатором этой реформы, уменьшившей значение коллегии архонтов и Ареопага и возвысившей роль стратегов, несомненно, являлся Фемистокл, с чем согласны практически все исследователи. А нам уже приходилось в другом месте[68] высказывать предположение, согласно которому к сторонникам реформы архонтата принадлежал также и Аристид[69], в данном случае оказавшийся, таким образом, в одном лагере с Фемистоклом. Оба этих политика имели между собой то общее, что и тот и другой уже побывали в должности архонта и теперь ничего не проигрывали от изменения порядка замещения этой магистратуры. Кроме того, их положение зиждилось не только на статусе ареопагитов: и тот и другой могли опереться на неофициальную, но чрезвычайно влиятельную позицию простатов демоса. Кстати, именно в этом качестве они могли оказывать влияние на народное собрание, которое и провело с воодушевлением соответствующий закон.

Можно предположить, что, инициируя реформу, два политика руководствовались неодинаковой мотивацией. Аристид, скорее всего, считал, в духе своей позиции, что назначение магистратов посредством жеребьевки более справедливо и беспристрастно, нежели их избрание голосованием, поскольку исключает проявление любых личных и симпатий, и антипатий граждан. А амбициозный Фемистокл попросту стремился, перекрыв видным политическим лидерам путь к архонтату и членству в Ареопаге, уменьшить число своих возможных конкурентов в сфере общественной жизни.

В целом хронологический отрезок между отражением персов при Марафоне и походом Ксеркса с полным основанием может быть назван в афинской истории «эпохой Феми-

[67] Об этой реформе см.: *Cavaignac E.* La designation des archontes atheniens jusqu'en 487 // RPLHA. 1924. Vol. 48. P. 144-148; *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 86-115; *Buck R.J.* The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // CIPh. 1965. Vol. 60, N 2. P. 96-101; *Badian E.* Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. Vol. 5. P. 1-34; *Kelly D.H.* The Athenian Archonship 508/7 - 487/6 B.C. // Antichthon. 1978. Vol. 12. P. 1-17.

[68] *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг... С. 34.

[69] Намек на это (правда, в неверном хронологическом контексте) см. у Плутарха (Aristid. 22).

стокла». Данному мужу будет специально посвящена следующая глава этой книги. Но настолько велика была роль этого деятеля во всех развертывавшихся в Афинах в это время событиях, что мы просто вынуждены снова и снова, несколько забегая вперед, останавливаться, хотя бы вкратце, на некоторых его поступках и инициативах.

Пользуясь поддержкой демоса за свою подчеркнуто антиперсидскую позицию, Фемистокл год за годом набирал силы и оттеснял соперников. Впрочем, он не довольствовался тем, что конкуренты будут просто отодвинуты на второй план, и желал по возможности вообще удалить их из полиса, чтобы действовать «с развязанными руками». С этой целью он извлек из-под спуда принятый еще при Клисфене, но за истекшие с тех пор почти двадцать лет так ни разу и не примененный закон об остракизме[70]. Этот закон давал гражданской общине возможность достаточно долговременного (десятилетнего) изгнания «неугодных» политиков из пределов афинского государства.

Здесь вряд ли стоит сколько-нибудь подробно говорить об институте остракизма, тем более что мы уже посвятили ему целый ряд работ, в которых постарались выявить все основные характеристики феномена[71]. Тем не менее, поскольку эта процедура чрезвычайно важна как для общего понимания политической истории и политической практики демократических Афин, так и конкретно в судьбах героев нашей книги, в частности Аристида, наверное, все же будет уместно и даже необходимо хотя бы несколькими фразами коснуться остракизма[72].

Остракизм (буквально — «черепкование»[73]) осуществлялся следующим образом. Раз в год весной на одном из заседаний экклесии ставился вопрос: нет ли в полисе лица, «чрезмерно» возвысившегося и уже тем самым угрожающего устоям демократии, способного захватить тираническую власть? Пока, подчеркнем, вопрос ставился именно в такой, предельно абстрактной форме, никаких имен на этой стадии не называлось. Если народное собрание давало положительный ответ, то спустя некоторое время назначалось собственно голосование. Каждый желающий писал на глиняном черепке-остраконе имя того политика, который лично ему казался опасным и заслуживающим изгнания, и сдавал этот «бюллетень» должностным лицам на Агоре. К концу дня черепки подсчитывались; если кто-либо из граждан упоминался на них более 6 тыс. раз, он подвергался изгнанию сроком на 10 лет. Изгнание не сопровождалось какими-либо дальнейшими репрессивными мерами: конфискацией имущества, преследованием семьи, поражением в правах. Отбыв положенный срок за пределами полиса, жертва остракизма возвращалась и полностью восстанавливалась в своем гражданском статусе, получая возможность вновь заниматься политической деятельностью.

Остракизм не служил наказанием, поскольку не подразумевал никакой вины изгоняемого. Напротив, он являлся, как ни парадоксально, в известной степени почетным изгнанием: как правило, только действительно очень влиятельный, выдающийся человек мог подвергнуться этой процедуре, и она

[70] Закон был проведен Клисфеном в пору его борьбы с Исагором, но в то время его так и не довелось применить. Как известно, Исагор, обратившись за спартанской помощью, сам себя скомпрометировал в глазах демоса и вынужден был с позором покинуть Афины без всякого остракизма. См. по этому поводу: *Stanton G.* The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. Vol. 90. P. 180-183; *Knight D.W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13 f.; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 140 ff.; *Phillips D.J.* Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 24; *Littman R.J.* Op. cit. P. 150.

[71] Сошлемся лишь на некоторые, важнейшие из этих работ: *Суриков И.Е.* Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // АВ. 1999. Вып. 4/5. С. 126— 143; *Он же.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // ДП. 2000. № 1(6). С. 14 — 22; *Он же.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // Hyperboreus. 2000. Vol. 6, fasc. 1. P. 103— 123; *Он же.* Политическая борьба...; *Он же.* Античная нарративная традиция об институте остракизма // SH. 2002. Т. 2. С. 51 —74; *Он же.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3 — 30; *Он же.* Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи: автореф. дисс.... докт. ист. наук. М., 2004; *Он же.* Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. № 2. С. 113—130. Укажем также главные зарубежные исследования по проблеме, в которых рассматривается процедура остракизма: *Carcopino J.* L'ostracisme athenien: 2nd ed. P., 1935; *Calderini A.* L'ostracismo. Como, 1945; *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970; *Thomsen R.* Op. cit.; *Lang M.* Ostraka...; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz...

[72] Поговорить об остракизме тем более логично именно в данном Месте, что Плутарх дает наиболее подробный во всей античной традиции Рассказ об этой процедуре как раз в жизнеописании Аристида *(Plut.* Aristid. 7).

[73] А не «суд черепков», как иногда переводят. Остракизм вообще не был судом и не имел ни малейшего отношения к судебной системе и судопроизводству.

как бы выдавала ему некий «сертификат качества». Остракизм, как он был задуман Клисфеном[74], следует считать «профилактической», превентивной мерой, с помощью которой демократический полис ограждал себя от возможности ликвидации народоправства и установления режима личной власти, и при этом мерой достаточно гуманной *(Plut.* Aristid. 7)[75]. Другое дело, что в реальной практике остракизм довольно скоро (и чем дальше, тем больше) стал менять свою изначальную природу и употребляться как мощное средство политической борьбы.

После Марафонской победы, как сообщает Аристотель (Ath. pol. 22. 3), афиняне впервые применили закон об остракизме. И не просто впервые применили: в 80-е годы V в. до н.э. к этой процедуре обращались значительно интенсивнее и чаще, чем когда бы то ни было в последующей истории Афин. Едва ли не каждый год проводилась остракофория[76]. Не случайно, что из открытых археологами остраконов (а их на сегодняшний день более 10 тыс.) львиная доля датируется именно 80-ми годами. На большинстве этих черепков читаются только имена политиков; однако на некоторых, как мы уже видели в связи с Аристидом, встречаются дополнительные замечания, обычно эмоционально-экспрессивного или инвективного характера. Эти приписки особенно ценны, поскольку они с неожиданной стороны демонстрируют ряд особенностей массового сознания эпохи. Надписи на остраконах, помимо всего прочего, свидетельствуют и о весьма высоком уровне грамотности афинских граждан времени

[74] Впрочем, не Клисфен был изобретателем остракизма; он лишь модифицировал более древний институт. Различные формы остракизма, кстати говоря, зафиксированы источниками, помимо Афин, и в ряде других полисов, не обязательно демократических.

[75] Если вспомнить ради контраста, как зачастую изгоняли своих противников победители во внутриполитических схватках архаической эпохи (не только с семьями, но и зачастую целыми родами, как Алкмеонидов в VII —VI вв. до н.э., бессрочно, с конфискацией всего имущества и т.д.), то станет абсолютно ясно, что клисфеновский закон об остракизме был шагом вперед, к смягчению борьбы группировок и установлению в ней неких «правил игры». На это немаловажное обстоятельство справедливо обращено внимание в раб.: *Карпюк С.Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17-35.

[76] Об остракофориях этих лет см.: *Lavelle B.M.* A Note on the First Three Victims of Ostracism (Αθηναίων Πολιτεία 22. 4) // ClPh. 1988. Vol. 83, N 2. P. 131 — 135; *Суриков И.Е.* Политическая борьба...

ранней классики. Демократия только-только делала свои первые шаги, а гражданский коллектив проявлял уже значительную степень политического самосознания. Собственно, сама процедура остракизма предполагала практически поголовную грамотность участвующих, хотя бы минимальную (умение написать на черепке несколько слов). Конечно, возможности многих этим и ограничивались, отнюдь не поднимаясь до способности читать и воспроизводить сложные тексты. Но в целом можно с уверенностью говорить о том, что если среди афинян и оставались неграмотные, то они попадались исключительно редко[77].

Вполне резонен вопрос: почему в десятилетие после Марафона, в период постоянно нараставшей внешней угрозы, когда, казалось бы, всего важнее были единство и сплоченность, афинские политики, вместо того, чтобы выступать общим фронтом, предпочитали конфликтовать и сводить друг с другом счеты посредством остракизма? На то имелся ряд причин как объективного, так и субъективного характера, на которых, очевидно, будет уместнее специально остановиться в главе, посвященной Фемистоклу. Ведь практически несомненно, что именно он стал инициатором начала реального применения остракизма и изгнания ряда видных политиков, что остракофории 80-х годов — его рук дело. С этим согласно подавляющее большинство антиковедов[78].

Хронологическую последовательность остракофорий, о которых идет речь, излагает Аристотель в «Афинской поли-

[77] *Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42, N 3. P. 382.

[78] Например: *Gregor J.* Perikles: Griechenlands Grösse und Tragik. München, 1938. S. 202; *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. II: Kleisthenes and the Persian Wars // Hermathena. 1952. Vol. 79. P. 1-21; *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. Vol. 30, N 4. P. 399; *Forrest W.G* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800-400 B.C. L., 1966. P. 220; *Thomsen R.* Op. cit. P. 132; *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23, H. 2. P. 159; *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 47; *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979. S. 53 u. folg.; *Bengtson H.* Op. cit. S. 50; *Camp J.M.* Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. Vol. 68, N 3. P. 268; *Anderson G.* Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. Bd. 49, H. 4. P. 402; *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 19 — 20; *Он же.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // АМ. С. 71.

тии» (22. 4-7). Результат самой первой из них (487 г. до н.э.) был, пожалуй, заранее предсказуем: ее жертвой стал Гиппарх, сын Харма, глава группировки «друзей тиранов». Этому политику ничто уже не могло помочь после Марафона, где в персидском войске в качестве союзника присутствовал его родственник Гиппий. Более скомпрометированной фигуры в афинской общественной жизни, чем Гиппарх, наверное, просто не нашлось.

В 486 г. до н.э. из полиса изгнали Мегакла, сына Гиппократа, — одного из виднейших представителей рода Алкмеонидов, племянника Клисфена (и, кстати, дядю уже родившегося к тому времени Перикла). В сфере «большой политики» Мегакл никак не отличился[79] (во всяком случае, об этом ничего не известно) и больше прославился демонстративно аристократическим образом жизни, в частности крупными успехами в колесничных состязаниях. В этот момент впервые в полной мере проявилась умело направляемая Фемистоклом неприязнь демоса к Алкмеонидам, подозреваемым в проперсидских симпатиях.

Имя политика, подвергшегося изгнанию в следующем, 485 г. до н.э., Аристотель эксплицитно не сообщает. Однако целым рядом исследователей было высказано весьма основательное мнение, согласно которому им являлся Каллий, сын Кратия[80], состоявший в родстве как с Кериками, так и с Алкмеонидами и, кстати, приходившийся Аристиду двоюродным братом по материнской линии.

В 484 г. до н.э. остракизм постиг Ксантиппа, который к тому времени занимал положение лидера группировки

[79] *Суриков И.Е.* Остракон Мегакла. Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16.

[80] *Schreiner J.H.* The Origin of Ostracism Again // CM. 1970 (1976). Vol. 31. P. 88; *Thomsen R.* Op. cit. P. 99; *Bicknell P.J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64 ff.; *Williams C.M.E.* The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. Bd. 31. S. 103 u. folg.; *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd. 1. S. 35; *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981. P. 274; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989. S. 193 u. folg.; *Mattingly H.B.* The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. Vol. 25. P. 2; *Murray O.* Early Greece; 2nd ed. L., 1993. P 285 f; *Petzold K.-E.* Geschichtsdenken und Geschichtsschreibung: Kleine Schriften zur griechischen und römischen Geschichte. Stuttgart, 1999. S. 165.

Алкмеонидов[81]. Это была по-настоящему большая победа Фемистокла: он сумел избавиться, хотя бы на время, от одного из своих самых опасных соперников, действительно крупного государственного деятеля. Так на протяжении 80-х годов V в. до н.э. Фемистокл последовательно и успешно шел к достижению позиции единоличного лидера Афин и оказался уже весьма близок к этому.

А что же Аристид? Как видим, среди жертв первых четырех остракофорий он отсутствует. Хотя, употребляя, может быть, чрезмерно современное сравнение, «снаряды падали» буквально вокруг него. В изгнание уходили близкие Аристиду люди, те политики, в рядах которых он начинал свою карьеру. А сам «Справедливый» пока оставался нетронутым. Приходят на ум два возможных объяснения ситуации. Либо Фемистокл пока еще находил с Аристидом точки соприкосновения и не видел в нем решительного противника, с которым нужно как можно скорее «покончить»; либо репутация Аристида в полисе считалась настолько высокой и прочной, что его не так-то просто было дискредитировать, и это пришлось «отложить напоследок». Как представляется, сыграли свою роль оба этих фактора.

Однако рано или поздно момент решительного столкновения между Фемистоклом и Аристидом не мог не наступить. Помимо того, что к концу 80-х годов Аристид, и только он один, стоял на пути Фемистокла к безоговорочному лидерству, в конце концов должна была сказаться полная противоположность их общеполитических позиций. Между самым, так сказать, «партийным» политиком раннеклассических Афин и политиком самым «беспартийным»[82] конфликт был попросту неизбежен.

Разумеется, конфликт этот имел не только личный, но и принципиальный характер. Развертывался он вокруг важнейшего вопроса военно-стратегической политики[83]. Оба оппонента принимали как данность тот факт, что необходимо готовиться к обороне от становившегося все более неминуемым персидского вторжения. Но как готовиться? Аристид — и в этом виден его определенный консерватизм —

[81] *Суриков И.Е.* Ксантипп, отец Перикла... С. 102—103.

[82] Противопоставление Плутархом (Aristid. 2) Фемистокла и Аристида именно в этом отношении выглядит вполне правомерным.

[83] В целом о влиянии Греко-персидских войн на стратегию греков см.: *Meißner B.* Krieg und Strategie bei den Griechen // Seminari Romani di culture greca. 2002. Vol. 5, fasc. 1. P. 107-135.

считал, что, собственно, Марафон уже дал ответ на этот вопрос. 192 погибших греческих гоплита против шести тысяч убитых персов — такое соотношение не могло не вдохновлять. Фаланга показала свое решительное превосходство даже над превышающими по численности ахеменидскими войсками. Соответственно, вывод напрашивался сам собой: именно на фалангу, на сухопутные силы нужно возложить все упования, именно эту часть полисного ополчения следует развивать и крепить в первую очередь. В данном отношении Аристид выступал фактически в роли преемника линии Мильтиада.

Однако к моменту, о котором[84] идет речь, такая позиция отражала уже «вчерашний день». Более дальновидным оказывался Фемистокл. Он лучше, чем кто-либо, сознавал, что, сколько бы ни укреплять сухопутное войско, оно все равно окажется бессильным перед лицом той колоссальной армады, которая должна была вторгнуться в Элладу с году на год. При всех великолепных боевых качествах фаланги персы просто раздавили бы ее числом. Спасение, если вообще его следовало ожидать, могло прийти только на море. Поэтому Фемистокл призывал создать в Афинах по-настоящему мощный, многочисленный и боеспособный флот взамен эскадры из примерно полусотни кораблей, которой полис на тот момент располагал[85]. Насколько можно судить, эта «морская программа» сложилась у Фемистокла уже к концу 90-х годов V в. до н.э., когда по его инициативе начали строить новый порт в Пирее. Но тогда работы пришлось в силу ряда обстоятельств приостановить. И только теперь Фемистокл подошел ближе, чем когда-либо раньше, к реализации своих планов. Оставалось переубедить или устранить Аристида. Переубедить, очевидно, не удалось. Это, наверное, был единственный случай, когда «справедливый» политик совершил по-настоящему крупный промах. Принципиальность оказалась для него важнее, чем соображения стратегической целесообразности. А может быть, он уже тогда предвидел внутриполитические последствия предлагаемой морской программы (см. ниже)?

[84] Интересно, что даже сын Мильтиада Кимон в дальнейшем не придерживался взглядов отца. Как увидим в посвященной ему главе, свои основные победы этот полководец одержал на море, а не на суше.

[85] На начало V в. до н.э. афинский флот комплектовался по навкрариям. Их насчитывалось 48, и каждая снаряжала один корабль. См.: *Строгецкий В.М.* Морская программа... Таким образом получали основное ядро морских сил, к которому могли прибавляться корабли, снаряженные из собственных средств отдельными богатыми гражданами (зачаток позднейшей триерархии).

* * *

Конфликт достиг своего максимального накала в 482 г. до н.э. Этому способствовало неожиданно возникшее обстоятельство. В Лаврийских серебряных рудниках на юге Аттики была открыта новая мощная жила, и у государства появился важный дополнительный источник дохода. Обычно в таких случаях полученные средства делились поровну между гражданами. Как сообщается, «некоторые» (τινές) предлагали и на сей раз поступить подобным же образом[86]. Не приходится сомневаться (хотя об этом и не говорится откровенно) в том, что в число этих «некоторых» входил и Аристид. Сама идея равного и справедливого раздела не могла не вызывать у него симпатии. К тому же субсидирование граждан обозначало, что какие-то из них повысят свой материальный достаток и смогут достигнуть гоплитского статуса; для укрепления мощи афинской фаланги именно это-то и требовалось.

Фемистокл, однако, придерживался иного мнения. Он полагал, что нужно воспользоваться удачным стечением обстоятельств и, не дробя оказавшиеся в руках полиса средства, целиком пустить их на морскую программу, на строительство триер. О ее реализации и судьбоносных для всей дальнейшей греческой истории последствиях здесь мы умолчим. Отметим лишь, что именно данный вопрос (насколько можно судить)[87] был ключевым на остракофории 482 г. до н.э. На ней двое ведущих афинских политиков сошлись уже в открытом противостоянии, после которого одному из них предстояло покинуть город. Это выпало на долю Аристида, и такой результат был, наверное, все-таки предсказуем. За Фемистокла (если говорить о социальном аспекте его борьбы с Аристидом) стояла беднейшая часть гражданского населения — феты, та самая будущая «корабельная чернь» (ναυτικός όχλος), которой не по доходам было приобретение гоплитских доспехов. Эти люди поддерживали морскую

[86] *Arist.* Ath. pol. 22. 7. Ср. *Herod.* VII. 144; *Nep.* Them. 2; *Plut.* Them. 4.

[87] Правда, Плутарх не ставит морскую программу Фемистокла и остракизм Аристида в связь друг с другом. Однако у Аристотеля (Ath. pol. 22. 7) такая связь, несомненно, намечена.

программу, понимая, что для них она приведет к весьма благоприятным результатам: они смогут, в качестве гребцов на триерах, занять наконец достойное место в военных мероприятиях государства, что позволит им повысить и свою политическую роль (так впоследствии и получилось). За Аристида же стояла привыкшая сражаться на суше гоплитская прослойка, опора умеренной демократии. Таких афинян набиралось меньшинство, около трети гражданского коллектива[88]. Причина изгнания Аристида становится вполне понятной.

Поздние, морализующие авторы (Непот, Плутарх) в рассказе об остракизме Аристида не жалеют осуждающих эпитетов по адресу афинян, изгнавших столь безупречного лидера и позволивших таким образом злу восторжествовать над добром. Исследователь должен здесь иметь в виду, что такие категории, как «добрые» **(αγαθοί)** и «дурные» (κακοί), маркируют в античной нарративной традиции не только этическую, но и социальную сферу. Первый из этих терминов устойчиво соотносится с зажиточными гражданами, второй — с бедными. Это необходимо учитывать при оценке факта, о котором здесь идет речь.

В связи с остракофорией 482 г. до н.э. нам кажется небезынтересным остановиться на двух нюансах. Один из них — уникальная находка, сделанная в 1937 г. американским археологом О. Брониром на северном склоне Акрополя. В колодце, уже к началу V в. до н.э. заброшенном и превратившемся в мусоросборник, было обнаружено 190 остраконов, и все — с именем Фемистокла[89]. Они несомненно были приготовлены заранее, выделялись удивительным единообразием керамического материала (при этом специально подбирались черепки красивой круглой формы или даже цельные небольшие сосуды), а самое главное — почти две сотни остраконов против одного лица были надписаны всего лишь четырнадцатью разными почерками!

[88] Общая численность граждан в Афинах в начале V в. до н.э. составляла около 30 тысяч человек *[Herod.* V. 97). Гоплитов же было 9-10 тыс.; именно столько сражалось при Марафоне *[Nep.* Milt. 5; *Paus.* X. 20. 2), а там ввиду крайней опасности ситуации было, несомненно, задействовано практически всё гоплитское ополчение.

[89] Сообщение о находке и первую характеристику остраконов см.: *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. Vol. 7, N 2. P. 228 ff. Наиболее полную публикацию этих памятников см.: *Lang M.* Ostraka... P. 142-161.

Предельно четкая стратификация содержимого колодца позволила Брониру датировать острака очень точно и отнести их именно к остракофории 482 г. до н.э. (потому-то они и привлекают здесь наше внимание). Значительно более сложна (сложнее, чем представляется на первый взгляд) проблема интерпретации рассматриваемых памятников. Уже первооткрыватель сразу выдвинул трактовку (действительно, первой приходящую в голову) рассматриваемой группы как результата спланированной акции некой гетерии политических противников Фемистокла. В ходе акции остраконы были заготовлены для раздачи голосующим, но по какой-то причине не использованы и потому выброшены в запущенный колодец. Странно было бы, рассуждал исследователь, если бы уже использованные острака после остракофории кто-то понес с Агоры на северный склон Акрополя, чтобы там выкинуть.

Именно эта интерпретация была с энтузиазмом воспринята подавляющим большинством исследователей и на сегодняшний день фактически получила статус communis opinio. Долгое время она казалась настолько очевидной, что просто никем не оспаривалась и не подвергалась сомнению. О трактовке, впервые предложенной Брониром, можно говорить уже как о чем-то хрестоматийном, вошедшем и в труды общего характера, и в учебные пособия (мало какое из них обходится без упоминания — зачастую с иллюстрациями — остраконов против Фемистокла из рассматриваемой здесь группы и их соответствующего объяснения). И вправду, казалось бы, чего проще: некие хитроумные политиканы заготавливают остраконы для того, чтобы обеспечить изгнание своего соперника (в данном случае Фемистокла). А затем либо их махинация оказывается раскрытой, либо же выясняется, что черепков заготовлено слишком много, после остракофории остаются лишние, и этот излишек выбрасывается.

Однако вышеизложенная реконструкция ситуации явно не свободна от слабых мест и вызывает у нас серьезные сомнения по целому ряду причин, которые здесь необходимо перечислить. Во-первых, она опирается на крайне упрощенные, даже превратные представления о политической жизни в Афинах V в. до н.э., согласно которым афинский демос был не более чем послушным орудием в руках той или иной гетерии, безропотно и бездумно принимая из ее рук надписанные остраконы по причине их привлекательного внешнего вида. С этим сложно согласиться: думается, граждане наибо-

лее демократического полиса Эллады обладали все-таки значительно большей степенью политической сознательности и самостоятельности, принимая столь важные решения вполне осмысленно[90].

Во-вторых, несмотря ни на что, в рамках упомянутой концепции так и остается неясным, что же могло помешать «реализации» заготовленных остракa, которые, согласно Бронир у, скорее всего даже не были вынесены на Агору в день остракофории. Уличены организаторы подтасовки? Остались лишние черепки? Всё это — чистые догадки, не находящие опоры в источниках и к тому же исходящие из современных нам представлений о тайном голосовании. При остракизме же не существовало каких-то специальных правил, которые запрещали бы голосующему принимать остракон из чужих рук.

В-третьих, если исходить из датировки группы остракa с северного склона Акрополя 482 г. до н.э. (а сомневаться в этой датировке, кажется, нет оснований), придется признать, что они были заготовлены именно для той остракофории, на которой «столкнулись» друг с другом Фемистокл и Аристид. Иными словами, заготовка остракa против Фемистокла неизбежно оказывалась бы делом рук Аристида и его сторонников. Но подобного рода электоральная фальсификация решительно противоречила бы всему, что сообщает античная традиция о безупречном политическом и моральном облике Аристида, — конечно, если мы придаем этой традиции хоть какое-то значение (а сказанное выше в этой главе, надеемся, показало, что игнорировать ее нельзя).

Итак, возможна ли какая-то альтернативная трактовка рассматриваемой группы памятников? Кажется, теперь на этот вопрос можно дать положительный ответ. Уже после находки Бронира стали известны и другие группы остракa (хотя и меньшие по количеству), надписанных одинаковыми почерками, например, ряд остраконов с именем Калликсена, сына Аристонима[91] (тоже 80-е годы). Такого рода казусы еще

[90] Чуть ниже мы остановимся на популярном в античной традиции анекдоте об Аристиде и неграмотном крестьянине. А пока отметим, что даже этот неграмотный крестьянин имел вполне четкое представление о том, кого именно он хотел бы изгнать. Другое дело, что он всерьез не задумывался над мотивами такого своего выбора. Но, во всяком случае, он, несомненно, не взял бы от какого-нибудь «доброжелателя» черепок с чьим-либо именем.

[91] *Lang M.* Ostraka... P. 161.

тоже не выходили за рамки концепции гетерии. Однако совсем недавно появились сведения о случаях, когда одним и тем же почерком надписаны остраконы против *разных* лиц (Мегакла, сына Гиппократа, и Аристида, сына Ксенофила[92]; того же Мегакла и Калликрата, сына Лампрокла)[93]. И вот это уже было принципиально новым и важным фактом: совершенно ясно, что такого рода ситуации не могут быть объяснены сознательной заготовкой в недрах той или иной политической группировки. Объяснение должно быть иным.

В свете сказанного выше не случайно, что в последние годы целый ряд исследователей[94] стал высказывать предположения о наличии в день остракофории на Агоре профессиональных писцов, предлагавших желающим свои услуги и при этом не являвшихся агентами какой-либо группировки, т.е. не заинтересованных в исходе голосования и потому объективных. Трудно сказать, было ли появление таких писцов государственным почином. На наш взгляд, это маловероятно; скорее следует говорить о проявлении частной инициативы. Писцы могли надписывать остракa (очевидно, за плату, которая, конечно, была очень небольшой) для тех из граждан, кто не мог или не хотел сделать это сам, а также продавать заранее заготовленные экземпляры (последнее было даже практичнее), что для нас особенно важно.

Здесь-то и лежит возможность альтернативной интерпретации группы остраконов с именем Фемистокла, открытых на северном склоне Акрополя, — интерпретации, свободной от слабостей, свойственных традиционной трактовке этих памятников. Если попытаться теперь объяснить конкретный факт появления 190 (как минимум[95]) черепков-

[92] Не путать с Аристидом — героем нашего очерка. Это другой человек, хотя, скорее всего, приходящийся родственником Аристиду, сыну Лисимаха.

[93] *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD P. 13 ff.

[94] *Lang M.* Ostraka... P. 161; *Phillips D.J.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd. 83. S. 135-136; *Brenne S.* Ostraka and the Process... P. 18; *Idem.* Ostrakismos und Prominenz... S. 28. Как и в ряде других случаев, еще задолго до появления групп остракa, о которых идет речь, догадку о писцах на остракофориях проницательно высказал А. Раубичек. См.: *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism // CIJ. 1953. Vol. 48, N 4. P. 120.

[95] По справедливому наблюдению одного из антиковедов *(Harvey F.D.* Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. Vol. 79. P. 592), до нас дошли лишь далеко не все остракa, заготовленные в ходе акции, о которой идет речь. Их должно было быть намного больше. Действительно, 14 человек,

«бюллетеней», направленных против одного лица и надписанных ограниченным числом почерков, то получится следующая (безусловно, в известной мере гипотетическая) реконструкция[96].

В преддверии остракофории 482 г. до н.э. хозяин некой афинской ремесленной мастерской (судя по всему, гончарной, о чем говорит единообразие керамического материала рассматриваемых здесь остракa) решил воспользоваться грядущим мероприятием для несложного и доходного «бизнеса», поскольку по итогам нескольких уже прошедших к тому времени остракизмов стало ясно, что многие афинские граждане не прочь приобретать готовые «бюллетени»[97]: для кого-то из них написать на черепке имя своего «кандидата» составляло серьезную проблему, у кого-то имелись иные резоны. Из отходов мастерской были отобраны лучшие, самые красивые и единообразные черепки (в основном изящные круглые базы киликов и скифосов, а также цельные, чуть попорченные маленькие сосуды), чтобы с наибольшим успехом привлечь покупателей (кому неизвестно эстетическое чувство древних греков?) и тем облегчить реализацию товара. Работа закипела; в ней приняли участие, видимо, гончары и вазописцы той же мастерской. Из надписей на аттических вазах известно, что мастера-керамисты отличались хорошим почерком и грамотностью.

Несмотря на то, что никаких заранее назначенных «официальных» кандидатов на остракизме не было, в данном конкретном случае, в 482 г. до н.э., в силу сложившихся обстоятельств задолго до дня остракофории всем афинянам были уже прекрасно известны имена двух политиков, чья судьба должна была решаться в ее ходе, — Фемистокла и Аристида. Таким образом, ошибиться при надписывании остраконов было просто невозможно. Может быть задан вопрос, почему все дошедшие до нас остракa этой группы несут имя Фемистокла, а Аристид не упомянут ни на одном из них. На этот вопрос допустимы несколько вариантов ответа. Не исключено, что инициатор акции, владелец мастерской, как человек зажиточный и, нужно полагать, респектабельный, лично не симпатизировал «выскочке» Фемистоклу. С другой стороны, не менее (если не более) вероятно, что первоначально в мастерской были надписаны остраконы против обоих «кандидатов», но черепки, направленные против Аристида, полностью разошлись: не будем забывать, что ведь именно он был изгнан в 482 г. до н.э., т.е. получил наибольшее количество голосов. После окончания остракофории 190 остраконов, оставшихся нераспроданными, были унесены с Агоры и выброшены в колодец на северном склоне Акрополя (возможно, неподалеку находилась мастерская, где они были изготовлены). Эти-то памятники и оказались впоследствии в распоряжении ученых.

Еще раз подчеркнем, что предложенная реконструкция событий представляет собой гипотезу. Однако нам кажется, что она, во всяком случае, не более гипотетична, нежели общепринятая интерпретация тех же памятников, и, стало быть, имеет не меньшее право на существование, к тому же позволяя снять некоторые сложности и противоречия, задаваемые этой традиционной трактовкой. Если попробовать в двух словах изложить «сухой остаток» нарисованных выше красочных картин, то можно сказать следующее. В наши планы отнюдь не входит отрицать (да это было бы и просто несерьезно), что в период подготовки и проведения остракизма развертывалась самая жесткая и острая борьба политических группировок, лидеры которых в первую очередь Подвергались опасности изгнания. В борьбе этой, как говорится, все средства были хороши, и без применения нечистоплотных приемов, конечно, не обходилось. Тенденциозная пропаганда, дискредитация противников, навешивание ярлыков — всё это имело место. Позволим себе усомниться лишь в использовании столь грубо прямолинейных махинаций, какой была бы заготовка надписанных против конкрет-

посаженных за надписывание остраконов, — факт, говорящий о том, что необходимо было выполнить по-настоящему большой объем работы. Для 190 коротких надписей отнюдь не нужен труд 14 писцов: это под силу и двум-трем.

[96] Впервые предложена нами в работе: *Суриков И.Е.* К интерпретации остракa с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 30 — 33.

[97] Не можем здесь подробно рассматривать вопрос, как и чем оплачивался этот «товар». Понятно, что стоимость его должна была быть предельно низкой, и самая мелкая серебряная монетка из тех, что обращались в то время в Афинах, была для такой покупки слишком велика. Высказывалось предположение, что в афинском полисе уже в V в. до н.э. существовали медные монеты — коллибы. См.: *Стрелков А.В.* К вопросу об афинских коллибах // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 2004. С. 11 — 12. Проблема коллибов дискуссионна и пока не разрешена однозначно; во всяком случае, неясно, как в целом производились расчеты за наиболее дешевые товары и услуги вплоть до начала регулярной чеканки меди в Афинах (с IV в. до н.э.). См.: *Стрелков А.В.* Афинские бронзовые монеты IV—I вв. до н.э. // Монеты и медали. М., 2004. Вып. 2. С. 10 и след.

ного лица в политических целях остраконов и раздача (насильственная?!) их согражданам. Говоря еще более мягко и осторожно, не все случаи, когда одним и тем же почерком надписано несколько остраконов, следует относить на счет деятельности гетерий. Как минимум часть таких памятников следует трактовать как продукт работы писцов с банальной целью получения дохода.

Второй нюанс, которого мы коснемся, относится к сфере нарративной традиции. Речь идет об известном эпизоде разговора Аристида с крестьянином в день остракофории. Этот эпизод получил весьма широкую популярность среди античных (а впоследствии и византийских) авторов и встречается, с теми или иными модификациями и варьированием деталей, в целом ряде источников. Сам мотив должен быть признан достаточно ранним и, возможно, даже аутентичным; во всяком случае, нет серьезных оснований отвергать достоверность описываемого случая[98].

Первое упоминание о нем мы встречаем в I в. до н.э., у Корнелия Непота, но римский биограф, несомненно, не сам придумал данный эпизод, а позаимствовал его у кого-то из более древних писателей и только, вероятно, подверг собственной обработке. Непот рассказывает (Aristid. 1), что Аристид во время остракизма заметил на месте голосования какого-то человека, пишущего на черепке его имя для изгнания (animadvertisset quendam scribentem, ut patria pelleretur). Спросив писавшего, почему он это делает и почему считает Аристида достойным такого наказания, он получил ответ: с Аристидом пишущий незнаком, но ему не нравится, что тот уж очень старается слыть справедливым. Таким образом, в этой, самой ранней из дошедших до нас версий анекдота, еще нет упоминаний ни о каком неграмотном крестьянине. Человек, желающий изгнать Аристида, наносит надпись сам и никого не просит это сделать.

Следующий автор, воспроизводящий интересующий нас анекдот, — это (как и следовало ожидать) Плутарх, большой любитель подобного рода историй. У него эпизод рассказан значительно подробнее, а, кроме того, с принципиальными отличиями от повествования Непота. Именно версия Плутарха в дальнейшем восторжествовала в традиции, стала

[98] *Harvey F.D.* Literacy... P. 592. Противоположное мнение (без специальной аргументации) см.: *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 50.

основной, явилась отправной точкой для всех последующих; наиболее знакома она и современному читателю. Здесь впервые заходит речь о неграмотном и невежественном Крестьянине (τινά των αγραμμάτων και παντελώς άγροίκων), который, не будучи знаком с Аристидом, обращается к нему с просьбой надписать его же имя (παρακαλεΐν, όπως 'Αριοτείδην έγγράψειε). Аристид, задав уже известный нам вопрос и получив примерно такой же, как у Непота, ответ, надписывает черепок против себя самого и отдает крестьянину. Сходным образом, но несколько короче, изложен эпизод и в «Моралиях» Плутарха (186ab), где собеседник Аристида тоже назван неграмотным крестьянином (άνθρωπος αγράμματος και άγροικος).

Плутарховской версии анекдота в основном следует в начале III в. н.э. Флавий Филострат, упоминая в «Жизни Аполлония Тианского» (VH. 21) о данном случае как о чем-то хорошо всем известном. Впрочем, описание ситуации у Филострата уже грешит некоторыми несообразностями. По его словам, встреча крестьянина и Аристида произошла, когда Аристида «за добродетель» (έπ' άρετη) изгоняли черепками, причем в тот момент, когда Аристид уже был за городской стеной (εξω δε τείχους ήδη οντι). Таким образом, Аристид уже был изгнан и удалялся из Афин? А зачем же тогда нужно было надписывать против него еще один черепок, который все равно уже ничего не решал?

Как бы то ни было, сообщение Филострата свидетельствует о том, что анекдот об Аристиде и крестьянине достиг к его времени такой популярности, что стал «общим местом», риторическим топосом, привлекающимся в парадигматических целях. Это и не удивительно, поскольку он позволял с предельной четкостью противопоставить друг другу добродетельного мужа и неблагодарную толпу. Филострат называет крестьянина человеком, не знавшим ни Аристида, ни самого искусства письма *(οϋτε* τον άνδρα είδώς οϋτ' αυτό τό γράφειν).

Пересказ того же эпизода в лексиконе X в. «Суда» (s.v. Αριστείδης) краток, лишен детализации и в целом следует опять же плутарховскому образцу. Что же касается писателей поздневизантийского времени, таких как Иоанн Цец (XII в.), Феодор Метохит (XIII—XIV вв.), то они, напротив, Разукрашивают анекдот множеством деталей чисто риторического характера, при этом имея уже довольно расплывчатое представления о подлинных реалиях жизни демократи-

ческих Афин V в. до н.э.[99] Цец (Chil. XIII. 441 sqq.), называющий собеседника Аристида человеком мерзким и неграмотным (τις μιαρός, αγράμματος), рассказывает прямо-таки целую остросюжетную историю, не имеющую ни малейшей опоры в аутентичных источниках предшествующих эпох. Местом подачи черепков почему-то оказывается не Агора, как следовало бы, а Киносарг, в который при этом черепки нужно бросать (очевидно, Киносарг в представлении Цеца был какой-то ямой). В ответ на просьбу крестьянина надписать черепок Аристид безмолвно делает это, а уже потом, когда черепок брошен, обращается к проголосовавшему с традиционным вопросом о причинах такого выбора. Тот отвечает, что поступил так, следуя примеру всех остальных. В это время кто-то из толпы дает невежде знать, что он разговаривает с самим Аристидом. Смутившись, крестьянин хочет пойти и забрать свой черепок, но Аристид не позволяет ему это сделать, более того, ищет для него еще один остракон, поскольку хочет скорее быть изгнанным и оказаться подальше от столь неблагодарно ведущих себя по отношению к нему сограждан.

Несколько иную риторическую обработку того же эпизода встречаем у Метохита (Misc. p. 609 sqq. *Müller—Kiessling).* В его многословном и морализующем изложении голосование происходит в булевтерии (что опять же исторически неверно). Собеседник Аристида назван крестьянином из сельском дема, не умеющим писать (τινά των αγροτικών δημοτών... μή είδότα γράφειν), врагом справедливости, невежественным и грубым гражданином (τον έχθρόν της δικαιοσύνης εκείνον καϊ άμαθη, και άγροϊκον πολίτην). В общем, автор не жалеет для него негативных эпитетов. Мотивы, по которым этот человек, согласно Метохиту, хочет голосовать против Аристида, в целом те же, что у Плутарха и Непота: неприязнь к его «чрезмерной» справедливости.

Осуществленный здесь экскурс в историю развития мотива в нарративной традиции на протяжении более чем тысячелетия интересен в том плане, что он демонстрирует, как конкретный, в своей основе вполне правдоподобный эпизод начинает жить «собственной жизнью», обрастает красочны-

[99] В целом по поводу византийской традиции об афинском остракизме См.: *Суриков И.Е.* Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137— 143.

ми фиктивными подробностями, становится поводом для высказывания тем или иным писателем своих этических взглядов. При этом ничто не мешает считать, что под всеми этими риторическими наслоениями мог лежать реальный факт.

Обратим внимание на то, что крестьянин из анекдота об Аристиде не умел (или почти не умел) писать, но, во всяком случае, должен был уметь читать: иначе как он мог бы удостовериться, что на возвращенном ему черепке стоит имя нелюбезного ему политика, а не чье-либо иное? В связи со всем вышесказанным представляет интерес один из остраконов против Аристида, найденных на афинской Агоре[100]. На нем мы находим два разных почерка. В верхней части черепка какой-то, очевидно, очень плохо владевший искусством письма афинянин тщетно пытался вывести «Аристид», но эти попытки заканчивались «фальстартами». А ниже требуемое имя написано четким, красивым почерком хорошо грамотного человека. Уж не тот ли самый это остракон, о котором идет речь в рассказе античных авторов об Аристиде и крестьянине? Естественно, такое предположение уже высказывалось, да и действительно, оно выглядит весьма соблазнительным, поскольку, помимо прочего, еще и позволяет считать, что мы две тысячи лет спустя можем собственными глазами видеть (хотя бы на фотографии) надпись, сделанную самим Аристидом!

Но это, конечно, чистой воды гипотеза, которую вряд ли когда-нибудь удастся доказать или опровергнуть. В любом случае вопрос о возможном историческом ядре (или отсутствии такового) в данном анекдоте не столь уж и принципиален. Ведь он не добавляет, по сути, ничего нового к тому образу Аристида, какой донесен до нас традицией. Охотно верим, что, если крестьянин действительно обратился бы к Аристиду с подобной просьбой, этот государственный деятель отреагировал бы именно так, как об этом рассказано в источниках.

* * *

Изгнанный из Афин, Аристид отправился на расположенный в Сароническом заливе остров Эгину (*Herod.* VIII. 79; *Demosth.* XXVI. 6; *Aristodem.* FGrHist. 104. Fl. 1; Suid. s.v. Αριστείδης). Насколько можно судить, Эгина и в целом

100 Публикацию см.: *Lang M.* Ostraka... P. 36.

служила в 80-е годы V в. до н.э. временным прибежищем афинских политиков, подвергшихся остракизму[101]. Этот полис[102] находился в давней, застарелой вражде с Афинами, и эгинеты охотно принимали изгнанников от недружественных соседей. Впрочем, насколько нам представляется, Аристид выбрал Эгину своим местопребыванием не потому, что хотел продемонстрировать этим свою неприязнь к афинянам, а, может быть, по прямо противоположной причине — из привязанности к родному городу (как ни парадоксально это звучит). Дело в том, что Эгина являлась едва ли не единственным государством, с территории которого можно было воочию видеть твердыню афинского Акрополя и вообще открывалась широкая перспектива побережья Аттики[103]. Полтора века спустя еще один знаменитый афинский изгнанник, Демосфен, коротал время вынужденной разлуки с родиной, «сидя большей частью на Эгине... и не сводя с Аттики залитых слезами глаз» *(Plut.* Demosth. 26). На Эгине более, чем в любом другом месте, афинянин мог чувствовать себя почти дома.

Кстати, в конце 80-х годов V в. до н.э. афино-эгинское противостояние временно отодвинулось на второй план перед лицом более серьезных внешнеполитических проблем. Поскольку приготовления Ксеркса к решающему удару по Элладе были уже для всех совершенно очевидны, задача отражения этого нападения стояла не только на внутреннеафинском, но и на общегреческом уровне. С востока приходили всё более тревожные вести: вторжение могло начаться в любой момент. Многие полисы осознали, наконец, необходимость совместных, а не разрозненных действий. Правда, во многих греческих городах (в Фивах, Аргосе и других) продолжали преобладать «пораженческие» настроения, однако не они определяли теперь общую позицию эллинов. На решительную борьбу с вражеским нашествием удалось подвигнуть медлительных и консервативных спартанцев.

Пусть с запозданием, но все-таки был создан (на конгрессе в Коринфе в 481 г. до н.э.) Эллинский союз для отражения

[101] *Суриков И.Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1 (11). С. 12.

[102] Как минимум, с VIII в. до н.э.: *Coldstream J.N.* Geometric Greece. L., 1979. P. 135.

[103] Соответственно и Эгина хорошо видна с Акрополя, что показывает любая современная фотография.

до

персидской агрессии. В союз вошел 31 полис; в число участников входили и Афины, и Эгина[104]. Во главе коалиции встала Спарта как самое сильное в военном отношении из государств Балканской Греции. Были созданы союзные вооруженные силы, утверждено единое командование во главе со спартанскими царями. Царями на тот момент являлись: от династии Агиадов — Леонид, от Еврипонтидов — Леотихид[105]. Еще один Еврипонтид — изгнанный годами десятью ранее из Спарты Демарат — находился по иронии судьбы при дворе Ксеркса[106].

Итак, лишь малая часть греческих полисов объединилась перед лицом угрозы с востока. Аргос, как злейший враг Спарты, не мог вступить в союз под ее главенством. В Фивах боролись проперсидская и антиперсидская группировки, и первая одержала верх. Союзники направили посольство с просьбой о помощи на Сицилию, к сиракузскому тирану Гелону, но тот соглашался помочь лишь на условиях предоставления ему верховного командования; от его услуг пришлось отказаться[107].

Но даже и между объединившимися городами не сложилось искреннего единомыслия; каждый из них радел прежде всего о собственной безопасности. Спор возник уже по вопросу о том, где встречать персов. Афиняне считали, что чем раньше и чем севернее это будет сделано, тем лучше; Спарта была самым удаленным от непосредственной опасности государством Балканской Греции, и ее власти предпочитали занять оборонительные позиции на Истме. Если брать чисто военно-стратегический аспект проблемы, это, возможно, и выглядело самым выигрышным решением, но тем самым вся Эллада, кроме Пелопоннеса, оказывалась бы сданной врагу.

[104] См. надпись с перечислением участников союза: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.: Revised ed. Oxford, 1989. P. 58. N 27. В целом об Эллинском союзе см.: *Kienast D.* Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // Chiron. 2003. Bd. 23. S. 43-77.

[105] Впоследствии Леонида мы видим, как правило, командующим на суше, Леотихида — на море.

[106] Впрочем, Демарат (в отличие, скажем, от оказавшегося в такой же ситуации Гиппия) в целом не получил в греческой среде негативной репутации предателя-коллаборациониста. Традиция в лице Геродота относится к этому царю-беженцу скорее сочувственно.

[107] См. по поводу этого эпизода: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. (с несколько иной трактовкой событий).

Не без труда спартанцев удалось убедить отказаться от столь пассивного подхода и признать необходимость каких-то упреждающих действий. А потом, как мы увидим, они все равно снова и снова проявляли тенденцию запереться в своей «раковине», и всякий раз большого труда стоило уговорить их проявить активность.

Тем временем весной 480 г. поход Ксеркса на Грецию начался. События, последовавшие непосредственно за этим, настолько хрестоматийны[108], что мы упомянем их лишь самыми краткими словами. Переправившись через Геллеспонт по специально наведенному понтонному мосту[109], персидская армада двинулась северным побережьем Эгейского моря. Пройдя фракийскими и македонскими землями, враги вторглись в Фессалию, и тамошние города в подавляющем большинстве подчинились без боя. Первоначальный план Эллинского союза предполагал попытку сдержать натиск персов именно в Фессалии, в Темпейском ущелье. Однако от этого замысла пришлось отказаться: проперсидская позиция фессалийцев делала позицию ненадежной.

Теперь единственно возможным местом для обороны Средней Греции, в том числе Аттики, оставался Фермопильский проход; за ним вплоть до самого Истма уже не имелось сколько-нибудь значительных естественных преград для наступавших. Соответственно, к Фермопилам был выслан отряд во главе с царем Леонидом. Численность отряда была небольшой — всего около 7 тыс. человек, в том числе знаменитые 300 спартиатов. Не удивительно, что греки, несмотря на их беззаветное мужество и героизм, были после нескольких дней напряженнейшей борьбы в конце концов опрокинуты. Слишком большое неравенство сил делало ситуацию, в сущности, безнадежной. Быть может, Леонид и сам понимал, что послан на верную смерть с целью выиграть хотя бы немного времени.

Спартанцы, узнав о поражении при Фермопилах, немедленно начали возводить укрепления на Истме *(Herod.* VIII. 71). Работами руководил Клеомброт, младший брат Леонида, занявший теперь престол Агиадов. Но очень скоро

108 Не можем, однако, не отметить, что в отечественной историографии до сих пор нет монографического исследования о Греко-персидских войнах, и это весьма прискорбная лакуна.

109 *Hammond N.G.L., Roseman L.J.* The Construction of Xerxes' Bridge over the Hellespont // JHS. 1996. Vol. 116. P. 88 - 107.

Клеомброт неожиданно скончался *(Herod.* IX. 10). Новым царем стал Плистарх, сын Леонида; поскольку он был еще ребенком, регентом при нем, фактически исполнявшим царские обязанности, назначили Павсания, сына Клеомброта. Павсанию предстояло сыграть роль одного из главных героев этого этапа Греко-персидских войн.

Персам же после Фермопильской битвы открылась дорога в центральные области Греции. Беотия перешла на сторону победителя, и Ксеркс направлялся в Аттику, где его жертвой должны были стать Афины. Ведь, собственно, «месть» этому непокорному полису официально служила одной из главных целей войны с персидской стороны. Афиняне организовали срочную эвакуацию населения из обреченного города. Подробнее об этом будет говориться в следующей главе, посвященной Фемистоклу, поскольку именно он сыграл главную роль при переправке женщин и детей в безопасное место (в Трезен в Арголиде), а боеспособных мужчин — на Саламин, ставший на время базой флота. Сами Афины были оставлены Ксерксу, который вскоре оккупировал и разрушил их.

В обстоятельствах этого тяжелого, военного года афинское народное собрание по инициативе Фемистокла приняло важное решение о досрочном возвращении из изгнания всех политиков, подвергнутых остракизму на протяжении 80-х годов V в. до н.э. Поскольку это решение напрямую касалось, в числе прочих, также и Аристида, на нем следует остановиться подробнее. О нем сообщается в ряде нарративных источников *(Andoc.* I. 107; *Arist.* Ath. pol. 22. 8; *Nep.* Aristid. 1-2; *Plut.* Them. 11; Aristid. 8)[110], а также в интереснейшем эпиграфическом памятнике — так называемом декрете Фемистокла, найденном в Трезене. Об этом тексте специально будет сказано в главе, посвященной Фемистоклу; там же мы приведем основную литературу по этой обширной, вызывающей острые дискуссии, но в целом, как представляется, опирающейся на аутентичную информацию надписи. А пока укажем, что в одной из ее частей содержится предписание афинянам, удалившимся из полиса на десять лет (т.е. изгнанным остракизмом, хотя самого этого слова в декрете нет), прибыть на Саламин и там ждать, пока демос что-либо о них не постановит.

110 О возвращении Аристида из изгнания говорит, как мы знаем, уже Геродот (VIII. 79), но он не отмечает специально, что это возвращение было досрочным.

Какими соображениями руководствовалась экклесия, принимая данную псефисму? В самом документе мотивация такова: «Чтобы все афиняне единомысленно отражали Варвара...». Очевидно, нужно учитывать два нюанса. С одной стороны, среди изгнанников находились видные государственные деятели и военачальники, которые могли оказаться полезными в годину опасности. С другой стороны, наличествовал и страх, как бы они, мстя за нанесенную им обиду, не переметнулись на сторону персов. О таких опасениях специально в отношении Аристида сообщает Плутарх (Aristid. 8)[111]. Обратим внимание на то, что в декрете прослеживается не столь уж и дружественное, скорее подозрительное отношение к жертвам остракизма. Им не сразу разрешают вступить на землю Аттики, а для начала назначают некую «зону карантина» — клерухию Саламин.

Существует дискуссионная хронологическая проблема, касающаяся точного времени возвращения изгнанных. Декрет Фемистокла, по справедливому определению его первого издателя М. Джеймсона[112], подразумевает ситуацию июня 480 г. до н.э., времени перед сражением при Фермопилах. Это дает terminus post quem для постановления, которое уже позволяло изгнанникам досрочно вернуться. Terminus ante quem для этого события тоже вполне ясен. Аристотель (Ath. pol. 22. 8) указывает, что данное постановление имело место в архонтство Гипсихида, которое падает на 481/480 г. С началом нового года по афинскому календарю в гекатомбеоне, т.е. в конце июля, Гипсихид уступил место следующему архонту — Каллиаду. Иными словами, псефисма, досрочно прекращавшая пребывание в остракизме, была принята на конкретном и довольно узком хронологическом отрезке, в июне —июле 480 г. до н.э.

Это подтверждается и некоторыми другими данными. Так, известно, что по крайней мере один из политических деятелей, подвергнутых остракизму и теперь получивших разрешение вернуться, а именно Ксантипп, обретался в Афинах уже к моменту эвакуации жителей из города *(Plut.* Them. 10)[113]. Казалось бы, ситуация совершенно ясна, и мы можем только радоваться, что время рассматриваемого здесь события определяется так точно. В действительности, однако, все несколько сложнее, ибо есть и свидетельства источников, противоречащие такой трактовке.

Так, Корнелий Непот (Aristid. 2) утверждает: «В морском сражении при Саламине он (Аристид. — *И.С.)* участвовал еще до того, как отменили вынесенный ему приговор». Иными словами, римский биограф считает, что решение о прощении изгнанных остракизмом было принято уже после Саламинской битвы. Вряд ли к этому сообщению следует относиться с каким-либо доверием. Подобная последовательность событий совершенно исключена: какой смысл имело бы возвращение изгнанников после Саламина, когда персидская опасность если и не миновала, то, во всяком случае, не представлялась уже такой серьезной, как раньше? Впрочем, Непот — автор не отличающийся большой фактологической и тем более хронологической точностью, и его сообщения в каких-то случаях можно просто не принимать во внимание, если они противоречат данным более надежных источников.

Но как пропустить мимо ушей сообщение такого автора, как Геродот? А между тем «отец истории» пишет (VIII. 79), что Аристид прибыл с Эгины на соседний Саламин непосредственно перед разыгравшимся в проливе близ острова морским сражением, в сентябре 480 г. до н.э. Иначе говоря, речь идет уже о событиях архонтства Каллиада (480/479 г.), а не Гипсихида; таким образом, противоречие как с «Афинской политией», так и с декретом Фемистокла налицо.

Кто же прав, и как разрешить проблему? На наш взгляд, необходимо исходить из той достаточно очевидной посылки, что Аристотель не выдумал имя архонта, при котором было

[111] А в одном, правда, очень позднем источнике (Suid. s.v. Αριστείδης) сообщается даже, будто бы Ксеркс подсылал к Аристиду своих людей и предлагал ему 3 тыс. дариков за измену, но тот, естественно, гордо отказался. Вряд ли эти сведения заслуживают доверия.

[112] *Jameson M.H.* A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. Vol. 29, N 2. P. 204.

[113] См.: *Суриков И.Е.* Ксантипп, отец Перикла... С. 104. Похоже, Ксантипп был даже избран стратегом на 480/479 г.: *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 42. Это, конечно, не означает, что он возвратился в полис уже к моменту выборов военных магистратов, т.е. к весне (разве что относительно Ксантиппа было вынесено какое-то особое постановление о возвращении, но источники не дают ни Малейшего повода говорить об этом). Скорее, он был избран дополнительно, позже срока, возможно, на место какого-нибудь погибшего стратега. Вообще 480 г. до н.э. был для афинян в высшей степени тревожным, и вряд ли все правила и сроки избирательных процедур в этом году строго соблюдались (см., например, *Plut.* Them. 6). Об общей обстановке этого времени см.: *Hands A.R.* On Strategy and Oracles, 480/79 // JHS. 1965. Vol. 85. P. 56-61.

принято рассматриваемое постановление, а взял его из официального документа[114]. Таким документом, скорее всего, являлся сам декрет, который по установившейся практике должен был датироваться по эпонимному магистрату. Геродот же в своем произведении опирался, как известно, не на документы, а на устную традицию. Соответственно, не подвергая сомнению датировку, предлагаемую в «Афинской политии», мы видим три в разной степени возможных пути выхода из обозначенной коллизии. Либо Геродот был (сознательно или непреднамеренно) введен в заблуждение своими афинскими информаторами (Алкмеонидами или Филаидами[115]), не исключено, желавшими наиболее эффектно подать появление Аристида на Саламине, — конечно, в пику Фемистоклу. Либо Аристид, в отличие от других политиков, ранее подвергнутых остракизму (например, от Ксантиппа), не сразу после принятия постановления о досрочном возвращении проследовал с Эгины на Саламин (учитывая его особенно враждебные отношения с наиболее влиятельным в то время в Афинах Фемистоклом, у него были основания для опасений). Либо, наконец, единого постановления о возвращении изгнанников вообще не было, а по каждому отдельному лицу принимался специальный декрет, позволявший ему вернуться (Ксантиппу — раньше, Аристиду — позже и т.п.). Эта последняя возможность представляется крайне маловероятной и никак не подкрепленной данными традиции. Что же касается первых двух вариантов ответа на вопрос, мы, откровенно говоря, затруднились бы сделать между ними однозначный и категоричный выбор.

Как бы то ни было, на момент решительной схватки между греческим и персидским флотами в проливе между Аттикой и Саламином Аристид уже находился в афинском лагере. Отложив все свои конфликты с Фемистоклом, он выразил готовность служить под его началом *(Plut.* Aristid. 8) и деятельно включился в борьбу с агрессорами. Он принимал участие в Саламинском сражении *(Herod.* VIII. 95; *Nep-*Aristid. 2; *Plut.* Aristid. 9); при этом обратим внимание на конкретную форму его действий. Во главе отряда гоплитов он высадился на расположенный в проливе островок Пситтадию, очистил его от персидского гарнизона и сделал греческим плацдармом, а в ходе битвы уничтожал или брал в плен врагов, пытавшихся спастись с тонущих кораблей на этот островок. Таким образом, Аристид и здесь не изменил своим принципам, даже в морском бою действуя на «сухопутный» манер! Интересно, что именно на Пситталии после победы воздвигли в ее честь трофей.

* * *

Ближайшие годы после Саламина стали венцом всей карьеры Аристида. На 479/478 г. до н.э. он был избран стратегом, причем, как мы увидим чуть ниже, рассматривался афинянами не просто как один из рядовых членов этой коллегии, а как самый авторитетный полководец и политик. На некоторое время он превратился, без преувеличения, в первое лицо в полисе, перед которым отодвинулся на второй план даже недавний победитель персов Фемистокл. Это было связано с рядом конкретных обстоятельств внутриполитического характера и прежде всего с созданием именно в данный период мощной коалиции аристократических родов Афин, направленной против Фемистокла. В нее вошли Алкмеониды, Филаиды и Керики, что было подкреплено и матримониальными узами[116]. Нам уже приходилось несколько лет назад писать об этом альянсе[117], причем тогда мы отмечали, что к нему был привлечен и Аристид. Ныне такая формулировка уже кажется нам слишком слабой, и мы склонны считать, что не кто иной, как Аристид, стал инициатором заключения аристократического союза.

Ему было легче выступить в этой роли, нежели любому Другому афинскому лидеру. Ведь, как отмечалось выше, Аристид очень хорошо умел находить общий язык с самыми разными политиками, которые, без его посредничества вряд ли смогли бы договориться друг с другом. Следы деятельности Аристида по созданию коалиции трех родов, насколько мож-

[114] Об использовании Аристотелем в «Афинской политии» документов см.: *Rhodes P.J.* «Alles eitel Gold»? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // Aristote et Athenes. P., 1993. P. 53 - 64.

[115] Информацию об афинской истории Геродот получал, судя по всему, от представителей обоих этих родов. См.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 95 и след. (с литературой вопроса).

[116] Кимон женился на Исодике из рода Алкмеонидов, а его сестра Эльпиника была выдана замуж за Каллия, сына Гиппоника, из рода Кериков (двоюродного брата Аристида, о котором мы уже упоминали).

[117] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 187 и след. (с литературой вопроса).

но судить, видны в важном постановлении афинского народного собрания, на которое ссылается Плутарх (Aristid. 10). В этом постановлении речь идет о направлении посольства в Спарту для координации дальнейших военных действий против Персии. Автор псефисмы — Аристид; соответственно, предложение о конкретном составе посольства тоже, следует думать, принадлежит ему. Состав же этот был таким: Кимон, Ксантипп и Миронид. Первый возглавлял Филаидов, второй являлся фактическим лидером Алкмеонидов. Что же касается третьего — Миронида, сына Каллия, — то он являл собой фигуру не столь значительного масштаба [118], а посему сведений о нем меньше и родовая принадлежность в точности не известна. Но в другом месте мы приводили аргументы в пользу того, что он, скорее всего, происходил из рода Кериков [119]. Иными словами, посольство отразило состав одерживающих верх политических сил, своеобразного «триумвирата родов». Характерно, что Фемистокл в состав послов, не вошел, и вообще на этом этапе афинской истории мы о нем ничего не слышим, он как бы ушел в тень.

Конечно, не следует представлять Аристида этаким интриганом, тайно плетущим нити антифемистокловского заговора. Просто он и в данной ситуации оставался человеком принципов, глубоко убежденным в том, что при всех заслугах Фемистокла его деятельность в целом наносит государству серьезный вред. Поэтому он и считал необходимым сплотить против него как можно больше сил.

А теперь — о внешнеполитическом контексте упомянутого посольства. После победы при Саламине афиняне получили возможность вернуться в свой разрушенный город. Ксеркс с остатками своего флота и значительной частью войска отступил в Азию. Однако праздновать избавление от опасности было еще рано. В Греции оставался достаточно сильный персидский корпус под командованием опытного полководца Мардония — зятя Ксеркса. Численность этой армии Геродот (VIII. 113) оценивает в 300 тыс. человек. Цифры.

[118] Хотя, впрочем, и второстепенным политиком его назвать трудно. В Платейской битве, вскоре после описываемых событий, он был одним из афинских стратегов наряду с Аристидом. А наивысшая известность пришла к нему уже на склоне лет, когда в середине 50-х годов V в. до н.э. он в высшей степени успешно провел несколько кампаний Малой Пелопоннесской войны.

[119] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 88.

приводимые «отцом истории», и на этот раз выглядят завышенными. Думается, наиболее осторожным и ответственным будет говорить о нескольких десятках тысяч воинов. Сделав своей базой Беотию, Мардоний передвигался по Элладе, сея разрушения.

Афины оказывались в сложном положении; спартанцы решительно намеревались замкнуться на Пелопоннесе, укрепив Истм, что оставляло Аттику по-прежнему незащищенной. Персидский командующий, чувствуя это слабое место афинян, вступил с ними в переговоры [120], предлагая сепаратный мир (*Herod.* VIII. 136 sq.). При обсуждении вопроса в народном собрании Аристид выступал сторонником решительного отказа вражеским эмиссарам *(Plut.* Aristid. 10); этот отказ и стал официальным ответом полиса на предложения Мардония. Мстя за непокорность, Мардоний снова занял Афины, и их гражданам пришлось во второй раз эвакуироваться на Саламин *(Herod.* IX. 3).

В этих-то условиях в Спарту и прибыло афинское посольство, направленное по инициативе Аристида. И ведущие политики были включены в его состав, судя по всему, для того, чтобы придать больший вес и авторитет словам, которые послы скажут спартанцам. А разговор предстоял очень серьезный и даже неприятный. Афиняне упрекали лакедемонян в том, что они, продолжая возводить стену на Истме, отдают на милость врага своих же союзников в Средней Греции. Пошел в ход даже и своего рода шантаж: афинские послы угрожали, что, если не получат своевременной помощи, склонятся к миру и дружбе с Мардонием. Это был именно шантаж, а не серьезная угроза, поскольку в действительности в Афинах совсем не имелось людей, готовых на примирение с персами [121]. Вводя спартанские власти в заблуждение относительно своих истинных намерений, афиняне прибегали к тому, что называется «святая ложь». Это оправдало себя и имело самые позитивные последствия для дальнейшего хода событий. Однако характерно, что Аристид не включил себя

120 Через своего тогдашнего вассала — македонского царя Александра I, о котором см.: *Scaife R.* Alexander 1 in the Histories of Herodotos // Hermes. 1989. Bd. 117, H. 2. S. 129- 137.

[121] Достаточно вспомнить, как поступили афиняне с членом Совета Пятисот Ликидом. Он предложил не то чтобы принять предложение Мардония, а хотя бы просто рассмотреть и обсудить этот вопрос. За это его немедленно, без суда побили камнями, а потом подвергли той же казни его жену и детей *(Herod.* IX. 5).

самого в состав посольства, в ходе которого неизбежно пришлось бы обманывать партнеров.

В Спарте в момент прибытия послов, по обыкновению, шел праздник (Гиакинфии). Это позволяло тянуть время, ссылаясь на невозможность выступления в поход до окончания торжеств, а в то же время лихорадочно достраивать укрепление на Истме. К концу праздника работы были завершены *(Herod.* IX. 8); теперь спартанцы, наконец, чувствовали себя в относительной безопасности и незамедлительно приступили к сбору и отправке войска Пелопоннесского союза. Командующим был назначен регент Павсаний; царя Леотихида около того же времени направили к берегам Малой Азии во главе морских сил.

В Беотии, которая была избрана местом для решающего столкновения, к пелопоннесской армии присоединились контингенты других полисов — членов Эллинского союза. В их составе находилось и афинское ополчение численностью около 8 тыс. человек (очень много, почти столько же, сколько при Марафоне), которым командовал Аристид *(Herod.* IX. 28)[122]. Плутарх (Aristid. 11) сообщает, что он осуществлял командование в ранге стратега-автократора. Однако нет полной уверенности в том, что эти сведения верны и что в Афинах начала V в. до н.э. уже существовала экстраординарная магистратура стратега-автократора. Как бы то ни было, все античные авторы (и Геродот, и Непот, и Плутарх) согласны в том, что Аристид был командующим афинского отряда, независимо от того, как мы назовем его должность.

Сражение, которому предстояло поставить точку в походе Ксеркса на Грецию 480 — 479 гг. до н.э., состоялось у городка Платеи, на юге Беотии. Общую численность союзного греческого войска Геродот (IX. 29 — 30) оценивает примерно в 110 тыс. человек (около 40 тыс. гоплитов и около 70 тыс. легковооруженных). Правда, половину этих легковооруженных составляли спартанские илоты, которых, в общем-то, даже нельзя было назвать воинами[123]. Однако в любом случае греков на поле боя выступило не меньше, чем персов, а пожалуй, что и несколько побольше. Силы оказывались сопоставимыми.

[122] В переводе Геродота, принадлежащем Г.А. Стратановскому, в этом месте досадная опечатка - «800 афинян». В оригинале говорится именно о 8 тысячах (ὀκτακισχίλιοι).

[123] Ср.: *Суриков И.Е.* Античная Греция... С. 225 — 226.

В наши планы не входит сколько-нибудь подробно рассказывать в чисто военном отношении о Платейской битве, которая, как известно, шла долго и трудно, но завершилась полным разгромом персидского корпуса и гибелью самого Мардония. Она относится к числу наиболее хрестоматийных событий античной истории, а наша книга посвящена вопросам политической жизни, а не войнам и сражениям. Необходимо только оговорить, что решающий вклад в победу над врагом внес спартанский отряд, а все остальные сыграли по отношению к нему скорее вспомогательную роль. Это и не удивительно уже потому, что спартанцы прислали в Беотию наибольшее количество бойцов. При Платеях впервые в полной мере проявился полководческий талант Павсания. Что же касается Аристида, то даже особенно благоволящий к нему Плутарх не находит возможности рассказать о каких-либо его выдающихся подвигах или деяниях в этой битве. Снова оказывается, что Непот, не считающий Аристида крупным мастером военного искусства, в общем-то прав. Заслуги этого политика заключались в ином.

В частности, практически сразу после битвы ему пришлось мирить спартанцев и афинян, поскольку те уже готовы были схватиться друг с другом из-за спора о том, кому надлежит дать награду за храбрость (в агональном греческом обществе такая награда была обычным делом после любого сражения, но в данном случае на нее претендовали не отдельные лица, а целые полисы). Аристид уговорил обе стороны отложить свои амбиции и, чтобы ни те, ни другие не ощущали обиду, присудить приз какому-нибудь третьему городу *(Plut.* Aristid. 20). В конечном счете выбор пал на маленькие Платеи. Афинянам такой выбор был, надо полагать, приятнее, чем спартанцам. Ведь Платеи уже несколько десятилетий находились с Афинами в отношениях теснейшего союза и дружбы. Они разве что официально не были инкорпорированы в афинский полис[124]. Именно в Платеях по предложению Аристида учреждались общегреческие регулярные игры Элевтерии в честь освобождения от персидской опасности *(Plut.* Aristid. 20)[125]. Впрочем, это празднество впоследствии так и не достигло значения, сколько-нибудь сопоставимого с традиционными панэллинскими играми (Олимпий-

[124] *Badian E.* From Plataea... P. 109 f.

[125] О них см.: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. [Ч. 2:] Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 153.

скими и другими); этому, очевидно, мешала чисто политическая, сиюминутная подоплека его введения.

Буквально в один и тот же день с Платейской битвой *(Herod.* IX. 90) другое важное событие произошло на противоположном конце Эгеиды. Объединенный флот греков под командованием спартанского царя Леотихида и афинского стратега Ксантиппа уничтожил при мысе Микале (в Малой Азии) готовившиеся персами резервные силы, которые были способны в случае необходимости предпринять новое вторжение в Элладу. Сражениями при Платеях и Микале завершился самый важный этап Греко-персидских войн. Греческие победы, одержанные на этом этапе, привели к коренному перелому в ходе военных действий. С притязаниями Ахеменидов на власть над Грецией было покончено. Стратегическая инициатива перешла к грекам; теперь они стали наступающей стороной.

Но Греко-персидские войны еще не закончились 1[26]. После 479 г. до н.э. в их арену превратилась в основном акватория Эгеиды. Новой целью войны со стороны греков стало теперь освобождение от персидского владычества греческих полисов Малой Азии и островов. Процесс этого освобождения начался сразу после битвы при Микале. Греческий флот отвоевывал у персов город за городом, и эти города немедленно включались в борьбу с общим врагом, пополняя ряды антиперсидского союза.

Однако по отношению к новым, начинавшим обозначаться задачам между Афинами и Спартой — сильнейшими государствами Эллады, бесспорными лидерами сопротивления экспансии Ахеменидов — возникли существенные разногласия. Афиняне призывали к продолжению военных действий, к переносу их на территорию противника и в конечном счете к полному вытеснению персов из бассейна Эгейского

[126] Так принято считать в отечественной историографии, и эта точка зрения представляется нам вполне оправданной. В западном антиковедении изложение Греко-персидских войн чаще всего заканчивают именно на событиях 479 г. до н.э. Но при этом руководствуются скорее формальным критерием, конкретнее тем обстоятельством, что именно указанными событиями завершается сочинение Геродота. Но ведь «отец истории», как известно, не довел свой труд до конца. А что же, если бы он успел описать ход войн, скажем, до битвы при Евримедонте, то эту битву следовало бы считать окончанием Греко-персидских войн? Гораздо более правомерный подход — считать, что война заканчивается миром (в данном случае Каллиевым миром 449 г. до н.э.).

моря. Спарта, возглавлявшая Эллинский союз, не имела ни сильного флота, который позволил бы осуществлять такого рода действия, ни насущной заинтересованности в дальнейшем ведении войны; она была удовлетворена уже тем, что непосредственная опасность миновала. На первых порах спартанцы по инерции еще командовали, даже и на море: так, в 478 г. до н.э. регент Павсаний водил греческий флот в далекую экспедицию — на Кипр[127]. Однако постепенно в Спарте возобладала группировка, настаивавшая на прекращении войны. Эллинский союз дал трещину, между Афинами и Спартой, только что бок о бок отстаивавшими свободу общей родины, возросла напряженность.

Обострению афино-спартанских отношений способствовали еще два конкретных обстоятельства. Оба они имели отношение к Аристиду (одно в меньшей, другое — в особенно большой степени), поэтому на обоих следует остановиться. Во-первых, сразу после изгнания врагов из Греции афиняне форсированно[128] окружили свой город мощными оборонительными стенами. Спарта восприняла эту акцию как жест недружелюбия по своему адресу. Возник дипломатический конфликт, который удалось не без труда сгладить, но, естественно, в известной мере он подорвал доверие между двумя полисами. Главным инициатором строительства стен являлся Фемистокл. Однако источники справедливо отмечают, что Аристид также участвовал и в руководстве работами *(Arist.* Ath. pol. 23. 4), и в переговорах со спартанцами *(Thuc.* I. 91. 3). Очевидно, он опять нашел в себе силы ради интересов общего дела отложить личные разногласия.

На втором эпизоде следует остановиться подробнее. Морской кампанией 478 г. до н.э. командовал, как говорилось выше, спартанец Павсаний. Однако сложность его положения заключалась в том, что собственно спартанских кораблей в составе союзного флота почти не имелось: Спарта оставалась чисто сухопутной державой. Главную же роль во флоте греков играла большая афинская эскадра. Сообщается о двух возглавлявших ее стратегах: Аристиде и Кимоне.

[127] Датировку этого события и других важнейших событий последнего периода Греко-персидских войн см. в хронологической таблице, приведенной в раб.: *Badian E.* From Plataea... P. 99-103.

[128] Настолько форсированно, что при возведении стен в качестве материала брали даже надгробные плиты. См.: *Bäbler B.* Die archaischen attischen Grabstelen in der Themistokleischen Stadtmauer: Grabschändung oder Apotropaion? // Philologus. 2001. Bd. 145, H. 1. S. 3-15.

Из них, вне сомнения, более видную роль играл первый. Кимон только-только достиг тридцатилетия и впервые в своей жизни занимал столь высокую должность, а более опытный Аристид опекал его на правах старшего товарища. Кстати, обратим внимание на то, что на сей раз Аристид оказался в несколько непривычной для себя роли; это был первый и, кажется, последний раз, когда он командовал не сухопутным контингентом, а отрядом кораблей. Кроме афинской, важное место в союзных морских силах, начиная с этого года, занимали эскадры, присланные ионийскими городами малоазиатского побережья и прилегающих островов — теми, которые были освобождены от персов и приняты в Эллинский союз после битвы при Микале. Эти полисы традиционно были сильны на море; они-то и стали «локомотивом» тех чрезвычайно важных событий, о которых сейчас пойдет речь.

В описании этих событий[129] основные античные источники — а среди них авторы самого разного времени (*Thuc.* I. 95; *Arist.* Ath. pol. 4; *Nep.* Aristid. 2; *Diod.* XI. 44 sqq.; *Plut.* Aristid. 23; Cim. 6) — в основном единодушны; расхождения между ними, если и встречаются, не имеют особенно принципиального характера. Павсаний, возгордившись своими успехами, стал вести себя крайне жестко и высокомерно по отношению к новым ионийским союзникам. Это вызывало их недовольство, и они в конце концов начали отвечать ему прямым неповиновением. Ситуацией воспользовался Аристид, который, напротив, проявлял по отношению к ионийцам демонстративную мягкость и предупредительность. Нет прямых оснований доверять свидетельству Диодора (XI. 44. 5), согласно которому «справедливый» политик будто бы прямо интриговал против Павсания, используя свои личные связи, устраивая в ионийских городах совещания и склоняя их на сторону афинян. Насколько нам представляется, в такого рода закулисных махинациях просто не было нужды. Аристид действовал гораздо более тонко и верно с психологической точки зрения, контрастируя своим корректным поведением с грубым спартанцем. Ныне каждому, кто когда-нибудь читал детективные романы, прекрасно известен эффект «злого следователя и доброго следователя». Роль этого последнего Аристиду тем легче было играть, что он, как афинянин, действительно не мог не ощущать значительно большую близость к ионийцам, чем Павсаний.

[129] О них см.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 80 и след.; *Loomis W. T.* Pausanias, Byzantion and the Formation of the Delian League // Historia. 1990. Bd. 39, H. 4. S. 487-492.

Наконец ионийские союзники попросту прогнали Павсания и выразили готовность подчиняться только афинским командующим. Спартанские власти, чтобы хоть как-то сохранить лицо в непростой ситуации, повлиять на которую они уже не могли, вынуждены были официально отстранить Павсания от руководства флотом и дезавуировать его действия. Сам платейский победитель в дальнейшем проявил себя как одна из тех ярких личностей в истории Спарты, которым, если можно так выразиться, был тесен «ликургов космос». Это — тот же тип, который мы на более раннем этапе встречаем в лице Клеомена I[130], а впоследствии его воплотили в себе отчасти Брасид, а в наибольшей мере, конечно, Лисандр. Павсаний вскоре практически вышел из-под контроля руководства собственного полиса, захватил город Византий и управлял им в течение нескольких лет. Впоследствии удалось-таки добиться его возвращения на родину, где он по приговору эфоров был придан смерти — замурован в одном из храмов и уморен голодом. Но сложные перипетии судьбы Павсания не должны нас здесь интересовать[131].

Инцидент с Павсанием способствовал тому, что в Спарте окончательно восторжествовали изоляционисты, считавшие дальнейшие военные действия против персов бессмысленными. Сильнейшее в военном отношении государство Эллады, являвшееся гегемоном Эллинского союза, полностью самоустранилось, и это не могло не привести к фактическому распаду самого союза (хотя формально он, возможно, не прекращал существования вплоть до конца 60-х годов). Как бы то ни было, основная тяжесть борьбы в Эгеиде лежала отныне на Афинах и их союзниках-ионийцах. И перед ними вставала необходимость легитимировать свои отношения, что незамедлительно было сделано. Ключевую роль здесь сыграл Аристид.

Именно на 478 г. до н.э. пришлось главное дело жизни этого политического деятеля, его «звездный час». По его

130 *Суриков И.Е.* Античная Греция... С. 211 и след.

[131] О Павсаний в современной историографии написано немало, значительно больше, чем об Аристиде. Указание лишь на некоторые важные Работы о нем см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 237. Примеч. 39.

инициативе Афины совместно с рядом только что освобожденных полисов (почти исключительно ионийских) создали новый военный союз для продолжения борьбы против Персидской державы. Симмахия, главным условием которой, отраженным в принесенной участниками присяге, было иметь «общих врагов и друзей» (τον αυτόν έχθρον εΐναι ϰαι φίλον — *Arist.* Ath. pol. 23. 5), учреждалась «на вечные времена», как говорилось в союзном договоре. В ознаменование этого при принесении присяги в море были брошены куски металла, что символизировало именно «вечность» союза: не раньше он должен был быть расторгнут, чем металл всплывет.

Так появился на свет Делосский союз (или Первый Афинский морской союз, как его не менее часто называют в историографии), которому была суждена большая будущность и исключительное значение для дальнейшей истории Эллады. Маленький (менее 5 кв. км) островок Делос в центральной части Эгейского моря, в середине островной группы Киклад, был объявлен номинальным центром симмахии. Такое решение, вне всякого сомнения, следует связать с тем, что находившееся на Делосе знаменитое святилище Аполлона являлось главным культовым центром ионийцев. Именно Делос стал местом хранения общей казны союза.

Сильнейшим членом нового военно-политического объединения, далеко превосходящим по значению все остальные вошедшие в его состав полисы, являлись, конечно же, Афины. Именно афинский флот составлял основу союзных вооруженных сил. Остальные полисы-союзники делились на две категории. Одни из них тоже высылали в союзный флот эскадры своих кораблей. Такие полисы, занимавшие привилегированное положение, составили очень незначительное меньшинство (Самос, Хиос, Лесбос, возможно, вначале также Наксос и Фасос), да и количество предоставляемых ими судов было несопоставимо с афинским. Что же касается подавляющего большинства городов, вошедших в Делосский союз, то они обязывались вносить причитающуюся с них долю деньгами, ежегодно платя специальную подать — форос. Форос направлялся в союзную казну на Делосе, где им распоряжались казначеи (эллинотамии), назначаемые афинским народным собранием, и использовался на содержание мощного флота из 200 и более кораблей. Сами Афины, естественно, были освобождены от любых выплат и участвовали в союзе исключительно военной силой.

Подчеркнем: на данном этапе истории союза форос никому не навязывался силой. Напротив, для многих полисов, особенно мелких, внесение этой подати представлялось более легким делом, чем предоставление воинских контингентов, и они были вполне удовлетворены сложившейся системой. К тому же Аристид, возглавлявший с афинской стороны переговоры о создании Делосского союза и приносивший присягу от лица Афин, установил, по общему мнению современников, весьма умеренные ставки фороса, за что его немало восхваляет традиция. Общая сумма ежегодных взносов составляла 460 талантов серебром, и эта цифра продержалась неизменной на протяжении нескольких десятилетий. Афинская гегемониальная симмахия не стала еще в то время той машиной грубого подавления и эксплуатации союзников, в какую она превратилась впоследствии. И Аристид, движимый, несомненно, самыми благородными побуждениями, вряд ли мог предвидеть, что так когда-либо произойдет[132].

* * *

С чувством выполненного долга возвратился Аристид в родной город. После 478 г. до н.э. он, насколько можно судить, отошел от активной политической деятельности. Он, видимо, добровольно «ушел на покой», считая, что сделал для полиса всё, что мог (в частности, оставил руководство Делосским союзом в надежных руках Кимона), а не подвергся какой-либо опале: об этом ничего неизвестно. Похоже, Аристид стал одним из очень немногих афинских поли-

[132] Интересно, что впоследствии, после перерождения Делосского союза в худшую сторону, стали, судя по всему, раздаваться упреки и по адресу его основателя — Аристида. Эта линия не стала в традиции преобладающей (напротив, в большей части источников мы встречаем противопоставление справедливого Аристида жестоким и беспринципным политикам следующих периодов), но она заметна, например, в следующем суждении периегета Павсания (VIII. 52. 2): «Аристид потерял право на это название (благодетеля Эллады. — *И.С.)* за то, что он наложил подати на эллинов, живших на островах; до Аристида все эллины были свободны от каких бы то ни было податей». Интересно, что это суждение (демонстрирующее, кстати говоря, полное непонимание ситуации на момент создания Делосского союза) является, пожалуй, едва ли не единственным негативным высказыванием об Аристиде в текстах античных авторов. Ср. с Прямо противоположной оценкой современника, причем островитянина — Тимокреонта Родосского (цитировано в начале главы).

тиков, последние годы которых не были омрачены немилостью демоса[133].

В этом отношении ему повезло больше, чем Фемистоклу, который на рубеже 70—60-х годов V в. до н.э. пострадал очень сильно, будучи подвергнут вначале остракизму, а затем даже заочному смертному приговору. Речь об этом пойдет в следующей главе, а пока отметим: к описываемому моменту Аристид уже откололся от «антифемистокловской» коалиции аристократов, в создании которой сам же принимал участие. Как пишет Плутарх, «Аристид забыл старые обиды и, в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид не сделал и не сказал ничего ему во вред; он не радовался несчастью врага, как прежде не завидовал его благоденствию».

П. Бикнелл[134] считает, что Аристид на этом этапе не был так враждебно настроен по отношению к Фемистоклу, как Алкмеониды и Филаиды, поскольку имел с ним матримониальные связи. О наличии таких связей можно говорить не с уверенностью, а лишь с некоторой степенью вероятности, опираясь на косвенные данные. Известно, что первой женой Фемистокла была некая Архиппа, дочь Лисандра, из Алопеки *(Plut.* Them. 32). Ее-то Бикнелл и считает родственницей Аристида, опираясь, во-первых, на совпадение демотика, во-вторых, на наличие одного и того же корня λυσ- в именах Лисандра и Лисимаха (отца Аристида), что, действительно, может (хотя и не обязательно должно) свидетельствовать об их родстве. Даже если признать за аргументацией Бикнелла известную силу, она все-таки мало что объясняет. Если Аристид и Фемистокл находились в отношениях свойства в 70-е годы V в. до н.э., то точно так же было и в 80-е годы (Архиппа, напомним, была первой женой Фемистокла), однако это не мешало им в ту пору быть непримиримыми противниками. Да и вообще едва ли не все знатные афинские семьи за века жизни «бок о бок» успели многократно породниться между собой, но это отнюдь не означает, что между ними всегда наблюдалась теплая дружба и никогда не возникало конфликтов. Скорее наоборот: матримониальные связи Филаидов и Алкмеонидов, например, нисколько не мешали острой борьбе между Периклом и Кимоном[135].

Смягчение позиции Аристида по отношению к Фемистоклу, думается, следует трактовать иначе. Аристид по этическим причинам не желал «добивать» поверженного противника, вести атаки на него вплоть до полного уничтожения. Ведь основная задача к тому времени уже была выполнена: Фемистокл безвозвратно утратил былое влияние и не мог уже претендовать на роль лидера государства. Дальнейшая его «травля» вряд ли могла быть симпатичной политику, слывшему воплощением справедливости.

Когда скончался Аристид? Плутарх (Aristid. 26) не приводит по этому вопросу каких-либо точных сведений, ограничиваясь передачей нескольких противоречащих друг другу версий о его смерти. С другой стороны, Непот (Aristid. 3) в данном отношении более информативен, указывая, что Аристид умер «примерно на пятом году после изгнания Фемистокла из Афин». Источник этих данных неясен; к тому же мы уже знаем, что римский биограф — не самый достоверный из античных писателей, и в предыдущем изложении, если возникало противоречие между его сообщением и сообщением какого-либо другого автора и приходилось выбирать, выбор этот был, как правило, не в пользу Непота. Но сейчас — особый случай: выбирать приходится не между двумя датировками, а между датировкой и отсутствием таковой. Датировка Непота — единственная имеющаяся в нашем распоряжении, к тому же она не вступает в противоречие с какими-либо фактами из жизни Аристида. Соответственно, она вполне может быть принята.

Остракизм Фемистокла, как мы увидим в следующей главе, с наибольшей вероятностью имел место весной 470 г. до н.э. Следовательно, смерть Аристида нужно отнести к 466 г. до н.э. (кстати, Фемистокл, находясь в изгнании, пережил своего соперника). Иногда, правда, можно встретить датировку кончины «справедливого» политика предыдущим, 467 г.; при этом исходят из того, что Фемистокл был изгнан в

133 Плутарх (Aristid. 26) резонно опровергает недостоверное сообщение историка Кратера (FGrHist. 342. F12), согласно которому Аристид будто бы попал под суд по обвинению во взяточничестве, был приговорен к крупному штрафу и, не имея средств уплатить его, покинул Афины, после чего умер «где-то в Ионии». Это изолированное свидетельство не находит подтверждения нигде в аутентичной традиции и было позаимствовано Кратером, судя по всему, из какого-то тенденциозного памфлета антидемократической направленности.

134 *Bicknell P.J.* Athenian Politics... P. 160.

135 Ср: Cox C.A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // ClJ. 1989. Vol. 85, N 1. P. 34 ff.

471 г. до н.э., поскольку датировка его остракизма несколько «плавает».

Незадолго до смерти Аристида произошел, может быть, частный, но характерный случай, продемонстрировавший то уважение, которое питали к нему сограждане *(Plut.* Aristid. 3). В 467 г. до н.э. Эсхил представил на суд публики свою трагедию «Семеро против Фив». Она была, как и любое другое произведение афинского театра V в. до н.э., глубоко проникнута актуальной политической проблематикой, насыщена аллюзиями на конкретные события общественной жизни (естественно, претворенные в мифологические образы)[136]. Именно так (зачастую даже на персональном уровне) трагедия воспринималась и зрителями.

Одним из персонажей драмы, о которой идет речь, являлся Амфиарай, представленный автором в исключительно позитивных тонах, как «рыцарь без страха и упрека». Когда со сцены прозвучала характеристика Амфиарая:

> Он справедливым (δίκαιος) быть желает, а не слыть.
> С глубокой борозды ума снимает он
> Советов добрых жатву, —

«все взоры, - как пишет Плутарх, - обратились к Аристиду, который, как никто другой, приблизился к этому образцу добродетели». Следует полагать, что такую реакцию предвидел сам драматург, вводя, таким образом, в свою трагедию сознательную реминисценцию[137].

[136] О политической подоплеке трагедии «Семеро против Фив» (в основном направленной на поддержку Перикла) см.: *Суриков И.Е.* Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // АВ. 1999. Вып. 4/5. С. 190. В целом о политическом контексте творчества Эсхила см.: *Podlecki A.J.* The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966; *Goldhill S.* Civic Ideology and the Problem of Difference: The Politics of Aeschylean Tragedy Once Again // JHS. 2000. Vol. 120. P. 34-56; *Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15-24. О политическом значении всего жанра аттической трагедии см.: *Meier Chr.* Die politische Kunst der griechischen Tragödie. Dresden, 1988; *Idem.* Politik und Tragödie im 5. Jahrhundert // Philologus. 1991. Bd. 135, H. 1. S. 70-87; *Роде П.Аж.* Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 33 — 55.

[137] Ср.: *Seltman C.T.* Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924. P. 19. Сложность, правда, заключается в том, что в сохранившихся манускриптах Эсхила на данном месте (Sept. 592-594) стоит не δίκαιος («справедливый»), как цитирует Плутарх, а ἄριστος («наилучший, самый доблестный»); в остальном текстуальных расхождений нет. Не очень понятно, с чем мы здесь имеем дело. Либо Плутарх пользовался какой-то иной (более древней и, стало быть, более аутентичной) рукописной традицией, а не той, которая дошла до нас; либо он сознательно исказил строку Эсхила, чтобы оттенить именно справедливость Аристида. Первый вариант ответа на вопрос представляется нам более вероятным. Известны параллели, когда античные авторы цитируют произведения своих предшественников не вполне в той форме, в какой эти произведения известны нам. Наиболее хрестоматийный пример: Аристотель (Rhet. 1409a28) пользовался такой рукописью труда Геродота, которая начиналась словами «Геродота фурийца...», а существующие ныне манускрипты дают в этом месте «Геродота галикарнасца...». Но даже если у Эсхила действительно стояло ἄριστος, всё равно показательно, что зрители в театре тут же распознали направленность реминисценции.

И мы тоже, завершая главу, закономерно выходим на проблему общей оценки личности и деятельности Аристида. Собственно, вся нарративная традиция настолько единодушна в его характеристике, что, думается, двух мнений быть не может: Аристид был именно таким, каким его изображают, и именно этим вызывал восхищенное удивление современников и потомков.

Выше неоднократно говорилось о том, что этот государственный деятель был всегда готов к конструктивному диалогу и сотрудничеству с любым другим политиком, даже из лагеря своих противников, что он почти никогда не считал зазорным для себя переменить собственную точку зрения, если убеждался в правоте иного взгляда на вещи. В данной связи может сложиться впечатление, что Аристид был каким-то «политическим флюгером», не имевшим собственной группировки и примыкавшим по обстоятельствам то к той, то к другой. Но это впечатление будет совершенно неверным, полярно противоположным по отношению к мнениям античных авторов. Вот, например, одно из высказываний об Аристиде, принадлежащих Плутарху (Aristid. 3): «Его твердость (ευστάθεια) кажется особенно удивительной по сравнению с непостоянством других государственных деятелей». Получается, что именно Аристид воспринимался как образец постоянства в политике, в отличие от всех его партнеров и конкурентов. Подчеркнем еще раз: только в тех случаях солидаризировался он с кем-либо (не боясь при этом оставить прежних союзников), когда это соответствовало его принципиальным убеждениям.

Перед нами прошла редкая по цельности и какому-то внутреннему свету карьера. Скептик может сказать, что мы идеализируем Аристида, создаем ему панегирик, что таких героев, — практически не имеющих недостатков, руководст-

вующихся в своей политической деятельности всецело этическими установками и ни на шаг не отступающих от принципов, — в реальной жизни просто не бывает. Но что же поделать, если из источников Аристид предстает именно таким? Мы не имели ни малейшего намерения «улучшать» его образ (собственно, делать это нет ни нужды, ни возможности), но не видим никакого смысла также и в том, чтобы искусственно «ухудшать» его, выискивать без опоры на источниковый материал скрытые пороки, показывать, что он всего лишь умело притворялся «справедливым», а в действительности был таким же циником, как и остальные... Это означало бы погрешить против фактов.

В настоящее время решительно преобладает точка зрения, согласно которой в политике неуместны моральные нормы, что это та сфера, где властвует только одно — грубая борьба интересов, будь она неприкрытой или замаскированной под высокие ценности. Наверное, как правило, так оно и есть, и точно так же обстояли дела в античном мире. Но, к счастью, из всякого правила есть свои исключения. Об одном из таких редких исключений шла речь в этой главе; их главное значение заключается в том, что они напоминают нам об идеале.

Глава III

ФЕМИСТОКЛ: HOMO NOVUS В КРУГУ СТАРОЙ ЗНАТИ

Как говорилось уже во вводной главе, классическая афинская демократия, ставшая одним из крупнейших достижений политической практики античности, во многих отношениях парадигматичным для последующих эпох, не появилась на свет сразу в готовом виде, подобно Афине из головы Зевса, и не оставалась неизменной. В течение всей своей почти двухвековой истории, как в V, так и в IV в. до н.э., она постоянно эволюционировала, подвергалась различным трансформациям[1]. Особенно бурным в этом отношении была эпоха между деятельностью Клисфена (500-е годы до н.э.) и реформой Ареопага, осуществленной Эфиальтом и Периклом (конец 60-х годов V в. до н.э.); это время с полным основанием можно назвать периодом формирования демократии, закладывания ее основ. Новое государственное устройство делало свои первые шаги; сам «политический климат» стремительно менялся, претерпевали радикальную ломку условия политической деятельности, механизмы политической борьбы. Прибавим, что все это происходило в обстановке почти постоянной военной угрозы: ведь речь идет о первых десятилетиях V в. до н.э., т.е. об эпохе Греко-персидских войн.

Одной из важнейших вех в афинской политической жизни интересующего нас периода (эти слова в равной мере относятся к внутренней и внешней политике) явилась дея-

[1] До недавнего времени считалось, что в IV в. в политической системе афинской демократии уже не происходило позитивных изменений, а наблюдались скорее черты застоя и упадка. В настоящее время этот тезис убедительно опровергается. См., например: *Hansen M.H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215-243; *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? //AD. S. 11-28.

тельность Фемистокла - человека, которого без всякого сомнения следует причислить к наиболее знаменитым деятелям древнегреческой истории вообще, «отцам-основателям» афинской демократии[2], протагонистам вооруженного конфликта эллинских полисов с Ахеменидской державой. Фемистокл заслуживает самого внимательного к себе отношения: когда он сошел с афинской политической сцены (как мы увидим, отнюдь не по своей воле), его родной полис был уже в значительной мере иным, чем какие-нибудь 20 — 30 лет назад, и эта трансформация являлась в целом ряде отношений именно делом его рук.

О Фемистокле достаточно много и подробно писали античные авторы[3]; кстати, при анализе их свидетельств сразу бросается в глаза неоднозначность оценок, порой их полярная противоположность друг другу. Фемистокл всегда оставался фигурой дискуссионной; и черты его личности, и основные мероприятия в политической сфере воспринимались как современниками, так и потомками то позитивно, то негативно. Самые ранние из дошедших до нас нарративных текстов, повествующих о Фемистокле, были созданы еще при его жизни. Это — отрывки стихотворений лирического поэта Тимокреонта Родосского *(Timocr.* Fr. 1, 2, 3 Page*),* вначале друга Фемистокла, а затем по причинам личного характера ставшего его злейшим врагом[4]. Соответственно, стихи эти окрашены в весьма неприязненные тона по отношению к Фемистоклу, изображаемому в максимально черных красках. Особенно важен довольно большой сохранившийся пассаж (Fr. 1), начало которого мы цитировали в главе об Аристиде. А теперь приведем его полностью:

Можешь Павсания ты восхвалять и можешь хвалить Ксантиппа,
Славь Левтихида, пожалуй, а я одного вознесу Аристида,
Сына священных Афин,
Лучшего мужа из всех мужей. Фемистокл ненавистен Латоне.
Лжец, бесчестный предатель! На подлые деньги польстившись,
Тимокреонту, что был его другом, не дал он вернуться
В город Иалис родной.

[2] Аристотель (Ath. pol. 28. 2) справедливо называет Фемистокла в числе «простатов демоса» наряду с Клисфеном, Эфиальтом и Периклом.

[3] Сводку основных свидетельств см.: *Bauer A., Frost F.J.* Themistokles: Literary, Epigraphical and Archaeological Testimonia: 2nd ed. Chicago, 1967.

[4] О Тимокреонте и Фемистокле см.: *Robertson N.* Timocreon and Themistocles // AJPh. 1980. Vol. 101, N 1. P. 61 - 78; *Stefanek P.* Timokreon bei Plutarch, Them. 21,5 (ca. 467 v.Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v.Chr.) // OT. S. 171-173.

Взяв серебра три таланта, уплыл — плыви себе на погибель, —
Злых возвращая, благих изгоняя, иных убивая!
Денег гора у него, а на Истме он всех угостил лишь мясом холодным;
Ели все, Фемистоклу желая весны не увидеть.

Речь в этом фрагменте идет о событиях, имевших место после Саламинского сражения, когда Фемистокл во главе эскадры военных кораблей «наводил порядок» на островах Эгейского моря, запятнавших себя сотрудничеством с персами. Не случайно в нем упоминаются и ряд других видных деятелей Греко-персидских войн. Нетрудно заметить, что перед нами — типичная инвектива, столь характерная для греческой политической лирики[5]; все обвинения в ней, как подобает, гипертрофированы, доведены до пес plus ultra, перемешаны с площадной бранью. Естественно, далеко не все, что пишет движимый личностными мотивами Тимокреонт, подобает принимать на веру. Тем не менее следует отметить, что данный памятник содержит некоторые топосы, ставшие впоследствии неотъемлемыми элементами «антифемистокловской» традиции. Таково, прежде всего, указание на непомерное корыстолюбие Фемистокла. Имело счастливую судьбу и проведенное поэтом противопоставление Фемистокла и Аристида (см. в предыдущей главе). Пожалуй, почти никто из более поздних античных авторов, в той или иной связи писавших о событиях начала V в. до н.э., не преминул воспользоваться этой антитезой.

Как и следует ожидать, подробно рассказывает о Фемистокле Геродот: ведь начальный период Греко-персидских войн — главная тема его «Истории», а Саламинское сражение можно назвать кульминационным моментом этого труда. Тот образ Фемистокла, который рисует «отец истории», уже значительно более реалистичен, сложен и многомерен, нежели грубая карикатура Тимокреонта. Среди главных черт Фемистокла как личности и политика Геродот, писавший главным образом о его полководческой деятельности, особенно подчеркивает дальновидность, стратегическое мышление, тонкий, изощренный практический ум, склонность к разного рода «военным хитростям» и в то же время некоторую беспринципность, любовь к пропагандистским манипуляциям, стремление в любой ситуации обратить сложившиеся обстоятельства в свою пользу, хотя бы это на-

5 Ср. стихи Алкея против Питтака.

несло вред другим. Фемистокл предстает государственным мужем «одиссеевского» склада, т.е., если так можно выразиться, «хитроумным», основывающим свои успехи на смекалке и хитрости, а не на простой и мужественной силе. Геродотовский Фемистокл оказывается в некотором роде воплощением афинянина по преимуществу, чье поведение разительно контрастирует с тем, что было характерно для большинства спартанских персонажей историка (Леонида, Еврибиада, Павсания и др.). Без преувеличения можно сказать, что труд Геродота был, есть и будет самым важным и самым достоверным источником по интересующей нас здесь теме.

Если Геродот останавливается исключительно на деятельности Фемистокла в период нашествия Ксеркса (480 — 479 гг. до н.э.), то сведения о последнем периоде его жизни, отсутствующие у «отца истории», содержатся в труде Фукидида. Там рассказывается о строительстве в Афинах оборонительных укреплений, об остракизме Фемистокла, его осуждении, бегстве в Персию и смерти на чужбине. Кроме того, Фукидид (I. 138. 3) дает, пожалуй, лучшую во всей античной нарративной традиции характеристику Фемистокла. Эта характеристика (пусть даже в ней сделан упор лишь на позитивные черты личности этого политика) заслуживает того, чтобы быть процитированной in extenso:

«Фемистокл был чрезвычайно одарен от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления. Даже полученное им образование ничего существенного не прибавило к его природным дарованиям. Отличаясь выдающейся остротой ума, он был величайшим мастером быстро разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента и, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, всегда у него находились подходящие слова и выражения, чтобы объяснить другим свои действия, и даже в той области, с которой он непосредственно не соприкасался, умел тотчас найти здравое суждение. По ничтожным признакам Фемистокл прозревал, предвещают ли они что-либо хорошее или плохое. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий».

Деятельность Фемистокла отражена и в произведениях ряда других историков как классической, так и эллинистической эпох. Можно назвать в данной связи имена Лисия[6], Аристотеля, Диодора Сицилийского, Корнелия Непота (автора самой ранней из дошедших до нас биографий интересующего нас афинского политика) и др. Эти авторы во многом дополняют информацию, сохраненную Геродотом и Фукидидом, привносят новые подробности. Правда, не всегда эти подробности можно считать достоверными. Так, в «Афинской политии» Аристотеля (25. 3 — 4) имеется пассаж, согласно которому Фемистокл якобы принял участие в реформе Ареопага, осуществленной Эфиальтом. Однако это невозможно по хронологическим обстоятельствам: на момент реформы Эфиальта (462/461 г. до н.э.) Фемистокла давно уже не было в Афинах.

Фемистокл всегда оставался весьма популярной фигурой в сочинениях античных писателей. Написано о нем было гораздо больше, чем сохранилось до нашего времени. Так, еще в V в. до н.э. некий Стесимброт сделал его одним из главных героев своего политического памфлета «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», кстати говоря, переполненного грубыми ошибками и, вероятно, даже сознательными искажениями фактов[7]. Безусловно, писали о Фемистокле крупнейшие историки IV в. до н.э. Эфор и Феопомп, а также представители аттидографии (локального афинского историописания): Клидем, Андротион, Филохор и др.[8] К сожалению, труды перечисленных авторов известны лишь в более или менее значительных фрагментах.

Несколько подробнее стоит остановиться на жизнеописании Фемистокла, принадлежащем перу Плутарха[9], поскольку оно, бесспорно, является, наряду с трудами Геродота и Фукидида, ценнейшим источником по нашей теме. Плутарх, прославленный своей эрудицией, использовал в своих изысканиях огромное количество произведений писа-

[6] *Avezzu G.* Temistocle e Mironide neU'Epitafio di Lisia // Studi italiani di filologia classica. 1988. Vol. 6. P. 208-215.

[7] Об этом произведении см.: *Schachermeyr F.* Stesimbrotos und seine Schrift über die Staatsmänner. Wien, 1965; *Idem.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte. Wien, 1974. S. 151-171.

[8] О посвященных Афинам пассажах у вышеназванных авторов см.: *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxford, 1949; *Pearson L.* The Local Historians of Attica: Repr. ed. Ann Arbor, 1981.

[9] Лучшее исследование об этом произведении: *Frost F.J.* Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, 1980.

телей предшествующих эпох и в результате нарисовал целостный портрет Фемистокла, как бы развернул перед читателями всю его жизнь, от рождения до смерти, привел немало интересных, ярких деталей и нюансов событий, в которых афинский политик сыграл ведущую роль. Однако при использовании данных Плутарха перед исследователями, как мы уже знаем, всегда встает проблема аутентичности этой информации. В отличие от Геродота и Фукидида, которые были лично знакомы с людьми, еще заставшими в Афинах Фемистокла, херонейский биограф был отделен от своего героя более чем полутысячелетним временным промежутком. Нам еще не раз предстоит убедиться в том, что сведения, приводимые Плутархом, далеко не всегда заслуживают безоговорочного принятия на веру. Работая с его биографиями, в том числе и с той, о которой здесь идет речь, никогда не следует забывать о необходимости критического подхода к ним.

Говоря о письменных источниках, отражающих жизнь и деятельность Фемистокла, нельзя не упомянуть, хотя бы вкратце, об одном достаточно интересном, хотя и позднем памятнике. Это так называемые «Письма Фемистокла» — небольшой сборник произведений эпистолярного жанра, якобы представляющий собой переписку этого политика с некоторыми из его знаменитых современников — спартанским полководцем Павсанием, драматургом Эсхилом, художником Полигнотом и др.[10] Естественно, в действительности вошедшие в сборник письма Фемистоклу не принадлежат; они были составлены в римскую эпоху (видимо, во II в. н.э.) в какой-то из многочисленных риторических школ в качестве упражнения. Однако следует отметить, что неизвестный составитель писем имел в своем распоряжении значительно более ранние и надежные источники, что и отразилось в тексте данного эпистолярного памятника, также содержащего некоторые небезынтересные факты.

Деятельность Фемистокла можно изучать не только по данным нарративной традиции. С ним связан и важный источниковый материал иного характера, а именно эпиграфический. Помимо знаменитого «декрета Фемистокла» — постановления афинского народного собрания, изданного по

[10] О «Письмах Фемистокла» и содержащейся в них информации см.: *Миллер Т.А,* Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография. М., 1967. С. 198-209; *Podlecki A.J.* Themistocles and Pausanias // RFIC. 1976. Vol. 104, fasc. 3. P. 293-311.

его инициативе в 480 г. до н.э., о котором упоминалось в предыдущей главе, а наиболее подробно пойдет речь ниже, — невозможно не назвать также надписи на остраконах. Фемистокл в течение своей жизни неоднократно подвергался опасности остракизма, и в конце концов эта мера его все-таки постигла. Соответственно, количество обнаруженных археологами острака с именем Фемистокла весьма велико — более 2200 (он в этом отношении занимает второе место в Афинах после Мегакла, сына Гиппократа, но этот последний выдвинулся на первый план во многом случайно, единственно из-за того, что найдены были материалы остракофории 486 г. до н.э., на которой он был изгнан).

Острака, как мы уже знаем, в целом ряде отношений представляют собой интереснейшие памятники, дающие исключительно яркое и живое понятие об острой внутриполитической борьбе в классических Афинах. Например, некоторые особенно эмоциональные граждане делали на этих «бюллетенях» разного рода приписки, выражая столь своеобразным способом свое мнение о «кандидате» на изгнание. Есть такие приписки и на остраконах, направленных против Фемистокла. В частности, на одном из этих черепков к его имени присовокуплено грязное ругательство, которое не стоит даже и пытаться перевести на литературный русский язык: καταπύγων[11]. Наиболее интересный комплекс острака, имеющий самое прямое отношение к Фемистоклу, был найден в 1937 г. в заброшенном колодце на северном склоне афинского Акрополя. Но об этом комплексе, состоящем из 190 остраконов, и о возможном контексте его появления мы уже имели случай подробно говорить в предыдущей главе.

И в современной исследовательской литературе Фемистокл также не обделен вниманием. Мало о ком из древнегреческих политических деятелей V в. до н.э. (пожалуй, только о Перикле) написано больше, чем о нем. Из этого, кстати, вытекает немаловажное обстоятельство: если, описывая жизнь и деятельность Аристида, нам приходилось опираться в основном на данные источников, то в настоящей главе мы уже имеем возможность активно использовать разработки тех или иных проблем, имеющиеся в историографии. Правда, слова об обилии посвященных Фемистоклу работ относятся преимущественно к западному антиковедению.

[11] См.: *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria//AAAD. P. 14.

В нем имеется значительное количество связанных с этим политиком статей и даже несколько монографий. Монографии представляется уместным указать здесь[12], а статьи вряд ли имеет смысл перечислять одной сноской; на важнейшие из них мы будем ссылаться в соответствующих местах, поскольку в них, как правило, разбираются различные конкретные проблемы биографии Фемистокла.

К сожалению, в значительной степени иначе обстоит дело в отечественной историографии. Специальных работ о Фемистокле на русском языке почти нет. Пожалуй, наиболее углубленно у нас занимался этим афинским политиком и полководцем В.М. Строгецкий, осветивший ряд моментов его жизни и деятельности[13]. Приходилось писать о Фемистокле в различных контекстах также автору этих строк[14]. В частности, несколько лет назад была опубликована наша статья, в которой (конечно, в той мере, в какой позволял ее ограниченный объем) мы попытались рассмотреть всю его карьеру[15]. Именно на материалах этой статьи в основном строится данная глава, хотя нельзя говорить о простом механическом повторении или перепечатке из одного издания в другое. С одной стороны, текст расширен новыми подробностями; с другой — в каких-то случаях мы снимали чрезмерно детализированные примечания по частным вопросам.

В целом, ведя речь о Фемистокле, приходится констатировать, что фигура такого масштаба заслуживает целой книги, а не статьи или главы. Пока еще рано говорить о полноценном заполнении этой лакуны. Мы лишь вкратце обрисуем res gestae одного из крупнейших представителей истории античных Афин, причем постараемся обратить преимущественное внимание на те аспекты, которые являются недостаточно изученными или дискуссионными. Очевидно, нужно еще раз оговорить и такой момент. Между двумя главами — предыдущей и этой — были просто неизбежны определенные точки пересечения: Аристид и Фемистокл действовали на политической арене одновременно, были причастны к одним и тем же крупным историческим событиям. Соответственно, о некоторых событиях, уже описанных выше, придется упомянуть еще раз; но пусть читатель не сочтет это ненужным повторением, поскольку теперь факты, о которых идет речь, будут рассмотрены уже не «с точки зрения Аристида», а с «точки зрения Фемистокла».

* * *

Прежде чем перейти к непосредственному изложению и анализу фактического материала, необходимо хотя бы вкратце коснуться обстоятельства, представляющегося нам принципиальным. В историографии, особенно отечественной, является чрезвычайно распространенной, можно сказать, хрестоматийной, интерпретация афинской внутриполитической борьбы классической эпохи как противостояния сторонников демократии и ее противников (аристократов, олигархов)[16]. Соответственно, Фемистоклу в этой концепции уделяется роль лидера радикальных демократов. Нам уже и ранее неоднократно приходилось выражать несогласие с подобной точкой зрения[17], восходящей, по сути дела, к ряду

[12] *Labarbe J.* La loi navale de Themistocle. P., 1957; *Bauer A., Frost F.J.* Op. cit.; *PodleckiAJ.* The Life of Themistocles. Montreal, 1975; *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L., 1978; *Papastavrou J.* Themistokles: Die Geschichte eines Titanen und seiner Zeit. Darmstadt, 1978; *Frost F.J.* Plutarch's Themistocles...; *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.

[13] *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 3-29; *Он же.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 35 — 44; *Он же.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // АМ. С. 69-83.

[14] См., например: *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23-40; *Он же.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118-130.

[15] *Суриков И.Е.* Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Спец. вып.: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342 — 364.

[16] Применительно к началу V в. до н.э. данную точку зрения см., например: *Ставнюк В. В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. С. 26-37; *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 36 и след.; *Трухина Н.Н.* Афины в V в. до Н.э. //Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 119. Критику этой схемы см. в исключительно важной ст.: *Frost F.J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 73-104.

[17] *Суриков И.Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М.,1997. С. 95; *Он же.* Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // АВ. 1999. Вып. 4/5. С. 187-188; *Он же.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 174 и след.; *Он же.* Политическая борьба... С. 123 и след.

замечаний Аристотеля и некоторых других античных авторов, несколько упрощающих ситуацию. «Двухпартийная схема» нуждается в серьезнейшей корректировке, и здесь, пожалуй, будет уместно наметить пути такой корректировки. Вопрос настолько важен, что мы не считаем излишним снова и снова останавливаться на нем.

Во-первых, есть все основания полагать, что реальная картина политической борьбы в классических Афинах (в особенной степени это относится как раз к началу V в. до н.э., к эпохе Фемистокла) выделена несравненно сложнее и многограннее, нежели дихотомия «демократы — олигархи». Политическая жизнь была не биполярной, а полицентричной; существовало большое количество малых политических групп, из которых формировались коалиции (чаще всего временные) для решения тех или иных конкретных задач[18]. Во-вторых (что не менее важно), политические группировки классического периода не являлись партиями в современном смысле слова. И дело даже не столько в отсутствии формальных признаков партии (программа, устав, фиксированное членство, аппарат и т.п.), сколько в том, что они базировались не на каких-либо принципиальных идейных убеждениях, а на более личностной основе, на связях и соперничестве отдельных аристократических групп и их окружения. Различие позиций этих группировок если и имело место, то должно было лежать скорее в сфере не внутренней, а внешней политики[19]; ключевым вопросом борьбы служило отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия и т.п.), а именно внешняя ориентация, диктуемая как традицией, так и конкретной ситуацией. При этом следует отметить, что вплоть до эпохи Пелопоннесской войны во главе всех группировок, в том числе и тех, которые в современной историографии принято определять как демократические, стояли аристократы.

Аристократия до конца VI в. до н.э. играла определяющую, можно сказать, исключительную роль в афинском полисе. Характерно, что именно представители знатных родов

[18] Ср.: *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 30-32.

[19] Ср.: *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1940. P. 87; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 123; *Littman RJ.* Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y. 1990. P. 155 ff.

стали и первыми вождями демоса, когда тот как весомая сила выдвинулся на политическую арену. Парадоксально, но факт: само формирование афинской демократии, в ходе своего развития постепенно оттеснившей аристократию на периферию общественной жизни, являлось во многом результатом волевых действий ряда аристократических по своему происхождению, положению и менталитету лидеров: Солона, Писистрата, Клисфена, Фемистокла и Перикла. Первоначальная апелляция к демосу была связана, подчеркнем, не с какими-то принципиальными «демократическими» убеждениями части аристократов, а со стремлением опереться на нового (и сильного) союзника в борьбе с соперниками; иначе говоря, она воспринималась как еще один механизм приобретения или удержания власти и влияния. Этот новый метод борьбы за власть доставлял отдельным аристократам сиюминутные выгоды, но в перспективе приводил к перетеканию властных полномочий из их рук к инициированным ими же демократическим институтам[20].

В изменившейся обстановке, особенно начиная с клисфеновских реформ, подвергались серьезному изменению механизмы влияния, ранее практиковавшиеся аристократами. Совершенно отошло в прошлое их господствующее положение в религиозной сфере, были подорваны экономические позиции знати, стали играть меньшую роль традиционный престиж и внешние связи. По-прежнему большое внимание уделялось отношениям родства, были весьма популярны межродовые династические браки. Но в самом влиянии родства на политику произошли немаловажные сдвиги. На первое место взамен рода (γένος) выходят более мелкие единицы — семья, домохозяйство (οἶκος) и ее окружение из ближайших родственников (ἀγχιστεία). Прекратили существование крупные региональные группировки, построенные по территориальному принципу (паралии, педиеи, диакрии); на их место со временем пришел новый тип политической организации — гетерия, занявшая важнейшее место в общественной жизни Афин. При создании гетерий по-прежнему

[20] О роли аристократии в формировании демократического режима см.: *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С. 6-22; *Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. Bd. 12. S. 13; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 84-86; *Stanton G.R.* Athenian Politics c. 800-500 B.C.: A Sourcebook. L.; N.Y., 1991. P. 3-4; *Camp J.M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai//AAAD. P. 7.

принималось во внимание родство и свойство, но теперь оно перестало служить важнейшим критерием: наряду с ним выдвинулись на видное место узы политической дружбы (φιλία).

Новые механизмы уже не обеспечивали, как прежде, безусловного обладания властью для аристократии, поскольку не являлись ее исключительной прерогативой. Отдельные представители знати по-разному относились к изменению условий политической жизни. Например, Мильтиад (марафонский победитель) является типичным примером аристократа, не нашедшего себе места в мире демократического полиса[21]. Были, однако, и политики, не только охотно принявшие новые «правила игры», но и стремившиеся извлечь из них максимальную выгоду для себя. К ним можно причислить, в частности, Ксантиппа, отца Перикла, а впоследствии — и самого Перикла. Резонным представляется вопрос, каково же было реальное место Фемистокла в политической системе и общественной жизни первых десятилетий афинской демократии, какова была его позиция по отношению к изменившейся ситуации в государстве.

Не приходится сомневаться в том, что Фемистокл был не только не похож на большинство аристократических лидеров своего времени, но и в определенной степени отчужден от них, воспринимался представителями евпатридской знати как homo novus, человек не вполне равного с ними статуса. Причину такой «неполноценности» Фемистокла следует искать прежде всего в его происхождении, поскольку оно всегда оставалось в Афинах одним из важнейших критериев оценки индивида[22]. Что же можно сказать о происхождении Фемистокла? Источники содержат об этом определенные, хотя и несколько противоречивые сведения.

Фемистокл, сын Неокла из дема Фреарры (таково было его полное официальное имя после учреждения Клисфеном деления афинского полиса на демы, хотя родился он еще до клисфеновских реформ), принадлежал по отцу к аттическому знатному роду Ликомидов, правда, не к основной, а к боковой его ветви *(Plut.* Them. I)[23]. Сложнее обстоит дело с его

[21] *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 324.

[22] См.: *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2(5). С. 40-41.

[23] Ср.: *Harvey F.D.* Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1980. Bd. 29, H. 2. S. 110— 111. Высказывалось даже предположение, что семья, к которой принадлежал Фемистокл, находилась в напряженных отношениях с основной ветвью рода Ликомидов, имевшей резиденцию в деме Флия. См.: *Connor W.R.* Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry // Historia. 1972. Bd. 21, H. 4. S. 569-574.

происхождением по женской линии. Плутарх называет Фемистокла незаконнорожденным (νόθος) и пишет, что его мать вообще была не гречанкой, а, по разным сведениям, или фракиянкой, или кариянкой из Галикарнасса. Даже относительно ее имени нет полной ясности: мать Фемистокла звали то ли Евтерпой, то ли Габротонон[24]. Уже такой сильный разнобой сам по себе порождает подозрения относительно аутентичности всех этих данных. Да и ситуация в целом не может не вызвать некоторых сомнений. Дело в том, что в дальнейшем Фемистокл занимал должность архонта-эпонима, о чем у нас еще пойдет речь. Лицо, избранное на эту номинально высшую в афинском полисе магистратуру, должно было пройти докимасию — строгую проверку, в ходе которой обращалось внимание даже не столько на деловые качества кандидата, сколько именно на его «благородное» происхождение. Незаконнорожденный, конечно, ни в каком случае не мог быть допущен на должность архонта. Следовательно, Фемистокл был рожден в законном браке. Отметим здесь, что негреческое происхождение матери не должно было в рассматриваемый период оказывать никакого влияния на статус гражданина и политика. Действительно, согласно закону о гражданстве, принятому в 451 г. до н.э. по инициативе Перикла[25], афинскими гражданами стали считаться лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу и по мужской, и по женской линиям. Но в начале V в. до н.э. происхождение матери при решении подобных вопросов совершенно не учитывалось. Достаточно напомнить, что один из виднейших аристократических политических деятелей этого времени, Кимон, сын Мильтиада, из рода Филаидов (см. о нем в следующей главе), в течение ряда лет являвшийся едва ли не единоличным

[24] Кстати, П. Бикнелл пытался путем сложных и, на наш взгляд, не очень убедительных эмендаций текста Плутарха доказать, что мать Фемистокла была не фракиянкой и не кариянкой, а гречанкой из Кардии на Херсонесе Фракийском. См.: *Bicknell P.J.* Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31, H. 2. P. 161 - 173.

[25] Об этом законе см.: *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. N 155. P. 3-33; *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995. S. 50 ff.; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 26.

лидером Афин, тоже имел мать-фракиянку *(Plut.* Cim. 4). Его высочайшему престижу это ничуть не мешало, а самое главное — евпатридская знать отнюдь не считала Кимона чуждым элементом в своих рядах. Собственно, среди афинских аристократов были чрезвычайно распространены браки со знатными людьми других полисов и даже негреческих государств[26].

Таким образом, не в происхождении матери следует искать причину отчужденности Фемистокла от основной массы аристократии, а в чем-то другом. Здесь уместно отметить следующее обстоятельство (на него уже обращали внимание[27], но как-то не придавали должного значения). На протяжении почти всего V в. до н.э. тон в политической борьбе внутри афинского полиса задавали аристократические лидеры из так называемых городских демов, т.е. из самого города Афин и его ближайших окрестностей. Аристократия сельских демов Аттики вплоть до эпохи Пелопоннесской войны находилась в тени блестящей городской знати и если участвовала в общественной жизни, то на местном, а не на общегосударственном уровне. Из этого правила имелось едва ли не единственное значимое исключение. Только один политик из сельского дема смог в первой половине V в. добиться первенствующего положения в Афинах, и этим политиком был именно Фемистокл. Дем Фреарры, в котором он родился и к которому принадлежал, находился довольно далеко от столицы, на юго-западном побережье Аттики, в области Паралия. Насколько можно судить, в этом-то и заключается главная причина несколько приниженного и изолированного положения Фемистокла в кругу своих партнеров по политической деятельности.

Как бы то ни было, Фемистоклу в течение всей своей жизни приходилось считаться с тем, что прочие аристократы не воспринимают его как равного себе. Ощущалась его определенная «ущербность», а в то же время по своей натуре он был весьма честолюбивым, стремился делать карьеру, достигнуть высокого положения в полисе. Может быть, психологической причиной столь далеко идущих амбиций являлось именно болезненное и ущемленное честолюбие, желание талантливого афинянина во что бы то ни стало добиться успеха, доказать, что и он способен на многое. Ведь это так свойственно тому типу личности, который англичане называют «self-made man».

[26] *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P. 349-363.

[27] *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.: Repr. ed. Westport, 1986. P. 37-39. Ср.: *Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита афинских демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 30.

В значительной мере именно в силу указанных обстоятельств поведение Фемистокла в политике, методы борьбы, к которым он обращался, весьма отличались от традиционных, общепринятых в его эпоху, что и создало ему репутацию человека циничного, беспринципного, корыстолюбивого, антипода «справедливого» Аристида. В частности, в его политике значительно большее место, нежели у большинства его современников, занимала прямая апелляция к демосу. Происхождение Фемистокла наложило свой отпечаток и на его позицию во внешнеполитических вопросах. Большинство афинских знатных родов имело отношения родственного, дружеского или иного характера с другими государствами. Какая-то из евпатридских семей была наиболее тесно связана со Спартой, другая, скажем, с Фессалией, третья — с греческими полисами Ионии, что и определяло внешнеполитическую позицию представителей этих семей. Фемистокл, как человек в политике новый, не имел в этой сфере каких-то сформировавшихся интересов или пристрастий; соответственно, он наиболее склонялся к афинскому изоляционизму на межгосударственной арене, к опоре в основном на собственные силы, без заключения каких-то особенно тесных союзов с кем-либо из соседей.

* * *

Согласно общепринятому мнению, Фемистокл родился около 524 г. до н.э., во всяком случае, не позже этого года. Дата вычисляется на основании следующих соображений. В 493/492 г. до н.э. Фемистокл занимал должность архонта-эпонима (подробнее об этом будет говориться ниже), а избираться на эту магистратуру имели право граждане, достигшие тридцатилетнего возраста. С другой стороны, вряд ли Фемистокл на тот момент был и значительно старше тридцати лет, поскольку тогда он и в высокую политику вступил бы раньше, а об этом сведений нет. Как бы то ни было, ситуация в случае с ним такая же, как и с подавляющим большинством афинских государственных деятелей классической эпохи:

время рождения не зафиксировано в источниках и устанавливается лишь приблизительно, посредством косвенных соображений.

Сведения о юности Фемистокла имеются, но не всегда отличаются достоверностью. Так, банальной клеветой, исходившей от врагов этого политика, представляется сообщение, согласно которому в молодые годы он вел разгульный образ жизни, так что отец даже лишил его наследства *(Nep.* Them. 1). Если бы что-либо хоть отдаленно похожее имело место, Фемистокл, безусловно, не прошел бы докимасию перед вступлением в должность архонта: в ходе этого мероприятия отношениям испытуемого с его родителями уделялось особое внимание. С другой стороны, нет оснований подвергать сомнению информацию Плутарха о том, что Фемистокл, едва ли не с детства отличавшийся большими способностями, не получил при этом систематического образования и, во всяком случае, «светского» воспитания. «Тем предметам, которые изучаются для развития нравственности или для удовольствия и благородного времяпрепровождения, Фемистокл учился лениво и неохотно; но то, что преподавалось для развития ума или для практической жизни, он, как видно, любил не по годам, рассчитывая на свои природные дарования» *(Plut.* Them. 2). И действительно, впоследствии на фоне соперничавших с ним аристократов, таких как Кимон, восхищавший всех своими утонченными манерами, или вежливый, обходительный Аристид, Фемистокл, несомненно, выглядел грубоватым выходцем из деревни. Учителем Фемистокла в политических делах Плутарх называет некоего «мудреца» Мнесифила - фигуру весьма проблематичную. В другом произведении того же Плутарха (Mor. 154c) Мнесифил фигурирует как современник Солона, жившего на век раньше, чем Фемистокл[28]. Соответственно, до недавнего времени многие ученые считали этого персонажа попросту вымышленным. Однако в надписях на ряде остракa (а более аутентичные памятники трудно представить) прочитано имя Мнесифила из Фреарр. Таким образом, перед нами - вполне реальная личность, правда, скорее, не учитель Фемистокла, а его политический соратник, возможно, советник, к тому же земляк, происходивший из одного с ним дема.

Биографы Фемистокла — и Непот, и Плутарх — умалчивают о самых первых годах его политической деятельности, пришедшихся на начало V в. до н.э. Судя по всему, Фемистокл начинал свою карьеру в рядах группировки, концентрировавшейся вокруг знатного афинского рода Алкмеонидов. На родине Фемистокла, в деме Фреарры, принадлежавшем к аттической области Паралия, влияние Алкмеонидов издавна было особенно сильным. В этом районе находились их родовые поместья и, вероятно, усыпальница[29]. Прибавим, что жена Фемистокла Архиппа происходила из дема Алопека *(Plut.* Them. 23), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов. В рассматриваемый период браки в кругу политической элиты заключались, как правило, в прагматических целях и были призваны подчеркивать и закреплять те или иные коалиции союзников.

Группировка Алкмеонидов в первые годы V в. до н.э., как мы уже знаем, была наиболее влиятельной в Афинах. Однако в достаточно скором времени Фемистокл (наверняка со значительным числом своих сторонников) покинул эту группировку и стал лидером собственной. Причиной разрыва Фемистокла с Алкмеонидами, помимо понятного нежелания молодого амбициозного политика оставаться на вторых ролях, должно было послужить следующее обстоятельство. Перед афинским полисом все более острым становился вопрос о линии, которую надлежало проводить по отношению к могущественнейшему восточному соседу — персидской державе Ахеменидов, тем более что персы как раз в это время подавляли восстание ранее подпавших под их власть греческих городов Ионии, а ионийцы считались «сородичами» афинян. **В** этой обстановке Алкмеониды предпочитали не ссориться с Персией, вести курс на ее умиротворение. С этой целью они даже вступили в союз с группировкой оставшихся в Афинах сторонников Гиппия — бывшего тирана, подвергшегося изгнанию и в тот момент проживавшего при дворе персидского Царя Дария I. Подобная позиция вызывала законное недовольство у многих афинских граждан; Алкмеонидов обвиня-

[28] В целом по проблеме Мнесифила см.: *Frost F.J.* Themistokles and Mnesiphilus // Historia. 1971. Bd. 20, H. 1. S. 20-25; *Lenardon R.J.* Op. cit. P. 22.

[29] *Eliot C.W. Where* did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. Bd. 16, H. 3. S. 279-286; *Bicknell P.J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 1-53; *Littman R.J.* Op. cit. P. 81-106; *Anderson G.* Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. Bd. 49, H. 4. S. 387-412. Подробнее о политических группировках в Афинах начала V в. до н.э. см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 166-188; *Он же.* Политическая борьба... С. 118 и след. (с указанием основной лит. по проблеме).

ли — в общем-то без достаточных оснований — в пособничестве персам и в одиозном стремлении восстановить тиранию.

А только что возникшая группировка Фемистокла заняла по этому важнейшему внешнеполитическому вопросу принципиально иную, ярко выраженную антиперсидскую позицию. Можно ли считать, что эта группировка была в Афинах еще и наиболее демократичной? Пожалуй, можно — но только в том отношении, что среди людей, сплотившихся вокруг молодого политика-нонконформиста, было меньше всего знатных аристократов, представителей традиционного городского «истеблишмента». Обратим внимание на несомненные черты сходства в возвышении Фемистокла и Писистрата. Этот последний вначале примыкал к группировке паралиев (т.е. тех же Алкмеонидов!), а затем откололся от нее, встав во главе новой группировки — диакриев.

На волне противостояния своим бывшим союзникам Фемистокл добился первого крупного политического успеха: в 493 г. до н.э., в возрасте тридцати с небольшим лет, он был избран архонтом-эпонимом Афин *(Thuc.* I. 93. 3; *Dion. Hal.* Ant. Rom. VI. 34. I)[30]. В начале V в. до н.э. должность первого архонта была еще весьма важной. Конечно, ее вряд ли можно сопоставить с постом президента или премьер-министра в современных государствах, но, тем не менее, эпонимный магистрат располагал рядом значительных полномочий. Годичный архонтат Фемистокла ознаменовался, как минимум, двумя имевшими серьезные последствия событиями. Во-первых, в афинском театре поставили трагедию известного драматурга Фриниха «Взятие Милета», и произошло это явно не без содействия Фемистокла: именно в компетенцию архонта-эпонима входил допуск драматических произведений к постановке и представлению[31]. Упомянутая трагедия представляла собой едва ли не первый памятник этого жанра, посвященный не какому-либо из традиционных мифологических сюжетов, а вполне реальному событию — имевшему место незадолго до того захвату персами славного эллинского города в Малой Азии, возглавившего Ионийское восстание, и жестокой расправе с его жителями. «Взятие Милета» оказалось драмой большой художественной силы; зрители плакали при ее представлении. Помимо всего прочего, это явилось, несомненно, и политической акцией вполне определенной направленности. Противники конфронтации Афин с державой Ахеменидов (вероятно, Алкмеониды) добились наказания Фриниха крупным денежным штрафом. Однако все описанные события позволили Фемистоклу вновь заявить о себе как о лидере антиперсидских политических сил.

Во-вторых, согласно сообщению Фукидида, уже в период своего архонтата Фемистокл начал заботиться об укреплении морской мощи Афин, т.е. о том, что впоследствии станет делом его жизни. В начале V в. до н.э. афинский полис еще не выделялся размерами своего флота среди прочих государств греческого мира[32]; небольшой имевшейся флотилии вполне хватало места в старинной, не слишком удобной гавани у местечка Фалер. Однако Фемистокл, надо полагать, уже тогда думая о будущем, задался целью построить для Афин крупный морской порт. Он отыскал в высшей степени подходящее для этого место в приморском деме Пирей, располагавшем тремя великолепными, безопасными для кораблей природными гаванями (Зея, Мунихия, Канфар), и начал там строительство портовых и оборонительных сооружений. Пирею было суждено стать «морскими воротами» Афин, благоустроенным городом немалых размеров, оплотом демократии. Однако все это было в будущем, а пока работы в этом регионе уже вскоре после их начала пришлось надолго прервать. Дело в том, что в 492 г. окончился срок пребывания

[30] *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 171-179; *Fornara Ch.W.* Themistocles' Archonship // Historia. 1971. Bd. 20, H. 5/6. S. 534-540. Мы не можем согласиться с попыткой отнести архонтат Фемистокла к 481/480 г. до н.э. *(Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus. 2000. Vol. 6, fasc. 1. P. 65), поскольку имя архонта этого года, Гипсихид, зафиксировано в нарративной традиции *(Arist.* Ath. pol. 22. 8).

[31] О постановке «Взятия Милета» и ее последствиях см.: *Herod.* VI. 21. О связях Фемистокла и Фриниха, начавшихся в 90-е годы, но продолжавшихся и позднее, см.: *O'Neill E.* Note on Phrynichus' Phoenissae and Aeschylus' Persae // CIPh. 1942. Vol. 37, N 4. P. 425-427; *VernantJ.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragedie en Grece ancienne. P., 1986. T. 2. P. 97; *Суриков И.Е.* Аттическая трагедия... С. 189— 190.

[32] Как уже упоминалось в предыдущей главе, в рассматриваемый период афинский флот комплектовался на основе навкрарий — 48 округов, на которые делилась Аттика. Каждая навкрария должна была оснастить и содержать военный корабль, общее количество которых, таким образом, составляло около полусотни. К проблеме навкрарий см.: *Wüst F.R.* Zu den **πρύτανης** των ναυκράρων und zu den alten attischen Trittyen // Historia. 1957. Bd. 6, H. 2. S. 176-191; *Jordan B.* Herodotos 5.71.2 and the Naukraroi of Athens // CSCA. 1970. Vol. 3. P. 153-175; *Строгецкий В.М.* Морская программа... С. 75 и след.

Фемистокла в должности архонта, и к тому же именно в это время в Афины неожиданно прибыл новый политический лидер.

Спасаясь бегством от преследования персов, в родной город после длительного отсутствия возвратился глава рода Филаидов Мильтиад *(Herod.* VI. 104), в течение более чем двадцати лет управлявший в качестве тирана полуостровом Херсонес Фракийский в северо-восточной Эгеиде. В высшей степени знатное происхождение Мильтиада, его изрядное богатство, большой авторитет и полководческий опыт — все это позволило ему практически сразу занять положение наиболее авторитетного вождя антиперсидских сил, оттеснив с этой позиции Фемистокла. Мильтиад же был отнюдь не расположен завершать строительные работы в Пирее, поскольку в грядущей схватке с Персией уповал прежде всего на сухопутное войско. На первых порах казалось, что он абсолютно прав. Действительно, в 490 г. до н.э. афиняне под командованием Мильтиада именно силами гоплитской фаланги нанесли сокрушительное поражение персидской карательной экспедиции, высадившейся при Марафоне. Честолюбивый Фемистокл откровенно завидовал. Как пишет Плутарх (Them. 3), «он был часто погружен в думы, не спал по ночам, отказывался от обычных попоек; когда его спрашивали об этом и удивлялись перемене в его образе жизни, он отвечал, что спать ему не дает трофей Мильтиада».

Однако уже в следующем году звезда марафонского победителя закатилась. После неудачного похода на остров Парос Мильтиад был привлечен к суду афинского народного собрания, приговорен к громадному штрафу, а вскоре скончался от раны, полученной в ходе паросской кампании *(Herod.* VI. 136)[33]. Случившееся вновь делало Фемистокла вполне естественным вождем группировки противников Персии; его политическое влияние резко возросло. К нему — за неимением более подходящего лидера, — надо думать, перешло значительное число бывших сторонников Мильтиада[34]. Без преувеличения можно сказать, что 80-е годы V в. до н.э. стали в афинской истории «десятилетием Фемистокла».

[33] О суде над Мильтиадом см.: *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. Vol. 28, N 2- P. 167-208.

34 Ср.: *Neer R.* The Athenian Treasury at Delphi and the Material of Politics // Classical Antiquity. 2004. Vol. 23, N 1. P. 71.

В 487 г. до н.э. была осуществлена важная реформа в государственном устройстве Афин. Отныне архонтов стали выбирать не голосованием в народном собрании, как раньше, а путем жеребьевки. Об этой реформе мы уже неоднократно в различных контекстах упоминали выше, и вряд ли нужно еще раз подробно останавливаться на ней. Напомним только, что она может быть с весьма высокой степенью уверенности приписана именно инициативе Фемистокла. Переход к жеребьевке способствовал общему снижению значения поста архонта, так как теперь его все чаще начали занимать не авторитетные политические лидеры, как было до того[35], а более или менее случайные люди. Если же учесть, что архонтская должность практически всегда находилась в руках высшей знати, то необходимо признать, что в данном случае Фемистокл направлял удар против аристократии, от которой, как говорилось выше, он в силу ряда обстоятельств был в известной мере отчужден. Самому же Фемистоклу проведенная реформа ничем не угрожала: ведь он уже был архонтом, а дважды в жизни избираться на этот пост афинское законодательство не позволяло.

Исключительно искусно и в высшей степени успешно Фемистокл использовал против своих политических противников такое мощное оружие, как остракизм. Пользуясь своей популярностью в среде демоса, он умело добивался применения остракизма то к одному, то к другому из конкурентов. В течение каких-нибудь нескольких лет из Афин изгнали многих представителей аристократической элиты. В 487 г. до н.э. остракизму подвергся Гиппарх, сын Харма, лидер сторонников бывшего тирана Гиппия, в 486 г. — Мегакл из рода Алкмеонидов, в 484 г. - Ксантипп (отец Перикла), являвшийся союзником того же рода. Наконец, в 482 г. остракизм постиг Аристида[36].

[35] Не только сам Фемистокл, но и почти все его виднейшие соперники (Мильтиад, Аристид, Гиппарх, сын Харма) на том или ином этапе своей карьеры занимали этот пост.

[36] О применении остракизма в политической борьбе 80-х годов V в. До н.э. см., в частности: *Labarbe J.* Op. cit. P. 88 ss.; *Thomsen R.* Op. cit.; *Lenardon R.J.* Op. cit. P. 47 ff.; *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAH. 2nd ed. 1988. Vol. 4. P. 334-346; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989. S. 193-205; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxford, 1991. P. 33-41; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560-510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 27-42.

Обо всем этом уже рассказывалось в предыдущей главе. А пока подчеркнем: практически никто из исследователей не сомневается в том, что именно Фемистокл явился инициатором резкой активизации проведения остракофорий (от нуля сразу практически к возможному максимуму), что изгнание ряда видных политиков в это время — его рук дело. Фемистокл, бесспорно, вел рискованную игру, в том числе и для самого себя: ведь, инициируя одну остракофорию за другой, он подвергался точно такой же опасности быть изгнанным, как и любой представитель лагеря его противников[37].

Впрочем, у Фемистокла имелось одно немаловажное преимущество, которым не располагали его конкуренты, и этим преимуществом являлась его позиция во внешнеполитических вопросах — позиция однозначно антиперсидская. Действительно, выше уже отмечалось, что в борьбе афинских политических группировок начала V в. до н.э. чрезвычайно значимую роль играл внешнеполитический аспект, прежде всего выработка позиции полиса по отношению к Персии; это не могло не отразиться и на остракофориях. После Марафона были развеяны иллюзии, что с Ахеменидами можно еще сохранить хорошие отношения, договориться путем каких-то уступок. Теперь предельно ясной становилась дилемма: либо полное безоговорочное подчинение (а может быть, даже всеобщее рабство на чужбине, которое постигло эретрийцев), либо самое решительное сопротивление. В подобных обстоятельствах все политики, которые ранее, в более спокойное время имели неосторожность высказываться или действовать в примирительном для афино-персидских отношений ключе, были обречены на заведомо настороженное и подозрительное отношение к себе демоса.

Появился пропагандистский ярлык «мидизма» (μηδισμός), под который при желании можно было подвести весьма широкий круг явлений: не только прямую персидскую измену как таковую или сотрудничество с «мидянами», но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни[38].

[37] Можно вспомнить, что, например, ближе к концу V в. до н.э. для демагога Гипербола аналогичная попытка сознательно «пойти на остракизм» закончилась плачевно.

[38] Об обвинениях в «мидизме» см.: *WolskiJ.* Wptyw wojen perskich na formy walki politycznej w Grecji // Przeglad historyczny. 1968. T. 59, N **3.** p. 416-427; *Idem.* Μηδισμός et son importance en Grece ä l'epoque des guerres mediques // Historia. 1973. Bd. 22, H. 1. S. 3-15; *Holladay J.* Medism at Athens, 508-480 B.C. // G&R. 1978. Vol. 25, N 2. P. 174-191; *Gillis D.*

Обвинения в «мидизме» самым тесным образом связывались с обвинениями в приверженности к тирании: «друг персов» чаще всего объявлялся одновременно «другом тиранов»[39]. Ведь именно персы в 490 г. до н.э. желали реставрировать власть изгнанного Гиппия, а, добавим, уже после смерти последнего, десять лет спустя, в походе Ксеркса вновь участвовали какие-то представители рода Писистратидов (*Herod.* VIII. 52). Собственно, для афинского общественного мнения 80-х годов быть сторонником изгнанных тиранов означало то же самое, что быть сторонником персов, «мидистом». Сложение этих двух векторов, несомненно, наложило свой отпечаток на то, что остракофории этого периода практически все как одна действительно проходили под лозунгом противостояния «мидизму», измене в собственных рядах[40]. Грубо говоря, искали «пятую колонну». Подобный настрой граждан очень ярко отразился в приписках на некоторых острака. «Предатель», «мидянин» и т.п. — такого рода инвективные характеристики порой читаем мы на этих черепках.

Фемистокл с данной точки зрения, в рамках дихотомии «мидисты — враги персов», был абсолютно безупречен. Так сложилось, что он уже в 90-е годы, когда в его архонтат ставилась антиперсидская трагедия Фриниха и начиналось строительство порта в Пирее, зарекомендовал себя как один из лидеров тех слоев гражданского коллектива, которые испытывали враждебность к ахеменидской экспансии. Ничем

Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 39 — 71. Существует недавняя отечественная работа: *Владимирская О.Ю.* Алкмеониды и медизм в Афинах во время Греко-персидских войн //Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 43 — 48. Но она удивила нас откровенно низким уровнем, игнорированием ряда важнейших исследований по проблеме, отсутствием каких бы то ни было новых, нетривиальных результатов. Когда работа над этой монографией уже шла, появилась наконец и в российском антиковедении большая статья, посвященная мидизму и дающая целостную картину этого феномена. См.: *Рунг Э.В.* Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14-35.

[39] Ср.: *Graf D.F.* Greek Tyrants and Achaemenid Politics // CrAH. P. 79-123; *Stein-Hölkeskamp E.* Op. cit. S. 193 ff.; *Austin M.M.* Greek Tyrants and the Persians, 546-479 B.C. // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P. 306; *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity... P. 35.

[40] *Willemsen F.* Ostraka // MDAI(A). 1965. Bd. 80. S. 103; *LintottA.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750-330 B.C. Baltimore, 1982. P. 126; *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981. P. 274; *Doenges N.A.* Ostracism and the *Boulai* of Kleisthenes // Historia. 1996. Bd. 45, H. 4. S. 402-404.

подобным не мог похвастаться ни один из его соперников на том хронологическом отрезке, о котором идет речь (тем более что Мильтиада уже не было в живых). О Гиппархе, сыне Харма, не приходится и говорить. Нам неизвестно, призывал ли этот политик принять условия Персии или предпочитал благоразумно отмалчиваться. В данной ситуации это никакой роли уже не играло: родство и былая близость с Гиппием теперь автоматически обрекали его на опалу. Удивляться скорее приходится тому, что Гиппарх стал жертвой такой сравнительно мягкой и гуманной меры, как остракизм (временное изгнание без последующего ущемления в правах). Его вполне могло бы постигнуть и что-нибудь значительно более суровое.

В годы, последовавшие за первой остракофорией 487 г. до н.э., не сумели уберечься от штампа «мидизма» и Алкмеониды. Сделать это им было тем труднее, что, как прекрасно знали все афиняне, этот род еще с давних, лидийских времен поддерживал тесные контакты с Востоком[41]. Помнили, конечно, и о том, что около 507 г. до н.э. по инициативе Алкмеонида Клисфена ко двору персидского сатрапа в Сардах отправилось афинское посольство *(Herod.* V. 73). На том этапе, еще до начала Греко-персидских войн, в подобном посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного или «предательского», во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору царей Лидии. Однако посольство, как известно, привело к достаточно неприятным для Афин последствиям: послы, не разобравшись в обстановке, при заключении союза опрометчиво дали сатрапу Артаферну «землю и воду». Это означало формальное признание суверенитета персидского царя и впоследствии служило для Ахеменидов юридическим обоснованием притязаний на власть над Афинами. Неизвестно, был ли договор непосредственно после заключения ратифицирован экклесией[42], но теперь, после Марафона, послы, подписавшие его (среди них, несомненно, находились представители Алкмеонидов[43]), должны были

[41] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 66 и след.

[42] Во всяком случае, он вряд ли был официально дезавуирован. Ср.: *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 195— 196.

[43] Возглавлял посольство в Сарды, скорее всего, Каллий, сын Кратия, которого за это впоследствии прозвали «Мидянином». См.: *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГДА Ч. 1. С. 103- 104.

«задним числом» рассматриваться как изменники. Сыграло роль еще и то, что в 90-е годы V в. до н.э. Алкмеониды пытались по не вполне понятным причинам (из-за ослабления собственного влияния?) «заигрывать» с оставшимися в Афинах Писистратидами, очевидно, содействовав избранию Гиппарха, сына Харма, эпонимным архонтом на 496/495 г. до н.э. Как бы то ни было, сразу после Марафонской победы Алкмеонидам было предъявлено обвинение (хотя и неофициальное, без возбуждения судебного процесса) в прямом сговоре с персами, в том, что во время сражения они будто бы подавали противникам некий сигнал щитом *(Herod.* VI. 115). Судя по всему, это обвинение вряд ли имело под собой сколько-нибудь серьезные основания. Однако общественное мнение, как известно, живет в мире не реальностей, а мифов, актуализируемых в ходе пропагандистских кампаний.

В свете сказанного выше не кажется удивительным довольно большая доля Алкмеонидов среди лиц, которые на протяжении 80-х годов V в. до н.э. были изгнаны остракизмом (Мегакл, Ксантипп, возможно, также Каллий, сын Кратия) или же не были изгнаны, но подвергались такой опасности (имена этих членов рода в изобилии фигурируют на ораках[44]). Как мы видели в предыдущей главе, даже Аристида, припоминая ему былую близость к Алкмеонидам, подозревали в персофильстве, хотя уж кто-кто, а этот политик меньше всего давал повод для такого рода подозрений.

Таким образом, для политической борьбы того времени, когда прошла самая крупная в афинской истории серия остракофорий, были характерны следующие черты: во-первых, раскол политической элиты на две крупные группировки (сторонники Фемистокла и Алкмеонидов)[45], во-вторых, выход на первый план внешнеполитических вопросов (отношения с Персией), по которым велись острые дискуссии. Многие перипетии этого противостояния группировок ввиду скудного и фрагментарного характера информации, содержащейся в источниках, ускользают от нас. Лишь довольно смутно вырисовываются очертания создававшихся ad hoc и

[44] См. указание на некоторые из этих имен: *Суриков И.Е.* Политическая борьба... С. 128.

[45] Что же касается группировок более мелких (о которых, впрочем, Мало что известно), то они вынуждены были делать для себя выбор и присоединяться к одной из двух основных враждующих сторон.

вскоре распадавшихся альянсов. Однако предельно ясен итог: полным и бесспорным победителем в борьбе со всеми своими противниками оказался Фемистокл, к концу 80-х годов V в. до н.э. оставшийся, пожалуй, единственным по-настоящему влиятельным политиком в Афинах.

Обратим внимание еще на один небезынтересный нюанс. Вся череда остракофорий, о которых идет речь, проводилась в условиях постоянно нараставшей персидской угрозы. Война с могущественным противником могла разразиться с года на год, а афинские политики, казалось бы, вели себя крайне нелогично: вместо того чтобы приходить к компромиссу, отодвигать на второй план свои разногласия и таким образом консолидироваться, они, напротив, находились в состоянии постоянной конфронтации. Но в том-то, судя по всему, и дело, что в полисе с его агональным менталитетом консолидация была возможна только через конфронтацию. Лишь добившись удаления из Афин всех своих влиятельных противников, Фемистокл смог получить полную поддержку демоса и провести в жизнь свою морскую программу, к которой мы теперь и переходим.

* * *

Вопрос о реализации этой программы решался в напряженной борьбе Фемистокла с Аристидом. Борьба, о которой идет речь, — напомним здесь вкратце кое-что из сказанного в предыдущей главе — наиболее подробно освещена в источниках, поскольку она предоставляла античным авторам блестящую возможность дать развернутое риторическое противопоставление двух политиков-антиподов: беспринципного Фемистокла и Аристида, выступавшего неким воплощением справедливости и порядочности. При работе с данными нарративной традиции у исследователя может даже возникнуть определенная аберрация: противостояние Фемистокла и Аристида способно показаться едва ли не главным событием политической жизни рассматриваемого периода[46]. В действительности Аристид не выступал главным и тем более не единственным антагонистом Фемистокла, а лишь одним из его многочисленных противников. Впрочем, борьба этих двух людей обусловливалась не только личным соперничеством, но и принципиальным несогласием по важным вопросам государственной жизни. Как уже говорилось, Аристид, будучи в этом отношении последователем Мильтиада, являлся сторонником укрепления сухопутной мощи Афин; Фемистокл же по-прежнему настаивал на реализации своей морской программы. До полисов Балканской Греции стали уже доходить слухи о том, что новый персидский владыка Ксеркс готовит грандиозное вторжение в Элладу; размеры собираемой им армии поражали воображение. Фемистокл ясно осознавал, что афинские гоплиты, при всех их великолепных боевых качествах, не смогут сопротивляться столь многократно превосходящим силам неприятеля и окажутся попросту сметены. Спасения, если оно вообще возможно, можно было ждать только на море[47].

Претворению планов Фемистокла в жизнь помог случай. Как раз во время его борьбы с Аристидом в Лаврийских серебряных рудниках на юге Аттики открыли новую мощную жилу; это сулило афинскому полису значительные прибыли. Как мы уже знаем (см. гл. I) Фемистокл, вопреки существовавшему обычаю, предполагавшему раздел доходов такого рода между гражданами, предложил народному собранию на этот раз поступить иначе и направить деньги на строительство крупного военного флота (*Herod.* VII. 144; *Arist.* Ath. pol. 22. 7; *Nep.* Them. 2; *Plut.* Them. 4). При этом, кстати, был учрежден важный для последующей истории Афин институт триерархии: суда оснащались и укомплектовывались не государством, а наиболее богатыми членами гражданского коллектива. Отметим интересный нюанс: призывая сограждан построить корабли, Фемистокл апеллировал не к персидской угрозе, которая не всем еще казалась близкой и реальной, а к необходимости вести войну с Эгиной — островом в Сароническом заливе, который издавна враждовал с Афинами и имел сильные позиции на море. Ставилась задача создать морские силы, которые превосходили бы эгинские.

Как бы то ни было, морская программа Фемистокла[48] в кратчайшие сроки была реализована, в результате чего афинский флот стал сильнейшим в Греции, далеко превосходя флотилии остальных полисов. Его численность на этом

[46] Этой аберрации не смог избежать, например, В.М. Строгецкий. См.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 35 и след.

[47] В целом к оценке стратегической линии Фемистокла см.: *Miltner F.* Des Themistokles Strategie // Klio. 1938. Bd. 31. S. 219-243.

[48] Наиболее подробно см. о ней: *Labarbe J.* Op. cit. Passim.

этапе достигала 200 судов, большей частью триер. Именно отсюда идет знаменитое морское владычество Афин, сделавшее этот полис второй (наряду со Спартой) «сверхдержавой» Эллады. Помимо многочисленных военных и внешнеполитических результатов строительства флота, которые нам еще предстоит увидеть, следует оговорить еще раз и его важное внутриполитическое последствие. Отныне в афинские вооруженные силы стали несравненно более активно привлекаться качестве гребцов на кораблях беднейшие афинские граждане (феты), которые не имели возможности приобрести доспех гоплита и, следовательно, не могли воевать в рядах тяжеловооруженной пехоты. Если же учесть, что в полисных условиях политическая роль гражданина во многом определялась степенью его участия в военных мероприятиях государства, то становится ясным, что претворение в жизнь морской программы государства повлекло за собой дальнейшую демократизацию афинского политического устройства.

Таким образом, Фемистокл одержал убедительную победу над всеми своими конкурентами и стал наиболее авторитетным афинским политиком, получив неофициальный, но чрезвычайно влиятельный статус простата демоса. Тем временем в 480 г. до н.э. поход Ксеркса на Грецию начался. Фемистокл в это время занимал в Афинах должность стратега. Из одного сообщения Плутарха (Them. 6) можно даже вынести впечатление, что афиняне ввиду экстраординарности ситуации избрали в 480 г. не десять стратегов, как обычно, а только одного — Фемистокла, сделав его, таким образом, единоличным главнокомандующим. Впрочем, это свидетельство не представляется достоверным. Практика назначения единственного стратега (стратега-автократора) зафиксирована в Афинах не ранее конца V в. до н.э.[49], да и тогда применялась исключительно редко. Вернее будет считать, что Фемистокл являлся одним из десяти стратегов, однако его ведущая политическая роль делала его бесспорным лидером этой коллегии, «первым среди равных», каким был и Мильтиад в 490 г. Фактически Фемистокл действительно, как правило, выступал в качестве командира афинского контингента в составе войск Эллинского союза, созданного в 481 г. до н.э. для отражения персидского нашествия. Общее же командование союзными силами, как известно, осуществляли полководцы из Спарты.

[49] Назначение Алкивиада в 407 г. до н.э. См.: *Суриков И.Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 220.

Афинские власти, как было принято в подобных случаях, обратились с вопросом о дальнейших действиях к Дельфийскому оракулу Аполлона (см. об этом эпизоде: *Herod.* VII. 140—143; *Nep.* Them. 2; *Plut.* Them. 10). Дельфы, которые в принципе выступали против сопротивления персам, вначале дали ответ, окрашенный в максимально мрачные тона, не оставлявший ни малейшей надежды:

> Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу,
> Домы покинув и главы высокие круглого града.
> Не устоит ни глава ни тело пред гибелью страшной,
> И ни стопа, и ни длань, и ничто иное средь града
> Не уцелеет. Но все истребится, и град сей погубит
> Огнь и жестокий Арей, что стремит колесницу сириян... и т.д.

Кстати говоря, если исходить из перечисленных в пророчестве фактов, «задним числом» можно констатировать, что оно полностью сбылось: Афины вскоре действительно были разрушены и сожжены Ксерксовым войском. Тем не менее пришедшие в отчаяние афинские послы заявили, что не уйдут из святилища, пока не получат «более милостивое прорицание». Второй ответ пифии был действительно несколько более обнадеживающим. Он содержал, помимо прочего, следующие слова:

> ...Лишь деревянные стены дает Зевес Тритогенее
> Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам...
> Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты
> погубишь
> В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.

Итак, дельфийское прорицание звучало, по обыкновению, темно и двусмысленно. Все в нем оставалось неясным: и смысл метафоры «деревянной стены» (τείχος ξύλινον), которая спасет афинян, и контекст упоминания о «божественном Саламине». По возвращении посольства от оракула в афинской экклесии развернулись острые дебаты по поводу интерпретации прорицания. В ходе споров высказывалось предположение, что под «деревянной стеной» подразумеваются древние укрепления афинского Акрополя и, следовательно, нужно до последнего обороняться в этой городской цитадели. Фемистокл, однако, выступил с другим толкованием:

«деревянная стена» — это не что иное как корабли[50]. Предстоит готовиться к морскому сражению, причем именно при Саламине, принадлежавшем Афинам острове в Сароническом заливе. Эта битва окажется для афинян победной и принесет им спасение. Сам же город Афины будет временно захвачен персами; с этим необходимо примириться и во избежание жертв заблаговременно организовать эвакуацию населения.

По инициативе Фемистокла афинское народное собрание приняло соответствующее постановление. Содержание этого документа известно из нарративной традиции (*Herod.* VII. 143-144; *Demosth.* XIX. 303; *Plut.* Them. 10-11), а к тому же и сам он дошел до нас в виде надписи на мраморной плите, найденной в городе Трезен (северо-восток Пелопоннеса) и опубликованной в 1960 г.[51] «Декрет Фемистокла», как принято в науке называть упомянутую надпись, сразу же вызвал оживленную полемику в среде антиковедов[52]; в ходе дискуссий оказались отброшенными крайние точки зрения — как безоговорочное признание памятника аутентичным текстом декрета Фемистокла 480 г. до н.э., так и отрицание какой бы то ни было его достоверности, отнесение его к категории псевдоисторических фабрикаций. Восторжествовала наиболее взвешенная оценка надписи, которую можно сформулировать следующим образом. Сохранившийся эпиграфический текст датируется IV или III в. до н.э. Таким образом, перед нами — заведомо не оригинал документа, а его копия, причем копия отнюдь не отличающаяся точностью, расширенная, контаминированная из нескольких постановлений[53] и, судя по всему, приукрашенная «благодарными потомками». Во всяком случае, надпись содержит ряд реалий, невозможных в эпоху Фемистокла, и в некоторых случаях противоречит данным письменных источников (Геродота, Аристотеля). В то же время считать дошедший вариант декрета полностью сфальсифицированным нет серьезных оснований. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что его основные положения в значительной части аутентичны.

Главным содержанием постановления являются предписания по эвакуации и мобилизации населения. Женщин и детей предписывается отправить в дружественный Афинам Трезен[54], а стариков и материальные ценности — на Саламин. Всем же боеспособным афинским гражданам, а также проживающим в городе чужеземцам приказано явиться для комплектования экипажей военных кораблей. Еще одна статья декрета, подтверждаемая письменными источниками (Arisf. Ath. pol. 22. 8; *Plut.* Them. 11), предусматривала возвращение на родину лиц, подвергшихся остракизму. Этот шаг был предпринят Фемистоклом во имя восстановления единства гражданского коллектива, а также из опасения, как бы изгнанники, чувствуя себя обиженными, не перешли на сторону персов. Таким образом, политик, являвшийся в тот мо-

[50] Ср.: *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII —V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 266-268; *Она же.* Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 25 и след.

[51] Первое изд.: *Jameson M.H.* A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. Vol. 29, N 2. P. 198-223.

[52] Из важнейших работ см.: *Berve H.* Zur Themistokles-Inschrift von Troizen. München, 1961; *Dow S.* The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // AJA. 1962. Vol. 64, N 4. P. 353-368; *Boem W. den.* Themistocles in Fifth Century Historiography // Mnemosyne. 1962. Vol. 15, fasc. 3. P. 225-237; *Treu M.* Zur neuen Themistokles-Inschrift // Historia. 1963. Bd. 12, H. 1. S. 47-69; *Jameson M.H.* The Provisions for Mobilization in the Decree of Themistokles // Historia. 1963. Bd. 12, H. 4. S. 385 - 404; *Sealey R.* A Note on the Supposed Themistocles-Decree // Hermes. 1963. Bd. 91, H. 3. P. 376-377; *Hahn I.* Zur Echtheitsfrage der Themistokles-Inschrift // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1965. Vol. 13, fasc. 1/2. P. 27-39; *Chambers M.* The Significance of the Themistocles Decree // Philologus. 1967. Bd. I11, H. 3/4. S. 151-169; *Bauer A., Frost F.J.* Op .cit. P. 109; *Burstein S.M.* The Recall of the Ostracized and the Themistocles Decree // CSC A. 1971. Vol. 4. P. 93-110; *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen... S. 120 u. folg.; *Lenardon R.J.* Op. cit. P. 69 ff.; *Hammond N.G.L.* The Narrative of Herodotus VII and the Decree of Themistocles at Troezen // JHS. 1982. Vol. 102. P. 75-93; *Figueira T.J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. Vol. 28, N 3. P. 281-305; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.: Revised ed. Oxford, 1989. P.48 ff. (N 23); *Kennelly J.J.* Archaisms in the Troizen Decree // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P.539-541; *Raubitschek A.E.* The School of Hellas: Essays on Greek History, Archaeology, and Literature. Oxford, 1991. P. 275-278; *Mayer Chr.* Der Volksbeschluß in der 'Themistokles-Inschrift' von Troizen (ca. 370-350 v.Chr.): die Rückberufung der Ostrakisierten vor der Schlacht von Artemision (480 v.Chr.) // OT. S. 357 - 367; *Глускина А.М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35-52.

[53] Ясно, что в 480 г. до н.э. одной псефисмой дело не обошлось. По инициативе Фемистокла, несомненно, примерно в одно время приняли Ряд постановлений, тесно связанных друг с другом.

[54] Согласно мифологической традиции, родом из Трезена был Тесей — самый прославленный афинский герой. Обратим внимание на то, что именно в Трезене обнаружили надпись. Очевидно, жители этого пелопоннесского городка еще долго помнили об оказанной афинянам услуге.

мент, по сути дела, единоличным лидером Афин, нашел в себе достаточно государственной мудрости, чтобы инициировать в экклесии решение, отменявшее то, чего сам же он, Фемистокл, недавно добился. Очевидно, он смог отодвинуть свои личные интересы на второй план перед лицом общей опасности. Впрочем, возможно, у него просто не оставалось другого выбора, или же он желал в случае возможной неудачи разделить ответственность с другими политиками. Как бы то ни было, в Афины вернулся целый ряд видных государственных деятелей и полководцев (Аристид, Ксантипп и др.). Забыв на время о своих разногласиях с Фемистоклом, они с энтузиазмом участвовали в оборонительных мероприятиях.

Вначале союзные греческие полисы планировали противостоять врагу в Северной Греции и с этой целью направили туда морем войско (во главе афинской его части стоял Фемистокл). Однако выяснилось, что проход из Македонии в Фессалию удержать не удастся, поскольку фессалийская знать склонялась к переходу на сторону персов *(Herod.* VII. 174; *Plut.* Them. 7). Оборонительные рубежи пришлось установить южнее: армия гоплитов во главе со спартанским царем Леонидом встречала полчища Ксеркса в Фермопильском ущелье, а греческий флот прибыл к мысу Артемисий (северная оконечность острова Эвбея). Флотом командовал спартанец Еврибиад, несмотря на то, что из 271 имевшегося корабля спартанцам принадлежало лишь 10. Сильнейшей частью флота была афинская эскадра (127 судов); ее возглавлял Фемистокл, являвшийся, таким образом, вторым лицом в руководстве морскими силами[55].

Устрашившись огромной численности подходившего персидского флота (как мы уже знаем, Геродот оценивал эту численность примерно в 1200 кораблей), Еврибиад вначале решил отступать от Артемисия. Однако жители Эвбеи, желая предотвратить захват острова, дали Фемистоклу взятку. Поделившись полученными деньгами с Еврибиадом, афинский политик убедил того остаться и принять бой[56]. Сражение при Артемисий завершилось ничейным исходом, но для

[55] О взаимоотношениях Еврибиада и Фемистокла см.: *Gyratzsch C.* Eurybiades und Themistokles bei Artemision und Salamis // Klio. 1925. Bd. 19. S. 62-74.

[56] О морском сражении при Артемисии см.: *Herod.* VIII. 1 — 18; *Nep.* Them. 3; *Plut.* Them. 7-8.

греков ввиду очевидного неравенства сил уже и это представлялось большим успехом: им удалось удержать занятые позиции. К тому же битва имела для греческого войска большое морально-психологическое значение: это было первое столкновение Эллинского союза с персами на море, и в его ходе оказался развеян миф о непобедимости Ксерксовой армады; выяснилось, что персы — такие же люди, как и все остальные, и что с ними вполне можно сражаться. Однако как раз в это время до флота дошла весть о прорыве сухопутного войска Ксеркса при Фермопилах и о гибели отряда Леонида. Держать оборону у берегов Эвбеи больше не имело смысла, и греческие корабли отступили в Саронический залив. В ходе отступления Фемистокл прибег к очередной военной хитрости: зная, что значительная часть персидских судов предоставлена и укомплектована греками из подвластных Ахеменидам полисов Малой Азии и островов Эгеиды, он приказал, отходя, оставлять на прибрежных скалах надписи, призывающие греческих подданных Ксеркса покинуть его и перейти на сторону Эллинского союза *(Herod.* VIII. 19 — 22; *Plut.* Them. 9). Надежда на то, что восточные греки последуют этому призыву, была невелика (она, кстати, так и не оправдалась). Цель Фемистокла заключалась скорее в том, чтобы возбудить в Ксерксе подозрения по отношению к греческой части своего флота и таким образом расколоть силы неприятеля.

Возвратившись в Афины, Фемистокл сыграл ведущую роль в организации эвакуации населения города, стремясь не допустить паники[57]. Теперь это было уже решительно необходимо, поскольку персы прошли в Среднюю Грецию и ничто не отделяло их от Афин. Как и следовало ожидать, вскоре после оставления города он был захвачен и разрушен Ксерксом. Судьба тех немногих, которые остались верны толкованию «деревянных стен» как укреплений Акрополя и держались там с мужеством обреченных, оказалось плачевной: они были перебиты персами. К Аттике подошел и персидский флот. Новое столкновение на море становилось неизбежным.

[57] Согласно Аристотелю (Ath. pol. 23. 1), главная заслуга в этом мероприятии принадлежала не Фемистоклу, а Ареопагу. Однако Фемистокл, несомненно, являлся членом этого авторитетного органа, включавшего в себя бывших архонтов. Судя по всему, организация эвакуации была осуществлена им именно через Ареопаг. К этой проблеме см.: *Podlecki A.J.* The Life of Themistocles... P. 19; *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг... С. 35.

В сентябре 480 г. до н.э. союзный греческий флот под командованием того же Еврибиада базировался на Саламине. Количество кораблей значительно увеличилось: теперь их было 378, из них почти половину (180) составляла афинская эскадра во главе с Фемистоклом *(Herod.* VIII. 43 — 48). Однако силы персов по-прежнему превосходили их в несколько раз. Большинство греческих военачальников старалось любыми средствами оттянуть сражение. В частности, Еврибиад, заботясь прежде всего об участи Спарты, предлагал вновь отступить и принять бой на подступах к Пелопоннесу. Фемистокл, считавший, что единственно возможный план действий — остаться в Саламинском проливе и в нем же сражаться с персами, — употреблял все свое искусство убеждения, чтобы отговорить спартанского главнокомандующего от подобных замыслов. Он блистал красноречием, сыпал логическими аргументами, прибегал даже к угрозам, намекая на то, что афиняне могут покинуть союзный флот, в полном составе отправиться в Южную Италию и там обрести себе новую родину[58].

Этот последний довод подействовал, и греки постановили следовать плану Фемистокла. Однако, когда персидский флот подошел уже совсем близко и грозно, всей своей громадой оказался в поле зрения военачальников Эллинского союза, решимость Еврибиада и прочих сразу куда-то испарилась. На срочно созванном военном совете вновь был поднят вопрос об отходе к Пелопоннесу, и на сей раз именно эта точка зрения перевешивала, несмотря на все усилия Фемистокла. В конце концов афинский полководец пошел на весьма рискованную (и, надо сказать, сомнительную с моральной точки зрения) хитрость. Послав своего доверенного раба к персидскому царю, он сообщил тому о намерении греков уйти и советовал блокировать своими судами выходы из Саламинского пролива. После того как Ксеркс последовал совету Фемистокла, греки оказались запертыми и битва стала неизбежной.

Отметим одно малоизвестное обстоятельство. Перед началом сражения Фемистокл принес в жертву Дионису трех взятых в плен знатных персов, родственников Ксеркса *(Plut.* Them. 13). Насколько нам известно, это был едва ли не последний в афинской истории зафиксированный в источниках случай человеческого жертвоприношения.

О победной для греческого флота морской битве при Саламине[59], ставшей переломным моментом Греко-персидских войн, здесь вряд ли необходимо подробно рассказывать: это событие детально освещено в источниках[60], в том числе ранних и аутентичных (трагедия Эсхила «Персы»[61], «История» Геродота), и в общем-то не ставит перед исследователями серьезных проблем.

Поэтому остановимся на сражении лишь очень кратко. Перед его началом Ксеркс приказал поставить на одной из прибрежных скал свой трон, дабы наблюдать, сидя на нем, за победой собственных войск. Однако зрелище для царя оказалось не из приятных. В Саламинском проливе персов ожидала ловушка: бой, по сути, был им ловко навязан, хотя сами они об этом и не догадывались. В узком проливе огромный

[58] Об этих дебатах см.: *Herod.* VIII. 56-64; *Plut.* Them. 11. Приведем в дословных цитатах несколько особенно интересных эпизодов. «Когда Фемистокл говорил это, коринфянин Адимант... восстал против него и сказал: "Тому, кто не имеет родины, следовало бы молчать. Еврибиад не должен предоставлять права голоса человеку, лишенному отечества. Ведь, прежде чем вносить предложения, Фемистокл должен показать, какой город он представляет". Так упрекал Адимант Фемистокла, потому что Афины были взяты и находились во власти врага. Тогда-то Фемистокл наговорил ему и коринфянам много резких слов. Он доказывал, что город Афины и Аттическая земля больше Коринфа и что Афины снарядили 200 кораблей. И ни один эллинский город не в состоянии отразить нападение афинян. После этих слов Фемистокл вновь обратился к Еврибиаду и заговорил более решительно, чем прежде: "Если ты останешься здесь и выкажешь себя достойным мужем — прекрасно! Если — нет, погубишь Элладу. Ведь в этой войне главная наша опора — флот. Поэтому послушайся меня! Если же ты этого не сделаешь, то мы немедленно с женами, детьми и челядью отправимся в италийский Сирис. Город этот уже с давних времен наш, и по изречениям оракула мы должны там поселиться. А вы, лишившись таких союзников, как мы, еще вспомните мои слова!"» *(Herod.* VIII. 61 — 62). И еще одно место, ставшее просто-таки хрестоматийным: «Еврибиад поднял палку, чтоб его ударить, а Фемистокл сказал: "Бей, но выслушай"» *(Plut.* Them. 11).

[59] Утром перед битвой Фемистокл произнес перед воинами великолепную речь, оставшуюся в памяти современников *(Herod.* VIII. 83; см. об этой речи: *Graham A.J.* Themistocles' Speech before Salamis: The Interpretation of Herodotus 8. 83. 1 // CIQ. 1996. Vol. 46, N 2. P. 321-326.

[60] См. анализ главных свидетельств в работе: *Puech A.* Les trois recits principaux de la bataille de Salamine // MGG. T. 2. P. 757 - 764.

[61] Эсхил, как известно, сам был участником Саламинского сражения. Характерно, что в «Персах» ни разу не упоминается имя Фемистокла. Драматург, близкий к политической группировке Алкмеонидов, отнюдь не был склонен превозносить их противника. О политических взглядах Эсхила см.: *Суриков И.Е.* Аттическая трагедия... С. 190— 191.

ахеменидский флот не мог использовать свое численное преимущество. Персидские корабли сбились в кучу, утрачивая управление, повреждая друг друга. Более подвижные и маневренные греческие триеры теснили корабли противника, применяя весь набор приемов, характерный для морской войны того времени: топили их с помощью таранных ударов, выводили из строя, ломая вражеские весла, брали на абордаж... В стане Ксеркса воцарилась полная неразбериха; сражение перешло в побоище. Персидские моряки, пытавшиеся спастись вплавь с гибнущих судов, были, как мы уже знаем, перебиты на острове Пситталия отрядом гоплитов под командованием Аристида. Битва закончилась полной и безоговорочной победой греков, и наибольший вклад в эту победу, бесспорно, внесли афинские корабли, руководимые Фемистоклом.

Вскоре после сражения греки, по обычаю, стали выяснять, кто отличился своими подвигами более всех других. Военачальники — представители союзных полисов — голосовали камешками. При этом, как пишет Геродот (VIII. 123), «каждый из них положил камешки себе, считая себя самым доблестным. Вторую же награду большинство присудило Фемистоклу» (ср. также: *Plut.* Them. 17). Фактически это было признание того, что главным «виновником» победы стал именно афинский стратег. Несколько позже он, прибыв в Спарту, являвшуюся лидером Эллинского союза, был удостоен там совершенно выдающихся почестей, какие спартанцы еще никогда не оказывали чужеземцам. «Отец истории» рассказывает об этом так: «Лакедемоняне приняли его достойно и с великими почестями. Правда, награду за доблесть (венок из оливковых ветвей) они дали Еврибиаду, а самому Фемистоклу — награду за мудрость и проницательность — также оливковый венок. Они подарили ему также колесницу, самую прекрасную в Спарте. Осыпав Фемистокла похвалами, они при отъезде дали ему свиту из 300 отборных спартанцев, называемых "всадниками", которые провожали гостя до тегейской границы. Фемистокл был, насколько мы знаем, единственным человеком, которому спартанцы дали такую свиту» *(Herod.* VIII. 124).

Столь экстраординарное обращение с Фемистоклом в Спарте заставляет задуматься. Очевидно, спартанские власти в тот момент еще не помышляли о разрыве с Афинами и о жестоком конфликте лично с Фемистоклом, хотя эти события были уже не за горами. А может быть, лакедемоняне

хотели просто «подсластить пилюлю»? Ведь первой награды Фемистокл так-таки и не получил, а это был, конечно, серьезный удар по самолюбию любого древнегреческого полководца с его агональным менталитетом. Во всяком случае, отметим, что и сам Фемистокл в этом эпизоде демонстрирует полное уважение к спартанскому авторитету (а может быть, просто скрывает зреющие у него планы разрыва?)[62].

* * *

Сразу после поражения при Саламине остатки персидского флота отступили к берегам Малой Азии. Ксеркс с большей частью сухопутного войска намеревался также покинуть Грецию. Авантюрное предложение Фемистокла сжечь наведенный в свое время персами мост через Геллеспонт, чтобы запереть их в Элладе, не встретило поддержки у остальных греческих полководцев, считавших, что лучше «не дразнить зверя», а дать ему спокойно уйти. Тогда Фемистокл, вновь связавшись с Ксерксом, рекомендовал ему поторопиться с отбытием, выставляя себя его тайным сторонником (см. об эпизоде: *Herod.* VIII. 110; *Nep.* Them. 5; *Plut.* Them. 16). Отступая, царь оставил на Балканском полуострове крупный отряд под командованием своего зятя Мардония, который лишь в следующем году был окончательно разбит греками в битве при Платеях (об этом говорилось в предыдущей главе).

Оставшуюся часть 480 г. до н.э. Фемистокл провел в экспедициях против некоторых островов Эгейского моря, державших сторону персов. Подвергая островитян осаде, он вымогал с них крупные суммы денег *(Herod.* VIII. 111 — 112; *Plut.* Them. 21), чем дал очередной повод для противопоставления Аристиду: последний, двумя годами позже командуя на море, весьма умеренно и милосердно относился к жителям эгейских островов. Отметим, тем не менее, что перед нами, кажется, первая попытка распространения морского владычества афинян на греков-островитян, а Фемистокл выступил здесь в качестве предтечи основателей Афинского морского союза. Зимой того же года этот афинский политик замыслил очередную авантюру. Воспользовавшись тем, что афинская эскадра зимовала у берегов Аттики, а остальная часть союзного флота — в другом месте (Пагасский залив в

[62] Ср.: *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // МГДА. Ч. 2. С. 42. Примеч. 4.

Северной Греции), он внес в афинское народное собрание предложение поджечь корабли остальных эллинских городов; это сделало бы Афины единственной морской державой в Элладе. Благодаря противодействию Аристида этот план, чреватый скорее бедами, чем выгодами (ведь с персидской угрозой еще не было покончено), остался втуне[63].

После того как персидское войско в 479 г. до н.э. было полностью изгнано из Греции и афиняне получили возможность безбоязненно вернуться в свой разрушенный и сожженный город, они немедленно по инициативе Фемистокла приступили к восстановлению оборонительных стен. Это вызвало недовольство со стороны Спарты, посчитавшей, что укрепление Афин в данной ситуации может быть направлено лишь против нее. Имел место первый в V в. до н.э. серьезный афино-спартанский инцидент. Его разрешение Фемистокл взял на себя и, прибыв в Спарту в качестве посла, проявил незаурядный дипломатический талант. Всеми средствами затягивая переговоры, прибегая порой к лживым утверждениям[64], он добился того, что афинские стены были форсированно отстроены, а Спарта так ничего и не успела предпринять. Спартанским властям пришлось примириться с новой реальностью; инцидент был не без труда сглажен, но отныне Фемистокл обрел в лакедемонянах непримиримых

[63] *Plut.* Them. 20: «...Фемистокл в одной своей речи перед народным собранием сказал, что у него есть план, полезный и спасительный для афинян, но что нельзя говорить о нем при всех. Афиняне предложили ему сообщить этот план одному Аристиду и, если тот одобрит его, привести его в исполнение. Фемистокл сообщил Аристиду, что он задумал поджечь эллинский флот на его стоянке. Аристид заявил в народном собрании, что нет ничего полезнее, но в то же время бесчестнее того, что задумал Фемистокл. Тогда афиняне приказали Фемистоклу оставить это намерение» (ср. также: *Plut.* Aristid. 22).

[64] Находясь в Спарте, он даже предложил тамошним властям отправить собственное посольство в Афины, дабы убедиться, что никакого строительства стен не ведется; сам он на это время оставался в руках лакедемонян как бы в качестве заложника. Естественно, спартанские послы, прибыв к месту назначения, тут же убедились, что утверждения Фемистокла не соответствуют действительности. Но они и сами были задержаны афинянами согласно тайно отправленной директиве того же Фемистокла. В конце концов ситуацию удалось нормализовать, обменяв одних заложников на другого, спартанцев на Фемистокла. Последний, таким образом, и полностью добился своего, и никак не пострадал. В очередной раз он вел тонкую и рискованную политическую игру, пренебрегая любыми этическими нормами (ведь Спарта, которую он так изящно обманывал, была как-никак не врагом, а главным союзником в войне с персами).

врагов. В этот же период были завершены и работы по созданию афинского порта в Пирее, тоже окруженного стенами. Таким образом, Афины в кратчайшие сроки возродились и, обладая своим мощнейшим флотом, с этого времени все чаще начали бросать вызов Спарте, ранее пользовавшейся почти беспрекословным авторитетом в греческом мире[65].

Казалось, Фемистокл мог торжествовать и спокойно пожинать плоды своих стараний. Он был самым известным и популярным политическим деятелем не только в родном полисе, но и, пожалуй, во всей Элладе. «Во время следующих Олимпийских игр (476 г. до н.э. - *И.С.),* когда Фемистокл пришел на ристалище, все присутствовавшие, говорят, не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрели на него и показывали его иностранцам с восторгом и рукоплесканиями» *(Plut.* Thuc. 17). Однако «почивать на лаврах» Фемистоклу не было суждено: в самих Афинах его первенствующее положение, как ни парадоксально, начало колебаться практически сразу же после Саламинской битвы. Он не сыграл абсолютно никакой роли ни в Платейском сражении, ни в операциях греческого флота в Эгеиде в 479 — 478 гг. до н.э., повлекших за собой основание Афинского морского союза. В связи с этими событиями мы встречаем имена совсем других людей: Аристида, Ксантиппа, Кимона, Миронида...

Можно говорить о нескольких причинах утраты Фемистоклом былого влияния. Во-первых, среди афинян, досрочно возвращенных в 480 г. до н.э. из остракизма, находились откровенные противники Фемистокла, а отныне они вновь выдвинулись на ведущие позиции в общественной жизни, входили в коллегию стратегов и т.п. Во-вторых, возрастание авторитета Ареопага, в силу ряда причин имевшее место в рассматриваемое время, тоже не способствовало сохранению Фемистоклом своих позиций: ведь Ареопаг все еще оставался аристократическим органом и вряд ли в массе своей симпатизировал «выскочке из Фреарр», пусть даже тот и сам был ареопагитом. В-третьих, как говорилось выше, к Феми-

[65] О восстановлении афинских оборонительных стен, укреплении Пирея и связанном с этим афино-спартанском инциденте см.: *Thuc.* I. 89-93; *Arist.* Ath. pol. 23.4; *Diod.* XI. 39-43; *Nep.* Them. 6-7; *Plut.* Them. 19. Ср.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 121, 130.

стоклу теперь была крайне нерасположена Спарта, а к ее мнению многие в Афинах по-прежнему внимательно прислушивались. В-четвертых (этот момент представляется нам наиболее важным) на рубеже 80-70-х годов V в. до н.э. три знатнейших афинских аристократических рода — Алкмеониды, Филаиды и Керики - отложили традиционное соперничество и заключили союз, направленный, судя по всему, персонально против Фемистокла (подробнее см. в предыдущей главе); действия этого союза начали со временем, постепенно приносить все более весомые плоды.

Возникшая коалиция аристократических лидеров и их окружения стала (если так можно выразиться) «супергруппировкой», имевшей тенденцию монополизировать многие рычаги власти в Афинах. Такого рода колоссальные по полисным меркам коалиции редко, но возникали в афинской истории (например, одна из них, объединившая Писистратидов, Алкмеонидов, Филаидов и Кериков, сформировалась в 20-е годы VI в. до н.э., в первый период правления Гиппия), впрочем, при этом, как правило, оказываясь непрочными. Конкурирующие амбиции отдельных лидеров подрывали любой такой союз изнутри. Не стал исключением и альянс, заключенный около 480 г. Он просуществовал менее десятилетия, и главным фактором, поддерживавшим его и не дававшим распасться, послужил, как ни парадоксально, Фемистокл. Именно против «выскочки из Фреарр», для борьбы с ним, для ограничения его «непомерно» разросшегося влияния, иными словами, на основе «негативного консенсуса» был создан союз аристократов. И это, конечно, не могло не повести к ослаблению группировки Фемистокла и усилению его противников. Сразу же после 480 г. в их руках все чаще стали оказываться ведущие магистратуры, на которые систематически избирались Ксантипп, Аристид, Кимон. Лидирующая же позиция «отца афинского флота» неуклонно близилась к закату.

Фемистокл едва ли не впервые в своей карьере оказался в положении обороняющейся стороны. Раньше он сам смело шел на конфликт, инициировал остракофории, рисковал, ощущая свою популярность. Теперь же ему приходилось по большей части самому отбиваться от чужих атак, оправдываться. Нельзя, на наш взгляд, сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что афинский демос, крайне непостоянный в своих симпатиях и антипатиях, со временем пресытился успехами своего прежнего кумира. Это усугублялось расту-

щей завистью к «чрезмерному» могуществу Фемистокла[66], которое, нужно сказать, он порой демонстрировал без должной тактичности. В общественном мнении начали циркулировать слухи о различных негативных чертах этого политика (стяжательстве и скаредности, тщеславии и необразованности), умело раздуваемые его врагами. Фемистокл пытался всеми силами исправить положение. «Ему приходилось поневоле докучать им (афинянам. - *И.С.)* в народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах» *(Plut.* Them. 22). Возле собственного дома он воздвиг храм Артемиды, а в 476 г. до н.э., подчеркивая свою роль в Саламинском сражении, поставил в качестве хорега посвященную этому событию трагедию своего давнего соратника уже знакомого нам Фриниха «Финикиянки» *(Plut.* Them. 5). В этой драме, изображавшей перипетии войны с персами, сам Фемистокл являлся предметом безудержного восхваления[67]. Однако все эти шаги скорее лишь способствовали возрастанию недовольства героем Саламина.

С другой стороны, и противникам Фемистокла, даже объединенными усилиями, не так-то просто было его «свалить». Все-таки слава и популярность саламинского героя еще достаточно долго давали о себе знать. Против него, насколько можно судить, велось настоящее систематическое наступление в течение целого ряда лет. Удалось добиться того, что Фемистокла в 70-е годы перестали избирать стратегом, предоставив ему пост афинского представителя в Дельфийской амфиктионии — крупнейшем в Греции религиозно-политическом союзе, центром которого являлось святилище Аполлона в Дельфах. Пост этот был достаточно почетным, но практически лишенным подлинной влиятельности и к тому же не предполагал какой-то активной деятельности, служил

[66] Зависть и недоброжелательное отношение к своим политическим лидерам вообще было свойственно древнегреческому менталитету. Не случайно греки изобрели остракизм, а римляне - триумф, остроумно замечает один современный исследователь. См.: *Runciman W.* Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 366. Ср.: *Суриков И.Е.* Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 281.

67 *O'Neill E.* Op. cit.; *Post L.A.* The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. 1950. Vol. 44, N 4. P. 49-52; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Op. cit. T. 2. P. 97; *Суриков И.Е.* Аттическая трагедия... С. 190.

своеобразной синекурой. Впрочем, Фемистокл - настоящее воплощение энергии и деятельности — даже на этой должности ухитрялся проводить важные меры *(Plut.* Them. 20)[68], сохраняя благодаря этому положение весьма авторитетной фигуры на внешнеполитической арене. Так, он не допустил принятия внесенного Спартой предложения об исключении из Амфиктионии тех греческих государств, которые не боролись с Ксерксом в составе Эллинского союза. В случае реализации этих планов за пределами союза оказались бы такие крупные его члены, как Беотия, Фессалия и ряд других, что в целом повело бы к спартанскому засилью во всей организации. Таким образом, и здесь афинский политик выступил как решительный противник гегемонии Спарты в Элладе.

Однако в конце концов неприязнь сограждан к Фемистоклу достигла кульминации. Противникам удалось полностью дискредитировать его в глазах демоса. Вряд ли поэтому стоит считать падение Фемистокла каким-то особенно таинственным и неожиданным, как иногда полагают[69]: перед нами вполне естественный результат определенного хода политических событий. В один прекрасный день он пал жертвой той же меры, которую несколько ранее сам так активно применял в борьбе с конкурентами, - жертвой остракизма. На очередной остракофории в самом конце 70-х годов (скорее всего это была весна 470 г. до н.э.) против него проголосовало нужное количество афинян (Thuc. I. 135. 3; *Diod.* XI. 55; *Nep.* Them. 8; *Plut.* Them. 22)70.

[68] Об этом этапе карьеры Фемистокла см.: *Bengtson H.* Themistokles und die delphische Amphiktyonie // Eranos. 1951. Bd. 49, H. 3/4. S. 85-92; *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе... С. 291 и след.

[69] См., например: *Cawkwell G.L.* The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock. Auckland, 1970. P. 39 ff.

[70] Из важнейшей литературы об остракизме Фемистокла см.: *Cary M.* When was Themistocles Ostracized? // Classical Review. 1922. Vol. 36, N 7/8. P. 161 - 162; *Robinson C.A.* The Date of Themistocles' Ostracism // AJPh. 1946. Vol. 67, N 3. P. 265-266; *Flaceliere R.* Sur quelques points obscures de la vie de Themistocle // Revue des etudes anciennes. 1953. Vol. 55. N 1/2. P. 5-28; *Lenardon R.J.* The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8, H. 1. S. 23-48; *Barrett J.F.* The Downfall of Themistocles // GRBS. 1977. Vol. 18, N 4. P. 291-305; *O'Neil J.L.* The Exile of Themistokles and Democracy in the Peloponnese // C1Q. 1981. Vol. 31, N 2. P. 335-346; *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide... P. 12-13; *Carawan E.M.* Thucydides and Stesimbrotus on the Exile of Themistocles // Historia. 1989. Bd. 38, H. 2. S. 144-161; *Badian E.* From Plataea... P. 100. Точная дата остракизма Фемистокла неизвестна; в оценках различных исследователей она колеблется от 473 до 470 г. до н.э. По ряду соображений (на которых здесь вряд ли имеет смысл останавливаться подробнее, поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной нити изложения, а в данном контексте разница в год-другой, в общем-то, не столь уж принципиальна) наиболее вероятна самая поздняя из этих датировок.

Сам по себе остракизм, впрочем, еще не означал ни трагедию, ни конец карьеры. Фемистокл покинул Афины, не зная еще,[71] что ему уже никогда не суждено возвратиться на родину[71]. Он переселился в Аргос *(Thuc.* I. 135. 3; *Nep.* Them. 8; *Diod.* XI. 55; *Plut.* Them. 23; *Aristodem.* FGrHist. 104. Fl. 6) — крупнейший центр Северо-Восточного Пелопоннеса, традиционно враждебно настроенный по отношению к Спарте. По некоторым (впрочем, не вполне надежным) сведениям, Фемистокл имел с Аргосом давние, наследственные связи *(Ps.-Themistocl.* Epist. I)[72]. Во всяком случае, он сразу занял в этом городе весьма влиятельное положение. Не исключено, что он способствовал демократизации государственного устройства Аргоса по афинскому образцу[73]. Он посещал и другие области Пелопоннеса, очевидно, ведя антиспартанскую пропаганду, и вообще отнюдь не снижал интенсивность своей политической деятельности. В конце концов терпение лакедемонских властей лопнуло.

«Добить» Фемистокла его врагам помогло то обстоятельство, что видный спартанский военачальник Павсаний, победитель при Платеях, был как раз в это время обвинен в изменнических связях с персами и по решению спартан-

[71] Нам представляется совершенно невероятной гипотеза, согласно которой Фемистокл еще раз побывал в Афинах в 60-х годах V в. до н.э., после окончания десятилетнего срока остракизма. См.: *Ure P.N.* When was Themistocles Last in Athens? // JHS. 1921. Vol. 41. P. 165-178. Она, противореча подавляющему большинству источников, основывается лишь на одном сообщении Аристотеля (Ath. pol. 25. 3-4), представляющем собой явную ошибку (ср. не очень удачную попытку отстоять историчность этого сообщения: *Lewis R.G.* Themistokles and Ephialtes // C1Q. 1997. Vol. 47, N 2. P. 358-362).

[72] О пребывании Фемистокла в Аргосе см.: *Forrest W.G.* Themistokles and Argos // CIO. 1960. Vol. 10, N 2. P. 221-241; *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983. S. 67. Согласно «Письмам Фемистокла», Фемистокл вначале планировал удалиться в Дельфы, но встретившиеся ему по дороге друзья-гостеприимцы из Аргоса Уговорили его изменить свои планы и отправиться с ними. Трудно судить, Насколько достоверна эта информация позднего источника, но иметь ее в виду, во всяком случае, приходится.

[73] Об аргосской демократии в V в. до н.э. см.: *Robinson E.W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttqart, 1997. P-82-88.

ских эфоров казнен — замурован в храме и уморен голодом. (Об этом мы уже упоминали в предыдущей главе.) А здесь для нас важно то, что причастным к персидской измене Спарта тут же объявила и Фемистокла, который находился в дружественных отношениях с Павсанием. «После казни Павсания были найдены кое-какие письма и документы, относившиеся к этому делу, которые набросили подозрение на Фемистокла» *(Plut.* Them. 23). Мятежный спартанский регент (такова была официальная версия) посвятил Фемистокла в свои планы; тот никак ему не содействовал, но в то же время и никому не донес об узнанном. Вся развертывающаяся перед нами история производит впечатление чрезвычайно темной, с большим количеством недоговоренностей. Несомненно, имели место и прямые фальсификации фактов. Следует вести речь, в сущности, о факте жесткой политической борьбы в афинском полисе, где переплелись внутренние и внешние факторы, а вовсе не о какой-нибудь правильной правовой процедуре. Противники пользовались представившейся возможностью расправиться наконец с человеком, который еще недавно торжествовал над ними.

В 467 г. до н.э. в Афинах, фактически по прямой спартанской указке, состоялся заочный суд над Фемистоклом (сам он, как подвергнутый остракизму, не мог присутствовать на разбирательстве собственного дела)[74]. В роли официального обвинителя выступал представитель Алкмеонидов — некий Леобот, сын Алкмеона[75] *(Plut.* Them. 23). Обвинение поддерживал и ряд других политиков, в том числе Кимон *(Plut.* Aristid. 25); Аристид, как мы знаем, устранился от этих

[74] Об осуждении Павсания и Фемистокла см.: *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский...; *Rhodes P.J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd. 19, H. 4. S. 387-400; *Konishi H.* Thucydides' Method in the Episodes of Pausanias and Themistocles // AJPh. 1970. Vol. 91, N 1. P. 52-69; *Westlake H.D.* Thucydides on Pausanias and Themistocles - a Written Source? // C1Q. 1977. Vol. 27, N 1. P. 95-110; *Podlecki A.J.* The Life of Themistocles... P. 131 ff.; *Idem.* Themistocles and Pausanias...; *Fuscagni S.* La condanna di Temistocle e *VAiace* di Sofocle // ML. 1979. Vol. 113. P. 167 - 187; *Schumacher L.* Themistokles und Pausanias: Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd. 94. S. 218-246; *Ruggeri C.* II processo «panellenico» di Temistocle // CISA. 1996. Vol. 22. P. 29-35; *Thommen L.* Spielräume der Demokratie: Der Prozeß gegen Themistokles // GPAA. S. 81-95.

[75] О нем см.: *Bicknell P.J.* Studies... P. 54 ff. Интересно, что этот афинянин носил спартанское по происхождению имя. Очевидно, та ветвь Алкмеонидов, к которой он принадлежал, поддерживала какие-то ксенические или матримониальные связи со Спартой.

нападок. Исход процесса in absentia[76] был, по большому счету, ясен с самого начала: Фемистоклу вынесли смертный приговор, и осужденный был объявлен в розыск. Имущество его подлежало конфискации; правда, многое друзьям Фемистокла удалось утаить и потом переправить ему за границу, но все-таки и государству отошли весьма крупные суммы, которые Плутарх (Them. 25) со ссылкой на авторитет Феопомпа и Феофраста оценивает в 80 — 100 талантов; состояние действительно очень значительное по афинским меркам, особенно если учесть, что Фемистокл начинал свою политическую карьеру, будучи довольно беден. Заботясь о делах полиса, он очевидным образом не забывал и о себе.

Целый ряд античных авторов *(Thuc.* I. 136- 137; *Diod.* XI. 56; *Nep.* Them. 8; *Plut.* Them. 24-26) подробно и в общем согласно друг с другом излагает трагичную историю бегства Фемистокла, спасавшегося от преследователей, которые были посланы схватить его: из Аргоса на остров Керкиру, оттуда — в Эпир и далее через Македонию к берегам Эгейского моря, после чего он переправился на корабле в Малую Азию, в персидские владения[77]. В 465 г. до н.э. Фемистокл оказался при ахеменидском царском дворе, где был радушно принят. Чего-либо экстраординарного в подобном приеме не проглядывало: и ранее в окружении персидских царей подвизались знатные греки, по тем или иным причинам вынужденные покинуть родные полисы. Достаточно назвать самых известных — афинского тирана Гиппия и спартанского царя Демарата. Правда, Фемистокл был одним из главных участников борьбы с персами. Однако в то же время, как мы помним, он поддерживал переписку с Ксерксом и, видимо, все-таки зарекомендовал себя в глазах персидского владыки его тайным сторонником. Не вполне ясно, к какому именно царю явился

[76] Плутарх (Them. 23) сообщает, что Фемистокл «защищался письменно». Однако более ранний и достоверный источник — Фукидид (I, 135) ни о чем подобном не говорит. Да вряд ли у Фемистокла имелась такая возможность. Процесс, скорее всего, постарались организовать и провести как можно быстрее, чтобы не дать обвиняемому никаких шансов прибегнуть к контрмерам в свою защиту.

[77] Существовали, впрочем, и более экзотические версии бегства Фемистокла. Согласно одной из них, приводимой Стесимбротом, Фемистокл якобы перед отъездом в Азию побывал еще и на Сицилии. Не вызывает сомнения большой интерес Фемистокла к Великой Греции *(Herod.* VIII. 62); он даже назвал двух из своих дочерей Италией и Сибаридой *(Plut.* Them. 32). Тем не менее его поездка в этот регион если когда-либо и имела место, то уж, во всяком случае, не в рассматриваемый здесь момент.

Фемистокл. Как раз в 465 г. в Персии произошел переворот: Ксеркс был убит, и власть перешла к его сыну Артаксерксу I. Соответственно, одни источники (Эфор, Диодор) утверждают, что Фемистокл прибыл в державу Ахеменидов еще при жизни Ксеркса, а другие (Фукидид, Непот, Плутарх) относят этот эпизод ко времени после его смерти. Как бы то ни было, все дальнейшее пребывание афинского полководца в Персии проходило в царствование Артаксеркса.

Фемистокл изучил персидский язык и занял достаточно влиятельное положение при царском дворе. В конце концов Артаксеркс назначил его наместником нескольких находившихся под персидским владычеством греческих городов Малой Азии. «Царь пожаловал ему Магнесию[78] (приносившую 50 талантов дохода ежегодно) "на хлеб", Лампсак (знаменитый, как тогда считалось, своими виноградниками) - "на вино", а Миунт — "на приправу"»[79]. Таковы были принятые в Персии формы царских пожалований. Сложилась, таким образом, парадоксальная ситуация: один из главных героев Греко-персидских войн провел последние годы своей жизни в качестве вассального правителя под персидским владычеством.

[78] Имеется в виду Магнесия-на-Меандре: она в ходе Греко-персидских войн не была отвоевана греками и находилась под ахеменидским владычеством вплоть до похода Александра.

[79] *Ttiuc.* I. 138. 5; ср.: *Diod.* XI. 57. 7; *Nep.* Them. 7; *Plut.* Them. 29. Иногда называют еще два города, пожалованных Фемистоклу: Перкоту и Палескепсис. В Магнесии, которая являлась центром владений Фемистокла и его главной резиденцией, он даже чеканил монету со своим именем. См. по этому поводу: *Kraay CM.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 244; *Calm H.A., Gerin D.* Themistocles at Magnesia // NC. 1988. Vol. 148. P. 13-20; *Cahn H.A., Mannsperger D.* Themistocles Again // NC. 1991. Vol. 151. P. 199-202; *Nolle J.* Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // Schweizerische numismatische Rundschau. 1996. Bd. 75. S. 5-31. Монеты Фемистокла, дошедшие до нашего времени, датируют 464 — 462 гг. до н.э. Недавно в историографии появились утверждения, согласно которым эти монеты являются уникальными: они, похоже, дают первый в мировой истории пример портрета правителя на монете. Если следовать этой логике, то и здесь мы сталкиваемся с яркой индивидуальностью Фемистокла, и здесь он оказывается первопроходцем, апробирующим новые, ранее неизвестные модели политического поведения! Однако однозначного отношения к данной гипотезе нет. Нашей нумизматической компетенции недостаточно, чтобы дать однозначный ответ на вопрос, а в то же время знаток монет А.А. Молчанов в беседе со мной высказал серьезные, аргументированные сомнения по поводу монет с так называемым «портретом Фемистокла». Проблема настоятельно нуждается в дальнейшем изучении.

Смерть Фемистокла относится к 459 г. до н.э.[80] Вызвана она была, скорее всего, естественными причинами (Фемистоклу исполнилось уже 65 лет), хотя впоследствии в Греции ходила красивая легенда: якобы после поддержки афинским флотом антиперсидского восстания в Египте Артаксеркс, готовясь к новой борьбе с греками, потребовал от Фемистокла услуг военного характера, а тот, не желая сражаться против соотечественников, покончил самоубийством, приняв яд. В эту версию трудно поверить: самоубийство — поступок отнюдь не в духе Фемистокла. Его гробница находилась в Магнесии; однако ходили слухи, что на самом деле это кенотаф, а прах Фемистокла был тайно, вопреки законам, перевезен его друзьями в Аттику и похоронен там, чтобы дать ему возможность хотя бы посмертно возвратиться на родину. Показывали даже некую безымянную могилу в укромном месте на побережье близ Пирея, видную только с моря, и говорили, что там-то и нашел свое последнее пристанище этот герой. В таких случаях говорят: si non e vero, e ben trovato. Победитель при Саламине, покоящийся на берегу Саламинского пролива, — символично и романтично...[81]

Дети и потомки Фемистокла остались жить в Магнесии, однако не все. Дело в том, что этот афинский политик отличался сугубой многодетностью. Плутарх (Them. 32) называет по именам пятерых его сыновей и пять дочерей (и это, в общем-то, даже не очень обычно по греческим меркам). Судя по тому, что впоследствии в Афинах источники вплоть до римской эпохи фиксируют потомков Фемистокла[82], какие-то из них не подверглись изгнанию или же впоследствии получили возможность возвратиться на родину[83].

[80] Различные версии смерти Фемистокла: *Aristoph.* Equ. 83 — 84 cum schol.; *Thuc.* I. 138. 4; *Diod.* XI. 58; *Nep.* Them. 10; *Plut.* Them. 31.

[81] Ср. легенду о завоевавшем Саламин Солоне, прах которого якобы был развеян над этим островом. Создается впечатление, что Саламин как бы притягивал к себе легенды.

[82] *Молчанов А.А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н.э. — V в. н.э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 143-144.

[83] Уточним, что в Афинах впоследствии жили потомки лишь одной из Дочерей Фемистокла (скорее всего Асии), вышедшей замуж за некоего Полиарха. К такому выводу приходим, сопоставляя два свидетельства источников: *Plut.* Them. 32 и *Paus.* I. 37. 1.

Итак, перед нами прошла одна из самых сложных и богатых разнообразными переменами биографий античной эпохи. Что можно сказать на ее основе об общем характере деятельности Фемистокла? Несомненно, этот политик успешно смог приспособиться к новым условиям общественной жизни, создавшимся после возникновения демократии, и воспользоваться этими условиями в свою пользу. Многие мероприятия, проведенные по его инициативе, имели безусловно демократический характер, способствовали укреплению народовластия в Афинах. Впрочем, вряд ли следует считать, что Фемистокл был принципиальным «демократом» по убеждениям. Он стремился к укреплению своего влияния и, инициируя те или иные меры, руководился не соображениями общего порядка, а оценкой конкретной ситуации. Завершилась же политическая карьера Фемистокла, мягко говоря, не вполне обычно. Тем не менее его падение типично в том отношении, что оно может служить иллюстрацией судьбы политического лидера в демократических Афинах: ведь практически все его партнеры и конкуренты (будь то Мильтиад или Аристид, Ксантипп или Кимон) на том или ином этапе своей деятельности тоже становились жертвами немилости демоса[84].

[84] О репрессиях афинского демоса в отношении собственных политических лидеров см.: *Knox R.A.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // G&R. 1985. Vol. 32, N. 2. P. 132-161.

Глава IV

КИМОН: АРИСТОКРАТ, НО НЕ ОЛИГАРХ

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что временем наивысшего подъема оказался для греческого мира в целом и для Афин в частности тот исторический период классической эпохи, который лежит между 479 г. до н.э. (изгнание персидских полчищ из Эллады) и 431 г. до н.э. (начало Пелопоннесской войны). Этот период уже у античных авторов, а затем и в современной науке получил название Пентеконтаэтии, т.е. буквально «пятидесятилетия»; и действительно, он длился около 50 лет[1].

В политическом отношении период Пентеконтаэтии характеризовался двумя параллельно проходившими процессами. С одной стороны, на протяжении значительной ее части (вплоть до 449 г. до н.э.) продолжалась, хотя и не с той интенсивностью, что прежде, война с Персией. Как мы знаем, персы к рассматриваемому здесь времени были окончательно и бесповоротно изгнаны из Эллады, и теперь со стороны греков имели место военные действия наступательного характера, борьба, направленная на полное вытеснение Ахеменидов из бассейна Эгейского моря, на освобождение от их владычества островов и малоазийских эллинских городов, а по возможности — и на продвижение в глубину зоны персидского контроля. Войну на данном этапе, после фактического распада Эллинского союза, вели исключительно Афины и союзные с ними полисы.

С другой стороны, что касается отношений внутри самой Греции, для всего периода Пентеконтаэтии был характерен так называемый афино-спартанский дуализм[2] — примерное

[1] О Пентеконтаэтии см.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.

[2] К характеристике феномена см.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991.

равновесие сил между двумя наиболее сильными греческими государствами, их напряженное и все более обострявшееся противостояние. Оба полиса в V в. до н.э. стояли во главе крупных военно-политических объединений. Спарта, возглавлявшая Пелопоннесский союз, по традиции сохраняла репутацию самого могущественного в военном отношении государства Греции, и долгое время, еще с архаической эпохи, никто не мог составить ей конкуренцию. Теперь лакедемонянам был впервые брошен по-настоящему серьезный вызов, и сделали это афиняне. Афины, опираясь на свою необычайно возросшую в результате политики Фемистокла морскую мощь, на свое лидерство в Делосском союзе, что резко увеличило их финансовые возможности, на авторитет, который создали им славные победы над персами, в продолжение всего «пятидесятилетия» все более активно претендовали на гегемонию в Элладе, что, естественно, никак не устраивало Спарту. Впрочем, афино-спартанские отношения развивались неоднозначно, в них (как мы увидим в дальнейшем) чередовались периоды относительного сближения и острого конфликта.

Весьма значительными были успехи Афин в деле укрепления созданного Аристидом Делосского (или Первого Афинского) морского союза. Дальнейшее разрастание этого объединения полисов, превращение афинской гегемонии в нем во все более полное и неограниченное господство привели со временем к утрате союзом равноправного характера, к его превращению в структуру совершенного нового, неизвестного ранее в древнегреческой истории типа — афинскую морскую державу, или Афинскую архэ[3]. Временем этого превращения условно считается 454 г. до н.э., когда союзная казна была под предлогом персидской опасности (афинский флот только что потерпел поражение от персов в Египте) перенесена с острова Делос в Афины (на Акрополь), которые отныне стали распоряжаться огромными суммами фороса, поступавшими от союзников, практически бесконтрольно и самовластно, зачастую — в собственных интересах.

[3] Из обширной историографии об Афинской архэ представляется необходимым в первую очередь упомянуть две важных книги. Первая из них *(Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972) может быть названа классической: в ней нашла наиболее полное воплощение традиционная точка зрения на интересующую нас симмахию, — та, которая и нам представляется наиболее верной. Вторая *(Mattingly H.B.* The Athenian Empire Restored. Ann Arbor, 1996) вышла относительно недавно, но представляет собой сводку многолетних исследований автора, который известен в антиковедении своими неортодоксальными позициями по целому ряду принципиальных вопросов. Далеко не все идеи Г. Маттингли представляются убедительными и в достаточной мере аргументированными; однако ознакомиться с ними, во всяком случае, необходимо всем, кто интересуется этой проблематикой.

Впрочем, в действительности перерождение союза в державу было, конечно, процессом, происходившим не в одно мгновение, а имевшим длительный характер. По мере освобождения от персидского владычества все новых греческих городов количество членов симмахии постоянно возрастало: в нее сразу вступали все освобождаемые полисы. Уже к середине 50-х годов V в. до н.э. в союзе состояли более 200 полисов разной величины и значения (в основном на восточном и северном берегах Эгейского моря, на его многочисленных островах, в зоне Черноморских проливов). Впоследствии, в период наивысшего расширения Архэ, в него входило до 300 полисов[4]. Столь колоссального военно-политического объединения Эллада до того еще никогда не знала; оно стало исключительно важным фактором в последние десятилетия Греко-персидских войн.

Официальной целью союза в момент его создания провозглашалась, как мы знаем, именно борьба с Персией. Однако после подписания мирного договора с державой Ахеменидов в 449 г. до н.э. Афинская архэ отнюдь не прекратила существования. Теперь фактически возложенными на нее задачами стали противостояние Пелопоннесскому союзу и в конечном счете достижение гегемонии во всем греческом мире.

Входившие в Архэ полисы номинально считались независимыми союзниками Афин, но фактически они были уже полностью лишены политической самостоятельности (автономии). В частности, был запрещен выход из состава симмахии; полисы, пытавшиеся отпасть от нее, жестоко карались с применением военной силы. А в таких попытках выхода недостатка не существовало, особенно со стороны некоторых сильных островных полисов, в которых зрело недовольство афинским засильем. Уже на первом этапе существования Делосского союза они порой поднимали восстания против

[4] В частности, около 437 г. до н.э., в ходе понтийской экспедиции Перикла (см. о ней: *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98 - 114), союзниками Афин стали полисы, расположенные на берегах Черного моря.

Афин. Так, в 469 г. до н.э. восстал Наксос, в 463 г. до н.э. — Фасос. Ситуация усугубилась после окончания Греко-персидских войн, когда союз, по мнению ряда его участников, утратил целесообразность и легитимность. Важнейшим событием стало вспыхнувшее в 440 г. до н.э. восстание против афинского владычества на Самосе — втором по значению и силе члене Архэ после самих Афин. К Самосу пришлось направить мощный афинский флот во главе со всей коллегией стратегов и потратить на его осаду почти год.

Впрочем, естественно, ввиду явного неравенства сил во всех случаях восстания подавлялись афинянами, а пытавшиеся отпасть полисы насильственно возвращались в число союзников, утрачивая при этом свой привилегированный статус и обязываясь вместо поставки кораблей платить форос в союзную казну.

Именно эта ежегодная повинность составила основную обязанность для подавляющего большинства членов Архэ[5]. Для удобства взыскания фороса вся территория державы была в 443 г. до н.э. разбита на пять округов. В один округ входила Иония, в другой — прибрежная полоса расположенной к югу от нее Карии, в третий — острова Эгейского моря, в четвертый — его северное (фракийское) побережье, в пятый — зона Черноморских проливов. Ставки фороса фиксировались афинским народным собранием; на протяжении периода Пентеконтаэтии они в целом оставались относительно стабильными. Лишь несколько союзных полисов занимали привилегированное положение, вместо выплаты фороса предоставляя в распоряжение афинского командования небольшие эскадры военных кораблей. После 440 г. до н.э. к этой категории относились только острова Хиос и Лесбос.

Полисы, члены Афинской архэ, не имели права вести самостоятельную, независимую от Афин внешнюю политику. На них оказывалось экономическое давление. Так, около

[5] Главное, что существует в мировой историографии по форосу, — это, безусловно, фундаментальное исследование: *Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Princeton, 1939-1953. Vol. 1—4. Поскольку далеко не всякому читателю под силу проштудировать этот многотомный труд, рекомендуем для первичного ознакомления с проблемой работу: Nixon *L, Price S.* The Size and Resources of Greek Cities // GC. P. 137 - 170. Эта статья хороша тем, что написана целиком на материале списков фороса, и в ней, соответственно представлены ставки ежегодных выплат для различных полисов, входивших в Архэ.

446 г. до н.э. афиняне запретили союзникам чеканить собственную серебряную монету и предписали пользоваться только афинской (знаменитый Монетный декрет, IG.P. 1453)[6]. Судебные дела между гражданами союзных полисов по сколько-нибудь важным вопросам должны были рассматриваться афинской гелиеей, что, конечно, создавало для жителей этих, в основном достаточно отдаленных, городов значительные сложности: приходилось отправляться в Афины и там ждать, порой подолгу, пока у перегруженных работой дикастов дойдут руки до твоей тяжбы...

Со временем все более интенсивно стала применяться практика основания на землях полисов-союзников клерухий — военно-земледельческих поселений афинских граждан. Институт клерухии отражает специфически афинский вариант колонизации[7]. Отличие данного типа колонии от традиционного заключалось в том, что клерухия не становилась независимым полисом, ее жители не приобретали нового гражданства, а сохраняли афинское. Строго говоря, такие поселения не были порождением эпохи Афинской архэ. Первой, самой ранней клерухией Афин, по всей видимости, следует считать Саламин, приобретенный еще в начале VI в. до н.э., при Солоне. Херсонес Фракийский, колонизованный

[6] Проблема афинского Монетного декрета - одна из самых сложных и дискуссионных во всей истории классической Греции. Существует обширнейшая исследовательская литература об этом памятнике, на которой по понятным причинам мы не можем здесь подробно останавливаться. Предметом споров является прежде всего датировка постановления. Мы по-прежнему убеждены в правомерности традиционной точки зрения, согласно которой оно было принято в 40-х годах V в. до н.э. Более подробное изложение нашей точки зрения см.: *Суриков И.Е.* Полемика о датировке Афинского монетного декрета: к оценке аргументации сторон // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 2002. С. 9— 10. В то же время, как известно, в историографии периодически повторяются попытки доказать, что декрет в действительности относится к более позднему времени, к периоду Пелопоннесской войны. Из последних попыток такого рода см.: *Mattingly H.B.* New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // Klio. 1993. Bd. 75. S. 99-102; *Idem*. The Athenian Empire Restored... P. 5 ff.; *Howgego Chr.* Ancient History from Coins. L.; N.Y., 1995. P. 44; *Стрелков А.В.* Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 25-47.

[7] *Romilly J. de.* Rencontres avec la Grece classique. P., 1995. P. 219-220. См. также о клерухиях: *Brunt P.A.* Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B.C. // Ancient Society and Institutions. Oxford, 1966. P. 71-92; *Gauthier P.* A propos des clerouquies atheniennes du Ve siecle // Problemes de **la** terre en Grece ancienne. P., 1973. P. 163-178.

Мильтиадом Старшим в середине того же столетия, судя по всему, тоже представлял собой клерухию; во всяком случае, руководители поселения на этом полуострове (сам Мильтиад Старший, затем Стесагор и Мильтиад Младший) оставались афинскими гражданами. Клерухией стал остров Лемнос, захваченный Мильтиадом Младшим где-то на рубеже VI — V вв. до н.э. (точную дату этого события определить вряд ли возможно). В 506 г. до н.э. была основана клерухия на Эвбее, в Халкиде, только что потерпевшей поражение в войне с Афинами[8].

И тем не менее, думается, никто не будет спорить, что до эпохи Пентеконтаэтии клерухии оставались единичными, и лишь в этот исторический период их выведение стало настоящей системой; они россыпью покрыли Эгеиду и вышли даже за ее пределы[9]. Эта практика была неразрывно связана, с одной стороны, с успехами Афинской архэ, с другой — с развитием демократии в Афинах. Наличие большого количества клерухий позволяло обеспечивать земельными наделами беднейших афинян, смягчая социально-политическую ситуацию в Аттике (помимо прочего, в клерухии, несомненно, уходила потенциально наиболее недовольная часть гражданского населения). И те же клерухии помогали удерживать союзников в повиновении.

В некоторые полисы Архэ (хотя далеко не во все) направлялись также афинские гарнизоны и должностные лица (епископы)[10]. Не говорим уже о том, что в некоторых союзных полисах силой ликвидировались аристократические

[8] В отечественной историографии проблемами ранних афинских клерухий наиболее углубленно занималась Н.А. Касаткина. См., в частности, из ее работ: *Касаткина Н.А.* Ранние военно-земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.) // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 4—8; *Она же.* Эксплуатация афинянами земельных владений на Эвбее в V в. до н.э. // Проблемы антиковедения и медиевистики. Н. Новгород, 1999. С. 24 — 26; *Она же.* Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: мат. международ, конф. Н. Новгород, 2001. Ч. 1. С. 56 - 65; *Она же.* Солон Афинский и остров Саламин // АКРА: сб. научн. тр. Н. Новгород, 2002. С. 59-70.

[9] Так, около 437 г. до н.э., в ходе понтийской экспедиции Перикла, афинская клерухия была создана в Синопе, на южном побережье Черного моря. См.: *Федосеев Н.Ф.* Археологические свидетельства об афинской клерухии в Синопе // ВДИ. 2003. № 3. С. 132-140.

[10] См. к этой проблеме: *Кондратюк М.В.* Архэ и афинская демократия // Античная Греция: проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1- С. 327-365.

режимы и вводилось, по образцу Афин, демократическое правление.

В целом оценить появление на арене греческого мира огромной, жестко структурированной гегемониальной симмахии можно только двояким образом. С одной стороны, идея создания крупного централизованного союза полисов сама по себе являлась прогрессивной, представляя собой шаг по направлению к общеэллинскому единству — политическому, экономическому, культурному. Огромные финансовые средства, скопившиеся в Афинах в результате выплат фороса, позволили превратить столицу Архэ в самый богатый и процветающий город Греции, украсить его великолепными постройками, способствовали стабильному функционированию афинской демократии на протяжении большей части V В. ДО Н.Э. МОЩНЫЙ СОЮЗНЫЙ флот не только покончил с персидской опасностью, но и освободил Эгеиду от пиратов, а это благоприятствовало развитию морской торговли.

Однако ни в коем случае не следует забывать и о «другой стороне медали». Методы, которыми осуществлялись объединение и централизация, были откровенно насильственными. Если создавался Делосский союз на добровольных началах, то впоследствии афинское господство не оставило места ни для какой добровольности. При этом подчеркнем: пожалуй, даже не внесение фороса представлялось самым тяжелым в положении союзных городов. С податью еще можно было бы примириться, тем более что взамен нее они получали оборону от внешних врагов: с этой задачей Афины справлялись достаточно компетентно. Если не в афинскую казну, то в персидскую дань, во всяком случае, пришлось бы платить.

Гораздо болезненнее воспринималось другое: фактическая утрата независимости. Подчинение гегемону порождало противоречие с принципом полиса как совершенно самостоятельного, живущего по собственным законам государственного организма. Именно это казалось унижением, невыносимым для свободолюбивых эллинов. Бросающееся в глаза неравноправие (власть Афин и приниженное положение остальных членов союза) порождало законное недовольство входивших в Архэ полисов, становилось причиной роста сепаратистских настроений в них. Как ни подавляли афиняне восстания союзников — такие же восстания вспыхивали снова и снова. В этом внутреннем и, видимо, неискоренимом Пороке объединения скрывалась причина его непрочности.

Ведь надежным и стабильным любой союз полисов мог быть только в том случае, если он не был навязан силой, а явился итогом общего согласия (как, например, Пелопоннесский союз, довольно рыхлый, но вполне добровольный). Как раз этого-то и недоставало Афинской морской державе.

«Червоточина» в ней дала о себе знать при первой же по-настоящему серьезной опасности, в годы Пелопоннесской войны. Но уже намного раньше по Греции пошла молва об Афинах как о «городе-тиране». Вот как говорили о них их давние недоброжелатели — коринфяне *(Thuc.* I. 124. 3): «Нет сомнения, что этот город, ставший тираном Эллады, одинаково угрожает всем: одни города уже в его власти, а над другими он замышляет установить свое господство». Преувеличение, вызванное враждебностью? Вряд ли. Дело в том, что и в самих Афинах те политики, которые мыслили трезво и смотрели на мир без «розовых очков», понимали ситуацию не иначе (см. у Фукидида: II. 63. 2 — рассуждения Перикла; III. 37. 2 — слова Клеона).

* * *

Конечно, не всегда Афины слыли «городом-тираном», и не в один момент, не с самого начала своего существования возглавляемая ими симмахия стала таким «монстром», наводящим ужас на окружающих. Напротив, первые десятилетия деятельности Делосского союза, бесспорно, овеяны славой. На протяжении 70—60-х годов V в. до н.э. эта слава как бы нашла себе живое воплощение в личности Кимона — крупнейшего афинского политического деятеля и полководца последнего периода Греко-персидских войн. Он, пожалуй, занимает особое место в истории классической Эллады. Традиция воспринимает его (если можно так выразиться) как «последнего аристократа», имея в виду не столько знатность происхождения (Периклу в этом отношении тоже было чем похвастаться), сколько основные парадигмы политического поведения, сам стиль жизни. Если Аристида, как мы видели в посвященной ему главе, можно назвать «крестным отцом» Делосского союза, то Кимон был его заботливым опекуном, стоявшим у «колыбели» этого объединения полисов и всячески способствовавшим его росту, развитию и усилению.

Источники о Кимоне нельзя назвать слишком многочисленными, но в то же время их в совокупности вполне достаточно, чтобы составить на их материале целостную, связанную с контекстом биографию этого политика. Геродот о Кимоне почти не упоминает, что и не удивительно, поскольку его исторический труд охватывает хронологический отрезок по 479 г. до н.э. включительно, а активная деятельность Кимона началась как раз в следующем, 478 году. Лишь в двух небольших экскурсах у «отца истории» появляется Кимон. В одном месте (VI. 136) Геродот сообщает, что Кимон уплатил большой денежный штраф, наложенный на его отца Мильтиада, но не выплаченный последним, так как марафонский победитель вскоре после суда умер. Другой пассаж (VII. 107) посвящен взятию Кимоном контролируемой персами крепости Эйон в Северной Эгеиде (событие имело место в 477/476 г. до н.э. [11]).

Совсем другая картина — у Фукидида, что тоже вполне естественно: этот историк в первой книге своего произведения дал довольно подробный рассказ о военных предприятиях афинского полиса в период Пентеконтаэтии. И пусть рассказ этот нельзя назвать полным, поскольку в нем наличествуют пропуски и умолчания; все-таки Кимон — главный демиург побед афинян в эти годы — должен был занять в повествовании подобающее место. Фукидид (I. 98. 1—2) говорит также о взятии Эйона, а затем о покорении Скироса, о знаменитой победе Кимона над персами при Евримедонте (I. 100. 1), о его военной помощи спартанцам в Третьей Мессенской войне (I. 102. 1), о кампании Кимона на Кипре — последней в его жизни (I. 112). В целом нельзя не отметить, что информация Фукидида о Кимоне довольно скупа, особенно если учесть, что два афинянина — полководец и историк — были, хоть и дальними, но родственниками, принадлежа оба к роду Филаидов. Достаточно вспомнить, что у того же Фукидида есть восторженный панегирик Фемистоклу (мы цитировали его в предыдущей главе), что он подробнейшим образом останавливается на деятельности Перикла; о Кимоне же — лишь несколько сухих фраз.

Из других авторов V в. до н.э., писавших о Кимоне, следует отметить Иона Хиосского — писателя-«многостаночника»: рапсода, лирика, трагедиографа и, помимо прочего, едва ли не первого в греческом мире мемуариста. Ион много путешествовал, был лично знаком с целым рядом выдающихся людей своей эпохи, и его воспоминания, судя по сохранившимся фрагментам, представляли собой чрезвычайно инте-

[11] Следуем хронологии Э. Бадиана: *Badian E.* From Plataea... P. 99.

ресный источник, поскольку в них отразились живые впечатления современника. Близко общался этот автор и с Кимоном, о чем сам упоминает *(Ion.* FGrHist. 392. F13; F14; F15); некоторые сохраненные им сведения были почерпнуты непосредственно из бесед с этим афинским политиком и полководцем. Кроме того, Ион является единственным античным автором, который описывает внешность Кимона (Ibid. F12): «Был он... безупречен и внешностью — высок, с прекрасными густыми вьющимися волосами». Это вообще чрезвычайно редкий случай, когда нам становится относительно достоверно известным облик древнегреческого государственного деятеля. Мы, например, понятия не имеем, как выглядели Солон, Писистрат, Клисфен, Мильтиад, Аристид, а о внешнем виде Перикла знаем только то, что у него голова была несоразмерно вытянутой.

Иону явно симпатичен Кимон. Аналогичное отношение к нему встречаем и еще у одного современного писателя — уже известного нам Стесимброта Фасосского. Его памфлет «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» отличался резко критической, порой прямо-таки желчной трактовкой образов афинских «демагогов». Но вот для Кимона он все-таки находит сравнительно добрые слова (хотя и не без примешанного упрека)[12]: «Тот (Кимон. — *И.С.)* не выучился не искусствам, ни чему-либо из общеобразовательных наук, бывших в ходу среди греков, и вовсе не обладал даром изощренного аттического красноречия, но в характере его было много благородного и искреннего и по своему душевному складу этот муж был скорее пелопоннесец» (ap. *Plut.* Cim. 4). Оставим на совести Стесимброта слова о необразованности Кимона; позволительно усомниться в том, что отпрыск знатнейшего и очень богатого рода не имел возможности в детстве и юности пользоваться услугами лучших учителей. Во всяком случае, Ион «хвалит Кимона за его обходительность, гибкость и благовоспитанность в обращении» *(Ion.* FGrHist. 392. F15). Иными словами, хорошие манеры у него все-таки были (ср. также: Ibid. F13). Активная культурная политика Кимона в период его лидерства в Афинах (см. ниже) также свидетельствует скорее против тезиса о недостаточности полученного им образования. Однако обратим внимание прежде всего на характерную деталь. Желая польстить Кимону,

[12] Однозначно-позитивно относиться к Кимону Стесимброт не мог уже потому, что восстание на его родном Фасосе было подавлено именно этим афинским полководцем.

Стесимброт сравнивает его с «пелопоннесцем» (читай — со спартанцем). В другом месте (ap. *Plut.* Cim. 16) тот же автор говорит, что Кимон, если ему приходилось упрекнуть в чем-нибудь сограждан, обыкновенно говорил им: «А вот спартанцы не таковы». Иными словами, демонстративное лаконофильство Кимона, из которого тот отнюдь не делал секрета, напротив, проявлял его на всех возможных уровнях — от политической линии до поведения в быту, буквально бросалось в глаза уже современникам, в чем мы не раз еще будем иметь возможность убедиться.

Итак, авторы, заставшие Кимона при жизни, весьма к нему расположены. Парадокс из парадоксов: поэты — представители древней аттической комедии, беспощадно издевавшиеся над политиками самого высокого ранга, не оставлявшие от их репутации буквально «камня на камне»[13], для Кимона опять же делают исключение. Вот цитата из пьесы «Архилохи» комедиографа Кратина (Fr. 1 *Kock):*

> И я молил, чтоб мне, писцу Метробию,
> Дожить свой век при муже том божественном,
> Что лучше всех досель рожденных эллинов, —
> При Кимоне, который рад всегда гостям...

Обычная для комедии хула-псогос совершенно неожиданно уступает место энкомию, самому безудержному восхвалению. Если авторам, работавшим в комическом жанре, и приходилось «покусывать» Кимона, то это были не яростные нападки, а скорее доброжелательные насмешки. Например, Евполид (Fr. 208 *Kock)* характеризует интересующего нас политика следующим образом:

> ...Плохим (κακός)
> Он не был, хоть и был беспечным пьяницей,
> Хоть часто ездил даже в Спарту ночевать,
> Оставив Эльпинику в одиночестве.

13 См., например, об отношении комедиографов к Периклу: *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971. В более широком ракурсе см.: *Halliwell S.* Comic Satire and Freedom of Speech in Classical Athens // JHS. 1991. Vol. 111. P. 48-70; *Degani E.* Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia // Entretiens sur l'antiquite classique. 1991. Vol. 38. P. 1—49; *Storey I.* Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 1998. Vol. 5. P. 85-134; *Stark I.* Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsehe. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147-167.

Этот пассаж интересен тем, что в нем (с большим, нужно сказать, талантом), как в зеркале, отразились именно те три главных недостатка, которые признавало-таки за Кимоном афинское общественное мнение: пьянство[14], излишне близкие отношения с родной сестрой Эльпиникой (об этом речь еще пойдет ниже) и, конечно же, пресловутое лаконофильство. И все-таки, при всем при том — «плохим он не был»!

Фигура Кимона нередко появляется и в источниках более позднего времени, периода поздней классики (например: *Andoc.* III. 3[15]; IV. 33; *Demosth.* XIII. 29; XXIII. 205 16; *Plat.* Gorg. 516d; *Theopomp.* FGrHist. 115. F88 — 90). Эти упоминания находятся в основном в русле уже сложившейся традиции, но в них содержится и новая немаловажная информация. Следует указать в первую очередь на то, что из Андокида, Платона и Феопомпа мы впервые узнаем об изгнании Кимона остракизмом.

О Кимоне, как об одном из виднейших деятелей истории Афин, естественно, не могли не писать аттидографы. Именно аттидографическая традиция лежит в основе тех свидетельств о деятельности Кимона, которые сохранил Аристотель. В «Афинской политии» подчеркивается огромное богатство этого политика (он, по словам Стагирита, имел «чисто царское состояние»: άτε τυραννικήν... ούσίαν — Ath. pol. 27. 3); в перечне ведущих афинских политиков он фигурирует в качестве простата богатых (ευπόρων) афинян (Ath. pol. 28. 2). Указывается и на его прославленную щедрость, известную, как мы видели, уже Кратину[17]. Заходит речь в трактате, посвященном государственному устройству Афин, о борьбе Перикла против Кимона — тоже одном из неотъемлемых и важных элементов биографии последнего (Ath. pol. 27. 1; 27. 3 — 4). К сожалению, допускает Аристотель и ошибки, заметные даже невооруженным глазом. Так, он говорит (Ath. pol. 26. 1) применительно к временному отрезку после реформы Эфиальта: «В эту пору как раз произошло такое совпадение, что партия благородных не имела своего вождя (первое место у них занимал Кимон, сын Мильтиада, человек слишком молодой и поздно обратился к занятию государственными делами)». Перед нами достаточно интересная ситуация, когда суждение общего характера, идущее первым, вполне верно, а следующие далее его обоснования ошибочны. Ко времени, которое имеет в виду процитированный автор, Кимону было около 50 лет — это возраст ни по каким меркам нельзя назвать «молодостью». Тезис о позднем вступлении Кимона на политическую арену тоже не соответствует действительности: как мы увидим ниже, дело обстояло как раз противоположным образом. А вождя афинские аристократы после реформы Эфиальта не имели по той простой причине, что Кимон именно тогда был изгнан остракизмом и находился за пределами полиса.

После Аристотеля в традиции о Кимоне наблюдается лакуна. Она, впрочем, относится не только к нему и связана с тем обстоятельством общего характера, что от III—II вв. до н.э. почти не дошло исторических трудов. Свидетельства возобновляются в I в. до н.э., но они уже (что вполне понятно) в значительной степени несут печать вторичности и не всегда содержат аутентичную информацию. Среди источников этого времени необходимо упомянуть книгу XI «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. В ряде ее глав описывается деятельность Кимона как стратега в Греко-персидских войнах. Именно на этом аспекте его деятельности концентрируется и Корнелий Непот. Впрочем, историческая ценность принадлежащей этому римскому писателю биографии Кимона весьма невелика. Каких-либо новых, неизвестных помимо него важных сведений Непот не приводит, зато, по своему обыкновению, допускает много путаницы, например, считает Эльпинику законной женой Кимона *(Nep.* Cim. 1), смешивает сражения при Евримедонте и при Микале (Ibid. 2) и др.

Полную противоположность являет собой жизнеописание Кимона, написанное Плутархом. Оно представляется нам вообще одним из лучших произведений, составленных этим автором. Оно весьма информативно, изобилует ссылками на очень хорошие источники; кроме того, в данном труде Плутарх (что, в принципе, для него не слишком характерно) довольно скрупулезно придерживается правильной хроно-

[14] Поэт Меланфий (ap. *Plut.* Cim. 5) упрекает Кимона еще и в чрезмерном женолюбии.

[15] В этом пассаже речь идет о Мильтиаде, сыне Кимона. Но в действительности под ним нужно понимать именно Кимона, сына Мильтиада. См.: *Суриков И.Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1 (11). С. 9; *Он же.* Остракизм Кимона // АВ. 2005. Вып. 7. С. 99, 104.

[16] А здесь — путаница противоположного характера: под Кимоном следует понимать его отца — Мильтиада.

[17] О щедрости (μεγαλοφροσύνη) Кимона упоминал также в конце V в. до н.э. знаменитый Критий — софист, поэт и политик-олигарх *(Crit.* Fr. 8 DK).

логической последовательности событий, а не «перескакивает» от одного десятилетия к другому и обратно.

Переходя к источникам ненарративного характера, упомянем — уже не раз в этой книге — об острака. Кимон, сам подвергнутый остракизму, представлен на этих памятниках весьма обильно. Известно более 470 остраконов с его именем; почти все найдены на Керамике. Занимая очень видное положение в политической жизни афинского полиса на протяжении нескольких десятилетий, Кимон в течение всего этого времени являлся одним из главных «кандидатов» на десятилетнее изгнание черепками. Соответственно, среди относящихся к нему глиняных «бюллетеней» есть артефакты, датируемые 80-ми, 70-ми и 60-ми годами V в. до н.э. — довольно редкий случай. Некоторые направленные против него остраконы несут дополнительные приписки, что, как мы уже знаем, делает их особенно интересными. Просто-таки уникален черепок с надписью Κίμων Μιλτιάδο Ελπινίκη ν λαβών ϊτω («Пусть Кимон, сын Мильтиада, уходит, взяв Эльпинику»). Он свидетельствует о том, что сплетни о незаконном сожительстве Кимона с сестрой Эльпиникой действительно ходили уже во время их жизни, а не являются более поздним анекдотическим измышлением[18].

Весьма оригинален еще один памятник, относящийся уже к сфере изобразительного искусства и в своеобразной форме отразивший одно из самых славных деяний Кимона — победу при Евримедонте. Это краснофигурная ойнохоя (так называемая «ваза Евримедонта», по имеющейся на ней надписи), расписанная в 60-х годах V в. до н.э., хранящаяся ныне в Гамбурге в одном из частных собраний и сравнительно недавно опубликованная[19]. Сюжет изображения отлича-

[18] См.: *CromeyR.D.* The Mysterious Woman of Kleitor: Some Corrections to a Manuscript Once in Plutarch's Possession // AJPh. 1991. Vol. 112, N 1. P. 91; *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 140; *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 47.

[19] Editio princeps: *Schauenburg K.* ΕΤΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ // MDAI(A). 1975. Bd. 90. S. 97 - 121. Поскольку это издание труднодоступно, укажем также некоторые другие работы, где приводится репродукция того же сосуда: *Hölscher T.* Immagini dell'identitd greca // I Greci: Storia, cultura, arte, societä. 2: Una storia greca. II. Definizione. Torino, 1997. P. 230. Fig. 18; *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики ? // ВДИ. 2002. № 4. С. 35. Рис. 16.

ется грубо-обсценным характером (изнасилование греком перса) и символизирует торжество эллинского начала над варварским.

Переходя от характеристики источников к историографии, отметим, что в западном антиковедении немалое количество работ (как правило, это статьи) посвящено различным аспектам жизни и деятельности Кимона, таким, например, как его внешнеполитическая деятельность[20], культурная и религиозная политика[21] (в частности, запомнившаяся современникам акция по переносу «останков Тесея» с острова Скирос в Афины[22]), его опала, изгнание остракизмом и досрочное возвращение[23], а также родственные связи этого политического деятеля[24]. Это позволяет, бесспорно, лучше разобраться в ряде нюансов и деталей карьеры Кимона, но нужда в обобщающем исследовании[25] по-прежнему остается. Это a fortiori относится к отечественной науке, в которой

[20] *Samons L.J.* Kimon, Kallias and Peace with Persia // Historia. 1998. Bd. 47, H. 2. S. 129-140.

[21] *Delvoye Ch.* Art et politique ä Athenes ä l'epoque de Cimon // Le monde grec: Hommages ä Claire Preaux. Bruxelles, 1978. P. 801-807; *Cerrato T.* Sofocle, Cimone, Antenore e i Veneti // Athenaeum. 1985. Vol. 63, fasc. 1/2. P. 167- 174; *Shapiro H.A.* Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // Mediterranean Historical Review. 1992. Vol. 7, N 1. P. 29-49.

[22] *Podlecki A.J.* Cimon, Skyrosand "Theseus' Bones" //JHS. 1971. Vol. 91. P. 141 - 143; *Fell M.* Kimon und die Gebeine des Theseus // Klio. 2004. Bd. 86, H. 1. S. 15-54.

[23] *Raubitschek A.E.* Kimons Zurückberufung // Historia. 1955. Bd. 3, H. 3. S. 379-380; *Cole J.R.* Cimon's Dismissal, Ephialtes' Revolution and the Peloponnesian Wars // GRBS. 1974. Vol. 15, N 4. P. 369 - 385; *Piccirilli L. Il* filolaconismo, l'incesto e l'ostracismo di Cimone // Quaderni di storia. 1984. Vol. 10, N 19. P. 171-177; *Idem.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. P. 86-89; *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. Vol. 28, N 2. P. 167 - 208; *Bloedow E.F.* Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 BC? // AHB. 2000. Vol. 14, N 3. P. 89-101; *HeftnerH.* [Andokides] 4, 32-37 (ca. 400-395 v.Chr.): die Ostrakisierungen des Kallias Didymiou, Kimon, Megakles und Alkibiades d. Ä. rechtfertigen diejenige des jüngeren Alkibiades, nicht des Sprechers // OT. S. 302-316; *Scheidel W.* Piaton, Gorg. 516d (ca. 390-385 v.Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles und des Kimon (ca. 470 bzw. 461 v.Chr.) // OT. S. 350-356; *Idem.* Theopomp FGrHist 115 F 88 (ca. 345-340 v.Chr.): der Rückruf des ostrakisierter Kimon (?) // OT. S. 373-386.

[24] *Piccirilli L.* Γυνή Κλειτορία, κλιτορία, άλιτηρία moglie di Cimone // RFIC. 1982. Vol. 110, fasc.3. P. 278-282; *CromeyR.D.* Op. cit.

[25] Ближе всего к таковому подошла ст.: *Stein-Hölkeskamp E.* Kimon und die athenische Demokratie // Hermes. 1999. Bd. 127, H. 2. S. 144-164.

Кимон, подобно Аристиду, практически никогда не привлекал сколько-нибудь значительного внимания. Очень кратко останавливался на его роли в афинской общественной жизни 60-х годов V в. до н.э. В.М. Строгецкий[26]. Этот исследователь дает Кимону достаточно взвешенную оценку, считает его консерватором и традиционалистом, представителем политики аристократического характера, но в то же время не чуждым и социальной демагогии (вопроса о том, насколько правомерно это последнее суждение, мы еще коснемся ниже). Приходилось затрагивать некоторые проблемы, связанные с Кимоном, также и автору этих строк[27].

* * *

Кимон, сын Мильтиада, из Лакиадов родился в конце VI в. до н.э. Традиционно считается, что дата его рождения, если попытаться несколько уточнить ее, приходится на период около 510 г. до н.э., и это представляется весьма близким к истине. Как мы увидим ниже, Кимон вступил на стезю активной политической деятельности в самом начале 70-х годов V в. до н.э.: в 479 г. входил в состав афинского посольства, отправленного в Спарту, в следующем году уже занимал должность стратега. На эту последнюю магистратуру допускались граждане в возрасте не моложе 30 лет; таким образом, позже 509 — 508 гг. до н.э. Кимон родиться не мог. Но не мог и намного раньше, поскольку тогда получилось бы, что он начал свою карьеру в довольно-таки зрелом возрасте, что выглядело бы странным. Хорошо известно, что на протяжении всего V в. до н.э. отпрыски знатных аристократических семейств, коль скоро они желали заниматься политикой, начинали избираться на высшие государственные посты практически сразу по достижении тридцатилетия.

А к Кимону сказанное должно относиться κατ' εξοχήν. Он принадлежал к кругу самой высшей знати, являлся в полном смысле слова «аристократом до мозга костей», происходя из древнего и прославленного рода Филаидов. Отцом Кимона

[26] *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 38 и след.; *Он же.* Полис и империя... С. 44 и след.

[27] *Суриков И.Е.* Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003. С. 225-230; *Он же.* Остракизм Кимона... С. 98-108.

был тот самый Мильтиад, который в 490 г. до н.э. командовал афинским ополчением, одержавшим победу над персидским отрядом при Марафоне. Таким образом, традиция борьбы с персами — а этой борьбе Кимон посвятил всю свою жизнь — была для него наследственной.

Мильтиаду мы посвятили специальную главу в книге «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика». Там же мы приводим и рассматриваем сведения о его происхождении и истории его рода[28]. Соответственно, здесь нет необходимости заново повторять всю эту информацию. Напомним лишь, что в жизни будущего марафонского победителя имелся достаточно длительный и важный период, когда тот правил в качестве тирана на полуострове Херсонес Фракийский. Именно на этот период падает рождение Кимона. Иными словами, герой данной главы, хоть и был приписан к дему Лакиады, увидел свет не в этом деме[29] и вообще не в Аттике, а довольно далеко от нее[30].

Не менее знатным, хотя и в другом роде, следует назвать происхождение Кимона по женской линии. Его матерью была вторая жена Мильтиада — Гегесипила, дочь фракийского царя Олора, могущественного соседа правителя Херсонеса *(Herod.* VI. 39; *Plut.* Cim. 4)[31]. У Кимона имелся единокровный

[28] *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 270 и след.

[29] Принадлежность к дему для афинских граждан была, как известно, наследственной. В сущности, Кимон был приписан к Лакиадам только потому, что оттуда происходил его отец. Не следует забывать и о том, что реформы Клисфена, в ходе которых дем стал базовой единицей административно-территориального деления полиса, имели место уже несколько лет спустя после рождения Кимона (если мы правильно вычисляем его дату, в чем сомневаться, кажется, нет оснований).

[30] Строго говоря, нет абсолютной уверенности в том, что Кимон родился именно на Херсонесе. Какое-то время (вряд ли очень большое) на хронологическом отрезке между 513 и 493 гг. до н.э. Мильтиад, вынужденный бежать с полуострова под натиском скифов, провел, скорее всего, на завоеванном им острове Лемнос. Нельзя исключать, что именно тогда супруга подарила ему сына. Вопрос этот вряд ли когда-нибудь будет однозначно разрешен, и, во всяком случае, он не является столь уж принципиальным.

[31] Геродот упоминает лишь о браке Мильтиада и Гегесипилы, не указывая, что именно от этого брака родился Кимон. Однако Плутарх, приводя эту информацию, ссылается на абсолютно аутентичную традицию, восходящую к авторам V в. до н.э., современникам и хорошим знакомым Кимона, принадлежавшим к его кружку (см. ниже) — поэту Меланфию и философу Архелаю.

брат Метиох, сын Мильтиада от первой супруги — афинянки. Он, судя по всему, был намного старше; к 493 г. до н.э., т.е. к моменту окончательного бегства Мильтиада из его «княжества», Метиох фигурирует в источниках как уже вполне взрослый человек, командир корабля *(Herod.* VI. 41).

Гораздо сложнее вопрос о сестре Кимона — уже упоминавшейся Эльпинике, сыгравшей немалую роль в его жизни. Эта женщина[32] была одной из самых скандально известных личностей своей эпохи. Она неоднократно подвергалась нападкам, в частности со стороны авторов древней аттической комедии *(Eupol.* Fr. 208 *Kock;* ср. *Plut.* Cim. 4; 15) - в отличие от брата, которого, как мы видели, комедиографы щадили. Эльпинику обвиняли в инцесте с Кимоном, в близости с художником Полигнотом, в том, что она и в целом была «непорядочной» (ουκ εύτακτος). Вокруг Эльпиники концентрировалось такое количество клеветнических сплетен, что в традиции о ней истина безнадежно переплелась с наветами, и ныне чрезвычайно трудно отделить их друг от друга. Причиной столь неприязненного отношения современников к сестре Кимона была, насколько нам представляется, ее «чрезмерно» активная по афинским меркам роль в общественной жизни. Еще в молодости она с помощью выгодного политического брака фактически обеспечила своему брату будущее; в дальнейшем известны, как минимум, два случая ее посредничества между Кимоном и Периклом — в 463/462 и 457 гг. до н.э. *(Plut.* Pericl. 10; Cim. 14)[33]. Первое привело к оправданию Кимона в возбужденном против него судебном процессе, второе — к досрочному возвращению этого политика из изгнания остракизмом.

По представлениям граждан демократических Афин, такое участие женщины в «чисто мужских» делах не могло не быть в высшей степени предосудительным. Деятельность Эльпиники отражала не классическую афинскую, а какую-то иную политическую традицию, а именно ту, которая восходила к архаике, к эпохе аристократического господства — для этой эпохи в целом характерно большее влияние представительниц «слабого пола» на политические процессы, чем для периода демократии. Имеет значение, на наш взгляд, и то обстоятельство, что девушка росла и воспитывалась в полугреческом-полуварварском окружении, что матерью ее была фракиянка царского рода, и это тоже должно было наложить отпечаток на весь стиль поведения Эльпиники.

А в том, что Эльпиника являлась дочерью Мильтиада именно от Гегесипилы, сомневаться не приходится. Правда, в античности существовала традиция[34], делавшая Кимона и Эльпинику не родными, а лишь единокровными братом и сестрой, да при этом еще и законными супругами. Как пишет Непот, «женат он (Кимон. — *И.С.)* был на единокровной сестре Эльпинике, взятой не по любви, а по обычаю, поскольку у афинян разрешалось жениться на сестрах с отцовской стороны». Но здесь — череда грубых ошибок. Во-первых, неверна сама «правовая посылка». Действительно, афинские законы допускали браки в довольно близких, по нашим меркам, степенях родства (между двоюродными братом и сестрой[35], даже между дядей и племянницей), но все же не в таких близких — здесь Непот неправ. Во-вторых, достоверно известно, что законной женой Кимона была Исодика из рода Алкмеонидов *(Diod. Perieg.* FGrHist. 372. F37; *Plut.* Cim. 4; 16; подробнее см. ниже). В-третьих, если бы Эльпиника была дочерью Мильтиада от первой жены, афинянки, она оказывалась бы старше Кимона, а это не вяжется с данными источников. Она была жива и активна, хотя и немолода, еще в 439 г. до н.э. *(Plut.* Pericl. 28), а около 480 г. есть все основания говорить о ней как о девушке на выданье *(Plut.* Cim. 4: ετι κόρης οϋσης και άγαμου; подробнее см. ниже). В целом можно еще раз повторить, что жизнь Эльпиники и ее отношения с братом служили в силу ряда обстоятельств предметом нездорового интереса, что и повело к нагромождению искусственных сложностей в некоторых (в основном поздних) источниках[36].

[32] О ней см.: *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни... С. 46 — 47. Обращаем внимание на грубую опечатку в этой работе, происшедшую не по нашей вине. На с. 47 почему-то набрано, что матерью Эльпиники была «фракийская царевна Эльпиника» (правильно — Гегесипила).

[33] Хронологию см.: *Badian E.* From Plataea... P. 101 — 102.

[34] Наиболее эксплицитно отразившаяся у Непота (Cim. 1). Плутарху (Cim. 4) эта традиция тоже знакома.

[35] *Thompson W.E.* The Marriage of First Cousins in Athenian Society // Phoenix. 1967. Vol. 21, N 4. P. 273-282.

[36] А в таком достаточно раннем тексте, как IV речь Андокида (о ней см.: *Суриков И.Е.* IV речь корпуса Андокида как исторический источник // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 3- 13) сожительство Кимона с сестрой названо «противозаконней» (παρανομία - *Andoc.* IV. 33). Тем самым уже отбрасывается всякая возможность законного брака между ними.

Возвращаемся к Кимону. О ранних годах его жизни, о воспитании будущего выдающегося полководца и политика мало что известно. Можно только с полным основанием предположить, что та обстановка, в которой он рос и формировался, не имела ничего общего с реалиями демократических Афин. Этот нюанс представляется нам важным, помогающим многое понять в основных особенностях личности Кимона, как они проявлялись уже в зрелом возрасте.

В то время как в афинском полисе происходили судьбоносные реформы Клисфена, складывалась система классического народовластия, кипела острая политическая борьба, — на Херсонесе Фракийском в этом отношении было все спокойно. Кимон, сын настоящего «владетельного князя», а по матери еще и потомок правителей фракийских племен, возрастал, надо полагать, в аристократической роскоши и богатстве. Полученное им образование было в основном музическим (пение и игра на кифаре)[37]. Он имел, естественно, прекрасные манеры, умел держать себя с благородной небрежностью, при этом отнюдь не выглядел надменным и заносчивым, напротив, был прост в обращении, чем впоследствии снискал симпатии многих.

Безмятежное счастье молодого аристократа оборвалось в 493 г. до н.э., когда Мильтиад, преследуемый персами, вынужден был бежать с Херсонеса и со всем семейством (не считая попавшего в руки Дарию старшего сына Метиоха) прибыл в Афины. Тогда же на «исторической родине» оказался и юноша Кимон. Мильтиад вначале стал фактическим лидером государства, выиграл Марафонское сражение, но уже в 489 г. до н.э. стремительно попал в опалу, был приговорен к уплате огромного штрафа в 50 талантов, а вскоре умер.

Началась «черная полоса» в жизни Кимона. Штраф на момент кончины Мильтиада так и остался не выплачен; соответственно, он перешел «в наследство» сыну. Требуемая сумма заведомо являлась столь колоссальной, что частному лицу она была практически не под силу. Это автоматически ставило Мильтиада, а после его смерти — Кимона в разряд государственных должников. Такие лица, согласно афинским законам, подвергались вплоть до выплаты долга частичной атимии, что исключало их сколько-нибудь активное участие в общественной жизни. Кимон не мог выставлять свою кандидатуру на занятие полисных должностей, выступать с предложениями в народном собрании или с обвинениями в суде[38]. Пока это обстоятельство было для него иррелевантным: до достижения тридцатилетия ему и так не разрешалась подобного рода активность — если не жесткими нормами права, то, во всяком случае, установками общественного мнения[39]. Но рано или поздно вопрос о способе снятия атимии не мог не возникнуть, коль скоро он хотел начать делать политическую карьеру. А неоплаченный долг висел над ним дамокловым мечом долго, почти десять лет.

В 80-е годы V в. до н.э., в период очень напряженной борьбы группировок и первых применений закона об остракизме, несмотря на свою молодость и на невозможность прямого участия в политике, Кимон был уже, судя по всему, прекрасно известен согражданам, более того, по словам Плутарха (Cim. 4), «пользовался в городе дурной славой (ἠδόξει... καὶ κακῶς ἤκουεν)». В складывании этой негативной репутации сыграли роль несколько обстоятельств. В частности, на Кимона переносилась неприязнь, которую многие афиняне испытывали к Мильтиаду, по их мнению, чрезмерно «вознесшемуся» (а «реабилитация» марафонского победителя еще не успела произойти), и которая усугублялась твердой уверенностью греков рассматриваемой эпохи в ответственности потомков за деяния предков[40]. Невыплаченный долг полису тоже способствовал неприязни к Кимону. Наконец,

[37] Именно в этом отношении Ион Хиосский (FGrHist. 392. F13) противопоставляет Кимона Фемистоклу, не получившему в отрочестве соответствующих навыков.

[38] Непот (Cim. 1) совершает очередную путаницу, утверждая, будто бы Кимон был за неуплату долга посажен в государственную тюрьму. Этого, конечно же, не случилось. В Афинах до рубежа V- IV вв. до н.э. не существовало «долговых ям». См.: *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 73 — 74. Соответственно, не сидел в тюрьме и Мильтиад после вынесенного ему приговора.

[39] Даже Алкивиад (ближе к концу того же столетия) начал активную политическую карьеру лишь в тридцатилетнем возрасте. И это несмотря на то, что он едва ли не с детства был прекрасно известен всем согражданам, что он обладал несомненными и блестящими талантами, что установки общественного мнения уже несколько изменились в сторону более терпимого отношения к молодежи. A fortiori то же самое должно относиться к Кимону.

[40] Об этой концепции родовой ответственности см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 238 и след.

тогда уже начали распространяться по Афинам сплетни о пьянстве молодого человека, о его незаконном сожительстве с сестрой, опекуном (κύριος) которой он остался.

Кимон в десятилетие между Марафоном и Саламином подвергался даже опасности остракизма. Безусловно, опасность эта вряд ли была реальной, и Кимон, конечно, не числился в главных «кандидатах» на изгнание, таких как Аристид или Ксантипп, но нет ничего удивительного в том, что несколько десятков или даже сотен афинских граждан предпочитали писать на черепках именно его имя (как об этом свидетельствуют данные найденных острака). Пожалуй, единственным из крупных политических лидеров, оказывавшим в этот период Кимону поддержку, был Аристид «Справедливый» *(Plut.* Cim. 5), как мы уже отмечали выше, в главе, посвященной этому последнему.

В целом по мере демократизации афинского полиса представители знатных аристократических родов, к числу которых относился Кимон, оказывались во все более непростой для себя ситуации. Демос, особенно после Марафонской победы, властно брал в свои руки бразды правления; увеличивалась роль беднейших, наиболее радикально настроенных слоев гражданского населения, т.е. тех людей, которые уже в силу самой природы вещей поглядывали на аристократов с подозрением, видя в них потенциальных врагов. Кто-то из членов знатной элиты смог (да и то до поры до времени) приспособиться к новым политическим условиям, выступая в роли вождей-простатов простонародья (мы демонстрировали это в главе о Фемистокле). Кимону (как в свое время его отцу Мильтиаду) такая линия была в целом чужда. Позже, в годы зрелости, он относился к демосу скорее покровительственно, несколько свысока, хотя и без олигархической неприязни. У нас еще будет случай в этом убедиться.

Политическим идеалом Кимона всегда оставалась Спарта. Он поддерживал с ней самые тесные контакты, слыл главным афинским лаконофилом. Спартанцы уважали Кимона, и он платил им взаимностью. В высшей степени характерен тот факт, что одного из своих сыновей он назвал Лакедемонием *(Plut.* Cim. 16)[41]. Это интереснейший пример «геополи-

[41] Лакедемоний впоследствии тоже сыграл некоторую роль в афинской истории. В частности, в конце 30-х годов V в. до н.э. он был стратегом и командовал эскадрой кораблей *(Thuc.* I. 45. 2; *Plut.* Pericl. 29). Но в целом он не входил в число наиболее влиятельных лидеров государства. Характерно, в частности, что политическую группировку Филаидов после смерти Кимона возглавил его свойственник Фукидид, сын Мелесия, а не Лакедемоний. Очевидно, последний не обладал для этого достаточными способностями.

тической» ономастики. Другой сын Кимона звался Фессалом — имя тоже с предельно ясной подоплекой[42]. Сложнее ситуация с еще одним его сыном, близнецом Лакедемония. Плутарх (Cim. 16; Pericl. 29) не вполне точно передает его имя как Элей, производя соответственно от области Элиды. Эпиграфически зафиксировано более точное написание имени данного лица — Улий (IG. IV. 2. 672c)[43]. Иными словами, к Элиде это имя не имеет никакого отношения; скорее можно говорить о его ионийском происхождении (в некоторых полисах Ионии Зевс в одной из своих ипостасей носил эпиклезу «Улий»). Дж. Дейвис справедливо считает, что в таком имянаречении отразилось стремление к гегемонии над ионийскими греками, т.е. и оно тоже имело «геополитический» характер[44]. Итак, в ономастической сфере Кимон совершенно не следовал укоренившимся в греческом мире традициям[45], выступал новатором, давая некоторым из своих сыновей имена не по предкам и родственникам, как было принято, а связанные с различными регионами греческого мира[46].

Плутарх упоминает только этих трех сыновей Кимона. Однако еще в одном, довольно позднем источнике (Schol. Aristid. P. 151. 8 *Jebb* — III. P. 515 *Dindorf)* содержится указа-

[42] Фессал, сын Кимона, встречается в источниках еще в 415 г. до н.э., когда он выступил в суде официальным обвинителем Алкивиада в процессе о профанации мистерий *(Plut.* Alc. 19; 22). Плутарх приводит даже текст обвинительного заявления.

[43] Улий в 425 г. до н.э. занимал полисную должность ситофилака *(Aristoph.* Equ. 407 cum schol.). Таким образом, целый ряд сыновей Кимона нашел определенное место в общественной жизни Афин, но место это было достаточно скромным. По словам Аристотеля (Rhet. II. 1390b30), потомки Кимона выродились «в глупость и вялость».

[44] *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford,1971. P. 302. Об имени Улий в роде Филаидов см. также: *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989. P. 162.

[45] Об ономастических традициях греков см.: *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz... S. 49—72 (с подробными указаниями на предшествующую лит.); *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 200 и след.

[46] Известно, правда, что уже Фемистокл назвал двух из своих многочисленных дочерей Италией и Сибаридой *(Plut.* Them. 22), что тоже демонстрирует геополитические амбиции. Однако сыновья Фемистокла носили вполне традиционные имена.

ние на то, что у него имелись еще три сына, названные в более традиционной манере: Мильтиад (по деду), Кимон (по отцу) и Писианакт (по одному из родственников с материнской стороны). Эта информация, несмотря на поздний характер, вполне может быть в своей основе аутентичной. Действительно, Лакедемоний, Улий и Фессал, судя по времени их деятельности, родились у Кимона, когда ему было уже за сорок. Вполне логично предположить наличие более ранних детей (женился Кимон, как мы увидим, в возрасте около тридцати лет). В таком случае, остается считать, что эти трое старших сыновей Кимона умерли в детстве или в молодости, коль скоро они не оставили никаких следов в истории Афин.

Говоря о потомстве Кимона, мы несколько забегаем вперед, но нам это необходимо для того, чтобы разобраться с матримониальной ситуацией в семье интересующего нас политика. Матерью всех его сыновей, по авторитетному свидетельству периегета Диодора, писателя IV в. до н.э. (FGrHist. 372. F37), была его законная супруга Исодика. Правда, существует информация, восходящая будто бы к Стесимброту (ap. *Plut.* Cim. 16; ср. *Plut.* Pericl. 29), согласно которой дети (все или часть) рождались у Кимона от некоей женщины-клиторянки (ἐκ γυναικός... Κλειτορίας), т.е. гражданки города Клитор в Аркадии. Однако, даже независимо от факта тенденциозной субъективности большинства сообщений Стесимброта, в данном случае мы просто имеем дело с «псевдоперсоной», возникшей в результате порчи рукописной традиции. Как было аргументированно показано[47], изначально в тексте, из которого происходит этот пассаж, говорилось не о «женщине-клиторянке», а об «осквернённой женщине» (γυναικός... ἁλιτηρίας). Так была названа Исодика, принадлежавшая к роду Алкмеонидов, над которым тяготела «Килонова скверна»[48]. Но уже ко времени Плутарха в данный нарративный памятник вторглось искажение, в результате которого и «появилась на свет» никогда в действительности не существовавшая женщина из Клитора.

Об Исодике, строго говоря, известны только две вещи: что она умерла раньше мужа, который очень тяжело воспринял ее кончину *(Plut.* Cim. 4), и что она, как только что было

[47] *Piccirilli L.* Γυνή Κλειτορία...; Cromey *R.D.* Op. cit.

[48] Об этом родовом проклятии см. наиболее подробно: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии...

сказано, происходила из Алкмеонидов, из боковой ветви рода[49]. И вот эта последняя деталь для нас здесь наиболее важна. Мы вновь выходим на проблему «триумвирата родов», о которых уже упоминали в главах II и III и, соответственно, сейчас можем ограничиться лишь кратким напоминанием. На рубеже 80—70-х годов V в. до н.э. Алкмеониды, Филаиды и Керики объединились с целью более успешного противостояния чрезвычайно возросшему влиянию Фемистокла. Альянс был, по афинским обычаям, демонстративно маркирован политическими браками. Первый из них связал Кимона с Исодикой, а второй оказался для его дальнейшей судьбы, пожалуй, даже едва ли более важным. Сестра Кимона Эльпиника была выдана замуж за «богатейшего из афинян» — Каллия, сына Гиппоника, возглавлявшего род Кериков *(Nep.* Cim. 1; *Plut.* Cim. 4; *Athen.* XIII. 589d).

Каллий, чье состояние оценивалось в 200 талантов, был одним из очень немногих граждан афинского полиса, кому было под силу заплатить в государственную казну 50 талантов причитавшегося с Кимона долга и тем снять с последнего атимию. Именно это и было сделано[50], и для Кимона открылась наконец, дорога в «большую политику». Да и в целом союз трех родов оказался чрезвычайно выгодным именно для него; он больше, чем кто-либо, выиграл от создания этой коалиции, что нам уже очень скоро предстоит увидеть. Немаловажно уже то, что Кимон, решив свои финансовые проблемы, в одночасье шагнул из бедности в богатство, что позволило ему вернуться к привычной с детства жизни «на широкую ногу»[51].

[49] Отцом Исодики был Евриптолем, отцом этого последнего — Мегакл, брат реформатора Клисфена (не путать с Мегаклом, сыном Гиппократа, приходившимся Клисфену племянником).

[50] Вряд ли, конечно, Каллий заплатил за Кимона весь долг. Во-первых, семья Мильтиада сама была весьма состоятельной *(Herod.* VI. 41 — херсонесский тиран бежал в Афины с большими сокровищами), и это состояние, несомненно, ушло на частичную ликвидацию задолженности. Во-вторых, сообщается *(Ephor.* FGrHist. 70. F64), что семья жены Кимона, Исодики, тоже была богатой; ей было дано роскошное приданое, что тоже внесло свой вклад в расчеты с государством.

[51] Если верно наше предположение (см. выше, в гл. II), что организатором союза трех родов выступил Аристид, это многое объясняет. Очевидно, «справедливый» политик выстраивал весь союз специально «под Кимона». Эксплицитно сообщается *(Plut.* Cim. 5), что именно в нем Аристид видел потенциальный противовес Фемистоклу, против которого коалиция и создавалась.

* * *

Первым крупным историческим событием, в котором источниками отмечено прямое участие Кимона, была эвакуация афинян из города в 480 г. до н.э., под угрозой нашествия Ксеркса. Как пишет Плутарх (Cim. 5), «в это-то время Кимон с сияющим лицом первым показался на Акрополе, куда он поднялся через Керамик в сопровождении товарищей, неся в руках конские удила, чтобы посвятить их богине... Посвятив удила, вооружившись одним из висевших в храме щитов и помолившись богине, он спустился к морю и тем самым первый показал пример неустрашимости». Плутарх трактует этот эпизод как готовность Кимона с энтузиазмом принять план обороны на море, предложенный Фемистоклом («это как бы означало, что сейчас государство нуждается не в конном войске, а в бойцах-моряках»). Так ли это в действительности? Трудно сказать. Работая с сочинениями Плутарха, нужно всегда проводить четкое разграничение между конкретными фактами (большей частью аутентичными) и интерпретациями, принадлежащими самому автору, которые как раз нередко бывают спорными и сомнительными. Сейчас перед нами именно такой случай. Странным показалось бы подобное проявление симпатий Кимона к Фемистоклу — политическому противнику[52]. Может быть, этот его демонстративный жест (а таких и впоследствии немало было в его жизни) символизировал совсем иное: присягу на верность святыням Акрополя, которые поневоле приходилось на время оставить...[53]

Кимон участвовал в Саламинском сражении в качестве рядового воина, проявив героизм *(Plut.* Cim. 5). А практически сразу после этого ему уже начинают давать важные государственные поручения. Так, в 479 г. до н.э. он вместе с Ксантиппом и Миронидом вошел в состав посольства в Спарту, направленного по инициативе Аристида *(Plut.* Aristid. 10). Как правило, послами становились опытные, авторитетные политики, имевшие серьезный вес в гражданской общине и за ее пределами[54]. В свете сказанного включение в состав дипломатической миссии, причем весьма важной, молодого человека, едва-едва достигшего тридцатилетия и только начинающего свою карьеру, выглядит даже не вполне обычным. Объяснение ситуации, на наш взгляд, возможно только одно: для спартанцев имя Кимона было не пустым звуком. Очевидно, к описываемому моменту уже проявились лаконофильские черты личности и деятельности Кимона, установились его контакты с Лакедемоном (вне сомнения, наследственные и ксенические). В Спарте он был желанным гостем, способным реально повлиять на ход событий.

А уже в 478 г. до н.э. мы встречаем Кимона в должности стратега (вместе с Аристидом) в ходе морских кампаний Эллинского союза в Эгеиде *(Plut.* Aristid. 23; Cim. 6). Этот год, как известно, был отмечен событиями огромного исторического значения: расколом между Афинами и Спартой по вопросу о целесообразности дальнейших военных действий и созданием Делосского союза. Главным «локомотивом» событий с афинской стороны выступил Аристид — «отец» симмахии, а Кимон изо всех сил помогал ему в этом. Затем Аристид отошел от активной политической деятельности, а для Кимона она только начиналась. Как самый талантливый из полководцев, каких афиняне имели в то время, он неоднократно избирался стратегом. Это происходило снова и снова, почти без перерывов, год за годом на протяжении более чем полутора десятилетий. По сути, он долго оставался фактическим главой созданного Афинами морского союза.

В 477 г. до н.э.[55] имела место первая крупная операция симмахии против персов — осада крепости Эйон в Северной

[52] Впоследствии, в период остракизма, опалы и осуждения Фемистокла Кимон входил в число тех, кто нападал на него *(Plut.* Aristid. 25). Когда некий Эпикрат помог скрывавшемуся Фемистоклу, организовав побег из Афин его жены и детей, Кимон выступил обвинителем в судебном процессе против Эпикрата и добился смертного приговора *(Plut.* Them. 24). Всё это свидетельствует, мягко говоря, отнюдь не о взаимных симпатиях двух выдающихся политических деятелей.

[53] Фемистокл, со своей стороны, характеризовался далеко не такими «почвенническими» взглядами. Как мы помним, он вполне допускал даже возможность отбытия гражданского коллектива Афин в полном составе в Южную Италию с целью основания там нового полиса.

[54] Послы, в отличие от многих должностных лиц, избирались не жребием, а голосованием. См.: *Mosley D.J.* Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973. P. 43. Вполне правомерно М. Хансен, составляя каталог виднейших афинских политиков IV в. до н.э., включает в него наряду с полководцами и политическими ораторами также известных из источников послов. См.: *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983- 1989. Copenhagen, 1989. P. 25 ff.

[55] В датировке внешнеполитических событий, о которых в дальнейшем пойдет речь, следуем хронологическим выкладкам Э. Бадиана. См.: *Badian E.* From Plataea... P. 99 ff.

Эгеиде, в месте впадения в море реки Стримон. Этот важный стратегический пункт[56] находился в руках персидского гарнизона, которым командовал некий Бог (имя такое). Кампания при Эйоне неплохо освещена в источниках различного времени[57]. Осада оказалась затяжной: персы оборонялись очень мужественно, а их военачальник проявил настоящую самоотверженность: он держался до последнего, а когда провиант в блокированном городе оказался на исходе и никаких надежд не оставалось, поджег крепость и сам покончил с собой, бросившись в огонь. Только таким образом Эйон попал в руки греческого войска Кимона — полуразрушенный и почти без добычи, на которую так надеялись (сокровища Бог перед гибелью выбросил в реку).

Тем не менее успех был достигнут. Он, в частности, позволил попытаться начать колонизацию привлекательного стримонского региона. Там афиняне основали поселение под названием «Девять путей». Впрочем, на этот раз колонисты не смогли продержаться долго и были разгромлены окрестными фракийцами *(Thuc.* I. 100. 3; Schol. *Aeschin.* II. 32). Однако к этим событиям Кимон уже не имел отношения. Позже на Стримоне, как известно, возник знаменитый Амфиполь — афинская колония с очень бурной судьбой[58].

Остановимся вкратце еще на одном нюансе, связанном со взятием Эйона. В этой операции афинянам оказал существенную помощь деньгами и людьми знатный фессалиец Менон, сын Менеклида, из города Фарсал. За это постановлением экклесии Менону были дарованы права афинского гражданства *(Demosth.* XXIII. 199). Такая награда в V в. до н.э. давалась очень редко; еще более интересно, что Менон действительно переселился из Фарсала в Афины, был приписан к дему Гаргетт и впоследствии принимал активное участие

[56] К этим фракийским землям, изобиловавшим рудниками по добыче драгоценных металлов, афиняне стремились уже издавна.

[57] *Herod.* VII. 107; *Thuc.* I. 98; *Demosth.* XIII. 23; XXIII. 199; *Diod.* XI. 60. 2; *Plut.* Cim 7; *Polyaen.* VII. 24. См. также об этом событии: *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 60; *Касаткина Н.А.* Завоевание Эйона во Фракии // Мат. VII чтений памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2002. С. 28-30 (с несколько иной датировкой — 476/475 г. до н.э.).

[58] *Heskel J.* The North Aegean Wars, 371-360 B.C. Stuttgart, 1997. P. 15-17; *Hansen O.* The Athenian Colony of Brea = Amphipolis?// Hermes. 1999. Bd. 127, H. 1. S. 121-122.

в политической жизни[59]. Он входил в окружение Кимона (видимо, породнился с ним) и, подобно последнему, возможно, даже подвергся остракизму в начале 50-х годов V в. до н.э.

Кимон очень гордился проведенной им операцией при Эйоне, наверное, потому, что это была его первая самостоятельная победа. Для прославления и увековечения этой победы он по разрешению демоса установил в Афинах стелы со стихотворными надписями. Надписи полностью приведены Плутархом (Cim. 7)[60]. Характерно, что в них идет речь только об «афинянах» и нигде не упоминается имя Кимона. Известно, что в этот период ощутивший свое могущество и убежденно придерживавшийся коллективистских традиций державный демос отнюдь не питал склонности признавать личную роль тех или иных граждан в военных либо каких бы то ни было мероприятиях. Это в свое время познал на собственном горьком опыте Мильтиад. Кимон, не настаивая на подчеркивании в надписях своей персоны, конечно же, помнил о судьбе отца. Однако даже в подобном «безличном» виде надписи, как замечает Плутарх (Cim. 8), «казались, по содержанию своему, людям того времени верхом почета»: ведь до Кимона и такая скромная почесть никому не даровалась.

В 476 г. Кимон, вновь занимая должность стратега, провел еще одну удачную кампанию. На этот раз захвачен был Скирос — остров в северо-западной части Эгейского моря, принадлежавший к группе Спорад (об этом событии см.: *Thuc.* I. 98. 2; *Diod.* XI. 60. 2; *Plut.* Thes. 36; Cim. 8). Населявшее Скирос племя долопов промышляло пиратством, что препятствовало нормальному развитию морской торговли в Эгеиде. Овладев островом, основав там свое поселение и изгнав пиратов, афиняне решили эту проблему.

Со взятием Скироса связана весьма интересная пропагандистская акция Кимона, в которой активно использовались элементы мифа и ритуала. Являясь лидером афинского полиса, Кимон активнейшим образом эксплуатировал мифологию Тесея, который постепенно становился величайшим «национальным» героем Афин, аттическим аналогом

[59] О Меноне см.: *Raubitschek A.E.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. Vol. 24, N 4. P. 286-289; *Martin T.R.* Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985. P. 61-62; *Helly B.* La glose d'Hesychius Μενωνίδαι: penestes thessaliens ou ostracises atheniens? // RPLHA. 1994. Vol. 68, N 1/2. P. 135-146.

[60] Анализ стихов см. в раб.: *Jacoby F.* Some Athenian Epigrams from the Persian Wars // Hesperia. 1945. Vol. 14, N 3. P. 185 ff.

Геракла[61]. Согласно легендарной традиции, Тесей в конце своей жизни был свергнут с афинского престола и бежал именно на остров Скирос, где то ли умер, то ли был убит. Кимон объявил о том, что им найдена могила Тесея. Было уже наготове соответствующее прорицание от Дельфийского оракула, предписывавшее афинянам доставить прах героя на родину. Об этой религиозной санкции наверняка заблаговременно позаботился сам Кимон[62]; впрочем, она очень хорошо укладывалась и в политику дельфийского жречества. Уже не в первый раз из Дельфов раздавались приказы о «перевозе останков» древних героев. Ранее они, как правило, адресовались спартанцам. Таким образом в Спарте оказались «останки Ореста» *(Herod.* I. 67 — 68) и «останки Тисамена» *(Paus.* VII. 1. 8)[63]. Такого рода акции всегда носили ярко выраженный легитимирующий характер. Доставляя на свою территорию «останки» былых ахейских владык, лакедемоняне тем самым обосновывали свои претензии на «ахейское наследство» Пелопоннеса, на гегемонию на полуострове. И теперь в высшей степени характерно, что в Афинах получил совершенно аналогичную санкцию не кто иной как *лаконофил* Кимон.

[61] О популярности образа Тесея в Афинах эпохи Кимона см.: *Dugas Ch.* Revolution de la legende de Thesee // REG. 1943. Vol. 56. P. 1-24; *Sourvinou-Inwood Chr.* Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter //JHS. 1971. Vol. 91. P. 94 - 109; *Davie J.N.* Theseus the King in Fifth-Century Athens// G&R. 1982. Vol. 29, N 1.P. 25-34; *Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100-480 B.C. Ithaca, 1985. P. 311 ff.; *Shapiro H.A.* Theseus...; *GouSchin V.* Athenian Synoikism of the Fifth Century B.C., or Two Stories of Theseus // G&R. 1999. Vol. 46, N 2. P. 168 - 187. По одной из версий генеалогической традиции, род Филаидов, к которому принадлежал Кимон, по женской линии восходил к Тесею *(Τιβέριος Μ.* Θησεύς και Παναθήναια // AAAD. P. 133). Наиболее подробно об эволюции мифологического образа Тесея в Афинах в целом см.: *Calame C.* Thesee et l'imaginaire athenien: Legende et culte en Grece antique. Lausanne, 1990.

[62] Он поддерживал хорошие отношения с дельфийским жречеством. Несколько позже, в 60-е годы, по инициативе Кимона в Дельфах была установлена скульптурная группа работы Фидия. В ее состав входили статуи божеств, знаменитых афинских легендарных героев (эпонимов фил, Кодра, а также, что интересно, Тесея), кроме того Филея, основателя рода Филаидов, и наконец, отца Кимона Мильтиада *(Paus.* X. 10. 1—2). См.: *Neer R.* The Athenian Treasury at Delphi and the Material of Politics // Classical Antiquity. 2004. Vol. 23, N 1. P. 82.

[63] *Leahy D.M.* The Bones of Tisamenus//Historia. 1955. Bd. 4, H. 1· S. 26-38; *Huxley G.* Bones for Orestes // GRBS. 1979. Vol. 20, N 2. P. 145-148.

«Останки Тесея» были с большой помпой возвращены в Афины[64] и перезахоронены; на месте их нового пребывания основали святилище Тесейон, игравшее в дальнейшем довольно важную роль в религиозной жизни полиса[65]. Мероприятие, о котором идет речь, было, бесспорно, многоплановым по своим импликациям; Кимон как бы в определенной степени отождествлял себя со славнейшим афинским героем, подчеркивал черты сходства между собою и им[66]. Еще один аспект проблемы был относительно недавно подчеркнут У.Р. Коннором[67]. Тесей, согласно одной из традиций, бытовавших в классических Афинах, вынужден был покинуть город потому, что его изгнали остракизмом. И теперь его «возвращение» должно было восприниматься современниками как возвращение из остракизма (добавим, такое восприятие тем более вероятно, что буквально за несколько лет до этой акции, в 480 г. до н.э., имело место досрочное возвращение жертв первых остракофорий, которое не могли еще не вспомнить). Привозя на родину останки героя, который в свое время несправедливо пострадал от сограждан, Кимон как бы имплицитно предостерегал на будущее против чрезмерно сурового обращения демоса со своими политическими лидерами. Для него, кстати, подобный намек был более чем актуален»: его отец Мильтиад подвергся осуждению экклесией, да и сам он имел основания опасаться остракизма (и, как показали дальнейшие события, не напрасно). Эпизод с «останками» Тесея следует признать типичным образчиком пропагандистской акции, выросшей из недр мифоритуального комплекса.

Эпизод, о котором шла речь, безусловно, прибавил Кимону популярности и влиятельности. Да и в целом его положе-

[64] *Podlecki A.J.* Cimon, Skyros...; *Fell M.* Op. cit.

[65] Ранее за Тесейон ошибочно принимали тот храм на западной стороне афинской Агоры, который, как ныне безоговорочно установлено, в действительности являлся Гефестейоном, храмом Гефеста и Афины (кстати, он тоже, возможно, был заложен еще при Кимоне и лишь достроен при Перикле: *Delvoye Ch.* Op. cit. P. 807). Настоящее местонахождение Тесейона пока еще достоверно не установлено.

66 Интересно, что позже, в 40-е годы V в. до н.э., аналогичное отождествление с Тесеем практиковал и Перикл. См.: *Суриков И.Е.* Перикл, Амис и амазонки // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 147— 152. Судя по всему, Тесей с определенного момента (с Писистрата? с Клисфена?) вообще стал парадигмой для любого афинского политика, занимающего лидирующую позицию в полисе.

[67] *Connor W.R.* Theseus and his City // RPAGW. P. 115 - 120.

ние с каждым годом продолжало укрепляться, он быстро становился в Афинах «политиком номер один», не имеющим сопоставимых по значимости конкурентов. Тому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, на протяжении 70-х годов произошла, если можно так выразиться, «расчистка политического поля». Аристид отошел от активной государственной деятельности. Влияние Фемистокла значительно упало, и в конце рассматриваемого десятилетия он был подвергнут остракизму (см. предыдущую главу). На те же 70-е годы до н.э. приходится смерть или гибель Ксантиппа[68], а сын его Перикл был еще слишком молод, чтобы стать достойным соперником Кимона (это в конце концов произошло, но лишь некоторое время спустя). Во-вторых, Кимона всячески поддерживал древний аристократический Совет Ареопага, усилившийся в этот период (об этом говорилось выше, в главе I).

В-третьих, альтернативы Кимону не существовало еще и в том отношении, что он, вне всяких сомнений, являлся лучшим военачальником из всех, каких имели Афины в это время. Более того, не будет преувеличением назвать его крупнейшим представителем полководческого искусства в Греции первой половины V в. до н.э. Здесь следует учитывать, что в военном деле периода ранней классики, характеризовавшемся, по нашим современным меркам, в общем-то достаточно простыми и незамысловатыми стратегическими и тактическими приемами, колоссальную роль играл личный фактор, а именно — персональный пример полководца, его авторитет в армии, его способность подвигнуть воинов на удар по противнику. Как раз этими качествами Кимон располагал в избытке. Он пользовался, насколько можно судить, безоговорочным уважением со стороны воинов, умел повести их за собой. Плутарх (Cim. 5) говорит в связи с Кимоном о «благородстве, достойном удивления. Ибо, не уступая отвагою своей Мильтиаду, а разумом Фемистоклу, он, по общему признанию, был справедливее (δικαιότερος) их обоих». Кимону здесь приписывается справедливость (δικαιοσύνη) — одна из наиболее ценимых эллинами черт, как мы видели, описывая биографию Аристида.

Весь свой талант военачальника Кимон обратил на борьбу против державы Ахеменидов. Под его руководством афи-

[68] *Суриков И.Е.* Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 106.

няне неуклонно теснили персидские силы из Эгеиды, нанося им поражение за поражением как на море, так и на суше. Территориально военные действия все более смещались в восточную часть акватории Эгейского моря. Афинский флот смог отвоевать у персов греческие полисы Карии и Ликии *(Diod.* XI. 60. 4). Захватчики были полностью изгнаны с полуострова Херсонес Фракийский *(Plut.* Cim. 14)[69]. Этот регион в стратегических планах Кимона занимал, следует полагать, особое место» там правил его отец Мильтиад, там родился и он сам. Возвращая теперь Херсонес, Кимон не только исполнял свой военный долг по отношению к Афинам, но и долг, так сказать, семейный, родовой.

Впрочем, не только с врагами с Востока Кимону приходилось иметь дело на данном хронологическом этапе. В 471 г. до н.э. он провел операцию по изгнанию из Византия спартанского регента Павсания *(Thuc.* I. 131. 1; *Plut.* Cim. 6). Этот амбициозный политический лидер, в свое время выигравший Платейское сражение и командовавший (правда, недолго) флотом Эллинского союза, затем фактически вышел из подчинения властям Спарты, да и вообще из-под чьего бы то ни было контроля. Он своевольно захватил важный в стратегическом отношении Византий и несколько лет управлял этим полисом, можно сказать, был его тираном[70]. Такое его поведение не устраивало, нужно думать, прежде всего самих спартанцев, которые, скорее всего, дали «добро» на его удаление из города. Ведь Эллинский союз, не забудем, де-юре продолжал еще существовать, и Кимон в период своего преобладающего влияния в Афинах не давал Спарте никаких поводов для недовольства. Вполне закономерно, что именно на его долю выпало изгнать Павсания. А Византии после этой кампании, естественно, оказался под афинским контролем и вошел в состав Делосского союза, всё увеличивавшегося и усиливавшегося.

Иногда считают[71], что в ходе той же экспедиции 471 г. до н.э. Кимон взял у персов Сеет на Геллеспонте. Здесь есть определенная нестыковка. По данным весьма авторитетных Источников *(Herod.* IX. 117 sqq.; *Thuc.* I. 89. 2), Сеет был осво-

[69] *Касаткина Н.А.* Афинские владения... С. 62 — 63.

[70] Совершенно справедливо Г. Берве рассматривает этот период деятельности Павсания в контексте истории греческой тирании. См.: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-н/Д., 1997. С. 224 и след.

[71] См.: например: *Radian E.* From Plataea... P. 100, 211. Менее категорично: *Isaac B.* Op. cit. P. 176-177.

божден флотом под командованием Ксантиппа не позже весны 478 г. до н.э. Почему же его пришлось брать вторично? Разве что предположить, что первое освобождение города оказалось кратковременным и персы вскоре вновь овладели им... Но в традиции о таком развитии событий нет ни слова; почему же мы должны домысливать факты?

Здесь явно вкралось какое-то недоразумение, и идет оно от свидетельства Иона Хиосского (FGrHist. 392. F13)[72], приводимого со ссылкой на рассказ самого Кимона» «Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они не оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние» союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота и выкупных сумм осталось и для казны».

Сам по себе этот колоритный, запоминающийся эпизод, скорее всего, действительно имел место» он вряд ли мог быть выдуман (сочинить такое просто невозможно), тем более что источником сведений о нем является воспоминание автора-современника, а в конечном счете — сообщение самого главного участника событий, Кимона[73]. Но правильно ли во временном и территориальном отношении он приурочен традицией? Некоторые детали заставляют в этом усомниться.

[72] Оно отразилось впоследствии у Плутарха (Cim. 9) и Полиена (I. 34. 2).

[73] Эта стратагема Кимона, описанная Ионом, судя по всему, получила широкий резонанс в греческом мире. Так, под ее впечатлением спартанский царь Агесилай, воюя в начале IV в. до н.э. в Малой Азии, продавал пленных персов обнаженными *(Xen.* Ages. I. 28; *Plut.* Ages. 9).

Обратим внимание на то, что в рассказе речь идет о Сесте *и* Византии, где были захвачены персы, которых делил Кимон. Не говорим уже о том, что эти два пункта находятся довольно далеко друг от друга, так что они не могли стать объектом одной операции, после которой, как было принято, происходил раздел добычи. Важнее другое, откуда в Византии в 471 г. до н.э. вообще взялись персы? Город, как мы видели, находился уже под властью греков, управлял им опальный спартанский регент. У Персии Византий был отвоеван в 478 г. до н.э., и Кимон даже участвовал в этой кампании (в качестве одного из афинских стратегов), однако верховное командование тогда осуществлял и, следовательно, добычей распоряжался отнюдь не он, а Павсаний.

Остается допустить некий lapsus memoriae у Иона: хиосский рапсод сам факт со слов Кимона передал верно, а вот в отношении того, где и когда этот факт имел место, допустил путаницу. Мы предполагаем, что в действительности речь должна идти о ситуации после битвы при Евримедонте. Выскажем этот тезис просто как возможную гипотезу, поскольку его детальная аргументация (с привлечением изображения на «вазе Евримедонта») потребует отдельной работы, а здесь это увело бы нас слишком далеко в сторону.

Кстати, именно к только что упомянутой битве как раз самое время перейти. Здесь мы выходим на самое эффектное из военных свершений Кимона, которое поставило его как полководца просто-таки на недосягаемую высоту. Более того, и в общем масштабе Греко-персидских войн победа при Евримедонте стала самой крупной и самой громкой со времен Саламина и Платей. К сожалению, ввиду неудовлетворительного освещения в источниках хронологии этого периода практически невозможно назвать время сражения с точностью до года. Датировки в исследовательской литературе колеблются от 469 до 466 г. до н.э. (автору этих строк, как и Э. Бадиану, кажется немного более вероятной вторая из этих датировок), и остается утешаться тем, что временной зазор не столь уж велик и может считаться непринципиальным.

Об этой победе Кимона сообщает ряд античных авторов *(Thuc.* I. 100. 1; *Diod.* XI. 60-62; *Plut.* Cim. 12-13; *Polyaen.* I. 34. 1). На основании комбинации содержащихся у них данных вырисовывается следующая общая картина. Афинянам стало известно, что в устье речки Евримедонт (на юго-западном побережье Малой Азии) концентрируются крупные персидские силы, как морские, так и сухопутные, явно предназна-

ченные для вторжения в Эгеиду. Кимон решил нанести упреждающий удар и во главе флота Делосского союза, насчитывавшего около 200 триер, внезапно прибыл к месту дислокации персов, застав противника врасплох. Персы в сложившейся ситуации медлили, ожидая дополнительных сил; им было известно, что из Финикии на помощь идет еще одна эскадра кораблей. Кимон же, напротив, отнюдь не медлил, а действовал со всей возможной быстротой и оперативностью, атаковав превосходящие силы врага. Вначале в морском бою он полностью разгромил базировавшийся у Евримедонта персидский флот, состоявший почти из 350 судов; части этих последних удалось покинуть место сражения, но до 200 кораблей попали в плен. Затем Кимон, высадившись на берег, нанес поражение сухопутному войску персов и захватил их лагерь. Но и этим дело еще не кончилось: афинский командующий сразу же снова вышел в море и разбил подходившую к Евримедонту и упоминавшуюся выше финикийскую эскадру из 80 судов.

Итак, в один и тот же день была одержана «тройная» победа! Случай беспрецедентный в истории античного военного искусства. Есть мнение[74] (представляющееся нам достаточно вероятным), что именно после битвы при Евримедонте был заключен первый «Каллиев мир» с Персией» персидский царь (неясно, был ли это еще Ксеркс или уже Артаксеркс I) после столь сокрушительного поражения решил пойти на прекращение военных действий и согласился на переговоры. Для их ведения в Сузы прибыло афинское посольство во главе с Каллием, сыном Гиппоника (кстати, зятем Кимона)[75]. Детали заключенного тогда мирного договора неизвестны, но не приходится сомневаться в том, что он был выгодным для Афин. Если (как делает Э. Бадиан) попытаться определить его условия по аналогии с позднейшим

[74] *Badian E.* From Plataea... P. 1-72. Там же подробнейшим образом разбираются античные свидетельства о Каллиевом мире и обширная современная историография этого спорного вопроса.

[75] Традиционно Каллиев мир датируют 449 г. до н.э. Однако Геродот (VII. 151) эксплицитно указывает на то, что посольство Каллия имело место в 60-е годы V в. до н.э. Единственно возможным выходом из противоречия является тот, который и предложен Э. Бадианом: признать, что по ходу Греко-персидских войн между Афинами и державой Ахеменидов был заключен не один, а несколько мирных договоров (как минимум два). К этому вопросу см. также: *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГДА. Ч. 1. С. 105—107.

Каллиевым миром 449 г. до н.э., то окажется, что персы давали обязательство не вводить свой флот в Эгейское море. Но здесь мы можем только гадать, что вряд ли конструктивно. Ясно только одно: некоторые греческие полисы Малой Азии пока еще по-прежнему оставались под контролем Ахеменидов.

* * *

Во всяком случае, битва при Евримедонте принесла афинянам много пленных (Диодор говорит о 20 тыс.) и обильную добычу. В результате этой и других побед Кимона в 70-60-е годы V в. до н.э. Афины, подобно Фениксу, восстали из пепла Ксерксовых пожаров и превратились в чрезвычайно богатый город[76]. Бесспорно, «первый гражданин» (а мы уже имеем полное право характеризовать положение Кимона в Афинах именно так) и сам значительно обогатился; полководцу, по нормам греческого военного права, полагалась лучшая и большая, чем остальным, доля добычи. Но свои богатства Кимон (в старинно-аристократическом духе, характерном для эпохи архаики, а в течение V в. до н.э. постепенно сходившем на нет) использовал прежде всего для демонстративных трат во благо сограждан, проявляя ту самую — воистину царскую — щедрость, которая так запечатлелась в памяти афинян (см. об этой щедрости: *Cratin.* Fr. *IKock; Critias.* Fr. 8 DK; *Theopomp.* FGrHist. 115. F89; *Arist.* Ath. pol. 27. 3; *Nep.* Cim. 4; *Plut.* Cim. 10). Все перечисленные свидетельства источников с удивительным единообразием согласуются друг с другом, заставляя полагать, что перед нами не измышленная позже фикция, не анекдот, а реальный исторический факт.

Процитируем, как наиболее детализированное, сообщение Плутарха о стиле политического поведения Кимона в этот период: «...Он велел снять ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться плодами, а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед, хотя и скромный, но достаточный Для пропитания многих. Каждый бедняк, если хотел, приходил на обед и получал пищу и, не будучи вынужден зарабаты-

[76] О богатстве Афин на этом этапе Греко-персидских войн см.: *Vickers M.* Attic Symposia after the Persian Wars // Sympotica: A Symposium on the Symposion. Oxford, 1990. P. 105- 121.

вать себе на пропитание, мог заниматься только общественными делами (! — *И.С.)*... Его постоянно сопровождали двое или трое юношей в богатой одежде, и если им случалось встретить какого-нибудь убого одетого старика из горожан, один из них менялся с ним платьем — зрелище, казавшееся величественным. Те же юноши, щедро снабженные мелкими деньгами, замечая на площади людей бедных, но порядочных, останавливались подле них и молча (σιωπή) вкладывали им в руку несколько монет».

Таков был стиль жизни самого, если можно так выразиться, «аристократичного» из афинских аристократов и его окружения. Назвать ли все это социальной демагогией, популистскими и пропагандистскими действиями, как полагает, например, В.М. Строгецкий?[77] Отчасти, наверное, можно взглянуть и под таким углом, хотя зачем, если занимаешься пропагандой, вкладывать в руку бедняку деньги молча, т.е. тайно? Вроде бы при этом нужно произносить какие-то агитационные лозунги (как и делается в наше время). Это больше похоже на искреннюю благотворительность, нежели на популизм.

Но даже если вести речь о популизме, такая политика отнюдь не рисует Кимона антидемократически настроенным лидером. Он считается (и во многом справедливо) чопорным аристократом и лаконофилом[78]. Но был ли он врагом демоса и демократии? Как показывают некоторые аспекты только что процитированного пассажа, ни в коей мере[79]. Разве враг демоса и олигарх будет заботиться о том, чтобы беднейшие из его сограждан не тратили время на добывание «хлеба насущного», а посвящали себя общественным, полисным делам? Нечто подобное, и с той же самой целью, но только пользуясь иными (государственными) средствами, делал чуть позже и Перикл, вводя мистофорию, «зрелищные деньги» и т.п. Различие (по меньшей мере, во внутриполитической области) между этими двумя политиками, которое обычно абсолютизируется (их представляют непримиримыми антагонистами), оказывается значительно меньшим, чем может показаться на первый взгляд[80]. А вот черты

[77] *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль... С. 38 и след.; *Он же*. Полис и империя... С. 44 и след.

[78] Ср., например: *Cerrato T.* Op. cit. P. 173.

[79] Ср.: *Stein-Hölkeskamp E.* Kimon... S. 164.

[80] О сходных чертах в политических программах Кимона и Перикла см.: *SealeyR.* The Entry of Pericles into History // PSZ. S. 144-161.

сходства несомненны, и в этом нам еще не раз предстоит убедиться.

Сходство это особенно бросается в глаза, когда речь заходит о культурной и строительной политике. Перикла справедливо восхваляют (и в античной, и в современной историографии) как инициатора грандиозной программы возведения общественных построек в Афинах, как человека, сплотившего вокруг себя знаменитый кружок интеллектуалов[81]. Однако, к сожалению, слишком часто забывают, что прямым предшественником Перикла в этом отношении являлся не кто иной, как Кимон[82].

О строительной деятельности Кимона рассказывает Плутарх (Cim. 13). Из этого сообщения мы узнаем, что именно при Кимоне началось строительство знаменитых «Длинных стен» — системы оборонительных сооружений, которая связала Афины своеобразным «коридором» с портом Пиреем и тем самым сделала их всегда обеспеченными подвозом всего необходимого с моря и, следовательно, практически неуязвимыми для любой сухопутной осады. «Длинные стены» вошли в историю как одно из «великих дел» Перикла; но в действительности план постройки, как видим, принадлежит Кимону, а Перикл лишь завершил уже начатое[83]. Перед нами — далеко не единственный пример того, как «Периклов век» своим блеском как бы заслонил то, что расцветало непосредственно перед ним и что позволительно назвать «Кимоновым веком»[84].

[81] Впрочем, в западной исследовательской литературе самых последних лет все чаще высказывается и аргументируется скептицизм по отношению к традиции о «культуртрегерстве» Перикла. См., например: *Städter Ph.* Pericles among the Intellectuals // Illinois Classical Studies. 1991. Vol. 16, N 1/2. P. 111-124; *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995. S. 59 u. folg.; *Idem.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 309 u. folg.

[82] А предшественниками их обоих на ниве строительства и культурного развития были (напомним справедливости ради) Писистрат и Писистратиды. Сравнение Кимона с Писистратом см. в раб.: *Domingo Gygax M.* Peisistratos und Kimon: Anmerkung zu einem Vergleich bei Athenaios // Hermes. 2002. Bd. 130. S. 245-249.

[83] Причем не слишком-то торопился. Ср. *Cratin. Fr.* 300 *Kock* (как раз по этому поводу): «Перикл уже давно все строит на словах, а дела не видать».

[84] Ср.: *Delvoye Ch.* Op. cit. P. 801. Есть мнение, что даже работы над Парфеноном начались при Кимоне, а Перикл их лишь продолжил. См.: *Кузнецов* В.Д. Организация общественного строительства в Древней Греции. М., 2000. С. 39.

Тогда же была возведена южная стена на Акрополе (необходимость укреплять главную городскую цитадель представлялась очевидной для всех после нашествия Ксеркса). Однако Кимон не ограничивался постройками чисто утилитарного (оборонительного или иного) характера; он внес значительный вклад в благоустройство города и его окрестностей. Он, по словам того же Плутарха, «первый отвел и благоустроил места, где можно было проводить время в утонченных и достойных свободных граждан занятиях и беседах; городскую площадь он обсадил платанами, Академию[85] же, до того лишенную воды и запущенную, превратил в обильно орошаемую рощу с искусно проведенными дорожками для бега и тенистыми аллеями. Эти места составили украшение города и в скором времени чрезвычайно полюбились афинянам».

Из только что процитированного отрывка обратим особое внимание на слова о городской площади. Имеется в виду, конечно, афинская Агора. Эта площадь на протяжении всего V в. до н.э. постоянно и существенно изменялась. Такое положение более чем естественно: история классической афинской демократии и история Агоры самым теснейшим, неразрывным образом связаны друг с другом. В известном смысле можно сказать, что они — одно[86]. В период правления демоса к Агоре, ставшей главным центром общественной жизни полиса, начали в той или иной степени тяготеть основные центры власти.

Уже в период реформ Клисфена на площади был возведен ряд построек публичного назначения. Среди них — булевтерий (помещение для заседаний булевтов, членов Совета Пятисот)[87], здание государственного архива, а также Царская стоя — портик, в котором занимался исполнением своих обязанностей архонт-басилей[88]. После побед над персами, когда доходы Афин возросли, обустройство Агоры продолжалось. Кимон не только обсадил ее платанами, как пишет Плутарх; он сделал большее. По данным археологических раскопок известно, что как раз в годы его лидерства, в 60-е годы V в. до н.э., на главной площади, на ее западной стороне, появилась оригинальной формы, круглая в плане постройка — Толос. В ней постоянно, круглосуточно находились пританы — «дежурные» члены Совета.

А на северной стороне Агоры при Кимоне была воздвигнута одна из самых зрелищных и знаменитых построек Афин — Расписная стоя (Στοά ποικίλη). Этот портик возводился на средства Писианакта из рода Алкмеонидов, близкого родственника жены Кимона Исодики. Очевидно, в это время между Алкмеонидами и Филаидами сохранялись еще добрые отношения, и памятник, о котором идет речь, призван был манифестировать эту дружбу.

Но славой своей Стоя была обязана прежде всего картинам, которые в ней висели и из-за которых она, собственно, и стала называться «расписной». Картины эти принадлежали кисти Полигнота Фасосского — крупнейшего живописца первой половины V в. до н.э. (о нем см. *Plin.* Nat. hist. XXXV. 58 — 59), — а также афинских мастеров Микона, Панена (брата Фидия) и др. Сюжеты картин, изображавших различные сражения (см. наиболее подробное описание: *Paus.* I. 15), в основном брались из мифов. Однако в портике была воспроизведена и одна реальная, историческая битва, — разумеется, Марафонская. Здесь, нужно полагать, не обошлось без личных пристрастий Кимона. На первом плане картины выделялся его отец Мильтиад, ободряющий воинов и подающий знак к битве. А из прочих участников сражения был специально выделен, не считая мифологических героев, лишь погибший в нем полемарх Каллимах. В целом росписи Стои[89], бесспорно, следует считать хорошим образцом монументальной пропаганды раннеклассической эпохи.

[85] Это та самая Академия, в которой позже, в IV в. до н.э., открыл свою философскую школу Платон и название которой стало нарицательным.

[86] Важнейшие работы об Агоре см.: *Wycherley R.E.* Literary and Epigraphical Testimonia (The Athenian Agora. V. 3). Princeton, 1957; *Thompson H.A., Wycherley R.E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center (The Athenian Agora. V. 14). Princeton, 1972; *Kolb F.* Agora und Theater, Volks- und Festversammlung. B., 1981; *Camp J.M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986; The Athenian Agora: A Guide to the Excavations and Museum: 4th ed. Athens, 1990; *Shear T.L.* Ισόνομους τ' Αθήνας έποιησάτην: The Agora and the Democracy // AAAD. P. 225-248.

[87] *Miller S.C.* Old Metroon and Old Bouleuterion in the Classical Agora of Athens // Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1995. P. 133-156.

[88] *Wycherley R.E.* The Stoa Basileios //JHS. 1940. Vol. 60. P. 95-96.

[89] В очередной раз имя «необразованного: Кимона парадоксальным образом оказывается связанным с историей античной философии. Выше говорилось, что он фактически создал рощу Академии, давшую название древнейшей и самой знаменитой афинской философской школе. А в расписанной по его заказу Стое впоследствии начал учить Зенон из Кития, Положив начало другой школе, которая была соответственно названа «стоической».

Вокруг Кимона, как позже вокруг Перикла, сформировался кружок видных деятелей культуры. Вне сомнения, входили в этот кружок перечисленные выше художники, расписывавшие Стою. В отношении Полигнота это сообщается эксплицитно *(Plut.* Cim. 4)[90]» судя по всему, он был в доме Кимона настолько «своим человеком», что по Афинам даже ходили сплетни об интимных отношениях живописца с Эльпиникой.

Принадлежал к кругу Кимона также натурфилософ Архелай *(Plut.* Cim. 4). Это несколько «теневая» фигура в истории философии, о нем мало что известно (вплоть даже до того, что неясно, был ли он уроженцем Афин или Милета). Однако об Архелае сообщается весьма важная деталь *(Diog. Laert.* II. 16)» он был учеником Анаксагора и учителем Сократа. Таким образом, за этим мыслителем следует все-таки зарезервировать определенное, достаточное значимое место в эволюции философских учений, он выступил в роли «связующего звена» между первой в Греции милетской школой философии[91], занимавшейся исключительно поисками «начал» мироздания, и деятельностью Сократа, который в молодости тоже отдал дань натурфилософским изысканиям, но впоследствии отказался от них и всецело посвятил себя этической проблематике. Потому-то Диоген Лаэртский и пишет (может быть, с чрезмерной категоричностью), что на Архелае «закончилась физическая философия».

Близок к Кимону был также писатель Ферекид, историк, мифограф и генеалог, которого Ф. Якоби назвал «первым

[90] Ср.: *Hölscher T.* La Nike dei Messeni e dei Naupatti a Olimpia. Arte e storia della fine del V secolo // EP. P. 99.

[91] Нам трудно согласиться с ключевым тезисом, последовательно проводимым в чрезвычайно интересной работе: *Шичалин Ю.Л.* История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000. Согласно этому тезису, милетская школа философии вообще представляет собой историографическую фикцию и в реальности не существовала, а на самом деле первой в истории философской школой была пифагорейская. Ни в коей мере не желая принизить роль Пифагора и пифагорейцев в процессе институционализации греческой философии, не можем, однако, не задаться вопросом: если милетская школа не существовала, в расчете на какую аудиторию создавали свои прозаические произведения Анаксимандр, Анаксимен и др.? Для широкой публики (как впоследствии «просветители»-софисты)? Но для этого творения первых натурфилософов слишком сложны. Понятно, что милетская школа, будучи *самой первой,* обладала большинством признаков школы еще в начальной, зачаточной форме, а уже впоследствии пифагорейцы довели эти признаки до значительно большей степени развития.

афинским прозаиком»[92]. Ферекид входил в окружение Филаидов, возглавлявшихся Кимоном, и опубликовал подробную родословную этого афинского рода *(Pherec.* FGrHist. 3 F2). Данная родословная, дошедшая до нас (впрочем, не без некоторых искажений) через посредство позднеантичного автора Маркеллина (Vita Thuc. 2 — 3), включала в себя длинный ряд имен (от легендарного Аякса Саламинского до вполне реальных афинских деятелей позднеархаического времени — Гиппоклида, Мильтиада Старшего и других) и, таким образом, призвана была связать воедино славное прошлое Филаидов с его не менее блистательным настоящим. Нам представляется не случайным подобный интерес к генеалогическим вопросам со стороны Кимона, который, скорее всего, лично заказал Ферекиду этот труд. В период демократизации полиса самый яркий представитель афинской аристократии стремился в меру своих возможностей противостоять нарастающим эгалитарным тенденциям, а для этого стоило лишний раз напомнить демосу о своем неординарном происхождении.

Теперь — о Фидии. Величайший скульптор античной Эллады, как правило, рассматривается в историографии в контексте «кружка Перикла», к которому он, несомненно, принадлежал на позднем этапе своей деятельности. Однако творческая активность Фидия охватила несколько десятилетий, и в ее начале он также бесспорно входил в кружок Кимона[93] (как мы видели чуть выше, к этому кружку принадлежал и родной брат скульптора — художник Панен). Именно для Кимона и по его заказу были созданы первые крупные работы Фидия. Уже упоминалась его скульптурная группа, поставленная в Дельфах и направленная не в последнюю очередь на прославление Филаидов и персонально Мильтиада. Временем Кимона датируются и еще некоторые из

92 О Ферекиде и его генеалогии Филаидов см.: *Jacoby F.* Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956. S. 116 u. folg.; *Davies J.K.* Athenian Propertied Families... P. 293 ff.; *Frost F.J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // RPAGW. P. 87; *Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82, H. 2. S. 335 — 343. Интересующего нас здесь Ферекида не следует путать с Ферекидом Сиросским — «мудрецом» VI в. до н.э., представителем «предфилософии» и будто бы учителем Пифагора (об этом Ферекиде см. *Diog. Laert.* I. 116 sqq.).

[93] *Delvoye Ch.* Op. cit. P. 803; *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P. 73 ff.

прославленных Фидиевых работ. Среди них, в частности, колоссальная бронзовая статуя Афины на Акрополе — Афина Промахос, а, кроме того, так называемая Афина Лемния (дошедшая в позднейших копиях и единодушно признаваемая одним из лучших произведений Фидия). А в том, что в последующие десятилетия, после смерти Кимона, скульптор оказался в кружке Перикла, нет ничего удивительного. Такова уж была специфика его работы: задуманные им проекты, в большинстве своем грандиозные и дорогостоящие, требовали для своей реализации весьма значительного финансирования, и в этих условиях близость к «первому гражданину» полиса (кто бы им ни был) становилась отнюдь не лишней.

Еще один член «кружка Кимона» — поэт Меланфий (*Plut.* Cim. 4), работавший в жанрах элегии и трагедии. О нем долго говорить не приходится, он малоизвестен и занимает достаточно периферийное место в истории античной литературы. Совсем другое дело — великий Софокл. Подчеркнем еще раз со всей возможной категоричностью то, о чем нам не раз уже приходилось писать[94]: вопреки широко распространенному мнению, этот драматург *никогда* не принадлежал к кругу Перикла, напротив, находился с ним скорее в напряженных отношениях. В частности, в плане мировоззренческих установок Софокл и Перикл были, по сути дела, антиподами[95]. Самая знаменитая трагедия Софокла «Эдип-царь», написанная и поставленная в начале Пелопоннесской войны, содержит имплицитную критику Перикла[96]. На чем же основана аберрация, сближающая Перикла и Софокла? Называя вещи своими именами — на одном-единственном факте: оба они одновременно были стратегами в 440 — 439 гг. до н.э., при подавлении восстания на Самосе. Однако это обстоятельство ни в коей мере не может служить доказательством дружбы между ними. Неоднократно вместе с Периклом становился стратегом афинский политик Гагнон (отец Ферамена), а между тем он, несомненно, был противником Перикла и в конце жизни последнего даже ратовал за судебный процесс над ним *(Plut.* Pericl. 32). Кстати, сам Перикл тоже не очень-то благоволил к Софоклу и однажды во время самосской кампании публично сделал ему строгое замечание (Ibid. 8).

Итак, «Софокл и Перикл» — в корне неверная перспектива. А вот «Софокл и Кимон» — верная[97]. Хорошо известно, что в начале своей творческой деятельности, пришедшемся как раз на 60-е годы, молодой трагедиограф пользовался покровительством и поддержкой тогдашнего лидера Афин[98]. Особенно показателен эпизод, имевший место в 468 г. до н.э. и донесенный до нас Плутархом (Cim. 8): «Софокл, тогда еще юноша, ставил свою первую пьесу, и архонт Апсефион, заметив несогласия и споры между зрителями, не стал бросать жребий для избрания судей, но, когда Кимон, войдя в театр со своими сотоварищами-стратегами, совершил установленные возлияния богу, остановил их и, приведя к присяге, заставил сесть и судить состязание — всех десятерых, так что каждый оказался представителем одной из фил... Победил Софокл, а Эсхил, опечаленный и удрученный,... с досады уехал в Сицилию».

В этом интереснейшем рассказе несколько нюансов привлекают особое внимание. Во-первых, сразу бросается в глаза, каким колоссальным авторитетом пользовался Кимон в Афинах в рассматриваемый здесь период: ради него сограждане даже сочли возможным отступить от устоявшегося способа избрания судей для состязаний драматургов. Во-вторых, создается впечатление, что в данном случае (как и нередко в афинской истории) событие, относящееся, казалось бы, всецело к сфере культуры (постановка трагедий на Великих Дионисиях) послужило ходом в политической борьбе. Софокл, начинающий автор, благодаря Кимону победил не кого-нибудь, а прославленного Эсхила, до того долгие годы

[94] *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 26, 33 - 34; *Он же.* Аттическая трагедия... С. 190— 191; *Он же.* Из истории греческой аристократии... С. 198—199, 206 — 208; *Он же.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М.,2002. С. 267 — 268.

95 Что убедительно показано в монографии: *Ehrenberg V.* Sophokles und Perikles. München, 1956.

96 *Macurdy C.H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863-910 // CIPh. 1952. Vol. 37, N 3. P. 307-310; *Schachermeyr F.* Sophokles und die perikleische Politik // PSZ. S. 359 — 378; *Redfield J.* Drama and Community: Aristophanes and Some of his Rivals // NDD. P. 325.

[97] Отмечается близость Софокла к художнику Полигноту. См.: *Padel R.* Making Space Speak // NDD. P. 349, 352, 357. А Полигнот, несомненно, принадлежал к кружку Кимона, как мы видели выше.

[98] О взаимных политических симпатиях Софокла и Кимона см.: *Fuscagni S.* La condanna di Temistocle e Г A/ace di Sofocle // RIL. 1979. Vol. 113. P. 167-187; *Cerrato T.* Op. cit.; *Podlecki A.J.* Polis and Monarch in Early Attic Tragedy // Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986. P. 86-87.

безраздельно царившего на театральной сцене. Для уяснения политических импликаций этого факта необходимо помнить, что Эсхил являлся сторонником Перикла 99, поддерживал его линию в общественной жизни. Пути трагедии и пути политики в демократических Афинах V в. до н.э. шли бок о бок, как нам уже довелось видеть в одной из предыдущих глав, на примере отношений Фемистокла и Фриниха. И вот — очередной случай их прямого соприкосновения, кстати, свидетельствующий, помимо прочего, о том, что Перикл уже в 60-е годы являлся серьезной политической фигурой, которую даже Кимону приходилось принимать в расчет, нанося «упреждающие удары» — пока таким вот косвенным образом.

Как бы то ни было, «культурный кружок» Кимона выглядит весьма представительным, особенно если учитывать, что блестящая афинская культура классической эпохи в его время находилась еще в стадии становления, делала свои первые шаги, а ее главные успехи, были впереди. Не будет преувеличением сказать, что при Кимоне в целом ряде отношений был заложен фундамент для этих грядущих успехов.

* * *

Как в культурной сфере, так и в области механизмов политической власти Кимон может считаться прямым предтечей Перикла. Ему удалось в условиях демократии на довольно длительный период стать фактически единоличным «неформальным лидером» государства, пользовавшимся всеобщим авторитетом, и впоследствии это — но только на протяжении еще более продолжительного времени — повторил Перикл. Обратим внимание на то, что и институциональное оформление власти обоих было одинаковым; как тот, так и другой «первый гражданин» год за годом бессменно занимали должность стратега и, опираясь на это, проводили свою политику. А между тем подобный механизм, вообще говоря, отнюдь не очевиден: ведь стратеги изначально по своим функциям — чисто военные магистраты, а не какое-то «правительство» полиса со всеобъемлющими полномочиями. Приблизительно до 480 г. до н.э. не они, а скорее архонты

[99] См.: *Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. №1. С. 15-24 (со ссылками на предыдущие работы по данной проблематике, как наши, так и других авторов).

определяли политическую линию государства. Равным образом в IV в. до н.э. их роль снова снизилась, они отодвинулись на второй план по сравнению с «риторами»-демагогами *(Demosth.* XIII. 20)[100]. А промежуточный этап, период Пентеконтаэтии и Пелопоннесской войны, — воистину «время стратегов». И первым государственным деятелем, в широких масштабах пользовавшимся этим институциональным механизмом, был именно Кимон[101].

В качестве руководителя полиса Кимон определял и его внешнюю политику. Имеет поэтому смысл чуть подробнее остановиться на общей внешнеполитической концепции интересующего нас деятеля. Об одном из элементов этой концепции уже упоминалось выше: это — ярко выраженная ориентация на Спарту. Кимон имел репутацию убежденного лаконофила, и репутацию во многом справедливую. Не следует только забывать об одном важном нюансе: Кимон, безусловно, симпатизировал Спарте, но лишь до того предела, пока это не вступало в противоречие с афинскими интересами. В случае же открытого столкновения этих интересов он делал вполне однозначный выбор в пользу своего полиса, как это показала, в частности, битва при Танагре (457 г. до н.э.), о которой речь еще пойдет в дальнейшем.

Кимона с полным основанием можно назвать панэллински мыслящим государственным деятелем, что проявляется, помимо прочего, в такой неожиданной сфере, как ономастика. Как мы видели выше, говоря о сыновьях Кимона, некоторым из них он дал имена с явным «геополитическим» подтекстом. Имянаречение подобного характера происходило вполне сознательно; рассматривая его семантику, приходим к выводу, что Кимон вынашивал далеко идущие стратегические планы, в которых свое место занимали и Спарта, и Фессалия[102], и греческие земли на Востоке.

100 *Mosse C.* La classe politique ä Athenes au I V ' " ' siede // AD. P. 72.

[101] Самый первый в афинской истории случай, когда стратег получил преобладание над архонтом, относится к 490 г. до н.э.: в период подготовки и проведения Марафонского сражения отец Кимона Мильтиад всецело отодвинул на второй план своего «непосредственного начальника» — архонта-полемарха Каллимаха. Тогда это было обусловлено совершенно конкретными обстоятельствами, но впоследствии пример Мильтиада явно послужил образцом для его сына.

[102] Род Филаидов в целом обладал развитой сетью связей на севере Эгеиды. Соответственно, его представители в V—IV вв. до н.э. не раз использовались для дипломатических миссий в северном направлении (в Фессалию, Македонию, Фракию). См.: *Суриков И.Е.* Два очерка... С. 101.

Кимон в большей степени, чем кто-либо другой, был создателем системы афино-спартанского дуализма. Сам он выразил идею этой системы в красивом (и чрезвычайно характерном для его аристократического склада мышления) образе Эллады как упряжки, ведомой двумя лошадьми — Афинами и Спартой *(Plut.* Cim. 16). Подрыв дуализма, по его мнению, был чреват тем, что Греция «охромеет». Следует сказать, что его слова оказались пророческими: как только относительно мирное равновесие между двумя греческими полисами оказалось нарушенным, как только на смену дуализму пришел открытый вооруженный конфликт «не на жизнь, а на смерть», — положение греческого мира в целом, как внешнее, так и внутреннее, резко ухудшилось; изменившаяся ситуация на межгосударственной арене стала катализатором кризисных явлений.

Кимон не просто субъективно симпатизировал спартанцам и не желал вражды с ними. Он, конечно, прекрасно понимал, что такая вражда, отвлекла бы от более важной цели — войны против Персии. А ведь главным делом жизни Кимона стало именно противостояние державе Ахеменидов, а также тесно связанное с этой задачей упрочение Делосского союза — организации, созданной при непосредственном участии главы Филаидов. Характерно и, надо полагать, не случайно, что практически сразу же после смерти Кимона Греко-персидские войны были окончены[103]. Сам же он до последних дней жизни вел с Персией самую решительную борьбу, в ходе которой, как увидим, и застала его кончина.

Судя по всему, для Кимона существование Афинской симмахии нуждалось в определенном оправдании, каким, бесспорно, было продолжение военных действий против державы Ахеменидов. Кимон, как один из создателей Делосского союза, хорошо помнил, что он учреждался именно для борьбы на персидском фронте, а не просто для удовлетворения властных амбиций Афин.

В целом можно говорить о том, что внешнеполитическая концепция Кимона была по своему характеру весьма широкой. Он выступал как политик, мыслящий панэллинскими категориями. Борьба эллинов против Персии до полной победы, поддержание с этой целью прочного общегреческого единства с равно почетным статусом нескольких наиболее

[103] Ср.: *Wade-Gery H/T.* The Question of Tribute in 449/8 B.C. // Hesperia. 1945. Vol. 14, N 3. P. 228-229.

сильных государств — таковы были основные составляющие его идей на международной арене. Он, конечно, как и все современные ему политики Афин, являлся патриотом родного полиса, но для него, помимо Афин, существовала и вся остальная Эллада, в которой существовали и Спарта, и Фессалия, и другие значительные центры силы; считаться с ними, в понимании Кимона, не просто было необходимо, но и составляло неотъемлемую часть аристократического «кодекса чести».

Впрочем, в демократическом афинском полисе рассматриваемого периода у «первого гражданина» не имелось достаточных институциональных механизмов, позволявших последовательно проводить именно свой собственный внешнеполитический курс. Принципиальная линия государства на этой арене определялась народным собранием, а на это последнее Кимон мог влиять в каких-то случаях, но не во всех. В результате, ведя в качестве стратега одну кампанию за другой, он в одних обстоятельствах действовал в согласии со своими взглядами, в других же — вопреки им. А выполнять волю демоса все равно приходилось, иначе даже бесспорный лидер Афин не был застрахован от опалы. Именно это продемонстрировали события, имевшие место ближе к концу 60-х годов V в. до н.э. «Первой ласточкой» изменения отношения сограждан к Кимону в худшую сторону стало «фасосское дело» (о нем см.: *Thuc.* I. 100— 101; *Arist.* Ath. pol. 27. 1; *Diod.* XI. 70. 1; *Nep.* Cim. 2; *Plut.* Cim. 14-15).

Остров Фасос в Северной Эгеиде, близ фракийского побережья, считался одним из наиболее сильных и богатых членов Афинского морского союза. Не случайно на всем продолжении существования симмахии вносимая им сумма фороса была самой крупной (до 30 талантов в год). Богатство Фасоса зиждилось прежде всего на месторождениях драгоценных металлов, которые имелись как на самом острове, так и в принадлежащих ему владениях на материке[104]. Около 465 г. до н.э. Фасос поднял восстание против афинского господства, заявив о своем выходе из союза. Если верно высказанное выше предположение, что после битвы при Евримедонте был заключен первый мирный договор между Афинами и Персией, это многое объясняет: в таком случае жители

[104] Такие материковые владения (так называемая «перея») имелись у некоторых наиболее сильных в военном отношении островов Эгейского моря: помимо Фасоса, также у Самоса, Родоса и др.

Фасоса, посчитав, что союз выполнил свою функцию, после наступления мира не видели смысла в его дальнейшем существовании.

Не так, однако, считали афиняне, отнюдь не желавшие отказываться от столь «лакомого кусочка», каким был Фасос. К острову направили эскадру во главе с Кимоном. Полководец разгромил непокорных островитян в морском сражении, после этого высадился на остров и приступил к осаде города — центра фасосского полиса. Осада затянулась, как это обычно и бывало в связи со слабыми сторонами военного дела в греческом мире классической эпохи: одной из таких слабых сторон как раз являлось недостаточное развитие полиоркетики, тактической дисциплины, трактующей о взятии укрепленных городов. В конечном счете фасосцам пришлось-таки сдаться; правда, произошло это, по сообщению Фукидида (I. 101. 3), только на третий год осады, т.е. уже в 463 г. до н.э. Побежденным были продиктованы суровые условия капитуляции, в том числе отказ в пользу Афин от своих материковых владений.

Кимон в очередной раз победителем вернулся на родину. Однако там ему (при сдаче очередного годичного отчета о деятельности на посту стратега) пришлось предстать перед судом и защищаться перед лицом тяжелых, хотя и голословных обвинений. Противники Кимона утверждали, что он мог бы добиться еще более значительных результатов, а именно «напасть на Македонию и отторгнуть значительную часть ее» *(Plut.* Cim. 14). А не сделал он этого якобы потому, что принял взятку от македонского царя Александра I. У афинян явно начиналось «головокружение от успехов», умело подогреваемое политиками из противоположного Кимону лагеря.

На этот раз лидер Филаидов был оправдан. Но уже сам факт судебного процесса над ним продемонстрировал: его позиции, ранее непоколебимые, несколько пошатнулись, политическое влияние пошло на спад. Ему были незамедлительно поставлены в вину допущенные ими (действительные или мнимые) просчеты в ведении военных действий, но причины возрастающей неприязни сограждан лежали, конечно, глубже. Роль Кимона в полисе должна была казаться демосу уже слишком возросшей, несовместимой с принципами демократии и чреватой опасностью тирании (хотя у самого этого политика, насколько можно судить, и в мыслях ничего подобного не имелось). Вряд ли стоит списывать со счетов и

субъективный фактор» афинянам со временем «приелся» человек, который в течение длительного срока находился во главе государства.

Соответственно, укрепилось положение противников Кимона. Кто входил в их число в 60-е годы V в. до н.э. и, прежде всего, кто их возглавлял? Обычно считается, что это был Эфиальт. Однако, насколько можно судить, реальная роль этой фигуры, зачастую изображаемой едва ли не как «вождь всех демократических сил», существенно преувеличена в историографии[105]. Характерно, что ни один источник V и IV вв. до н.э., вплоть до «Афинской политии» Аристотеля, не упоминает даже имени Эфиальта как лидера группировки или просто видного политика. Не случаен, думается, и тот факт, что ни на одном (!) остраконе пока что не встретилось имя Эфиальта. Очевидно, он не рассматривался афинскими гражданами как лицо, потенциально подлежащее остракизму. А жертвами этой процедуры становились именно ведущие государственные деятели.

Собственно, известно об Эфиальте очень немногое. Как раз во второй половине 60-х годов он занимал должность стратега *(Plut.* Cim. 13) — но этого явно недостаточно для того, чтобы претендовать на значимую политическую роль. Например, такие афиняне, как Гагнон (отец Ферамена) или Сократ из Анагирунта, были стратегами даже по много раз, но никто не причисляет их к «первому эшелону» политической элиты. Далее, Эфиальт выступал обвинителем в нескольких нашумевших политических процессах и (самый известный факт из его биографии) выдвинул проект знаменитого постановления о реформе Ареопага. Впрочем, не исключено, что в действительности за его спиной стоял кто-то другой, скорее всего Перикл *(Plut.* Pericl. 7, 9)[106]. Иными словами, Эфиальт был политическим деятелем примерно такого же уровня, как, например, Клеарх, Фудипп и десятки дру-

[105] См.: *Sealey R.* Ephialtes // ClPh. 1964. Vol. 59, N 1. P. 11-22; *Ruschenbusch E.* Ephialtes // Historia. 1966. Bd. 15, H. 3. S. 369-376 (в этих работах проводится определенная «демифологизация» Эфиальта, уточнение действительных, довольно скромных, масштабов его политической Деятельности).

[106] *Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы»... С. 22 — 23. В. Билль пытается доказать, что Перикл вплоть до 450 г. до н.э. вообще не **Играл** практически никакой роли в политической жизни Афин *(Will W.* Perikles... S. 42 u. folg.), однако его доводы не представляются убедительными.

гих — тех, кто, выполняя распоряжения истинного вождя, входил в Совет Пятисот и экклесию с проектами псефисм. Вряд ли он являлся фигурой, сопоставимой по своей роли в полисе с Кимоном.

С большей степенью вероятности лидером (или, по крайней мере, одним из лидеров) оппозиции Кимону можно назвать Перикла, который в то время еще не отошел от Алкмеонидов и действовал в рамках их группировки[107]. Обычно считается, что Перикл в тот период, о котором идет речь, был еще слишком молод для того, чтобы выступать в качестве одного из ведущих политических деятелей в государстве (тридцать с небольшим лет). Однако же традиция *(Arist.* Ath. pol. 27. 1; *Plut.* Cim. 14; Pericl. 10) сообщает о том, что Перикл выступал в качестве одного из основных обвинителей Кимона на суде по «фасосскому делу». А Стесимброт (FGrHist. 107. F5), современник или почти современник событий, даже указывает, что Перикл являлся самым влиятельным представителем обвинения (των κατηγόρων ὁ σφοδρότατος). Кстати, Кимон был оправдан не 'в последнюю очередь потому, что Перикл проявил на суде странную пассивность. По городу ползли слухи, что сестра Кимона Эльпиника тайно ходатайствовала перед Периклом за брата. Верить ли этим сплетням или нет — это совершенно не принципиально; во всяком случае, надлежит помнить, что Перикл и Кимон были совсем недавними союзниками, к тому же связанными узами свойств?. Им было легче, чем кому-либо, найти общий язык и достичь примирения. Однако в целом к тому моменту, о котором сейчас идет речь, альянс Алкмеонидов и Филаидов уже распался. Он в свое время создавался на основе «негативного консенсуса» для борьбы с Фемистоклом и, соответственно, не мог быть очень долговечным. Ситуация вернулась к традиционной для двух влиятельнейших родов вражде.

Еще одним лидером противостоявшей Кимону политической группировки считался, несомненно, Алкивиад Старший, дед столь известного впоследствии Алкивиада. Кстати, он был примерно тогда же, когда и Кимон, подвергнут остракизму[108]. Известно, что Алкивиад Старший разорвал наследственные ксенические узы, связывавшие его со спартанцами *(Thuc.* V. 43. 20). Не возникает никаких сомнений по поводу того, когда именно это произошло: в конце 60-х годов, когда резко обострились афино-спартанские отношения и в интересах борьбы с лаконофилом Кимоном его противникам нужно было как можно более демонстративно дистанцироваться от Спарты. Афинская политическая жизнь вновь, как в 80-е годы, приобретала биполярный характер; параллельно обострялись противоречия внутри гражданского коллектива по внешнеполитическим вопросам. Противостояние «лаконофилов» (Кимон и его окружение) и «лаконофобов» (Алкивиад Старший, Эфиальт, Перикл и другие противники Кимона) стало одним из ключевых вопросов повестки дня. В конечном счете демосом был избран курс на решительную конфронтацию со Спартой, а это, в сущности, решало судьбу Кимона — и не в его пользу.

«Каплей, переполнившей чашу», поводом для открытого проявления давно нараставшей оппозиции внешней политикой Кимона стал один из самых ярких и, можно сказать, скандально известных эпизодов греческой истории середины V в. до н.э. Речь идет об афинской военной помощи спартанцам в подавлении восстания мессенских илотов. Об этом эпизоде упоминает уже Аристофан (Lysistr. 1137 sqq.), а два главных, наиболее подробных рассказа о нем принадлежат Фукидиду (I. 102) и Плутарху (Cim. 16— 17)[109]. Между этими рассказами обнаруживаются очень серьезные фактологические расхождения. Самое главное — Фукидид сообщает об одном походе афинского войска, возглавляемого Кимоном, на Пелопоннес, а Плутарх — о двух. Как правило, в историографии предпочитается версия Фукидида как более близкого по времени и в целом слывущего весьма точным автора; Плутарх же, как считают, по небрежности дважды рассказал об одном и том же событии. Однако Плутарх — не Непот; херонейский биограф тоже обычно весьма ответственно подходил к имевшимся в его распоряжении фактам и не допускал немотивированной путаницы.

Э. Бадиан, очень подробно рассмотрев вопрос[110], пришел к аргументированному выводу о том, что здесь перед нами один из тех случаев, когда Плутарх, хоть и отделенный от

[107] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 22-25.

[108] Об остракизме Алкивиада Старшего и его датировке см.: *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. Vol. 21, N 1. P. 1-8.

[109] Ср. также: *Diod.* XI. 64. Однако это сообщение Диодора не привносит в наши знания по рассматриваемому сюжету ничего нового.

[110] *Badian E.* From Plataea... P. 89 ff.

описываемых им событий, несколькими веками, сохранил более полную и надежную информацию, чем Фукидид. Соответственно, именно на его версию следует опираться в понимании всего эпизода. В частности, она гораздо лучше согласуется с теми данными, которые есть у Аристофана, а этими данными никак нельзя пренебрегать: комедиограф писал тогда, когда еще живы были некоторые люди, заставшие Кимона. Доводы Бадиана нас вполне убедили, и при дальнейшем изложении мы будем отталкиваться именно от них.

Еще в 469/468 г. до н.э. в Спарте случилось разрушительное землетрясение, на время приведшее спартиатов в состояние растерянности. Этим воспользовались илоты покоренной Мессении, подняв крупномасштабное восстание против спартанского владычества (данное восстание часто называют Третьей Мессенской войной). Спартанские власти, осознавая, что сами они не в силах сразу справиться с неожиданно возникшей опасностью, обратились за военной помощью к полисам, находившимся в союзе и дружбе со Спартой. В числе прочих предложение помочь получили и Афины, которые в период преобладающего влияния Кимона поддерживали с Лакедемоном дружественные и доброжелательные контакты. Спартанцы в этот период, насколько можно судить, были близки к панике. Это ярко отразилось в описании Аристофаном поведения спартанского посла Периклида, прибывшего в Афины:

... Алтари афинские
С мольбою обнял Периклид-лаконянин,
Бледнее снега, хоть в одежде пурпурной,
И помощи просил.

В экклесии, естественно, разгорелись ожесточенные дебаты по вопросу о высылке на Пелопоннес вспомогательного контингента. Сущность дискуссии Плутарх (Cim. 16) излагает следующим образом: «В то время как Эфиальт старался этому воспрепятствовать и заклинал народ не помогать спартанцам, чтобы не дать подняться городу, во всем противодействующему Афинам, а оставить его поверженным, с растоптанной в прах его гордыней, Кимон, как говорит Критий, ради лакедемонян поступившись возможностью возвеличить собственное отечество[111], склонил народ на свою сторону...». Сделать ему это было тем легче, что в первой половине 60-х годов V в. до н.э. он находился в зените своего могущества. Кимон сам весной 467 г. до н.э. отправился во главе отряда афинян на помощь Спарте против илотов и оказал требуемое содействие. Непосредственная опасность для лакедемонской политии со стороны восставших была ликвидирована; однако очаги восстания продолжали еще тлеть в Мессении. Инсургенты сделали своей базой главную мессенскую твердыню — крутую и неприступную гору Ифому, — где держались еще несколько лет ввиду всем известного неумения спартанцев брать укрепления.

На этой последней фазе Третьей Мессенской войны спартанцы первоначально надеялись справиться самостоятельно, тем более что теперь вопрос уже стоял не о борьбе за собственное существование, а о том, чтобы добить ослабленного противника. Однако, поскольку осада Ифомы затянулась, властям Спарты пришлось-таки вновь обращаться в Афины за помощью, «главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в осадном деле», как отмечает Фукидид (I. 102. 2). Афинским контингентом снова командовал Кимон; эта его вторая пелопоннесская кампания датируется весной 462 г. до н.э. Она оказалась далеко не столь блестящей, как первая. Даже при участии афинян овладеть Ифомой не удавалось, что и не удивительно: мессеняне держались с мужеством обреченных. В этих условиях лакедемоняне приняли решение отказаться от услуг афинского отряда и отослать его на родину. Какими бы причинами реально ни был вызван этот шаг[112], в обстановке тех лет он выглядел странным, двусмысленным и породил настоящую внешнеполитическую «бурю»» благодаря ему совершенно изменилась обстановка на межгосударственной арене Балканской Греции, в афино-спартанских отношениях на смену мирному дуализму пришел открытый вооруженный конфликт.

И действительно, демос в Афинах чувствовал себя глубоко оскорбленным: отсылка отряда Кимона выглядела демонстративным унижением, свидетельством того, что спартанцы не доверяют своим союзникам. А расплачиваться за

[111] Не вполне понятна интенция данного суждения Крития. Что перед нами — критический выпад, как кажется на первый взгляд, или, напротив, похвала? Скорее — второе, если учитывать ревностное лаконофильство Крития.

[112] Подробное обсуждение возможных причин см. в работе: *Bloedow E.F.* Op. cit. В конечном итоге засевшие на Ифоме илоты после нескольких лет осады добились-таки для себя достойного отступления, **покинули** Мессению и были поселены афинянами (уже находившимися в **состоянии** войны со Спартой) в Навпакте, городе на северном берегу Коринфского залива.

дипломатический скандал пришлось, естественно, командиру отряда, который и стал главной жертвой взрыва негодования. Для группировки Эфиальта и Перикла наступил час решительных действий, и она не преминула воспользоваться удобным случаем. Положение Кимона стало настолько уязвимым, что на ближайшей же остракофории, весной 461 г. до н.э., он был подвергнут десятилетнему изгнанию. Очередной в истории классической афинской демократии пример резкого перелома блистательной карьеры, стремительного пути от лидерства к опале...

* * *

Об остракизме Кимона сообщается в целом ряде источников. Упоминают о нем уже авторы классической эпохи: Андокид, Горгий, Феопомп (ссылки на их свидетельства давались выше, в начале данной главы). Более подробные рассказы о событии содержатся в позднейшей традиции, в частности у биографов Корнелия Непота и Плутарха *(Nep.* Cim. 3; *Plut.* Pericl. 9; Cim. 17). Менее информативны и не всегда вполне достоверны пассажи аналогичного содержания у ряда других писателей *(Aristid.* XLVI. P. 158 *Jebb* = *II.* P. 212 *Dindorf;* P. 242-243 *Jebb* = II. P. 316-317 *Dindorf;* P. 280 *Jebb* = II. P. 362-363 *Dindorf;* P. 284 *Jebb* = II. P. 367 *Dindorf; Athen.* XIII. 589ff; *Schol. Aristoph.* Equ. 855; *Schol. Aristid.* XLVI. P. 118.13 *Jebb* = III. P. 446 *Dindorf;* P. 151.8 *Jebb* = III. P. 515 *Dindorf;* P. 158.13-18 *Jebb* = III. P. 528-529 *Dindorf;* P. 242.14 *Jebb* = III. P. 689 *Dindorf; Olympiod.* Comm. in *Plat.* Gorg. 33. 2; *Phot.* Bibl. cod. 248. P. 425b; Suid. s.v. ἀποστρακισν>ήναι; s.v. Κίμων; s.v. ὀστρακισμός). В целом этот остракизм неплохо освещен в традиции (дополнительными источниковыми данными, подкрепляющими материал нарративных памятников, служат остраконы с именем Кимона), что дает основания для ответственных выводов.

Остракизм Кимона принадлежит к категории достаточно надежно датируемых событий афинской истории. Относительно его датировки в исследовательской литературе существует редкостное единогласие: не считая буквально единичных исключений, практически все писавшие об этом событии антиковеды относят его к 461 г. до н.э.[113] Попробуем

113 *Martin A.* Notes sur l'ostracisme dans Athenes. P., 1907. P. 7; *Prestel G.* Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1939. S. 38; *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941. S. 62; *Reinmuth O.W.* Ostrakismos // RE. 1943. Hbbd. 36. Sp. 1681; *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b: A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. Vol. 2. P. 369; *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 227; *Guarducci M.* Epigrafia greca. Roma, 1969. Vol. 2. P. 530; *Mattingly H.B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. Vol. 14, N 2. P. 287; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. P. 84; *Bayer E., Heideking J.* Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975. S. 121; *Phillips DJ.* Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 28; *Knox R.A.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // G&R. 1985. Vol. 32, N 2. P. 141; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.: Revised ed. Oxford, 1989. P. 40; *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990. P. 4; *Cromey R.D.* Op. cit. P. 91; *Badian E.* From Plataea... P. 101; *Арский Ф.Н.* Перикл. М., 1971. С. 215; *Строгецкий В.М.* Полис и империя... С. 50; *Гинзбург СИ.* Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32 и след.

проверить, насколько убедительна такая дата, и с этой целью рассмотрим исторический контекст остракизма этого афинского аристократического вождя. Искомый контекст наиболее подробно (хотя и чуть спутанно) излагается у Плутарха. В то время как Кимон находился за пределами Аттики, оказывая помощь спартанцам, лидер демократической группировки Эфиальт, воспользовавшись отсутствием главного противника, провел известную реформу Ареопага, изрядно урезав полномочия этого авторитетного органа[114]. Возвратившись из похода, Кимон пытался протестовать против разрушения власти древнего совета *(Plut.* Cim. 15), но проиграл этот «раунд» политической борьбы и был подвергнут изгнанию, поскольку демос считал его косвенным виновником нанесенного лакедемонянами оскорбления. Таким образом, остракизм Кимона в афинской политической жизни был тесно связан как хронологически, так и контекстно с реформой Эфиальта.

Сама же эта реформа приурочивается в «Афинской политии» Аристотеля (25. 2) к архонтству Конона, т.е. к 462/461 г. до н.э., и является вообще одним из наиболее надежно датируемых событий истории Афин середины V в.

[114] См. недавние работы, в которых предлагается новая, нетрадиционная трактовка реформы Эфиальта: *Hall L.G.H.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P. 319-329; *Rihll T.E.* Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus // JHS. 1995. Vol. 115. P. 87-98.

до н.э. Таким образом, и в определении времени изгнания Кимона, действительно, не возникает никаких затруднений: т.е. имеются все основания отнести его остракизм к весне 461 г. до н.э. Соответственно, иные датировки (крайне редко, но все-таки встречающиеся), такие как 460[115] или даже 459 г. до н.э.[116], не могут быть приняты, поскольку они прямо противоречат источникам.

На весьма кратком хронологическом отрезке, в течение одного архонтского года имели место сразу несколько важных событий внутриполитической жизни афинского полиса: остракизм Кимона, реформа Ареопага и загадочное убийство Эфиальта. Последовательность этих событий сама по себе неоднозначна. В частности, был Кимон изгнан до или после реформы Ареопага? Из рассказа Плутарха следует, что после. Некоторыми авторитетными исследователями высказывалось, вопреки этим данным, предположение, что на самом деле реформа Эфиальта последовала уже за остракизмом Кимона, поскольку ранее того лидер демократов вряд ли решился бы бросить прямой вызов самому влиятельному в Афинах политику, каким являлся Кимон[117]. Приводятся соответствующие исторические параллели: Фемистокл, приступивший к реализации своей морской программы не раньше, чем был изгнан Аристид, и т.п. Таким образом, Плутарх уличается в грубой фактической ошибке, но справедливо ли? Мы в принципе согласны с тем, что херонейский моралист — не самый безупречный с точки зрения достоверности автор. Тем не менее сообщение Плутарха — это все-таки свидетельство источника, и оно, во всяком случае, скорее перевешивает положенные на другую чашу весов чисто умозрительные доводы современных антиковедов.

И все же, строго говоря, однозначный и окончательный, а не гадательный ответ на вопрос, был ли Кимон изгнан до или после реформы Эфиальта, дать при имеющемся состоянии источников, пожалуй, нельзя. Еще труднее сказать, пришлось ли еще на время пребывания Кимона в Афинах убийство Эфиальта, тем более что сама историчность этого

[115] *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966. S. 114; *Mattingly H.B.* The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. Vol. 25. P. 13. Здесь Маттинтли противоречит своей же более ранней работе.

[116] *CarcopinoJ.* L'ostracisme athenien: 2*ème* ed. P., 1935. P. 112.

[117] *JacobyF.* Die Fragmente... Vol.2. P. 369; *Badian E.* From Plataea... P. 95-96.

убийства иногда подвергается сомнению[118]. Приходится довольствоваться констатацией того факта, что перечисленные важные события имели место почти одновременно, являлись частями одного глубинного процесса — начала нового этапа демократизации афинского полиса (см. гл. I) и болезненной смены у власти одной группировки элиты на другую.

Если рассмотреть историко-хронологический контекст остракизма Кимона несколько шире, увидим, что примерно в те же годы жертвами остракофорий стали еще несколько афинских политиков. В 460 г. до н.э. или около того остракизму был подвергнут Алкивиад Старший, несомненно, противник Кимона. На тот же период начала 50-х годов V в. до н.э. падает остракизм Менона, сына Менеклида, упоминавшегося выше натурализовавшегося в Афинах фессалийского аристократа, который принадлежал к окружению Кимона. Наконец, наиболее вероятно, что в эти же годы был изгнан остракизмом известный атлет Каллий, сын Дидимия[119]. Политическая позиция Каллия не поддается однозначному определению, поскольку об этом персонаже афинской истории просто очень мало известно. Он мог быть в равной мере как сторонником Кимона (кажется, такой вариант чуточку вероятнее), так и примыкать к лагерю его противников. Как бы то ни было, можно с полным основанием говорить о целой серии остракофорий на рубеже 60 —50-х годов V в. до н.э., а это, безусловно, свидетельствует об острой вспышке внутриполитической борьбы. На протяжении нескольких лет две боровшиеся за власть группировки обменивались взаимными ударами на остракофориях, в результате чего изгнанию подвергались, насколько можно судить, представители и той и другой стороны. В целом победа на этом этапе осталась за противниками Кимона, им удалось нанести своим визави больший ущерб.

Вероятно, они эффективнее применяли в своих интересах пропагандистские штампы и переиграли Кимона — признанного мастера пропаганды, так сказать, «на его поле». Плутарх (Cim. 17) пишет, что при изгнании Кимона его

[118] *Stockton D.* The Death of Ephialtes // ClQ. 1982. Vol. 32, N 1. P. 227 — 228. Об убийстве Эфиальта см. также: *Roller D.W.* Who Murdered Ephialtes? // Historia. 1989. Bd. 38, H. 3. S. 257-266.

[119] Хотя чаще этот остракизм относят к более позднему времени. См., Например: *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // Klio. 1996. Bd. 78, H. 2. S. 325-328.

враги воспользовались незначительным поводом (μικρας έπιλαβόμενοι προφάσεως), а чуть выше (Cim. 15) поясняет, какого рода повод имелся в виду: раздувались (уже не в первый раз) сплетни о его инцестуальных отношениях с сестрой Эльпиникой (έκεΐνά τε τά προς την άδελφήν άνανευόμενοι). Ряд других авторов (Андокид, Афиней, схолиаст к Аристиду, «Суда») свидетельствуют о том же — о немаловажной роли «фактора Эльпиники» в остракизме вождя афинских аристократов. Некоторые из них прямо говорят, что Кимон был изгнан из-за сожительства с сестрой, а не из-за чего-либо иного. Некритически следовать за этими утверждениями, конечно, не стоит, но и совсем сбрасывать данный фактор со счетов вряд ли правомерно. В конце концов, не будем забывать, что в нашем распоряжении есть остракон (следовательно, заведомо аутентичный, современный памятник), на котором написано буквально следующее: «Пусть Кимон, сын Мильтиада, уходит, взяв Эльпинику»[120]. Вообще скомпрометировать политического деятеля в классических Афинах можно было самыми разными способами, но один из наиболее надежных путей заключался в том, чтобы навлечь обвинения (хотя бы и клеветнические) на его личную жизнь, моральный облик[121].

Итак, Кимон удалился из Афин. О его местопребывании в годы изгнания данных очень немного. В сущности, приходится довольствоваться путаным сообщением оратора Андокида (начало IV в. до н.э.), согласно которому афиняне «возвратили из изгнания Мильтиада, сына Кимона, подвергнутого остракизму и находившегося на Херсонесе» *(Andoc.* III. 3)[122]. Как мы уже отмечали выше, в данном пассаже не отличающийся скрупулезной точностью в передаче фактов Андокид, несомненно, попросту перепутал двух знаменитых афинян — отца и сына и, говоря о Мильтиаде, сыне Кимона, в действительности имел в виду Кимона, сына Мильтиада. Об этом свидетельствует и исторический контекст, и параллельные данные: как увидим чуть ниже, именно Кимон, а не

120 Этот остракон датируется, скорее всего, именно 461 г. до н.э. Ср.: *Cromey R.D.* Op. cit. P. 91.

[121] Об обилии на остраконах инвектив по поводу моральных качеств политиков см.: *Siewert P.* Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // CISA. 1991. Vol. 17. P. 11 ss.

[122] Μιλτιάδημ τόν Κίμωνος ώστρακισμενον και δντα έν Χερρονήσω κατεδεξάμεθα...

кто-либо иной, в середине 50-х годов V в. до н.э. был досрочно возвращен из остракизма, дабы содействовать скорейшему заключению перемирия со Спартой. Мильтиад же вообще никогда не подвергался остракизму.

Таким образом, рассмотренное свидетельство Андокида можно привлечь как аргумент в пользу того, что Кимон после изгнания из Афин поселился на Херсонесе (речь идет, конечно, о Херсонесе Фракийском). Пребывание Филаида Кимона в этом регионе не вызывает никаких недоумений и представляется вполне логичным. Херсонес Фракийский был, если можно так выразиться, родовым доменом его предков еще с середины VI в. до н.э.[123] Там родился сам Кимон, там правил его отец Мильтиад, пока не был изгнан персами в 493 г. до н.э. Теперь же, когда Эгейское море было очищено от персидского флота, ничто не препятствовало главе рода Филаидов вновь отправиться в свою «вотчину».

Пока Кимон отсутствовал, у кормила власти в Афинах находилась более радикальная группировка, в которой если не первую, то одну из первых ролей играл Перикл. Во внутриполитической области ее правление ознаменовалось целой серией ярко выраженных демократических преобразований, которые перечислялись в главе I. Куда менее эффективной, откровенно непродуманной была внешняя политика новых лидеров. Они не нашли ничего лучшего, как начать агрессивные действия сразу на нескольких направлениях — и против державы Ахеменидов, и против Спарты. Фактором, подталкивавшим их к обострению ситуации служила, бесспорно, огромная мощь, которой достигли афинский полис и Афинский морской союз к рубежу 60 — 50-х годов V в. до н.э.[124] Афины были действительно очень сильны в это время — во многом благодаря деятельности Кимона, плоды которой теперь пожинали другие.

Во-первых, было решено возобновить наступление на персидском фронте. Здесь афиняне ввязались в авантюру, послав в 459 г. до н.э. мощный флот из 200 кораблей на

123 Н.А. Касаткина даже называет Херсонес «княжеством рода Филаидов: *(Касаткина Н.А.* Афинские владения... С. 63). Но это, пожалуй, слишком сильное выражение.

[124] Именно на этот период приходится самая высшая точка могущества афинского полиса за всю его историю. В первой половине 50-х годов V в. до н.э. Афины были даже сильнее, чем накануне Пелопоннесской войны в 431 г. до н.э.

помощь восставшему против власти Ахеменидов Египту 125, и несколько лет держались там довольно успешно. Еще более интенсивным стало афинское противостояние Спарте. Отношения с ней были полностью разорваны; вместо этого Афины вступили в союз с Аргосом — злейшим врагом Спарты на Пелопоннесе. В это же время под эгиду Афин перешли Мегары, стратегически важный город, являвшийся ближайшим соседом Аттики и ранее входивший в состав Пелопоннесского союза[126]. Афинские планы становились все более экспансионистскими, теперь они включали в себя создание, наряду с уже существовавшим морским союзом, также и сильного союза на суше под гегемонией «города Паллады». Спарта реагировала ответными недружественными шагами; в результате между враждующими сторонами была развязана война, получившая в историографии название Первой, или Малой Пелопоннесской войны[127] (459 — 446 гг. до н.э.).

Война относилась к разряду вялотекущих; периоды острых стычек чередовались с довольно длительными мирными передышками. Это связано с тем, что ни Афины, ни Спарта не были еще готовы к полномасштабным, «тотальным» военным действиям: спартанцы не успели оправиться после плотского восстания, а афинянам приходилось параллельно вести кампанию в Египте, отвлекавшую значительное количество вооруженных сил. Война шла с переменным успехом, не принося решающего перевеса ни той, ни другой стороне. В 458 г. до н.э. афиняне захватили Эгину, политически тяготевшую к Спарте, и насильственно включили ее в состав Делосского союза. Эгина являлась богатейшим островным полисом, процветающим центром посреднической морской торговли, и сумма фороса, наложенного на нее, оказалась огромной.

[125] *Борухович В.Г.* Египет и греки в VI—V веках до н.э. // Учен. зап. Горьков. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия ист. Средние века и древний мир. Горький, 1965. Вып. 67. С. 124 и след.

[126] О позиции Мегар в эти годы см.: *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 174-199. Насколько афиняне ценили стратегическое положение Мегар, чья территория была как бы «мостом» из Пелопоннеса в Среднюю Грецию, — это видно из того факта, что они сразу же возвели в новоприсоединенном полисе «Длинные стены».

[127] Название в известной мере условное, данное для того, чтобы отличать ее от знаменитой Пелопоннесской войны 431 — 404 гг. до н.э. В самих античных источниках война, о которой здесь идет речь, кажется, вообще не носит никакого специального названия.

Спартанцы, не обладая сколько-нибудь сильным флотом, не смогли никак помочь эгинетам. Их ответ мог быть только «асимметричным»: на следующий год они решили взять реванш на суше, где лаконская фаланга по-прежнему не знала себе равных. Битва состоялась при Танагре, в Беотии (457 г. до н.э.), и с ней связан очередной важный эпизод биографии Кимона, о котором наиболее подробно сообщает Плутарх (Cim. 17): «Когда лакедемоняне... расположились лагерем у Танагры и афиняне выступили, чтобы дать им решительный бой, Кимон в полном вооружении появился среди своих сограждан по филе Энеиде, готовый вместе с ними сражаться против лакедемонян. Однако Совет Пятисот, узнав об этом, запретил военачальникам (собственно, стратегам. — *И.С.)* принимать его, напуганный криками недругов Кимона, утверждавших, будто тот хочет возмутить войско и ввести лакедемонян в город. И Кимон удалился, моля... своих товарищей, над которыми в наибольшей мере тяготело обвинение в приверженности к Спарте, твердо стоять в бою и подвигами своими оправдаться перед согражданами. А те, взяв его доспехи, поместили их посреди своего отряда, тесно сплотились друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою». К этому замечательно красивому по внутренней цельности и производимому впечатлению рассказу Плутарх в другом месте (Pericl. 10) добавляет важную деталь: лицами, особенно настаивавшими на недопущении Кимона в войско, являлись сторонники Перикла (οί φίλοι τοϋ Περικλέους).

Итак, поведение Кимона в данном случае произвело всеобщее потрясение. Формально опальный полководец не нарушил закона об остракизме, поскольку дело происходило за пределами Аттики. Более того, намерения его выглядели самыми патриотическими: Кимон хотел на деле доказать, что не является агентом спартанского влияния. Однако же его благородный порыв не был принят согражданами. Насколько можно судить, властями Афин в этой ситуации руководила прежде всего боязнь гражданской смуты (στάσις).

Битва при Танагре закончилась спартанской победой. Однако для Афин поражение оказалось отнюдь не сокрушительным: они очень скоро оправились и почти сразу после ухода спартанцев, собрав новое войско, нанесли удар по союзной Спарте Беотии. Почти вся эта область (кроме Фив) оказалась под афинским влиянием. «Город Паллады» шел от Успеха к успеху, и, казалось, ему не были страшны уже никакие препятствия. На этом этапе, на самой вершине роста сво-

его могущества, афиняне решили взять передышку в военных действиях на «греческом фронте». Как раз с этим обстоятельством связано возвращение Кимона из остракизма 128.

Кимон не пробыл в изгнании всего положенного десятилетнего срока. Демос позволил ему досрочно вернуться на родину[129]. Желая заключить со Спартой перемирие, афинские власти резонно сочли, что нет лучшей кандидатуры для ведения такого рода переговоров, чем Кимон, который являлся спартанским проксеном и вообще по-прежнему пользовался авторитетом в Лакедемоне. Историк Феопомп (FGrHist. 115. F88) сообщает, что Кимон был возвращен еще до истечения пяти лет с момента его изгнания (οὔδέπω δέ πέντε ετών παρεληλυθότων). Иного мнения, как нередко бывает, держится Непот (Cim. 3), утверждающий, что пять лет между остракизмом Кимона и его возвращением все-таки прошли (post annum quintum, quam expulsus erat, in patriam revocatus est). Очевидно, Феопомпу все-таки следует отдать предпочтение перед римским биографом. Следовательно, наиболее вероятно, что досрочное завершение остракизма Кимона должно быть датировано тем же 457 г. до н.э., что и битва при Танагре, вскоре после нее.

Довольно экзотическую гипотезу по поводу рассматриваемого события предложил Э. Бадиан[130]. По его мнению, Кимон хотя и был в 457 г. до н.э. возвращен в Афины, но без права заниматься политической деятельностью до истечения официального срока изгнания, т.е. до 451 г. до н.э. Иными словами, остракизм применительно к нему был фактически заменен атимией. На наш взгляд, это крайне сомнительное предположение как с юридической, так и с фактической точки зрения. Во-первых, атимия по нормам афинского права представляла наказание за некоторые правонарушения, остракизм же таковым ни в коей мере не являлся. Остракизму Кимона подвергли за «чрезмерное» возрастание своего влияния, но вот уж наказывать его было совершенно не за что. Во-вторых, если Кимон был лишен политических прав,

[128] Об этом событии см.: *Cole J.R.* Op. cit. P. 383; *Sealey R.* The Entry of Pericles... S. 144 u. folg.; *Hamel D.* Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998. P. 184; *GouSchin V.* Op. cit. P. 175.

[129] В. Билль (*Will W.* Perikles... S. 49) походя, без аргументации отрицает факт досрочного возвращения Кимона, кажется, даже не отдавая себе отчет в том, что тем самым он приходит в противоречие с данными источников, в том числе такого раннего, как Феопомп.

[130] *Badian E.* From Plataea... P. 18.

каким же образом он мог вести от имени полиса переговоры со спартанцами? Ведь для этого же, собственно, его и возвращали!

Известно имя инициатора принятия решения о досрочном возвращении Кимона. Им оказался, как ни парадоксально, не кто иной, как Перикл *(Plut.* Pericl. 10; Cim. 17), который сам же незадолго до того приложил максимум усилий для изгнания Кимона. Впрочем, прекрасно известно, насколько чутким к общественному мнению политиком всегда был «афинский олимпиец» (собственно, именно это и позволяло ему впоследствии продержаться на вершине власти беспрецедентно долгий срок). Как в 461 г. до н.э. политическая целесообразность диктовала Периклу необходимость изгнания Кимона, так в 457 г. под влиянием той же политической целесообразности, но изменившейся в новых условиях, он решился на прямо противоположный шаг, и в результате в обоих случаях заработал своей репутации дополнительные дивиденды.

Сообщается, что посредницей между Периклом и Кимоном при переговорах о возвращении последнего опять же выступила сестра изгнанного Эльпиника. Этот мотив посредничества Эльпиники пользовался весьма большой популярностью в античной традиции и со временем даже оброс анекдотическими деталями. Так, согласно Афинею (XIII. 589ef), Эльпиника якобы даже отдалась Периклу, чтобы добиться возвращения брата. Это выглядит совершенно абсурдным, в том числе хотя бы уже потому, что сестра Кимона на рубеже 60 — 50-х годов была уже немолодой женщиной (ср. *Plut.* Pericl. 10). Тем не менее, если отбросить атрибуты анекдота, в основе своей свидетельство об определенной роли этой афинянки в описываемом эпизоде выглядит вполне достоверным[131]. Причем для успеха своей миссии ей даже вряд ли пришлось бы проявлять какую-то экстраординарную уступчивость. Эльпиника, дочь Мильтиада, являлась, пожалуй, самой влиятельной женщиной в афинском полисе рассматриваемой эпохи (насколько вообще можно говорить о политическом влиянии женщин в демократических Афинах). Она принадлежала к самому верхнему слою аристократической элиты, возводя свое происхождение По отцовской линии к герою Аяксу, а по материнской — к

[131] Вопреки мнению, высказываемому в работе: *Hamel D.* Op. cit. P. 184.

фракийским царям; не следует забывать и о том, что она была замужем за богатейшим из афинян — Каллием, дадухом элевсинских мистерий. К голосу женщины столь высокого социального статуса не мог не прислушаться даже Перикл тем более когда это сочеталось с обстоятельствами иного характера.

Кимон, хоть и возвращенный, был, несомненно, надломлен опалой и какое-то время казался лишь бледной тенью себя прежнего. Переговоры со Спартой, судя по всему, шли вяло: во всяком случае, перемирие еще несколько лет после Танагры не было заключено. Вероятно, среди самой афинской элиты не сложилось единого мнения по вопросу о том, стоит ли его вообще подписывать: ведь «полоса успехов» продолжалась. Но в 454 г. до н.э. она неожиданно прервалась первым «тревожным звонком» — пришедшей грозной новостью о катастрофе в Египте. Посланный туда в свое время афинский флот потерпел сокрушительное поражение от персов и почти полностью погиб в дельте Нила. Ход Греко-персидских войн в результате крайне неудачных действий афинян приобрел совершенно новый оборот: казалось, чаша весов вновь качнулась на сторону державы Ахеменидов.

Фиаско в Египте волей-неволей толкнуло к решительным действиям. Мы уже знаем, что именно оно стало поводом для перенесения казны морского союза с Делоса в Афины. То же поражение повело к новому, и последнему, взлету в карьере Кимона. Всем было ясно, что только этому выдающемуся полководцу под силу стабилизировать ситуацию в изменившихся условиях. Переговоры со Спартой резко интенсифицировались и, скорее всего, в 453 г. до н.э. удалось заключить с ней перемирие, прекращавшее военные действия сроком на пять лет[132]. Теперь появлялась возможность вновь бросить все силы на борьбу с персами.

Досрочное возвращение из изгнания Кимона по инициативе Перикла привело к тому, что между двумя политиками

[132] Так датируется перемирие в классическом труде: *Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v.Chr. B., 1962. S. 46 (N 143), и мы не видим никаких оснований не соглашаться с Г. Бенгтсоном (данная датировка хорошо согласуется и со временем возобновления афино-спартанских военных действий — 448 г. до н.э., так называемая Вторая Священная война). Там же указаны источники, сообщающие о перемирии (некоторые из них эксплицитно указывают, что его заключил Кимон).

было заключено своеобразное «джентльменское соглашение» о разделении сфер влияния в полисе. Плутарх (Pericl. 10) определяет условия этого соглашения так: «чтобы Кимон с эскадрой в двести кораблей уехал из Афин и командовал войском за пределами Аттики, завоевывая земли царя, а Периклу была бы предоставлена власть в городе». Здесь налицо некоторое упрощение: ведь не все же время от своего возвращения до смерти Кимон провел «за пределами Аттики». Очевидно, суть договоренности заключалась в том, что Кимон отныне отвечал за внешнюю и военную политику государства, а Перикл — за внутреннюю, которая всегда была его сильным местом. Возник в некотором роде «дуумвират», основанный, впрочем, на холодном расчете, а не на искренней близости двух лидеров. В частности, Перикл по-прежнему вел подспудную деятельность, направленную на дальнейшее ослабление позиций Кимона. Именно против этого последнего, как мы показали в главе I, был не в последнюю очередь направлен закон Перикла о гражданстве, ужесточавший критерии принадлежности лица к гражданскому коллективу афинского полиса.

Как бы то ни было, в 450 г. до н.э. мы вновь встречаем Кимона в должности стратега, во главе крупного афинского флота, который отправился на Кипр для продолжения борьбы с персами. Об этой последней кампании Кимона (и, кстати говоря, последней кампании Греко-персидских войн) подробно сообщает целый ряд авторов (*Thuc.* I. 112; *Phanodem.* FGrHist. 325. F23; *Diod.* XII. 3-4; *Nep.* Cim. 3; *Plut.* Cim. 18 — 19). Ее стратегическое значение было чрезвычайно важным. После поражения в Египте, внесшего серьезные перемены в ход военных действий на персидском фронте (и перемены не в пользу Афин), требовалось, так сказать, поставить противника на место, взять реванш, показать, что афинские морские силы все-таки сильнее. И Кипр представлялся чрезвычайно подходящим местом для подобной демонстрации. Остров еще со II тыс. до н.э. населяли греки, которые, несмотря на далекое расстояние от метрополии и на тяжелую историческую судьбу, вполне сохранили свою этнокультурную идентичность и даже, в отличие от сородичей из Балканской Греции, придерживались ряда обычаев, восходивших еще к ахейским временам. Так, у эллинов-киприотов вплоть до классической эпохи употреблялась слоговая письменность, прямо восходившая к линейному письму критомикенской эпохи; исключительным архаизмом отличались

на Кипре погребальные обряды[133]. Существовали на острове также значительные поселения финикийцев (крупнейшее — Китий). Кипр в силу своего географического положения далеко в Восточном Средиземноморье рано оказался втянутым в перипетии ближневосточной политики, неоднократно подпадал под контроль то одной, то другой из тамошних «сверхдержав» и в конечном счете был завоеван Ахеменидами. Выдвинутый Афинами лозунг освобождения греков из-под власти «варваров» просто не мог не заставить их рано или поздно обратиться к Кипру.

Отметим еще один небезынтересный нюанс. Главным центром греков на Кипре являлся город Саламин — уже само его название должно было звучать для афинян символично! Согласно легендам, город назывался так потому, что его основал Тевкр, сын Теламона, царя Саламина, что близ берегов Аттики. Другим сыном Теламона, родным братом Тевкра, был могучий Аякс, а ведь именно к нему Кимон и весь род Филаидов напрямую возводил свою родословную. Таким образом, в ментальных категориях античности афинский командующий отправлялся освобождать своих кровных сородичей. На этот момент, кажется, еще не обращалось внимание в историографии, а между тем он, на наш взгляд, тоже достаточно важен для понимания общей идеологической атмосферы эпохи.

Кипрская кампания Кимона складывалась весьма успешно. Сам полководец придавал ей большое значение: по словам Диодора (XII. 4. 2), «он считал, что вся война будет предрешена, если силой овладеть всем Кипром». Диодору вторит Плутарх (Cim. 18): Кимон задумал «не более и не менее как полный разгром Персидской державы». Поэтому военные действия замышлялись весьма широко: в то время как основная часть флота, состоявшего из 200 кораблей, действовала в кипрских водах, от него сразу же была отделена эскадра из 60 судов, отправившаяся в Египет, на помощь давно уже не затухавшему там антиперсидскому восстанию.

На Кипре Кимон одержал победу над врагом в нескольких значительных сражениях, взял несколько городов, в том

[133] О Кипре как регионе ярко выраженного континуитета см.: *Молчанов А.А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии). М., 2000. С. 179 и след.

числе Китий, и приступил к осаде Саламина. Однако тут-то его и поджидала кончина. Плутарх, по обыкновению, оснащает свой рассказ сообщениями о различных неблагоприятных знамениях, давно уже предвещавших Кимону смерть. А в то же время относительно точных обстоятельств последней биограф колеблется: то ли Кимон получил в одном из сражений неизлечимую рану, то ли заболел. У Диодора и Непота речь однозначно идет именно о болезни, что, видимо, делает эту версию несколько более вероятной. Плутарх же сообщает еще одну интересную деталь: умирая, Кимон приказал афинянам скрывать свою кончину от противников, что и было сделано. Это следует расценивать как тонкий психологический ход: персов, конечно, сильно приободрило бы известие о том, что афинского военачальника, которого они так страшились, уже нет в живых. Кимон — выдающийся мастер тонких пропагандистских акций — даже и свой последний час обставил как очередную из них. Последние свои победы на Кипре афиняне одерживали уже без своего вождя, но как бы и под его началом.

Тем не менее почти сразу после кончины Кимона флот отплыл от острова и через месяц пришвартовался уже в Пирее. Фукидид (I. 112. 4) считает, что виной тому послужило окончание запасов продовольствия. Однако в это верится с трудом. Недостаток провианта можно было бы без серьезных проблем восполнить на Кипре. Как нам представляется, Фукидид, в целом склонный преуменьшать роль Кимона, и в данном случае грешит тем же, не признавая того факта, что главной причиной афинского отступления стала все-таки потеря командующего, которому не нашлось достойного преемника. Не случись этой потери, военные действия наверняка продолжались бы, и в их ходе, скорее всего, удалось бы добиться больших успехов. А без Кимона в кампании не была поставлена решающая точка, в результате весь поход так и остался в истории Греко-персидских войн эффектным, но не слишком-то эффективным эпизодом. Афинская морская мощь была, без сомнения, продемонстрирована Ахеменидам, но вот греческие полисы Кипра не были окончательно освобождены, что и нашло отражение в общих итогах военного конфликта между Афинами и Персией.

А подведение этих итогов было уже совсем близко. После кипрской экспедиции дальнейшие военные действия становились все более бесперспективными как для Афинского морского союза, так и для Персидской державы. Судя по всему, обе стороны осознавали, что находятся в положении цугцванга, потому и решено было заключить мир. Главой делегации афинян, прибывшей в 449 г. до н.э. в Сузы к Артаксерксу I, был уже хорошо знакомый нам Каллий, сын Гиппоника, отчего и сам договор получил в исторической традиции наименование «Каллиев мир».

Главным условием мира было разграничение персидской и афинской сфер влияния: на юге граница прошла в районе юго-западного побережья Малой Азии (Хелидонские, или Ласточкины острова), на севере — у входа в Черное море (скалы Кианеи, или Симплегады). Таким образом, персидский царь обязывался не вводить свой военный флот в Эгейское море. Менее точно была определена сухопутная граница в Малой Азии: она проходила на расстоянии приблизительно 75 — 90 км от моря. Такое положение соответствовало блестящим победам Афин на море и их менее уверенным действиям в сухопутных кампаниях последних лет войны. Кроме того, мир предусматривал официальное признание Персией независимости греческих городов на малоазийском побережье Эгейского моря, а фактически — их подчинение Афинам. С афинской стороны договор содержал обязательство не вторгаться больше на Кипр и на другие территории, вошедшие в зону контроля Персии, и не пытаться продвинуться на восток далее установленных границ.

Этот «Каллиев мир» оказался довольно прочным, обе стороны долгое время не допускали его сколько-нибудь существенных нарушений. Поэтому договор 449 г. до н.э. традиционно считается завершением Греко-персидских войн. Не возникает никакого сомнения в том, что он закреплял победу греков. Но, надо полагать, не всем в афинском полисе казалось, что он закреплял ее в должной мере, полностью и достойно компенсировал все понесенные победителями труды. Означенные в договоре их приобретения могли выглядеть слишком скромными. В частности, Кимон, останься он в живых, вряд ли приветствовал бы «Каллиев мир». В данном свете показательно, что, по некоторым сведениям *(Demosth.* XIX. 273) (правда, не вполне понятно, насколько достоверным), Каллий при сдаче отчета о посольстве был привлечен к суду, едва не приговорен к смертной казни и в конце концов наказан крупным штрафом[134].

Близилась к концу и Малая Пелопоннесская война. В 447 г. до н.э., после того как истек срок заключенного Кимоном пятилетнего перемирия со Спартой, в ней началась последняя вспышка вооруженных действий. На этот раз положение складывалось явно не в пользу Афин. Против их владычества восстала Беотия, и афинянам пришлось вывести свои войска из этой области[135]. В следующем году поднял восстание один из старинных афинских союзников — остров Эвбея; это восстание лишь с трудом удалось подавить. Тогда же от Афин отпали Мегары, вновь перейдя на сторону Пелопоннесского союза. Одновременно в Аттику двинулось сильное спартанское войско, и афинским властям лишь путем умелой дипломатии удалось избежать столкновения (см. подробнее в следующей главе), которое закончилось бы для них неминуемым поражением. Попытка создать сильный сухопутный союз под гегемонией Афин, добиться преобладания над Спартой в этой геостратегической сфере потерпела крах.

В конечном счете между Афинами и Спартой был в 446 г. до н.э. заключен мир (так называемый «Тридцатилетний мир», поскольку договор должен был сохранять силу в течение 30 лет, хотя фактически он действовал лишь 15)[136]. Этот мирный договор, завершивший войну, закреплял равновесие сил между двумя ведущими полисами и возглавлявшимися ими симмахиями, устанавливал их сферы влияния в Греции. Таким образом, вновь сложилось некое подобие внешнеполитического дуализма. Впрочем, мир не был прочным.

134 У Плутарха (Cim. 13) читаем противоположное: об особых почестях, будто бы оказанных Каллию за успех мирных переговоров. Но подобная высокая оценка договора возможна была лишь по контрасту с Анталкидовым миром 387 г. до н.э., на фоне которого Каллиев мог действительно представляться выдающимся достижением Афин. А в момент своего заключения, насколько можно судить, мир 449 г. до н.э. действительно не вызвал в афинском полисе экстраординарных восторгов. Обоснование Нашей позиции см.: *Суриков И.Е.* Два очерка... С. 106— 107.

135 См. об этих событиях: *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457-359 гг. до н.э.) // МГДА Ч. 1. С. 75 и след.

136 В состав афинского посольства, заключавшего этот договор, входил *(Diod.* XII. 7) и, скорее всего, являлся его главой *(Badian E.* From Plataea... P. 141), все тот же Каллий, сын Гиппоника, бывший уже в весьма Преклонных летах.

Рано или поздно не могла не состояться новая, решающая схватка за лидирующее положение в эллинском мире, поскольку причины существовавших противоречий остались не ликвидированы. А главное — между Афинами и Спартой ни в чем теперь не существовало доверия, в отличие от того периода, на который пришелся апогей деятельности Кимона.

Во многом символично, что Кимон ушел из жизни именно тогда, когда в Греции наступали новые времена. В изменявшемся мире ему не оставалось уже места, будь то в плане внутренней политики, в области которой полис пошел по пути радикальной демократии, или политики внешней, где при Перикле восторжествовали более узкие, сугубо «афиноцентристские» подходы. Останки Кимона, скончавшегося на Кипре, были доставлены флотом в Афины *(Plut.* Cim. 19), и там его похоронили в так называемых «Кимоновых гробницах» (Κιμόνεια μνήματα) - располагавшейся в аттическом деме Кела родовой усыпальнице Филаидов, в которой членов этого рода погребали уже как минимум с VI в. до н.э.[137] Преемником Кимона во главе его политической группировки, главным отныне противником Перикла стал зять покойного полководца Фукидид, сын Мелесия. Но об этом речь пойдет, помимо прочего, уже в следующей главе.

[137] Об этой усыпальнице см.: *Humphreys S.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 102.

Глава V

ПЕРИКЛ: ЧЕЛОВЕК, ДАВШИЙ ИМЯ ЭПОХЕ

Переходя к данной главе, посвященной самому знаменитому из политических лидеров классической афинской демократии, автор оказывается перед лицом значительных трудностей. Причем трудности эти совершенно иного рода, нежели те, с которыми мы сталкивались, излагая биографии, скажем, Аристида или Кимона. Там основным фактором оказывалась недостаточная изученность деятельности указанных политиков в историографии. Соответственно, в каких-то случаях приходилось, на свой страх и риск, впервые предлагать собственные решения тех или иных проблем — решения, безусловно, гипотетические, порой уязвимые для критики.

В случае с Периклом ситуация прямо противоположна: не недостаток, а избыток. Он является одним из излюбленных персонажей науки об античности. Невозможно назвать другого политического деятеля Греции V в. до н.э., которому было бы посвящено — не говорим уже, такое же, но хотя бы отдаленно сопоставимое количество исследовательских и популярных работ. Если бы мы поставили перед собой задачу дать даже только выборочную библиографию, она одна заняла бы многие страницы убористого шрифта: десятки монографий, сотни, а, пожалуй, и тысячи статей... В подобных условиях выход каждой новой работы о Перикле, тем более общего характера, способен вызвать у читательской аудитории не столько интерес, сколько некоторое удивление: а зачем? И что, по большому счету, можно еще сказать о Нем нового?[1] Во всяком случае, в главе книги: ведь глава

[1] Конечно, автору этих строк в ряде статей о Перикле приходилось высказывать новые идеи по поводу тех или иных проблем его деятельности. См., в частности: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997.

неизбежно должна быть достаточно краткой. А о Перикле нужно писать книгу, причем такие книги на русском языке есть (см. ниже, там где мы будем рассматривать литературу о нем).

Одним словом, перед нами стояла непростая дилемма. Совсем не давать главу о Перикле? Но в монографическом исследовании, рассматривающем политиков времен расцвета афинской демократии, такой пробел был бы решительно недопустим. Дать такую главу? Но тогда придется смириться, как с неизбежным фактом, с тем, что она будет довольно конспективной (надеемся, что не поверхностной), что многие сюжеты перикловой биографии будут в ней освещены кратко, без детализации, а более подробно нужно будет углубиться разве что в те проблемы, с традиционным решением которых мы не согласны. Приходится пойти именно по этому пути: прекрасно осознаем все его недостатки, но лучшего выхода не видим.

Кстати, небезынтересен уже сам вопрос: в чем же причины столь пристального, непрекращающегося внимания антиковедов к Периклу? Почему, собственно, о нем так много пишут? Ведь в источниках его деятельность отражена не лучше, чем деятельность большинства других политиков классических Афин. О нем известно ненамного больше, чем, например, о Фемистокле или Кимоне, и, пожалуй, меньше, чем об Алкивиаде или Демосфене[2].

№ 4. С. 14 — 35; *Он же.* Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // ТТ АМ. С. 29 — 41; *Он же.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98-114; *Он же.* Перикл. Амис и амазонки // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 147—152; *Он же.* Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100— 109; *Он же.* Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003. С. 225 — 230; *Он же.* Сумерки «олимпийца»: О «развенчании» Перикла в одной недавней книге // SH. М., 2005. Т. 5. С. 171 - 179. Но новизна в этих работах относится по большей части к деталям. В области же вещей по-настоящему принципиальных, наверное, действительно почти невозможно написать о Перикле что-нибудь такое, что еще никогда и никем не писалось.

[2] В. Билль пишет: «Ни об одном другом из знаменитых государственных деятелей или полководцев античности не известно так мало», как о Перикле. См.: *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995. S. 12. Но это, конечно, явное преувеличение. Значительно меньше, чем о Перикле, известно, чтобы не ходить далеко за примерами, о Клисфене, Мильтиаде, Аристиде и многих других...

На этот вопрос попытался дать ответ В. Билль в двух своих книгах о Перикле[3]. Ответ получился следующим. Подлинное «открытие Перикла», пробуждение ярко выраженного интереса к нему произошло, по мнению ученого, в XVIII в., начиная с Винкельмана. Именно тогда появляются выражения «эпоха Перикла», «Периклов век». Ныне они стали совершенно расхожими при определении периода высшего политического и культурного расцвета классической Греции, пика развития афинской демократии и Афинской морской державы, создания наиболее грандиозных шедевров в области литературы и искусства... «Периклов век» — так зачастую называют не только конкретные годы преобладающего влияния Перикла в афинском полисе, но и всю Пентеконтаэтию, а, случается, и всю эллинскую классику V в. до н.э. Тем самым Перикл неразрывно связывается со всем лучшим, что было в греческом мире его времени, предстает символом и едва ли не главным творцом этих достижений. А между тем сама античность — это следует специально подчеркнуть — совершенно не знала выражения «Периклов век» или аналогичных ему: эти выражения — продукт историографии Нового времени.

Периклу «везло» и в дальнейшем: вокруг его имени не кипели споры, ему не давалось разноречивых и даже полярно противоположных оценок, как Демосфену или Алкивиаду. Редкостный случай: со знаком безусловного позитива, с нескрываемой симпатией воспринимали его представители самых различных идеологий: как приверженцы либеральной демократии, видевшие в нем одного из «отцов-основателей» этой политической системы, так и, скажем, немецкие историки, подпавшие под влияние фашизма, которые подчеркивали, что Перикл был идеальным вождем (Führer) народа, выразителем «нордического» духа. Перикл устраивал всех. А главное — великая историческая эпоха требовала своего

[3] *Will W.* Perikles... S. 7 u. folg.; *Idem.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 245 u. folg. На эти книги нам и в дальнейшем предстоит часто ссылаться (к оценке первой из них см.: *Суриков И.Е.* Сумерки «олимпийца»...). Во-первых, они, насколько нам известно, на сегодняшний день являются последними в мировой историографии Монографическими исследованиями о Перикле (до подготовки данной книги к печати); соответственно, автор в значительной мере учитывает обширную предшествующую литературу. Во-вторых, книги В. Билля изобилуют неортодоксальными, откровенно полемичными суждениями, которые очень часто, в свою очередь, побуждают к несогласию и научному спору.

героя, который стал бы ее, так сказать, персональным воплощением; как казалось, Перикл более, чем кто-либо иной, удовлетворял этим требованиям.

Можно сколько угодно протестовать против такого восприятия Перикла в современной историографии (да и не только в историографии, а и на уровне массового сознания), можно, как делает В. Билль, неустанно доказывать, что этот политик в действительности был фигурой куда меньшего масштаба; но принципиально изменить что-либо вряд ли в наших силах. Выражение «Периклов век» уже не изъять из обращения, и Перикл (что бы о нем ни говорили, какие бы недостатки в нем ни находили) останется в истории как выдающийся государственный деятель. Трактовать ли понятие «Периклов век» узко или расширительно — не столь важно: все равно перед мысленным взором каждого, кто пытается представить себе классическую Грецию, встает именно образ Афин эпохи Перикла, а не что-либо иное. Афины Эсхила, Софокла и Еврипида, софистов и Сократа, Геродота и Фукидида, Фидия и Иктина — это в то же самое время Афины Перикла. И, наверное, перед нами все-таки не случайное совпадение.

Коль скоро Перикл стоял во главе афинского полиса именно тогда, когда этот полис достиг своего наивысшего расцвета, имеет смысл, прежде чем перейти к конкретному обзору биографии интересующего нас здесь политика, сказать несколько слов о жителях демократических Афин, о тех людях, лидером и простатом которых он выступал. Гражданский коллектив одного из крупнейших государств Греции, охватывавшего собой всю Аттику, составлял на 432 г. до н.э.[4] от 40 до 50 тыс. взрослых полноправных мужчин (вместе с членами семей их насчитывалось, соответственно, 150—200 тыс.).

[4] В дальнейшем в цифровых выкладках мы опираемся прежде всего на лучшие, насколько нам представляется, работы по афинской демографии, принадлежащие А. Гомму и М. Хансену. См.: *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.: Repr. ed. Westport, 1986; *Hansen M.H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. Разумеется, между двумя исследователями (да и не только между ними, а и между всеми, кто занимался этой проблематикой) существуют расхождения в конкретных цифрах, что обусловлено объективными причинами — отсутствием прямых данных (например, какой-либо официальной документации) для V в. до н.э., что заставляет прибегать к косвенным способам вычислений, В любом случае лучшее, что можно установить, — это порядок цифр, достаточно приблизительный, а не точные числа.

Естественно, афинское гражданство не представляю из себя однородную массу. В V в. до н.э. в социальной сфере еще сохранялось традиционное деление на четыре солоновских имущественных класса, хотя теперь оно уже не имело большого значения для политической жизни, как мы видели из главы I. Первые два класса — пентакосиомедимны и всадники — включали в себя в значительной части представителей старой знати. Аристократов в Афинах по-прежнему проживало довольно много (сам Перикл был одним из них), По законам они не пользовались какими-либо привилегиями; тем не менее их высокий престиж и авторитет, получаемое выходцами из знатных семей хорошее образование, сохранившееся у многих из них от предшествующих эпох большое богатство выдвигали их на наиболее видную роль в общественной жизни. Именно аристократы чаще всего избирались высшими должностными лицами, возглавляли военные экспедиции в качестве командующих. Изменить положение в этом отношении не смогли, по большому счету, даже демократические реформы Клисфена, Фемистокла, Эфиальта... И лишь при Перикле ситуация начала принимать кардинально иной характер[5], что знаменовало дальнейшую и уже необратимую демократизацию полиса.

Входили в первые два цензовых класса, помимо аристократов, также и весьма зажиточные граждане незнатного происхождения, составившие свое состояние на торговле и ремесленном производстве (крупные оптовые купцы, владельцы мастерских)[6]. Впрочем, говоря о богачах, следует обязательно учитывать, что слой сказочно богатых магнатов в Афинах и в греческом полисном мире в целом — в отличие от Востока — так и не сложился. Эллада была довольно бедной страной, ее жители мыслили соответствующими категориями; не удивительно, что даже самые крупные состояния выглядели по нашим меркам довольно скромными. Мы уже видели, что состояние человека, считавшегося богатейшим в

[5] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 27.

[6] Общий и в то же время детальный просопографический обзор семей наиболее богатых афинских граждан (как знатных, так и незнатных) см. в фундаментальном, ставшем с момента своего выхода поистине незаменимым тр.: *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford, 1971.

Афинах, а то и во всей Греции, — Каллия, сына Гиппоника, заключившего мир с Персией, — оценивалось в 200 талантов (ок. 5200 кг серебра). Для какого-нибудь персидского вельможи это были бы «карманные деньги». Впрочем, богатство во все времена — понятие относительное[7].

В целом отношение к богачам со стороны массы рядового демоса было в Афинах скорее подозрительным. Считалось, что очень состоятельные люди самим своим существованием как бы нарушают принцип всеобщего равенства. Для восстановления «справедливости» демократический полис налагал на таких граждан различного рода общественные повинности — литургии. Институт литургий, без преувеличения, является ключевым для осмысления целого ряда сторон функционирования классической афинской демократии, и потому имеет смысл остановиться на нем чуть подробнее[8].

К основным видам литургий относились триерархия (афинянин, которому выпала эта повинность, должен был за свой счет оснастить и укомплектовать экипажем военный корабль), гимнасиархия (организация спортивных состязаний, устройство гимнасиев — помещений для атлетических упражнений), хорегия (набор, оплата и подготовка хора и актеров для праздничных представлений, в том числе и театральных). В вопросе о генезисе литургий мы совершенно солидарны с мнением специально изучавшей их Л.Д. Бондарь, которая отмечает, что «этот обычай... уходит корнями в глубь греческой истории и предстает перед нами как порождение аристократического общества. С другой стороны, имеются примеры аналогичных обычаев (обычаев раздаривания и истребления своего имущества) в целом ряде архаических обществ... Однако афинская демократия сумела приспособить эту систему для своих нужд, сделав ее эффективным способом перераспределения средств»[9].

Сказанное представляется нам в высшей степени принципиальным. Нам в другой связи не раз уже приходилось указывать, что афинская демократия (во всяком случае, в V в. до н.э.) в весьма значительной мере жила наследием ари-

[7] Ср.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 16.

[8] О различных видах литургий см. в отечественной историографии: *Бондарь Л.Д.* Общественные повинности (литургии) в Афинах 5 — 4 вв. до н.э.: автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Она же.* Гимнасиархия в Афинах//АМ. С. 139-155.

[9] *Бондарь Л.Д.* Общественные повинности... С. 19-20.

стократического прошлого[10]. Реалии, порожденные социумом знати, демос перенимал, переносил на себя, крепко брал в свои руки. Так получилось и с институтом литургий: восходя в своих истоках к архаичнейшим традициям типа потлача североамериканских индейцев, он стал в конечном счете механизмом, посредством которого государство перекладывало значительную часть своих расходов на частных лиц, тем самым решая многие свои финансовые проблемы[11]. Впрочем, это было и неизбежно: в полисных условиях граждане не платили регулярных прямых налогов типа подоходного (лишь в экстренных ситуациях взимался единоразовый чрезвычайный налог — эйсфора[12]), и литургии в известной степени заменяли собой налогообложение.

Нужно сказать, что в эпоху расцвета демократии сами богачи, заботясь как об общем благе полиса, так и о собственном престиже, относились к литургиям ревностно, отнюдь не пытаясь уклониться от них, а, напротив, стремясь перещеголять друг друга блеском и щедростью трат. Активное исполнение литургий приносило почет, рост политического влияния, а это считалось более весомым, чем накопление материальных ценностей[13].

Третий имущественный класс — зевгиты, среднезажиточные крестьяне, — весьма значительный по численности, на ранних этапах эволюции демократии, в ее «клисфеновский» период составлял главную социальную опору народовластия. Но в течение V в. до н.э. постепенно все большую

[10] См., в частности: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 28; *Он же.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175 и след.; *Он же.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 21.

[11] Во избежание возможных недоразумений считаем необходимым подчеркнуть (как всегда делаем в подобных случаях), что следует четко отделять друг от друга вопрос этиологии феномена и вопрос его актуальной функции. Афинские богачи-аристократы, исполнявшие в V в. до н.э. литургии вряд ли воспринимали свои действия как осуществление потлача.

[12] Об этом налоге см.: *Глускина Л.М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 23-38.

[13] Из речей ораторов видно, что даже еще в IV в. до н.э., когда уже начало происходить отчуждение граждан от общественной жизни, все-таки сплошь и рядом участвовавшие в судебных процессах лица ссылались на исполнявшиеся ими литургии, чтобы поднять свою репутацию в глазах присяжных.

роль начинал играть четвертый класс (феты), объединявший беднейших крестьян и ремесленников, наемных рабочих-поденщиков, а также лиц неопределенных занятий. Как мы уже видели выше, значение фетов особенно повысилось в ходе Греко-персидских войн, когда в связи с реализацией морской программы Фемистокла и созданием мощного афинского флота они впервые были в крупных масштабах включены в состав вооруженных сил, служа гребцами на триерах.

В отношении этой беднейшей части гражданского коллектива государство проводило вполне определенную социальную политику поддержки. Оно охраняло фетов от окончательного разорения, для чего старалось прежде всего обеспечить их земельными наделами — хотя бы за пределами Аттики, на землях полисов — членов Афинского морского союза. Именно этой цели служил институт клерухий, который мы уже характеризовали в предыдущей главе и который достиг наивысшей степени развития именно при Перикле. Далее, по инициативе того же политика для бедняков организовывались хорошо оплачиваемые общественные работы, чаще всего строительные. В их же интересах, естественно, была введена мистофория.

Разумеется, все это вводило Афины в весьма значительные траты: реальная демократия (повторим снова и снова) — дорогостоящая вещь. Не будет преувеличением сказать, что ни один другой полис греческого мира не мог позволить себе расходы подобного масштаба; но стабильности и даже росту афинского бюджета в колоссальной мере способствовал взимавшийся с союзников форос.

Помимо граждан, в Афинах жила еще одна довольно многочисленная категория свободного населения - метэки («рядом живущие»). Их в «Периклов век» насчитывалось (по различным и, безусловно, весьма приблизительным подсчетам) 25 — 35 тыс. вместе с членами семей. Статус метэков имели отпущенные на волю рабы, но прежде всего - лица, переселившиеся на постоянное жительство в Аттику из других мест, а также их потомки. Семья таких переселенцев могла проживать на территории афинского полиса на протяжении многих поколений, отчего они тем не менее не становились гражданами: такого понятия, как натурализация «по давности», не существовало. Только специальным решением экклесии, принимавшимся всякий раз ad hominem и силы прецедента не имевшим, мог метэк за какие-нибудь особые

заслуги войти в состав гражданского коллектива, а принимались такие решения в V в. до н.э. исключительно редко.

Не пользуясь гражданскими правами, метэки не могли участвовать в управлении государством, при этом, в отличие от граждан, они платили регулярный (ежегодный) налог в полисную казну (μετοίκιον). Неполная правоспособность метэков проявлялась и в том, что каждый из них должен был иметь простата (покровителя) из числа граждан; последний представлял и защищал интересы метэка перед государственными органами, чего метэк не мог делать непосредственно.

Важнейшим ограничением, накладывавшимся на метэков, было запрещение владеть землей на правах частной собственности (ввиду неразрывной связи в полисных условиях категорий гражданина и земельного собственника). Источником существования метэков не могло поэтому служить сельское хозяйство, и они чаще всего занимались ремеслом и торговлей. Впрочем, в условиях экономически развитого афинского полиса эти виды деятельности приносили значительные доходы. Многие из метэков являлись весьма зажиточными людьми и были, несмотря на низкий правовой статус, вполне удовлетворены своим положением в Афинах.

Прямое, непосредственное участие в политической жизни, разумеется, было для метэков невозможно. Впрочем, некоторые из них — те, которые стремились играть видную общественную роль, — добивались этого, но косвенными путями, не через политику. Достаточно напомнить имена нескольких видных афинских метэков второй половины V в. до н.э. (т.е. эпохи Перикла и его ближайших преемников): Анаксагор, известнейшая в полисе личность, друг и в некоторой степени учитель Перикла; Геродот, который публичным чтением отрывков своего исторического труда в Афинах снискал себе огромный успех; Протагор, за которым, когда он прибывал в «город Паллады», буквально толпами ходили молодые люди из знатных семей; Лисий, типичный представитель той самой «метэкской наследственной аристократии» — еще его отец Кефал был и богатым, и влиятельным, и вхожим в высшие эшелоны власти, вплоть до окружения «первого гражданина».

Следует полагать, что наиболее выдающиеся представители сословия метэков всегда активно и небезуспешно, используя свои связи, «лоббировали» собственные интересы в

народном собрании и других государственных институтах, опосредованно определяя некоторые политические решения. Конечно, при Перикле это происходило лишь в умеренных масштабах. Еще далеко было до IV в. до н.э., когда иные политики-лидеры, попадая в материальную зависимость от состоятельных метэков, становились рупорами их воли, когда складывалась парадоксальная ситуация: гражданин, причем авторитетный гражданин, служил своей деятельностью какому-нибудь трапезиту Пасиону или Формиону, метэку, иногда — бывшему рабу.

Коль скоро речь зашла о рабах, нельзя не сказать и об этой, находившейся на самом низу социальной лестницы (но при этом одной из наиболее многочисленных) сословной группе[14]. Кстати, что касается их численности, она сама по себе является предметом дискуссий. Некоторые античные авторы (впрочем, поздние и не слишком достоверные) называют колоссальную цифру — 400 тыс. человек. В серьезной науке наших дней эта цифра, как правило, не вызывает доверия и воспринимается как риторическое преувеличение[15]. Согласно наиболее взвешенным и осторожным оценкам, рабов в афинском полисе классической эпохи насчитывалось примерно в два раза меньше, чем свободных[16], иными словами, что-то на уровне 100 тыс. и не больше. Впрочем, и это тоже весьма значительное число — около трети всего населения государства!

[14] Подчеркнем принципиальный, как нам кажется, момент. Рабы в античном полисе представляли собой именно сословную группу, а не класс, как часто полагают. Класс — категория экономическая, предполагающая, что входящие в нее лица занимают более или менее аналогичное место в процессе производства. К рабам, среди которых встречались сельскохозяйственные работники, рудокопы, лица, трудившиеся в ремесленных мастерских, домашние слуги, организаторы-управляющие и т.д., и т.п., сказанное не подходит: никакого экономического единства мы здесь не находим. Сословие — категория юридическая, объединяющая подпадающих под нее лиц более или менее единым правовым положением, общим набором прав и обязанностей: в случае рабов — полным отсутствием прав, вплоть до принципиального отрицания за ними сколько-нибудь правоспособной личности, могущей распоряжаться собой. И вот это к рабам как раз в полной мере относится.

[15] См. разбор релевантных данных в раб.: *Westermann W.L.* Athenaeus and the Slaves of Athens // Slavery in Classical Antiquity. Cambridge, 1960. P. 73 — 92. В. Вестерманн, как известно, явился фактическим основоположником нового, более реалистичного подхода к рассмотрению античного рабства в мировой историографии.

[16] *Hansen M.H.* Three Studies... P. 12.

Как бы то ни было, вряд ли когда-либо удастся установить количество рабов в Афинах сколько-нибудь точно: естественно, рабы, в отличие от граждан и метэков, не вносились ни в какие переписи. Впрочем, упомянув раз об этой части населения, в дальнейшем мы говорить о ней практически не будем, поскольку для основной тематики монографии — политической — это совершенно иррелевантно. Рабы не имели ровным счетом никаких механизмов для участия в политике — прямого или косвенного, регулярного или спорадического, — для защиты своих сословных интересов, да и в высшей степени сомнительно, чтобы они сознавали наличие таких интересов.

Нам же приходится иметь дело почти исключительно с гражданами. Именно ими на протяжении достаточно длительного хронологического отрезка управлял герой данной главы.

* * *

Как мы уже отмечали выше, в нарративной традиции деятельность Перикла отражена, в общем-то, не лучше и не хуже, чем деятельность большинства его знаменитых предшественников и современников — Фемистокла, Аристида, Кимона... Если в современной историографии принято резко выделять Перикла из их числа, ставя на какой-то особый пьедестал и награждая эпитетами преимущественно в превосходных степенях, то подавляющее большинство древнегреческих писателей, напротив, рассматривает интересующего нас здесь политика как одного из многих, как достойного представителя эпохи — но наряду со всеми остальными. Одно исключение, впрочем, имеется, и именно это исключение впоследствии сыграло решающую роль в формировании и эволюции образа «уникального» Перикла. Ведь речь идет об «Истории» Фукидида — гениальном труде автора, по широте и глубине охвата действительности намного опередившего свое время, грандиозном полотне бытия греческого мира последней трети V в. до н.э.

Труд Фукидида, помимо других своих многочисленных достоинств, важен для нас тем, что он является важнейшим источником о Перикле, по своему значению намного превосходящим все остальные. Это живое свидетельство современника, еще видевшего «первого гражданина» собственными глазами и задавшегося целью рассказать о нем потомкам.

Отметим имеющую место парадоксальную ситуацию: с точки зрения хронологической и, так сказать, чисто «количественной», Перикл занимает не столь уж большое место в «Истории»: ведь это сочинение описывает в первую очередь Пелопоннесскую войну, а Перикл скончался в самом ее начале. В труде Фукидида восемь книг, и Перикл действует только в первых полутора — немного! Скажем, намного чаще историк обращается к Алкивиаду.

Тем не менее, хотя Фукидид и имеет возможность затронуть в своем повествовании только последние несколько лет жизни Перикла, даже и этого ему достаточно, чтобы изобразить грандиозную, почти титаническую фигуру, становящуюся одним из главных героев произведения[17]. Историк, в частности, вкладывает именно в уста Перикла несколько принципиальных, программных речей — прежде всего знаменитейшую «Надгробную речь» *(Thuc.* II. 35 — 46), которая с полным основанием считается лучшей в античной литературе характеристикой афинской демократии. Исключительно важна также итоговая, посмертная оценка Фукидидом Перикла (Ibid. 65), которую имеет смысл процитировать in extenso:

«...Для государственной деятельности Перикла считали наиболее достойным. Пока Перикл в мирное время стоял во главе города, он всегда управлял мирно и справедливо, прочно укреплял его безопасность, и при нем город достиг вершины могущества. Когда же началась война, то оказалось, что он также правильно оценил ее важность и значение... После его кончины афиняне убедились в том, насколько правильны были его расчеты и предвидения относительно хода войны... Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой проницательный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им. Когда он видел, что афиняне несвоевременно затевают слишком дерзкие планы, то умел своими речами внушить осторожность, а если они неразумно впадали в уныние, поднять их бодрость. По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина. Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами».

Рассмотрим контекст и факторы появления этого панегирика (здесь опять же интересными представляются выкладки В. Билля). Труд Фукидида был завершен уже после окончания Пелопоннесской войны и поражения Афин; поэтому его волнует вопрос о причинах катастрофы и о том, существовала ли возможность ее избежать. Давая урок своим современникам, поколению, проигравшему войну, историк рисует обобщенный образ «поколения отцов», которое было во всех отношениях лучше (подход вполне типичный для консервативно-традиционалистского менталитета классической античности) и ни в коем случае не допустило бы поражения. На роль живого воплощения этого «поколения отцов» Перикл подходил намного лучше, чем кто-либо другой. Его не стало почти в самом начале военных действий, и впоследствии ничто не мешало строить догадки о том, что, останься он в живых, афиняне вышли бы победителями из столкновения со спартанцами. Он так и остался в глазах историка последним представителем мощи и величия Афин. «Перикл должен был... умереть рано, чтобы возродиться в труде Фукидида в ореоле героя»[18].

Давая весьма высокую оценку Периклу, Фукидид тем самым выносит по контрасту обвинительный вердикт его политическим преемникам, ввергшим полис в пучину бед. Не случайно все остальные видные деятели Пелопоннесской войны (Клеон, Никий, Алкивиад) рассматриваются автором «Истории» исключительно «в свете Перикла», в порядке сравнения с ним — и сравнение это всегда оказывается для них невыгодным. Так, «демагог» Клеон предстает антиподом Перикла в чистом виде, хотя это противоречит исторической действительности: фактически у двух политиков было не меньше общих, чем отличительных черт (особенно если взять правильный ракурс сравнения и, сопоставить, скажем,

[17] В. Билль даже считает, что просто самым главным. По его мнению, начиная с главы II. 65 (смерть «первого гражданина») описание всех последующих лет войны оказывается не более чем «подстрочным примечанием к изображению Перикла» *(Will W.* Thukydides und Perikles... S. 186). Это суждение представляется нам явным преувеличением. Тем не менее рекомендуем читателю обращение к указанной монографии Билля, которая представляет собой важнейшее на сегодняшний день источниковедческое исследование образа Перикла у Фукидида.

[18] *Will W.* Perikles... S. 16.

молодого Перикла, атакующего Кимона в 60-е годы V в. до н.э., с молодым Клеоном, атакующим самого Перикла лет тридцать спустя[19]). Одним словом, Перикл у Фукидида становится некой идеальной моделью политика и полководца, «шаблоном», образом вообще без каких-либо недостатков. Он полностью освобожден от вины в развязывании афино-спартанского конфликта; его весьма спорная стратегия в первые годы Пелопоннесской войны[20] представлена как единственно верная.

Итак, именно Фукидид стал основоположником «великого мифа» о Перикле. Характерно, что на первых порах этот миф не был подхвачен: автор «Истории» со своим однозначно позитивным отношением к Периклу остался, в общем-то, одинок в среде своих современников. У других писателей V в. до н.э., еще заставших «афинского олимпийца», он выступает в совершенно ином облике, несравненно менее привлекательном. Жесткий до беспощадности, прагматичный до цинизма государственный деятель, во внутренней политике не чуждый автократическим тенденциям, во внешней же не признающий ничего, кроме имперской мощи Афин... Таков Перикл в изображении знакомых уже нам Стесимброта, Иона Хиосского, а особенно в отзывах комедиографов[21]. Насколько дружественно суждение всех этих авторов о Кимоне — настолько же их отзыв о Перикле резко негативен, вплоть до того, что его объявляют тираном: более серьезного обвинения в эти времена просто не существовало[22].

[19] Ср.: *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Oxford, 1992. Vol. 1. P. 346.

[20] О ней см.: *Allison J. W,* Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. Bd. 32, H. 1. S. 14-33; *Ober J.* Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defence // CrAH. P. 171 - 188.

[21] Разбор этих важных свидетельств о деятельности Перикла см. в монографии: *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971.

[22] Геродот упоминает о Перикле один-единственный раз (VI. 131), в довольно амбивалентном контексте — пересказывая сон о рождении льва, приснившийся будущей матери Перикла Агаристе. Метафорический мотив «рождения льва» был достаточно популярен в античной традиции (см. о его развитии: *Dyson G.W.* ΛΕΟΝΤΑ ΤΕΚΕΙΝ // ClQ. 1929. Vol. 23, N 3/4. P. 186 — 195), и его семантика не свободна от представлений о некой скрытой угрозе. От Геродота, который, как часто считается, входил в кружок Перикла, можно было бы ожидать и более однозначно позитивных отзывов об этом политике, которых мы, однако, у него не находим.

И впоследствии панегирическая точка зрения Фукидида на Перикла довольно долгое время так и оставалась редким исключением. Авторы IV в. до н.э. не испытывали большого интереса к личности и деятельности Перикла. В частности, для Платона и Аристотеля он, в сущности, был лишь одним из многочисленных афинских демагогов, внесшим свой вклад в «развращение» демоса, закономерным звеном в процессе деградации демократии; соответственно, он оценен ниже своих предшественников, но выше, чем позднейшие политики. Просто-таки бросается в глаза, например, насколько малое, просто-таки ничтожное место занимает Перикл в истории Афин, как она изложена в «Афинской политии» Аристотеля. Несколько скупых упоминаний — и не более. Автору этого трактата какой-нибудь Ферамен значительно более интересен, нежели многолетний лидер полиса[23].

Ситуация мало изменилась и в эллинистическую эпоху, на протяжении которой Перикла тоже еще не относили к «великим людям» прошлого, не ставили в один ряд с Мильтиадом, Фемистоклом или Кимоном. Например, весьма характерно, что даже Корнелий Непот в своем сборнике жизнеописаний не счел нужным уделить Периклу место. Тут, правда, следует учитывать, что Непот писал биографии знаменитых полководцев, а за Периклом почти не числилось по-настоящему выдающихся военных побед.

На этом фоне появляется биография Перикла, составленная Плутархом[24]. Последнего можно с полным основанием назвать «вторым отцом» мифа о Перикле, еще более усилившим идеализацию этого деятеля. Восторженно относясь к Фукидиду (см., например: *Plut.* Nic. **I)**[25], Плутарх всецело вос-

[23] Об образе Перикла у Аристотеля имеется специальное исслед.: *Schreiner J.H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. Но эта работа представляется нам написанной не на самом высоком уровне. Серьезный анализ автор подчас подменяет умозрительными гипотезами, а, кроме того, слишком зависит от схемы развития афинского локального историописания, предложенной Ф. Якоби, а эта схема сама по себе небесспорна.

[24] Об этом произведении см.: *Meinhardt E.* Perikles bei Plutarch. Frankfurt a. M., 1957; *Stadter Ph. A* Commentary on Plutarch's Perikles. Chapel Hill, 1989.

25 Интересный случай расхождения субъективных и объективных интенций в творчестве античного автора. Субъективно Плутарх благоговел перед Фукидидом и крайне неприязненно относился к Геродоту, объективно же, как мы видели в главе II, являлся продолжателем скорее не фукидидовской, а геродотовской, «диалогичной» линии в историописании.

принял и его представления о Перикле. Во всех тех случаях, когда по тому или иному вопросу деятельности этого политика в предшествующей античной историографии противостояли друг другу позитивный отзыв Фукидида и негативный отзыв какого-либо другого автора, херонейский биограф безоговорочно становится на сторону первого. Спорные и неоднозначные эпизоды рассматриваются только в пользу Перикла. Поэтому, кстати, Плутарх вынужден, по большей части, только и делать, что оправдывать своего героя, защищать его от обвинений, столь изобилующих в традиции[26].

Что нового вносит Плутарх в формирование образа Перикла? Если Фукидид, будучи историком Пелопонесской войны, естественным образом концентрирует свое внимание на последнем периоде деятельности «первого гражданина» (конец 30-х — начало 20-х годов V в. до н.э.), то Плутарх проецирует фукидидовскую «идеальную модель» на всю карьеру Перикла, начиная с его молодости. В частности, у Плутарха впервые появляется чрезвычайно важный аспект, полностью отсутствующий у Фукидида: Перикл не только как политический и военный лидер, но и как вдохновитель культурного расцвета классических Афин, инициатор строительной программы на Акрополе, глава плеяды ведущих интеллектуалов эпохи. Кстати говоря, именно данный аспект образа Перикла оказался особенно привлекательным впоследствии, когда этим государственным деятелем всерьез заинтересовались историки Нового времени.

В целом плутархова биография Перикла, бесспорно, является одной из лучших, наиболее информативных во всем сборнике «Сравнительных жизнеописаний» и должна быть с полным основанием отнесена к главным, наряду с трудом Фукидида, источникам, которые мы будем использовать в этой главе.

Помимо нарративной традиции, необходимо привлекать и другие виды источникового материала. Речь идет, в частности, о данных эпиграфики. Есть немногочисленные, но очень важные надписи, упоминающие Перикла. Между прочим, именно из эпиграфического документа (IG. II^2. 2318. 9-11) мы узнаем о самом первом появлении будущего «первого

[26] Об этих обвинениях, как они отразились в жизнеописании Плутарха, см.: *Ferrarese P.* Caratteri della tradizione antipericlea nella «Vita di Pericle» di Plutarco // CISA. 1975. Vol. 3. P. 21-30.

гражданина» на арене общественной жизни (в качестве хорега; подробнее см. ниже). Достаточно надежно и восстановление имени Перикла как инициатора декрета (IG. I^2. 77), устанавливающего наследственные почести потомкам тираноубийц Гармодия и Аристогитона (вторая половина 40-х годов или чуть позже)[27]. Перикл упоминается как один из стратегов в псефисме (IG. I^3. 48), определявшей судьбу Самоса после подавления на острове восстания в 439 г. до н.э.

Гораздо больше надписей, в которых имя Перикла как таковое не фигурирует, но которые тем не менее могут служить важными свидетельствами о его внутренней и внешней политике, поскольку эти постановления, что практически несомненно, принимались при его косвенном участии. Перикл далеко не всегда вносил в Совет и экклесию проекты псефисм лично, чаще предпочитая действовать через второстепенных политиков из своего окружения. Собственно, об этом прямо пишет Плутарх (Pericl. 7): «Он (Перикл. — *И.С.)* появлялся среди народа лишь по временам, говорил не по всякому делу и не всегда выступал в народном собрании, но приберегал себя, как Саламинскую триеру (известный афинский государственный корабль. — *И.С.)*... для важных дел, а все остальное делал через своих друзей и подосланных им других ораторов».

Целый ряд декретов подобного рода дошел до нас. Среди них, в частности, важные псефисмы, регулировавшие отношения в Афинской архэ, совершенствовавшие администрирование в союзе и управление его членами: декрет Клиния 447 г. до н.э. (IG. I^3. 34)[28], декрет Каллия 434 г. до н.э. (IG. I^3. 52р.

[27] *Forrest W.G.* Aristophanes, Lysistrata 231 // C1Q. 1995. Vol. 45, N 1. P. 240-241.

[28] Инициатор этого декрета Клиний — отец Алкивиада. Жена Клиния Диномаха была родной сестрой первой супруги Перикла. См.: *Thompson W.E.* The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. Vol. 11, N 1. P. 27 —33). Клиний принадлежал к самому близкому окружению Перикла: последний даже стал опекуном его детей, когда Клиний погиб в сражении.

[29] Каллия, предложившего этот декрет, не следует путать со знаменитым дипломатом Каллием, сыном Гиппоника (последнего на момент принятия псефисмы уже не было в живых). Это — его родственник Каллий, сын Каллиада (о нем см.: *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГДА. Ч. 1. С. 108), тоже представитель рода Кериков и тоже отличившийся на внешнеполитической арене (именно он заключил договоры Афин с великогреческими полисами Регием и Леонтинами).

Мы также по-прежнему остаемся в числе приверженцев традиционной точки зрения, согласно которой именно временем Перикла (40-ми годами V в. до н.э.) должен датироваться знаменитый Монетный декрет Клеарха (IG. I[3]. 1453), который породил колоссальную исследовательскую литературу и стал объектом острых дискуссий[30]. Все эти постановления рождались в виде законопроектов, так сказать, в «мозговом центре» Перикла, а уж кто конкретно потом внесет их на рассмотрение государственных органов — не имело принципиального значения: все равно наиболее осведомленные сограждане прекрасно понимали, что за фигура на деле стоит за этими акциями.

Несомненно, к числу весьма важных источников по деятельности Перикла принадлежат τά Περικλέους Εργα — возведенные по его инициативе памятники архитектуры и искусства. Эти памятники (прежде всего комплекс Афинского акрополя) восхищали уже современников, в значительной части сохранились в более .или менее пригодном для изучения состоянии вплоть до наших дней и, естественно, тоже породили весьма обширную исследовательскую литературу[31]. Перед нами — не только художественные шедевры, но и в полном смысле слова элементы монументальной пропаганды, характерной для «Периклова века». Фидий, руководивший реализацией строительной программы (скорее всего, он же и составил общий проект), был одним из самых близких друзей Перикла[32] и увековечил эту их близость в рельефном

[30] Более подробное изложение нашей точки зрения см.: *Суриков И.Е.* Полемика о датировке Афинского монетного декрета: к оценке аргументации сторон // Десятая Всеросс. нумизмат, конф.: тез. докл. и сообщ. М., 2002. С. 9-10.

[31] Укажем лишь несколько важных исслед.: *Boersma J.S.* Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B.C. Groningen, 1970; *Donnay G.* Politische Anspielungen in der attischen Kunst des 5. Jahrhundert // PSZ. S. 379-394; *Knell H.* Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979; *Zinserling G.* Das Akropolisbauprogramm des Perikles // Kultur und Fortschritt in der Blütezeit des griechischen Polis. B., 1985. S. 206-246; *Corso A.* Monumenti Periclei. Venezia, 1986; L'esperimento della perfezione: Arte e società nell'Atene di Pericle / A cura di E. La Rocca. Milano, 1988; *Castriota D.* Myth, Ethos and Actuality: Official Art in Fifth-Century B.C. Athens. Madison, 1992. P. 134 — 229; *Строгецкий В.М.* Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия Афин // АКРА: сб. науч. тр. Н. Новгород, 2002. С. 142-148.

[32] В целом понятие «кружок Перикла», о котором еще пойдет речь ниже, представляется довольно расплывчатым; в него порой включают, без достаточных к тому оснований, едва ли не всех видных деятелей греческой культуры V в. до н.э. Но как раз в отношении Фидия сомнения неуместны: он, безусловно, был близок к Периклу, причем не только в силу профессии, но и лично.

изображении амазономахии на щите храмовой статуи Парфенона — прославленной Афины Парфенос. Семантическая нагрузка этого изображения в святая святых главного аттического святилища была колоссальной. И в столь сакральном месте скульптор осмелился поместить в число участников битвы с амазонками Перикла (судя по всему, в образе Тесея), а рядом — и самого себя[33], за что, кстати, и пострадал впоследствии. Весь этот эпизод известен не только из письменного источника *(Plut.* Pericl. 31); к счастью, частично сохранилась одна из реплик щита Афины; реплика (так называемый «щит Странгфорда») поздняя и небольшая, но даже и ней прекрасно виден Перикл — почти точь-в-точь такой, как описывает Плутарх: «Рука Перикла, державшая поднятое копье перед лицом, сделана мастерски, как будто он хочет прикрыть сходство, но оно видно с обеих сторон»[34].

Коль скоро речь зашла о скульптуре, нельзя не упомянуть знаменитый бюст Перикла работы принадлежавшего к его кругу скульптора Кресилая *(Plin.* Nat. hist. XXXIV. 74). Бюст дошел до нашего времени в позднейших копиях, которые, насколько можно судить, весьма верно передают оригинал. Благодаря этому, ставшему хрестоматийно известным памятнику Перикл является, пожалуй, самым «узнаваемым» из древнегреческих политических деятелей V в. до н.э. Он изображен в шлеме — дабы, согласно канонам высокой классики, предполагавшим изображение идеально совершенного человека, без телесных недостатков, скрыть его небольшое уродство: голова у Перикла «была продолговатая и несоразмерно большая. Вот почему он изображается почти на всех статуях со шлемом на голове, — очевидно, потому, что скульпторы не хотели представлять его в позорном виде» *(Plut.* Pericl. 3). Комедиографы, в отличие от ваятелей, не имели подобных комплексов и поэтому постоянно подшучивали над головой Перикла, называя его «головастым Зевсом» (Ζευς κραιός), «лукоголовым Зевсом» (σχινοκέφαλος Ζευς), «собирателем голов» (κεφαληγερέτα — пародия на гомеровское νεφεληγερέτα, «собиратель туч»), *«.главой* (κεφάλαιον)

[33] Об историко-политическом контексте изображения см.: *Суриков И.Е.* Перикл, Амис...

[34] Ср.: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Судьба Парфенона. М., 2000. С. 103-105.

подземных царств» (здесь опять же игра слов, опирающаяся на имеющую место в греческом языке, как и в русском, семантическую и этимологическую близость слов «голова» и «глава»). Порой выходило действительно забавно, как, например, у комика Телеклида, писавшего, что Перикл «то сидит в городе в недоумении от множества дел, с тяжелой головой, то один из головы своей огромной поднимает страшный шум»[35]. Интересно, что на бюсте Кресилая Перикл, в общем-то, не производит впечатления «лукоголового». Либо комедиографы, по своему обыкновению, чрезмерно преувеличили эту особенность внешности «первого гражданина», либо скульптор его сильно приукрасил.

Переходя к историографии о Перикле, повторим то, что было уже сказано в начале главы: эта историография колоссальна, практически необъятна. Не имеет никакого смысла перечислять работы о нем хотя бы с некоторой степенью полноты и репрезентативности, поэтому мы назовем лишь некоторые важнейшее монографические исследования: книги Й. Грегора, М. Делькур, Г. Де Санктиса, Э. Берна, Л. Омо, В. Эренберга, Ф. Шахермейра, П. Клоше, С. Бауры, Ф. Шатле, Ж.-Ж. Маффра, А. Кравчука, Ч. Форнары и Л. Сэмонса, Д. Кэгена, М. Леви[36]. Иными словами, исследования, посвященные Периклу, изобилуют практически во всех ведущих национальных школах антиковедения: англо-американской, немецкой, французской, итальянской и др. Для подавляющего большинства перечисленных монографий характерна ярко выраженная апологетическая, идеализирующая

[35] Все эти цитаты сохранены для нас Плутархом в биографии Перикла — произведении, которое и в целом является ценнейшим кладезем фрагментов из не дошедших памятников древней аттической комедии.

[36] *Gregor J.* Perikles: Griechenlands Grösse und Tragik. München, 1938; *Delcourt M.* Pericles. P., 1939; *De Sanctis G.* Pericle. Milano, 1944; *Burn A.R.* Pericles and Athens. L., 1948; *Homo L.* Pericles: Une experience de democratie dirigee. P., 1954; *Ehrenberg V.* Sophokles und Perikles. München, 1956; *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968; *Idem.* Perikles. Stuttgart, 1969; *Cloche P.* Le siecle de Pericles. P., 1970; *Bowra C.M.* Periclean Athens. N.Y., 1971; *Châtelet F.* Pericles et son siecle. *P.* 1990; *Maffre J.-J.* Le siecle de Pericles. P., 1990; *Кравчук А.* Перикл и Аспасия. М., 1990; *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N-Y. 1991; *Levi M.A.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996. Специальное внимание хотелось бы обратить на важное исследование по хронологической проблематике жизни и деятельности Перикла: *Bayer E., Heideking J.* Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975.

тенденция по отношению к Периклу; иногда она перерастает в откровенно панегирическую (Кэген). Перикл предстает колоссальной, едва ли не титанической фигурой, несоизмеримо превышающей по значению всех без исключения своих современников. Собственно, подобный взгляд идет уже от некоторых античных авторов. Выше мы видели, что Фукидид, сопоставляя «первого гражданина» с действовавшими после него политиками, делает однозначный выбор в пользу Перикла. Еще более категоричен Плутарх (Pericl. 16): «Он (Перикл. — *И.С.)* сорок лет первенствовал среди Эфиальтов, Леократов, Миронидов, Кимонов, Толмидов и Фукидидов...». Эта точка зрения была всецело воспринята в современной историографии. Но вот парадокс: когда заходит речь о том, за какие же грандиозные деяния Перикл поднят на столь высокий пьедестал, вместо этого авторам книг о нем приходится по большей части рассказывать не о Перикле как таковом, а о «Перикловом веке», описывать политическую систему афинской демократии, которая — при всем уважении к Периклу — все-таки не была его созданием, а сформировалась на протяжении длительного исторического периода.

Лишь в некоторых монографиях (Грегор, Омо, Эренберг, Кравчук) обнаруживаем попытки не столь однозначного подхода, стремление отказаться от идеализации Перикла и не превращать его в одномерный, шаблонный образ. Но здесь мы часто встречаемся с нерефлектированностью намерений: тот или иной автор инстинктивно ощущает, что реальный Перикл был все-таки не вполне таким, как Перикл фукидидовско-плутарховской традиции, но вместо воссоздания его реального облика (а это действительно чрезвычайно трудная задача) занимается мелочными выпадами против давно умершего человека, заставляя вспомнить басню «Слон и Моська». Скажем, А. Кравчук упрекает Перикла за то, что он с чрезмерной жесткостью обращался с союзниками по Архэ, беспощадно подавлял восстание на Самосе и прочее в том же Духе. Всё это, в сущности, лишь повторение обвинений, которые предъявляли «первому гражданину» уже его современники из числа политических противников, — но что принципиально нового это дает? От того, что Александр Македонский убил Клита, расправился с Филотой и Парменионом, посадил в клетку ученого Каллисфена, он не перестает быть Александром Великим, человеком, изменившим мир. Как говорится — «и на солнце есть пятна». Объектив-

ный анализ выдающейся личности не следует подменять мелочным выискиванием недостатков. Воссоздание «истинного» Перикла должно идти по иному пути.

В самые последние годы, как нам представляется, начали появляться работы, в которых «демифологизация» Перикла проводится уже со значительной степенью системности. Мы имеем в виду монографию Ш. Шуберт[37], а прежде всего неоднократно упоминавшиеся выше книги В. Билля, в которых новое отношение к этому государственному деятелю достигает апогея. «Развенчание» Перикла идет не столько путем утрированного подчеркивания его негативных черт, как случалось ранее, сколько акцентированием того обстоятельства, что он был политиком значительно меньшего масштаба, чем обычно полагают, всего лишь одним из многих. Понятие «Периклов век» дезавуируется как историографическая фикция, или «мнимая реальность». Отрицается связь Перикла с демократическими преобразованиями 50-х годов V в. до н.э., в результате которых афинское народовластие обрело свои классические, сложившиеся формы. Даже в праве считаться инициатором знаменитой строительной программы, прославившей его имя, Периклу отказывают. В результате подобных вивисекций со значительными элементами гиперкритики источников от «первого гражданина» действительно не остается почти ничего. Но продуктивен ли этот путь, приводит ли он к постижению пресловутого «истинного» Перикла? Позволим себе в этом усомниться: перед нами — другая крайность, хотя, наверное, и неизбежная в качестве реакции на безудержную идеализацию Перикла в антиковедении прошлого.

Вспомним гегелевскую триаду: тезис — антитезис — синтез. Можно сказать, что ныне применительно к Периклу историография находится на второй ее стадии. Остается надеяться, что когда-нибудь последует третья, синтетическая, объединяющая в себе позитивные черты предыдущих подходов. Как ни парадоксально, подлинное «открытие» Перикла, несмотря на то что о нем так много писали, представляется делом будущего. И данная глава (тем более, что ее объем неизбежно ограничен), конечно, отнюдь не претендует на то, чтобы внести лепту в это «открытие». Максимум, на который мы можем рассчитывать, — постановка в новом ракурсе каких-то более или менее существенных вопросов.

[37] *Schubert Ch.* Perikles. Darmstadt, 1994.

Перикл является единственным древнегреческим политическим деятелем V в. до н.э., о котором написаны книги и в отечественной литературе. Это — монографии В.П. Бузескула[38], довольно давние, но в целом не устаревшие (этот исследователь отличался большой скрупулезностью в анализе источников, а новых данных о Перикле за истекший век появилось весьма мало), а также книга Ф.Н. Арского[39], изданная в популярной серии «Жизнь замечательных людей» и уже поэтому не имеющая научного аппарата, но с концептуальной точки зрения весьма интересная. Последний период деятельности Перикла рассмотрен в монографии М.С. Корзуна[40].

Из всего сказанного для нас вытекает однозначный вывод: писать биографию Перикла следует, опираясь в первую очередь на данные источников. Примерно то же самое было сказано нами в начале главы об Аристиде, но по причине явно недостаточной изученности деятельности этого политика в литературе. А применительно к Периклу, как ни парадоксально, тот же подход необходим по диаметрально противоположной причине — из-за изобилия посвященных ему работ. Можно со всей ответственностью констатировать: даже если исследователь всю жизнь будет заниматься *только* Периклом — перечитать всё, что о нем когда-либо было написано, решительно невозможно. Это просто не под силу одному человеку. И, соответственно, наверное, уже нельзя или почти нельзя высказать какую-нибудь новую идею о Перикле, которая в той или иной форме кем-нибудь не высказывалась бы ранее. А если такое все-таки возможно, то только на базе максимального внимания ко всей совокупности источников, их комплексного анализа и (обязательно) синтеза, их нового прочтения.

В то же время мы отнюдь не ставим перед собой задачу пересказывать текст источника (резоннее было бы порекомендовать читателю обратиться напрямую к Фукидиду или Плутарху). Мы попытаемся прежде всего обрисовать тот образ Перикла и его деятельности, который сложился у нас за годы занятий соответствующей тематикой. Упор будет де-

[38] *Бузескул В.П.* Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889; *Он же.* Перикл. Личность, деятельность, значение. Л., 1923.

[39] *Арский Ф.Н.* Перикл. М., 1971.

[40] *Корзун М.С.* Социально-политическая борьба в Афинах в 425 гг. до н.э. Минск, 1975.

латься не столько на факты, сколько на характеристики Этот «наш» Перикл, которого мы намерены показать читателю, будет, конечно, в чем-то отличаться от нормативной фигуры, созданной историографией. Но, думается, мы имеем на это право. В конце концов, каждый исследователь пишущий об интересующем нас человеке, в какой-то мере творит «своего» Перикла.

* * *

Перикл, сын Ксантиппа, из дема Холарг родился в первом десятилетии V в. до н.э. Впрочем, дату его появления на свет можно установить и с большей степенью точности. Согласно проделанным нами в ряде других работ выкладкам[41], это событие с весьма большой степенью вероятности следует отнести к 494 г. до н.э.[42]

По происхождению будущий лидер демократии принадлежал к самой верхушке афинской аристократической элиты. По прямой мужской линии он вел род из Бузигов — древнего и почтенного, но не слишком влиятельного в политической жизни клана. Однако Бузигом Перикл был в известной степени формально. В его жилах текло значительно больше крови Алкмеонидов, — судя по всему, три четверти. Действительно, уже отец Перикла Ксантипп — видный политический деятель и полководец первого этапа Греко-персидских войн, с которым мы уже неоднократно встречались, — являлся Бузигом только по линии своего отца (Арифрона), а по матери — Алкмеонидом; более того, именно он на момент рождения Перикла возглавлял политическую группировку, концентрировавшуюся вокруг Алкмеонидов. В дальнейшем «алкмеонидовская» составляющая в родословной Перикла продолжала нарастать: Ксантипп женился на Агаристе — представительнице того же рода, слывшего «проклятым» за давнее Килоново дело, о котором ему периодически напоминали враги.

Известно о трех детях, родившихся в браке Ксантиппа и Агаристы: сыновьях Перикле и Арифроне[43] (неизвестно, кто

[41] См.: *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 18; *Он же.* Ксантипп, отец Перикла... С. 102; *Он же.* Из истории греческой аристократии... С. 195; *Он же.* К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. №4. С. 73-78.

[42] Ср. также: *Ridgway B.S.* An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos // ALA 1998. Vol. 102, N 4. P. 720.

[43] Об Арифроне см.: *Суриков И.Е.* К интерпретации имени...

из них был старше, не исключено даже, что они являлись близнецами) и дочери (имя ее не сохранилось), которая была, скорее всего, несколько моложе[44]. Из двух братьев Арифрон ровным счетом никак не проявил себя в общественной жизни полиса[45], но эту его пассивность с лихвой «компенсировала» бурная деятельность Перикла.

Привлекает внимание имя Перикла — вообще редкое в Афинах и, во всяком случае, не зафиксированное в круге его ближайших предков и родственников (а именно ономастикой этого круга обычно использовался в афинских семьях при имянаречении[46]). Если верно наше предположение (которое, конечно, не может быть доказано с абсолютной уверенностью), что «Перикл» — стяженное от «Периклимен», то оказывается, что называя сына подобным образом, Ксантипп и Агариста желали напомнить согражданам о древности генеалогической традиции Алкмеонидов, уводившей в Пилос II тысячелетия до н.э. Ведь Периклименом именовали одного из крупных представителей династии пилосских Нелеидов. Согласно легенде, он был одним из сыновей царя Нелея *(Apollod.* I. 9. 9) и стал, вместе с отцом и большинством братьев, жертвой Геракла. Но от Периклимена остались потомки, и в частности, один из них, его праправнук Меланф, спасаясь от дорийского нашествия на Пелопоннес, бежал в Аттику *(Paus. II.* 18. 8). Там он чрезвычайно прославился и, отстранив от правления последнего из афинских царей — «автохтонов» Фимета, сам пришел к власти. Меланф стал основателем династии, которую в науке обычно называют Кодридами-Медонтидами.

Правда, Алкмеониды не возводили свое происхождение по прямой линии к Периклимену и Меланфу. Они тоже принадлежали к Нелеидам, но к несколько иной их ветви. Тем не менее, очевидно, существовало представление о некоторой группе наиболее знаменитых предков, о которых помнили все и с которыми ассоциировать себя считалось особенно

[44] Об этой женщине, родной сестре Перикла, см.: *Plut.* Pericl. 37 (в связи с ее смертью в начале Пелопоннесской войны).

[45] Сын Арифрона Гиппократ, племянник Перикла на первом этапе Пелопоннесской войны несколько раз становился стратегом, командовал афинским ополчением в сражении при Делии (424 г. до н.э.) и в нем же погиб (Thuc. IV. 101. 2).

46 Что приводило к континуитету личных имен в греческих семьях на Протяжении многих поколений. См.: *Habicht Chr.* Beitrage zur Prosopographie der altgriechischen Welt // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 110 u. folg.

престижно. Нелеид Алкмеон, родоначальник Алкмеонидов, являлся фигурой маргинальной и мало кому известной[47]. А о Меланфе и его «дедах и прадедах», среди которых находился Периклимен, знал, конечно, любой афинянин. Так что лишний раз напомнить о своей связи с этой династической линией представлялось не лишним для аристократической семьи — особенно в связи с тем, что с VI в. до н.э. происходила общая актуализация подобного рода «нелеидских» генеалогических ассоциаций[48].

Детские годы Перикла проходили в тревожной обстановке[49], уже хорошо знакомой нам из предыдущих глав. Это были 80-е годы, которые с внешнеполитической стороны характеризовались нарастанием персидской угрозы, а с внутриполитической — острейшей борьбой группировок и серией остракофории. Инициированные Фемистоклом остракофории были направлены в первую очередь против Алкмеонидов и близких к ним лиц. Уходили в изгнание, покидая полис, родственники будущего «первого гражданина». Так, в 486 г. до н.э. жертвой остракизма стал его дядя, брат Агаристы Мегакл, сын Гиппократа. В 484 г. та же участь постигла и Ксантиппа, отца Перикла. Не приходится сомневаться, что все эти события оставили тяжелый след в душе мальчика. И впоследствии, став уже взрослым и влиятельным гражданином, он, как сообщает Плутарх (Pericl. 7), «боялся остракизма».

Со временем ситуация для Алкмеонидов изменилась к лучшему. В 480 г. до н.э. изгнанники досрочно возвратились на родину. Примерно тогда же, как уже не раз говорилось, была создана «антифемистокловская» коалиция аристократических родов — Филаидов, Алкмеонидов и Кериков, вскоре получившая преобладающее влияние в Афинах. Ведущую роль в этом альянсе и во всем полисе, как мы знаем, долгое

[47] К тому же он в памяти последующих поколений не мог не смешиваться с другим, несравненно более знаменитым Алкмеоном (сыном Амфиарая). А ассоциации с этим героем родителям Перикла совершенно не требовались, поскольку он считался осквернённым и проклятым за матереубийство. См.: *Delcourt M.* Greste et Alcmeon. P., 1959.

[48] Судя по всему, в первую очередь по инициативе Писистратидов: *Shapiro H.A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P. 87 - 96; *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* Писистратиды — потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 122-130.

[49] Ср.: *Burn A.R.* Op. cit. P. 13.

время играл Кимон — личность яркая, неординарная, а Перикл все эти годы вынужденно оставался на «вторых ролях» и даже, судя по всему, входил в «группу поддержки» Кимона[50]. Хотя вряд ли эта поддержка была искренней: и Кимон, и Перикл не могли не помнить, что еще их отцы, Мильтиад и Ксантипп, находились в непримиримой вражде.

Но другого выбора у Перикла пока не имелось. Во-первых, он был еще очень молод и не мог действовать самостоятельно. Во-вторых, сказывались и другие негативные факторы, прежде всего происхождение Перикла из Алкмеонидов. Столько «грязи», столько компрометирующего материала было в предшествующие годы выплеснуто на этот род, что это просто не могло пройти бесследно, не ударив по его репутации[51]. Перикл и рад был бы избавиться от «бремени Алкмеонидов», которое, пожалуй, больше препятствовало, чем помогало успешной политической карьере. Однако оторваться от рода он не мог: поскольку в первой половине V в. до н.э. сохранялись в значительной мере традиции, шедшие еще от аристократической эпохи, достичь высот в полисе, добиться положения в рядах властной элиты можно было только с опорой на родственников — семью и связанное кровными узами ближайшее окружение, выступавшее основой, ядром группировки любого лидера. Политические альянсы, как мы уже неоднократно имели возможность видеть, создавались по родственному признаку, посредством матримониальных комбинаций. Периклу такого рода ситуация была, конечно, не по душе. Пока, на заре своей карьеры, он, конечно, при всем желании ничего не мог в ней изменить; но впоследствии, достигнув значительного влияния, можно было попытаться и внести серьезные коррективы в существующие нормы общественной жизни. Как увидим ниже, на вершине своего могущества Перикл именно нечто подобное и предпринял. Но случилось это значительно позже, а пока вернемся к молодым годам интересующего нас политика.

Существовало для Перикла одно обстоятельство, которое отягчало достижение ведущего положения в государстве: как сообщает Плутарх (Pericl. 7), «собою он казался похожим на тирана Писистрата; его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей». Кстати, сходство с Писистратом было

[50] Ср.: *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // PSZ. S. 144 u. folg.

[51] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 188.

не случайным совпадением. В результате политических браков еще в VI в. до н.э. многие афинские аристократические семьи неоднократно породнились друг с другом, так что их родословные в значительной степени переплелись. И Перикл по одной из многочисленных женских линий действительно являлся праправнуком знаменитого афинского тирана[52]. В период, когда тирания Писистратидов была уже свергнута и к ней формировалось все более отрицательное отношение, вплоть до полного неприятия[53], когда происходило складывание основ демократии и шла ожесточенная борьба с Персией, в которой обосновались последние отпрыски династии тиранов, — такое родство, безусловно, не могло не казаться согражданам подозрительным.

Тем не менее несмотря на все это, Перикл все-таки самим своим происхождением был, можно сказать, почти обречен на активную государственную деятельность. Знатный аристократ, сын одного из лидеров полиса, имевший в числе родственников и свойственников немало видных политиков, он без колебаний и сам пошел по той же стезе. Способствовал его продвижению некоторый дефицит ярких личностей, имевший место в Афинах в 60-е годы. Плутарх справедливо пишет (Pericl. 7): «Аристид умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимона походы удерживали по большей части вне Эллады». К этому можно было бы еще добавить: умер (или, скорее, погиб) и Ксантипп, отец Перикла. Это случилось около 473 — 472 гг. до н.э.[54], и группировка Алкмеонидов осталась вообще практически без ярких вождей. Перикл, несмотря на свою молодость, оставался единственным, кто мог играть роль такого вождя. И он принял ее на себя, действуя пока исподволь, пользуясь, скажем, временным отсутствием Кимона, который действительно ежегодно надолго убывал в поход. Прямого, «лобового» столкновения с Кимоном Перикл, конечно, в то время еще не выдержал бы: несоизмерим был их политический вес. Кстати, не тогда ли выработалась одна

[52] В чем можно убедиться, ознакомившись с генеалогическими таблицами в нашей кн.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 249 и след. Матерью Перикла являлась Агариста, а ее матерью, в свою очередь, — дочь тирана Гиппия, сына Писистрата.

[53] Этот процесс подробно прослежен в работе: *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560-510 B.C. Stuttgart, 1993. Passim.

[54] *Суриков И.Е.* Ксантипп, отец Перикла... С. 106 (с обоснованием датировки смерти Ксантиппа).

из наиболее важных впоследствии черт всей политики Перикла (как внутренней, так и внешней): переиграть врага тактически, выжиданием и осторожностью, по возможности не рисковать, не ввязываться в открытый бой, а если уж делать это, то только тогда, когда решающий перевес достигнут и победа обеспечена?

Первое появление Перикла на арене общественной жизни датируется 472 г. до н.э., когда будущему «первому гражданину» исполнилось лишь двадцать с небольшим лет (по афинским меркам это было весьма раннее начало)[55]. Выше мы уже упоминали надпись, из которой это известно: Перикл выступил в качестве хорега, исполняя литургию, что для молодого политика из состоятельной семьи всегда было хорошим способом заявить о себе. Он поставил на свои средства драматическую трилогию великого Эсхила, который, судя по всему, уже и ранее был связан тесными узами с семьей Перикла. Именно в состав эсхиловской трилогии 472 г. входили знаменитые «Персы» — одна из самых прославленных древнегреческих трагедий, при этом почти единственная, сюжетом которой был сделан не миф, а событие недавнего прошлого[56]. Трагедия рассказывала о Саламинском сражении. Как известно, ведущую роль в последнем сыграл Фемистокл, ставший фактически главным «кузнецом» эллинской победы. В связи с этим в высшей степени характерно, что в «Персах» не упоминается даже имя Фемистокла, его вклад всячески затушевывается[57]. И это, нужно полагать, не случайно: саламинский герой еще оставался в полисе (лишь пару лет спустя он был подвергнут остракизму), но его влияние уже упало; к тому же Перикл, входивший в направленную против Фемистокла коалицию, не имел никакого резона увековечивать его заслуги.

Тем не менее, хотя субъективно Перикл ни в коей мере не выступал сторонником Фемистокла, объективно он более

[55] Уже этот факт свидетельствует против построений В. Билля, который стремится показать, что Перикл стал играть важную роль в афинском полисе лишь очень поздно, в самом конце 50-х годов V в. до н.э. *(Will W.* Perikles... S. 47 u. folg.).

[56] Об этом и других (крайне немногочисленных) примерах такого рода см.: *Суриков И.Е.* Клио на подмостках: классическая греческая драма и Историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М„ 2005. С. 93 и след.

[57] Ср.: *O'Neill E.* Note on Phrynichus' Phoenissae and Aeschylus' Persae // ClPh. 1942. Vol. 37, N 4. P. 425-427.

чем кто-либо в Афинах явился продолжателем его дела [58]. Если в годы преобладания Кимона темпы демократизации афинского полиса значительно замедлились, а то и приостановились, то Перикл, подобно Фемистоклу, позиционировал себя, несмотря на весьма знатное происхождение, как политик демократической ориентации. Это неизбежно сталкивало Кимона и Перикла друг с другом. А может быть, ход событий следует представлять несколько иным образом: Перикл, превращаясь из неискреннего сторонника Кимона в его главного противника, становясь самостоятельным лидером, должен был заявить какую-то политическую позицию, чтобы на ее почве привлечь к себе как можно больше приверженцев. Демократические лозунги в борьбе против «чопорного аристократа» Кимона оказывались в высшей степени подходящими. Во всяком случае, именно такая картина вырисовывается из сообщений Аристотеля (Ath. pol. 27) и Плутарха (Pericl. 7)[59].

[58] Интересно, что характеристики, даваемые Фемистоклу и Периклу Фукидидом (соответственно I. 138 и II. 65), имеют между собой немало общего. В частности, историк подчеркивает прозорливость обоих государственных деятелей, их умение предвидеть будущее. Насколько можно судить, Фемистокл и Перикл представляли собой один и тот же тип политика — именно такой, который в наибольшей степени коррелировал с внутренним духом классической афинской демократии.

[59] Высказывание Плутарха особенно характерно: Перикл «стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов — вопреки своим природным наклонностям, совершенно не демократическим. По-видимому, он боялся, как бы его не заподозрили в стремлении к тирании, а кроме того видел, что Кимон стоит на стороне аристократов и чрезвычайно любим ими. Поэтому он и заручился расположением народа, чтобы обеспечить себе безопасность и приобрести силу для борьбы с Кимоном». Конечно, ко всем таким характеристикам нужно относиться cum grano salis. Плутарх, безусловно, мог лишь гипотетически воссоздавать ход мыслей жившего за пятьсот лет до него Перикла. Кроме того, не следует забывать, что для Плутарха знаки позитива и негатива применительно к понятиям «демократия» и «аристократия» расставлялись иначе, чем для нас: «власть лучших» была в его глазах, безусловно, предпочтительней, чем «власть народа».

И тем не менее в данном суждении, как представляется, есть значительная доля истины. Это доказывается как историческими параллелями — примерами из карьеры других политиков, решивших создать собственную группировку (Писистрат, Фемистокл), так и общими соображениями о преимущественно личностном и конкретно-ситуативном, а не программном характере политической борьбы в полисных условиях. См.: *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v.Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979. S. 130.

Как бы то ни было, 60-е годы V в. до н.э. стали уже периодом атак Перикла на Кимона — сначала осторожных, затем все более и более смелых и острых. Первое время политическая борьба развертывалась на таком специфическом поприще, как театральная сцена. Перикл и после своей хорегии продолжал поддерживать тесную связь с Эсхилом, который своим талантом оказывал молодому политику помощь. Так, в трагедии «Семеро против Фив», поставленной в 467 г. до н.э., драматург, помимо прочего, проводит мысль о том, что человек, на роде которого лежит проклятие, может, тем не менее, оказаться прекрасным вождем, защитой государства. У зрителей не могла не возникать аллюзия на Перикла, в чьих жилах текла кровь «осквернённых» Алкмеонидов[60]. Содержит благоприятные для Перикла реминисценции трагедия Эсхила «Просительницы» (463 г. до н.э.)[61]. Наконец, в последнем из дошедших до нас крупных творений этого драматурга, «Эвменидах», поддержана реформа Ареопага, а эту последнюю хоть и осуществлял Эфиальт, но опять же при активной поддержке (а, может быть, и по инициативе) Перикла[62].

Если Перикл связал свою раннюю политическую карьеру с умудренным опытом Эсхилом, то Кимон в эти годы делал ставку на «восходящую звезду» афинской драматической сцены — молодого Софокла. Эту своеобразную борьбу Кимону и Софоклу в каком-то смысле удалось выиграть: во всяком случае, начинающий трагедиограф стал сразу пользоваться громкой славой, затмил популярностью своего старшего соперника, и тот постепенно отошел на второй план. Молодость росла, а старость умалялась, как оно обычно и бывает в жизни. Но если Софокл победил Эсхила в театре, то на политической арене именно по той же причине Кимона понемногу начинал одолевать Перикл: он был моложе, его карьера только начиналась и обещала быть весьма успешной.

[60] *Post LA.* The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. 1950. Vol. 44, N 4. P. 49-52.

[61] *Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15-24.

[62] *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 37 и след.

* * *

А начиналась карьера Перикла по всем правилам афинской политики. Он, как мы видели, исполнял литургии, а также, начиная с достижения тридцатилетия, выставлял свою кандидатуру на различные полисные магистратуры, и особенно на должность стратега, которая была во всех отношениях предпочтительной перед остальными: и замещалась она по избранию, а не по жребию, так что можно было как-то повлиять на ход голосования, и занимать ее можно было неограниченное количество раз, постепенно укрепляя свой «политический вес», и реальная роль этого поста в государстве была значительно больше, чем у какой-либо иной магистратуры.

Естественно, уже с молодости выступал Перикл и в качестве оратора в народном собрании и судах (такой род общественной деятельности был позволен и гражданам в возрасте моложе 30 лет), сразу снискав себе репутацию великолепного мастера красноречия. Процитируем опять Плутарха (Pericl. 8), дающего хорошую характеристику ораторскому дару Перикла: «...Он далеко превзошел всех ораторов. По этой причине, говорят, ему и было дано его известное прозвище («Олимпиец». — *И.С.)*... Из комедий того времени, авторы которых часто поминают его имя как серьезно, так и со смехом, видно, что это прозвище было дано ему главным образом за его дар слова: как они говорят, он гремел и метал молнии, когда говорил перед народом, и носил страшный перун на языке»[63]. Судя по всему, Перикл действительно являлся самым крупным греческим оратором «дориторической» эпохи[64], периода, когда искусство красноречия еще не стало (или только-только становилось) предметом осознанной рефлексии и направленного преподавания. Эта постановка риторики на научную основу, как известно, связана с деятельностью софистов и близких к ним теоретиков (Горгий, Тисий, Корак и др.)[65]. В Афинах первым активно занялся разработкой и практическим воплощением соответствующей проблематики младший современник Перикла — оратор и софист Антифонт[66]. Впрочем, и сам Перикл во второй половине своей деятельности весьма интенсивно общался с представителями софистического движения, так что, не исключено, мог многое от них почерпнуть.

Однако в целом «афинский олимпиец» относился, повторим, еще к ораторам «старого стиля», которые опирались главным образом на импровизацию и не записывали своих речей. Именно поэтому, кстати, мы не имеем никаких аутентичных произведений Перикла. «Сочинений в письменном виде Перикл никаких не оставил, кроме народных постановлений» *(Plut.* Pericl. 8). Несколько речей Перикла, передаваемых Фукидидом, не должны, разумеется, рассматриваться как заведомо недостоверные (все-таки историк в молодости слушал самого «первого гражданина»), но они все-таки не могут восприниматься и как реальное, точное отражение того, что говорит лидер полиса. Это — пересказ по памяти, к тому же со значительными изменениями, внесением элементов собственных взглядов Фукидида и пр. Впрочем, на проблеме речей в труде этого автора (в том числе и речей Перикла) мы не можем подробно останавливаться: эта проблема — одна из сложнейших в антиковедении, она вряд ли разрешима в принципе[67]. Ее детальное обсуждение ничего существенного нам не дало бы, а в то же время увело бы далеко от основной нити изложения.

Насколько можно судить, сила красноречия Перикла была в большей степени проявлением природного таланта, нежели результатом специальной выучки. Конечно, не приходится сомневаться в том, что в юности будущий «афинский олимпиец» получил хорошее образование, как и любой другой отпрыск знатного и богатого рода. Но образование это, бесспорно, носило, так сказать, общеаристократический характер, было призвано выработать из молодого человека

[63] Здесь Плутарх, несомненно, имеет в виду, помимо прочих комедиографов, Аристофана. Этот поэт характеризует красноречие Перикла именно в таком духе. См., например: *Aristoph.* Ach. 530 sq.: «И вот Перикл, как олимпиец, молнии и громы мечет, потрясая Грецию».

[64] Ср.: *Козаржевский А.Ч.* Античное ораторское искусство. М., 1980. С. 10.

[65] О первом этапе развития греческой риторики см.: *Wardy R.* Rhetoric // GT. P. 465-485.

[66] Об Антифонте см.: *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984. Вопреки преобладающей ныне точке зрения, мы склонны считать Что Антифонт-оратор (Антифонт из дема Рамнунт, впоследствии ставший одним из лидеров олигархии Четырехсот) и Антифонт-софист в действительности являются одним и тем же лицом. В этом мы солидарны с М. Гагариным, который в недавней работе со всей возможной убедительностью обосновал данный тезис. См.: *Gagarin M.* The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // GRBS. 1990. Vol. 31, N 1. P. 27-44.

[67] Ср.: *Hanson V.D.* Introduction // LT. P. XV-XVI.

истинного καλός κάγαθός. И чрезмерного, углубленного внимания к какой бы то ни было отдельно взятой сфере, будь то ораторское искусство или вообще политическая деятельность, такая воспитательная система не предусматривала[68].

Строго говоря, об образовании Перикла мало что достоверного удается сказать; общие принципы ясны, но о деталях можно лишь строить догадки. Правда, Плутарх (Pericl. 4) дает некий перечень лиц, которые якобы были учителями Перикла. Среди них — музыканты Дамон и Пифоклид, философы Зенон Элейский и Анаксагор. Однако эта информация заслуживает критического к себе отношения. Анаксагор, который по возрасту был. лишь на несколько лет старше Перикла, прибыл в Афины никак не раньше 470 г. до н.э. (он был изгнан из полиса в конце 30-х годов, а перед тем прожил в нем около 30 лет), т.е. заведомо не мог участвовать в воспитании юного Перикла, хотя никто, конечно, не будет спорить, что впоследствии политик и мыслитель находились в отношениях самой тесной близости. Ровесник Перикла Зенон Элейский вообще был в Афинах лишь наездами (об одном из таких визитов, имевшем место около 450 г. до н.э., рассказывает Платон в диалоге «Парменид»). Зенон мог общаться с Периклом — но не более того; записывать этого философа в число его учителей нет никаких оснований. Известный музыкант, музыкальный и политический теоретик Дамон тоже принадлежал к окружению Перикла, но это случилось опять же значительно позже, в 40-е и 30-е годы V в. до н.э. Дамон, судя по всему, был моложе Перикла; в 30-х годах он, по сообщениям источников, подвергся остракизму, потом возвратился и еще в годы Пелопоннесской войны был жив и учил музыке. Достаточно видной фигурой в общественной жизни был отец Дамона — Дамонид; он, возможно, еще в 60-е годы до н.э. выступал советником Перикла по некоторым вопросам государственной жизни, но и этого еще недостаточно чтобы говорить об отношениях «учитель —ученик»[69]. Остается Пифоклид, о котором практически ничего сказать нельзя. Иными словами, приходится признать, что аутентичной информации об образовании Перикла не существует. Сказанное, конечно, не отменяет тех фактов, что образование было им получено и что впоследствии, в годы активной политической деятельности, он находил удовольствие и пользу в общении с умнейшими людьми эпохи.

Как бы то ни было, можно с полной уверенностью утверждать, что основным фактором, приносившим красноречию Перикла огромный успех, была свойственная речам этого политика огромная сила убеждения. Периклу почти всегда удавалось убедить сограждан в народном собрании и иных органах власти в том, что именно вносимое им предложение является наилучшим и должно быть принято. Осознавая этот свой талант, Перикл, как мы уже упоминали выше, не злоупотреблял им, дабы не наскучить демосу, не ходил в «записных ораторах», приберегая себя для особо важных дел, и выступал нечасто, обычно препоручая ту или иную инициативу кому-либо из окружавших его второстепенных политиков.

Несколько слов об особенностях характера и мировоззрения Перикла. Всё, что о нем известно, позволяет характеризовать его как человека ярко выраженного рационального склада мышления. Он был чужд любым суевериям, пренебрегал приметами, стремясь объяснить их логически (см., например: *Plut.* Pericl. 35). Не то чтобы Перикл критически относился к религии как таковой — это было бы просто невозможно в его эпоху, тем более для действующего политика, который занимал высокие государственные посты и постоянно должен был ex officio участвовать в разного рода религиозных обрядах. Нет, Перикл, безусловно, отличался религиозностью, но своего рода просвещенным, «утонченным» типом ее[70], который в рассматриваемую эпоху начал уже приходить в противоречие с традиционными, грубоватыми, но прочными в массах верованиями «отцов и дедов».

Рационалистом интересующий нас деятель являлся не только в религиозном отношении. Плутарх (Pericl. 16) так характеризует экономическое мышление Перикла: «Для управ-

[68] О воспитательных принципах раннеклассической Греции, порожденных аристократическим обществом, см.: *Маппу А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М, 1998. С. 26 и след.

[69] К сложной проблеме Дамона и Дамонида см.: *Raubitschek A.E.* Damon // CM. 1955. Vol. 16. P. 78-83; *Ritook Z.* Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // Wiener Studien. 2001. Bd. 114. S. 59-68; *Scheidel W„ Taeuber H.* Aristoteles Ath. Pol. 27, 4 (ca. 332-325 v.Chr.): die Ostrakisierung des Damon (ca. 438-432 v.Chr.) // ОТ". S. 459-464.

[70] О мировоззрении Перикла и, в частности, о его религиозности см.: *Ehrenberg V.* Sophokles und Perikles...; *Schachermeyr F.* Religionspolitik...; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 203; *Он же.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 78 и след.

ления состоянием, доставшимся ему от отца на законном основании, он придумал такую систему, которую считал наиболее удобной и точной, чтобы оно не растратилось из-за его нерадения и, с другой стороны, чтобы не доставляло ему, при его занятиях, много хлопот и не отнимало времени: именно, годовой урожай он продавал весь сразу, и потом покупал все нужное на рынке; такого порядка он держался в жизни и в повседневных расходах. Это не нравилось его взрослым сыновьям, и для их жен он был не щедрым давальцем; они жаловались на то, что расходы были рассчитаны по дням и сведены до минимума с величайшей аккуратностью, так что ничего не было лишнего, как должно было быть в большом доме при богатом хозяйстве, а напротив, все расходы и приходы были высчитаны и вымерены. Поддерживал весь этот аккуратный порядок его слуга Эвангел, один, как никто другой, по натуре ли своей способный к хозяйству или приученный к нему Периклом».

Эту довольно обширную цитату необходимо было привести целиком, чтобы стала предельно ясна вся радикальная новизна экономического подхода Перикла: он решительно отказался от принципа ойкосной автаркии и перевел все свое домашнее хозяйство на «рыночные рельсы». Еще не родилась экономика как теоретическая дисциплина, еще долгое время оставалось до появления классических трудов Ксенофонта «Домострой» и «О доходах», а Перикл уже на практике действовал в схожем духе. Эта периклова «экономическая стратегия» часто приводится как аргумент в свою пользу теми антиковедами, которые, будучи последователями Эдуарда Мейера, убеждены в широком распространении рыночных отношений в классической Греции[71]. Однако в том-то все и дело, что подобное поведение «афинского олимпийца» было отнюдь не нормой, а редким, даже уникальным исключением. Оно не находило понимания и желания подражать со стороны сограждан, даже со стороны сыновей-наследников. Откровенно говоря, и нам не кажется, что такой тип ведения хозяйства (продавать *весь* годовой урожай — оптом, а стало быть, недорого, а потом, не оставив себе ничего, оказаться перед необходимостью покупать необходимые продукты — в розницу, т.е. заведомо дороже) представлялся наиболее эффективным и доходным. Да, впрочем, Перикл,

[71] См., например: *Фролов* Э.Д. Прибыль и предприниматели в древней Греции // ТТ АМ. С. 18.

как мы видим, и заботился не о доходе, а о том, чтобы домохозяйство не обременяло его, оставляло как можно больше времени для общественной деятельности; определяющими даже для него и даже в экономической сфере выступали все-таки неэкономические соображения.

Ниже, в соответствующем месте, пойдет речь и о том, что рационалистом Перикл был также в политической области (это, правда, проявилось в полной мере только тогда, когда он одержал верх над всеми своими конкурентами и встал во главе полиса). В целом можно со всей определенностью утверждать, что он практически в любом отношении существенно опередил свое время (кажется, этот момент еще не акцентировался в должной мере в историографии).

В высшей степени рационализированным выглядело даже повседневное поведение Перикла. Чрезвычайно ровное, невозмутимое отношение ко всему и всем, нечувствительность к оскорблениям и брани, демонстративное спокойствие и постоянная серьезность, порой утрированная (Перикла почти не видели улыбающимся), — все это производило на сограждан даже впечатление некоторого высокомерия, во всяком случае, отчужденности[72]. Грекам с их южным, экспансивным характером такого рода хладнокровие было просто непонятно.

* * *

На всем протяжении 60-х годов V в. до н.э. Перикл выступал уже как один из вождей направленной против Кимона демократической группировки, но пока предпочитал находиться несколько в тени, за спиной Эфиальта. В 464/463 г. до н.э. и Эфиальт, и Перикл входили в коллегию стратегов (уже это, несомненно, можно считать признаком нарастаю-

[72] *Plut.* Pericl. 5: «...Серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая ни при каком аффекте во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление. Так, например, какой-то подлый нахал однажды целый день его бранил и оскорблял; он молча терпел это на площади, заканчивая в это же время какое-то неотложное дело; вечером он скромно пошел домой, а тот человек шел за ним и осыпал его всякими ругательствами. Перед тем как войти в дом, когда уже было темно, он велел своему слуге взять светильник и проводить этого человека до самого его дома. Поэт Ион утверждает, Что обхождение Перикла с людьми было довольно надменное и что к самохвальству его примешивалось много высокомерия и презрения к другим...» (далее Плутарх не соглашается с Ионом).

щего влияния их гетерии), причем будущий «первый гражданин», которому только что исполнилось тридцать лет, занимал столь высокий государственный пост впервые в жизни 73. Этот год ознаменовался довольно дерзким военным предприятием, зачинщиками которого стали именно двое вышеназванных политиков. Перикл и Эфиальт во главе среднего размера эскадр (первый с пятьюдесятью кораблями, второй — с тридцатью) совершили морскую экспедицию в Восточное Средиземноморье, в зону персидского контроля *(Plut.* Cim. 13). Они демонстративно миновали Хелидонские острова, служившие афино-персидским демаркационным пунктом по только что заключенному миру между двумя государствами («первому Каллиеву миру»). Таким образом, данное соглашение грубо нарушалось со стороны афинян. Что это было? Попытка «подразнить» персидского царя? Работа на свои внутриполитические дивиденды? Или же желание сорвать мирный договор, тем самым дискредитировав Кимона, который определял внешнюю политику полиса? Трудно дать на эти вопросы однозначный ответ. С точки зрения межгосударственных отношений плавание имело нулевой результат: даже за пограничными островами Перикл и Эфиальт не встретили ни одного персидского судна, Артаксеркс I явно не имел желания раздувать инцидент и дипломатично предпочел не обратить на него внимания. Но зато во внутренней жизни Афин популярность противников Кимона после такой их «смелости», несомненно, возросла.

В том же 463 г. до н.э. против Кимона был организован судебный процесс, о котором мы подробно писали в предыдущей главе и поэтому не будем повторяться. Лишь вкратце напомним, что Перикл выступал одним из основных обвинителей испытанного лидера полиса *(Arist.* Ath. pol. 27. 1; *Plut.* Pericl. 10; Cim. 14), но на суде проявил странную пассивность, допустив оправдание обвиняемого. А может быть, дело не в том, что Перикл «сжалился» над Кимоном, а в том, что этого последнего, благодаря его огромному авторитету, пока еще просто не удавалось одолеть...

Удалось это, впрочем, уже довольно скоро, весной 461 г. до н.э., когда Кимон был изгнан остракизмом, а Эфиальт при участии Перикла провел реформу Ареопага[74]. Вскоре после

[73] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 194—195.

[74] Об участии Перикла в этой реформе см. прямые указания источников: *Arist.* Pol. 1274a8; Ath. pol. 27. 1; *Plut.* Pericl. 9; Cim. 15; Mor. 812d.

этого Эфиальт погиб при невыясненных обстоятельствах. Впоследствии в нарративной традиции фигурировала (наряду с другими), точка зрения, согласно которой устранение Эфиальта явилось делом рук именно Перикла. Подобного взгляда придерживался, например, историк III в. до н.э. Идоменей Лампсакский, которого цитирует и тут же гневно опровергает Плутарх (Pericl. 10). Нам тоже эта идея кажется крайностью; если бы она соответствовала действительности, пришлось бы признать, что Перикл, из карьерных соображений устраняющий собственных соратников, представал не великим человеком, а низким, абсолютно беспринципным политиканом, шедшим к власти не просто «по чужим головам», но и прямо по трупам.

Убийство Эфиальта и по сей день остается делом темным. Ясно одно: вот тут-то и помогло Периклу его умение «не высовываться» до поры до времени, оставаться на заднем плане, действуя посредством скрытых механизмов влияния. До 461 г. до н.э. он был вторым человеком в демократической группировке, а если бы был первым, то именно он, а не Эфиальт, пал бы жертвой убийц. А теперь, когда не осталось в живых его старшего товарища, Перикл как бы поневоле, самим ходом событий неизбежно выдвигался на роль лидера радикального движения.

В ходе борьбы с Кимоном Перикл начал и на всем протяжении 50-х годов V в. до н.э. продолжал проведение в жизнь целой серии взаимосвязанных, хорошо продуманных преобразований, знаменовавших собой важный этап в демократизации афинского полиса. Об этих преобразованиях (среди которых — введение мистофории, допуск зевгитов к архонтату, возрождение института «судей по демам», закон о гражданстве, ужесточавший его критерии, и многое другое) мы достаточно детализированно писали в главе I, вкратце излагая историю формирования демократического устройства Афин. По нашему глубокому убеждению, именно эту серию реформ следует считать одной из главных исторических заслуг Перикла перед Грецией и человечеством, тем фактором, который в широкой перспективе ввел его имя в пантеон самых выдающихся деятелей античности, а в более узкой — обусловил занятие им уникальной позиции «первого гражданина». Если мы не будем этого учитывать, то окажется просто непонятным, как Перикл совершил в своей карьере качественный скачок — от положения «одного из многих» к безусловному лидерству: это случилось именно

в 50-е годы[75]. Можно сказать, что именно эти годы хранят в себе ключ к постижению всей личности и деятельности Перикла.

В области же внешней политики Перикл и его группировка выступили инициаторами резкого обострения отношений со Спартой. Впрочем, может быть, дело здесь не в их субъективной воле. Это как раз тот случай, когда лидеры вынуждены были не вести за собой демос, а идти у него на поводу. Демос же был буквально разъярен унизительной отсылкой лакедемонянами афинского контингента из Мессении; в таких условиях никакая другая политическая линия, кроме выраженно антиспартанской, оказывалась просто невозможна. Перикл же делал все, что от него зависело, чтобы в неминуемо надвигающейся войне Афины были как можно более сильны и обороноспособны. При нем завершилось строительство начатых еще при Кимоне «Длинных стен», численность флота Афинского морского союза доведена до никогда впоследствии не превзойденного максимума в 300 кораблей.

В Первой, или Малой Пелопоннесской войне Перикл принял активное участие. Известно, что в битве со спартанцами при Танагре в 457 г. до н.э. он «сражался особенно храбро, не щадя жизни, и отличился перед всеми» *(Plut.* Pericl. 10). Из этого сообщения Плутарха неясно, выступал ли Перикл в качестве одного из стратегов или служил просто рядовым воином. Но уже в 455 г. до н.э. мы безусловно встречаем его в составе коллегии стратегов *(Thuc.* I. 111. 2 — 3; Plut. 19) и во главе довольно масштабно задуманного военного предприятия. Выйдя из гавани Пеги в Мегариде (Мегары в то время находились в союзе с Афинами, что давало последним колоссальные стратегические преимущества, позволяя контролировать путь из Пелопоннеса в Среднюю Грецию, а также держать свой флот не только в Сароническом, но и в Коринфском заливе) с крупной эскадрой из ста судов, Перикл направился вначале к Сикиону, затем в Акарнанию, провел

[75] А между тем именно этот этап деятельности Перикла меньше, чем следовало бы, привлекает внимание исследователей. Предпочитают писать о том периоде, когда он уже был «афинским олимпийцем», оставляя без достаточного объяснения вопрос о том, как он стал таковым. В своем предельном выражении подобный подход приводит к отрицанию какой-либо связи Перикла с демократическими реформами 50-х годов (например: *Will W.* Perikles... S. 47 u. folg.), а это представляется нам просто абсурдным.

несколько операций, отчасти удачных, отчасти безуспешных[76], и возвратился на родину.

В целом следует отметить, что Перикл не принадлежал к сонму крупных полководцев. В этом отношении его имя не может быть поставлено в один ряд с именами Мильтиада, Кимона или даже Алкивиада. В чисто военной сфере он, по большому счету, почти ничем особенным не прославился. Самым знаменитым его деянием на этом поприще (о котором речь еще пойдет ниже) было покорение восставшего Самоса в 440 — 439 гг. до н.э. Этой своей удачей, по свидетельству Иона Хиосского (ар. *Plut.* Pericl. 28), «Перикл ужасно возгордился: Агамемнон в десять лет взял варварский город, а он в девять месяцев покорил первых, самых сильных ионян!». Этот штрих неплохо характеризует личность Перикла, который, как оказывается, мыслил, несмотря на весь свой рационализм, еще во многом эпическими категориями, а к тому же не чуждался такой маленькой человеческой слабости, как хвастовство. Хотя, называя вещи своими именами, хвастаться особо было нечем: жестокая расправа над единоплеменниками-эллинами и с моральной точки зрения не украсила Перикла, и в военном плане не представляла собой ничего грандиозного, учитывая и неравенство сил Афин и Самоса, и длительность затянувшейся осады. Но, видимо, ничего более достойного гордости в полководческом «багаже» Перикла не имелось.

Тем не менее, поскольку «афинский олимпиец» часто избирался стратегом, ему регулярно приходилось все-таки выступать в качестве военачальника. Принципы, которыми он руководствовался в этой деятельности, хорошо характеризует Плутарх (Pericl. 18): «Как стратег Перикл славился больше всего своею осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно и исход его был сомнителен; тем военачальникам, которые рискованным путем получали блестящий успех и возбуждали общий восторг как великие полководцы (уж не Кимон ли имеется в виду? — *И.С),* он не подражал и не ставил их себе в образец». Обратим внимание, что это те же самые тактические принципы, которыми, как мы упоминали выше, интересующий нас деятель пользовался и в политике.

[76] Плутарх оценивает эту кампанию Перикла чрезмерно восторженно; более близкий по времени и более объективный Фукидид характеризует ее в весьма сдержанных тонах.

Сказанное об отсутствии военных талантов у Перикла, конечно, ни в малейшей мере не имеет целью принизить масштаб его личности. У Перикла было более чем достаточно иных дарований: ведь он являлся и замечательным оратором, и тонким дипломатом, и, без преувеличения, великим политиком, умевшим, как никто другой, чувствовать ситуацию, предпринимать нестандартные ходы, даже из неудачного стечения обстоятельств извлекать максимальные выгоды для себя, своей группировки, своего полиса. Мы уже видели, что оскорбление, нанесенное афинянам спартанцами в 462 г. до н.э., он смог обратить в свой политический триумф. Еще несколько примеров такого же рода относятся как раз к периоду Малой Пелопоннесской войны, о котором сейчас идет речь.

Вскоре после поражения при Танагре в 457 г. до н.э. Перикл выступил инициатором постановления народного собрания, позволявшего Кимону досрочно возвратиться в Афины из остракизма *(Plut.* Pericl. 10; Cim. 17). Ситуация, на первый взгляд, выглядит достаточно пикантной, поскольку за несколько лет до того сам же Перикл приложил максимум усилий для изгнания Кимона. Упомянутое событие прекрасно демонстрирует, насколько чутким к общественному мнению политиком был «афинский олимпиец» (собственно, именно это и позволило ему впоследствии продержаться на вершине власти беспрецедентно долгий срок). Как в 461 г. до н.э. политическая целесообразность диктовала Периклу необходимость устранения Кимона, так теперь под влиянием той же политической целесообразности, но изменившейся в новых условиях, он решился на прямо противоположный шаг. И в результате в обоих случаях заработал своей репутации дополнительные дивиденды!

Но самая блистательная политическая стратегема такого рода, осуществленная Периклом, датируется 454 г. до н.э. В Афины пришла тяжелая весть о гибели мощного союзного флота в Египте. Перикл воспользовался этим, чтобы под предлогом возобновившейся персидской опасности в Эгеиде перенести казну Делосского союза с Делоса на постоянное хранение на афинский Акрополь *(Plut.* Pericl. 12). Таким образом, в очередной раз поражение было обращено на пользу «города Паллады».

В 450 г. до н.э. в ходе кипрской кампании скончался Кимон. Его политическую группировку, противостоящую линии Перикла, возглавил теперь свойственник Кимона Фукидид, сын Мелесия[77]. Выходец из знатного рода, известный атлет-борец, он быстро проявил себя как умелый политик, хороший организатор. Для противодействия возрастающему влиянию Перикла Фукидид принялся за реализацию следующего плана. «Он не дозволил так называемым "прекрасным и хорошим" (аристократам, καλοί κάγαθοί. — *И.С.)* рассеиваться и смешиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою; он отделил их, собрал в одно место; их общая сила приобрела значительный вес и склонила чашу весов» *(Plut.* Pericl. 11). Переводя эту цитату с художественного языка Плутарха на строгий язык политико-правовых понятий, получаем, что Фукидид, сын Мелесия, создал мощную аристократическую гетерию, сплоченную едиными организационными принципами и целенаправленно действующую в качестве оппозиции линии Перикла[78].

Однако, как бы ни был талантлив Фукидид, он безусловно уступал «афинскому олимпийцу» и по яркости своей личности, и, главное, по дальновидности своих действий. Надежда на сиюминутный успех затмила для него более далекие перспективы. А Перикл чутко уловил самое слабое место в позиции своего противника. Эта слабость Фукидида, эта его ошибка, фактически отрезавшая ему путь к конечному успеху, заключалась именно в том, что он демонстративно выступил в качестве простата одной, отдельно взятой социальной группы — аристократии, причем группы слабеющей, уходя-

[77] О нем см.: *Wade-Gery KT* Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 239-270; *Raubitschek A.E.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // Phoenix. 1960. Vol. 14, N 2. P. 81-95; *Frost F.J.* Pericles, Thucydides, Son of Melesias, and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. Bd. 13, H. 4. S. 385-399; *Meyer KD.* Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles // Historia. 1967. Bd. 16, H. 2. S. 141-154; *Carawan E.M.* The Trials of Thucydides «the Demagogue» in the Anonymous Life of Thucydides the Historian // Historia. 1996. Bd. 45, H. 4. S. 405-422; *Hölkeskamp K.-J.* Parteiungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn of Melesias // Historische Zeitschrift. 1998. Bd. 267, H. 1. S. 1-27.

[78] *Суриков И.Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 91, 96; *Он же.* Из истории греческой аристократии... С. 199.

щей в прошлое. В условиях демократии, которая все более приобретала свои классические формы, такой подход выглядел явно не самым удачным. До Фукидида те политики, которые претендовали на лидирующее положение в полисе, стремились занять позицию общего вождя, выразителя интересов всего гражданского коллектива. Так поступали и Писистрат, и Клисфен, и Фемистокл, и ближайший предшественник Фукидида Кимон. А сам Фукидид как бы замкнулся теперь в узкой среде своих единомышленников, причем совершенно сознательно. Этим он терял надежду на сколько-нибудь существенное расширение сложившегося круга своих сторонников, своей «клиентелы».

Всё это, повторим, немедленно понял Перикл. И начал действовать методами, диаметрально противоположными тем, которые использовал Фукидид, представлявшими собой прямую антитезу им. Фукидид создавал и крепил гетерию, Перикл в этот же самый период принял решение отказаться от услуг гетерии, традиционного политического окружения. Нам представляется, что именно ко времени борьбы с Фукидидом, сыном Мелесия, т.е. к 40-м годам, относится начало того «нового стиля» Перикла в политике, о котором Плутарх (Pericl. 7) рассказывает так: «Перикл переменил и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге — на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед; только, когда женился его родственник Евриптолем, он пробыл на пире на возлияния и тотчас потом встал из-за стола (т.е. не остался на симпосий. — *И.С.)*».

Традиционная политика в гетериях в очень значительной мере творилась на симпосиях[79], в «частном» пространстве, вторгавшемся через посредство этого в публичную, жизнь. Против этих традиций решительно пошел теперь Перикл, четко разграничив в своей деятельности частную и общественную сферу бытия, не позволяя им перемешиваться друг с другом[80]. Он позиционировал себя как «чисто публичную»

[79] Ср.: *Murray O.* The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Groups // Sympotica: A Symposium on the Symposion. Oxford, 1990. P. 149-161.

[80] *Humphreys S.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 24. В целом о разграничении частной и общественной жизни в греческом полисе см.: *Jameson M.* Private Space and the Greek City // GC. P. 171-195.

личность, которая ни при каких условиях не поступится законностью и государственными интересами ради каких-либо дружеских или родственных связей. В идеале политик такого типа вообще не должен был иметь друзей среди сограждан, чтобы его репутация оставалась вне всяких подозрений и ни у кого не возникло даже мысли о том, что он находится с тем или иным афинянином в «особых» отношениях. И Перикл всячески стремился к этому идеалу. Его друзьями стали метэки — Анаксагор, Протагор, Геродот и другие; со своей законной женой (имя неизвестно), принадлежавшей к роду Алкмеонидов и приходившейся мужу двоюродной сестрой[81], он как раз в 40-х годы развелся.

В данной ситуации интересы Перикла, насколько можно судить, совпадали с его субъективными пожеланиями. Выше мы отмечали, что тяготевшее над ним бремя происхождения из «осквернённых» Алкмеонидов больше мешало, чем помогало политику. В начале своей деятельности он, тем не менее, не смог бы порвать с родом и родственниками: ведь такой шаг лишил бы его поддержки и поставил крест на всей дальнейшей карьере. Теперь, к 40-м годам V в. до н.э., положение Перикла весьма существенно укрепилось; он превратился в самостоятельную, так сказать, самодостаточную, и очень сильную фигуру на политической арене. Соответственно, можно было уже относительно безболезненно «свернуть» былые связи, отойти от рода.

В результате в общественном мнении Афин не могла не складываться следующая картина: Фукидид как «партийный» политик, защищающий узкие интересы своей группировки, и Перикл как политик «внепартийный», выступающий от лица не какой-либо группы, а всего полиса, всего демоса. Ясно, чья позиция оказывалась прочнее: ведь демос по численности был заведомо больше, чем все аристократы, вместе взятые, а в условиях прямой демократии всё определялось именно численностью. Фукидид, сын Мелесия, даже в годы своего наибольшего влияния так и не смог вырасти в полноценного соперника Перикла, не сровнялся ему по силе и всегда оставался несколько «позади». Более искусный Перикл постоянно переигрывал его[82], а политические «стычки»

[81] *Cromey R.D.* Perikles' Wife: Chronological Calculations // GRBS. 1982. Vol. 23, N 2. P. 203-212.

82 Фукидид — человек, судя по всему, старинных, прямых взглядов — порой просто приходил в недоумение от этих «политических хитростей»

между ними происходили регулярно. При этом, как это и было типично для полисных условий, весьма часто поводом для манифестации внутриполитической борьбы становились разногласия по вопросам внешней политики.

Что касается этой последней сферы[83], то ключевыми в ней по-прежнему оставались три проблемы: отношения с Персией, отношения со Спартой й отношения с союзниками по Афинской архэ. Эти направления, конечно, не существовали изолированно, сплошь и рядом переплетаясь друг с другом, создавая запутанные клубки противоречий, которые потом умело распутывал Перикл.

«Персидский вопрос» удалось в 449 г. надолго закрыть подписанием Каллиева мира, который положил конец полувековым войнам против Ахеменидов. На спартанском фронте всё обстояло не столь радужно. Подходил к концу срок пятилетнего перемирия со Спартой, заключенного еще Кимоном. На 448 г. до н.э. пришлась стычка в Дельфах, так называемая Вторая Священная война *(Thuc.* I. 112. 5; *Plut.* Pericl. 21)[84], которую с полным основанием можно рассматривать как одну из кампаний Малой Пелопоннесской войны. «Священными», как известно, назывались в античной нарративной традиции войны, которые велись за контроль над Дельфийским святилищем. Дельфы по политическому статусу представляли собой достаточно своеобразное, почти уникальное для греческого мира явление: гражданско-храмовую общину, по основным параметрам весьма близкую к полису[85], но все-таки не абсолютно идентичную ему. Функции управления Дельфами разделялись между жречеством храма Аполлона и Дельфийской амфиктионией. Во всяком случае, из-под юрисдикции Фокиды, на территории которой он находился, священный город оказался полностью изъят, являясь отдельной политической единицей. Однако Фокида, Представлявшая собой в V в. до н.э. типичный «этнос», не могла смириться с подобным положением вещей и периодически предпринимала попытки поставить Дельфы под свой контроль. Отсюда и проистекали конфликты.

Вторая Священная война, достаточно кратковременная (она началась и закончилась в течение одного года), развертывалась следующим образом. Фокидяне овладели Дельфами; спартанцы, никак не желавшие этого допустить, пришли с войском и передали город обратно под контроль дельфийского жречества (очевидно, Дельфийская амфиктиония из-за афино-спартанской враждебности находилась в состоянии раскола и фактически не выполняла своих функций[86]). Однако, как только войско лакедемонян покинуло Среднюю Грецию, туда тотчас же прибыла афинская армия под командованием самого Перикла. Этого оказалось достаточно для того, чтобы вновь возвратить Дельфы под власть Фокиды, находившейся с Афинами в союзных отношениях. Таким образом, в данной кампании Перикл переиграл спартанцев. Переиграл именно как политик, а не как полководец: победы удалось достигнуть, по сути, вообще не вступая в военные действия, без открытого столкновения со спартанцами на поле боя[87].

Конфликт в Дельфах показал, что внешнеполитическая борьба вышла уже и на религиозный уровень, что, помимо прочих, был во весь рост поставлен вопрос о том, какое государство, Афины или Спарта, будет иметь преобладающее влияние в наиболее авторитетном панэллинском сакральном Центре. С течением времени стало ясно, что эту «борьбу за

Перикла, на которые сам он не был способен. «Однажды спартанский царь Архидам спросил его, кто искуснее в борьбе, он или Перикл. "Когда я в борьбе повалю его, — отвечал Фукидид, — то он говорит, что не упал, чрез это оказывается победителем и убеждает в этом тех, которые это видели"» *(Plut.* Pericl. 8).

[83] О внешнеполитической проблематике этих лет см.: *Cloche P.* Pericles et la politique exterieure dAthenes entre la paix de 446-445 et les preludes de la guerre du Peloponnese // AC. 1945. Vol. 14. P. 93 - 128.

[84] См. об этом конфликте: *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5. Jahrhundert v.Chr.: Diss. Erlangen, 1959. S. 48 u. folg.; *Hornblower S.* The Religious Dimension to the Peloponnesian War, or What Thucydides does not Tell Us // Harvard Studies in Classical Philology. 1992. Vol. 94. P. 177 ff.

[85] Так что, если не вдаваться в технические тонкости, вполне допустимо определение Дельфов как полиса. См., например: *Глускина А.М.* Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция: проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 2. С. 43-72.

[86] *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // МГДА. Ч. 2. С. 58.

[87] Попытки Перикла во что бы то ни стало «догнать и перегнать» Спарту временами принимали, как кажется, детски наивную форму. «Когда спартанцы получили от дельфийцев право вопрошать оракул вне очереди и вырезали это постановление на лбу медного волка (статуя В Дельфах. - *И.С.),* то Перикл добился такого же преимущества для афинян и начертал соответствующую надпись на правом боку того же волка» *(Plut.* Pericl. 21). Хороший образчик «асимметричного» ответа.

оракул» афиняне в конечном счете проиграли[88]: чем дальше, тем больше дельфийское жречество решительно склонялось на сторону Спарты, враждебно отворачиваясь от «города Паллады». Одной из причин такого отношения являлись непомерные амбиции Перикла не только в собственно политической сфере, но и в области религии. Опираясь на огромную и все возраставшую мощь своего полиса, Перикл желал сделать его крупнейшим, главным центром греческого мира, превратить Афины в первую святыню Эллады. А это совершенно очевидным образом явилось вызовом не только Спарте, но и Дельфам[89].

В данном направлении Периклом был предпринят — с большим или меньшим успехом — целый ряд шагов. Практически сразу после окончания Греко-персидских войн, как обычно считают, в том же 449 г. до н.э., Перикл «внес в народное собрание предложение о том, чтобы все эллины, где бы они ни жили, в Европе или в Азии, в малых городах и больших, послали на общий съезд в Афины уполномоченных для совещания об эллинских храмах, сожженных варварами, о жертвах, которые они должны принести за спасение Эллады по обету, данному богам, когда они сражались с варварами, о безопасном для всех плавании по морю и о мире» *(Plut.* Pericl. I?) 90.

Значение этой инициативы Перикла[91] трудно переоценить. Предлагалось созвать панэллинский конгресс такого масштаба, какого не знала еще история Греции, и решать на

[88] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 200 и след.; *Он же.* Эволюция религиозного сознания... С. 78 и след.

[89] Совсем недавно появилась наконец монография, в которой подробно трактуются отношения между Афинами и Дельфами на протяжении архаической и классической эпох: *Giuliani A.* La cittä e l'oracolo: I rapporti tra Atene e Delfi in etä arcaica e classica. Milano, 2001.

[90] Стиль цитаты не оставляет сомнения в том, что Плутарх сделал извлечение из аутентичного официального документа. Датировка постановления определяется следующими факторами. С одной стороны, на конгресс приглашаются «все эллины», в том числе и спартанцы, — стало быть, военных действий со Спартой на момент выдвижения инициативы не ведется. Однако нет и мира, поскольку вопрос о нем только предполагается решать. Ни мир, ни война, — следовательно, перемирие, и, несомненно, то самое, которое заключил со Спартой Кимон в 453 г. до н.э. В 448 г. оно истекло и военные действия возобновились (Вторая Священная война) — это terminus ante quem. А в качестве terminus post quem выступает, естественно, Каллиев мир.

[91] См. о ней: *Raubitschek A.E.* The School of Hellas: Essays on Greek History, Archaeology, and Literature. Oxford, 1991. P. 16-22.

нем вопросы послевоенного мироустройства. Конгресс должен был носить ярко выраженный религиозный оттенок: не случайно на первое место в псефисме поставлены такие пункты, как восстановление разрушенных персами храмов (во многих городах, в том числе и в Афинах, эти храмы пока еще лежали в руинах, и их принципиально не ремонтировали) и благодарственные жертвы за победу. Если бы конгресс состоялся, то Афины, в которых его планировалось провести, поднялись бы на совершенно недосягаемую высоту в сакральной жизни Эллады, отодвинув Дельфы на второй план. Однако задуманное грандиозное межгосударственное мероприятие оказалось сорвано из-за противодействия Спарты, которая и сама не послала представителей, и другим полисам, входившим в Пелопоннесский союз, запретила это делать.

Может быть, Перикл понимал, что так оно и выйдет: слишком смело, необычно звучало его предложение. Однако даже неудача конгресса приносила определенные плоды: она получала своего рода пропагандистское звучание (Афины выступали в чрезвычайно благовидной роли поборников общегреческого единства, а Спарте выпадала роль противоположная, весьма неприглядная). Кроме того, теперь у Перикла оказались в моральном плане развязаны руки для проведения чисто афиноцентристской внешней политики.

Одним из вопросов, которые предполагалось вынести на панэллинский конгресс, явилось, напомним, восстановление храмов, сожженных варварами в ходе Греко-персидских войн. В 447 г. до н.э. по инициативе Перикла было принято решение восстанавливать эти храмы в Афинах, так сказать, сепаратно, без согласования с прочими греками. Развернулась грандиозная строительная программа, центром которой стал Акрополь[92]. Надзирал за строительством лично «афинский олимпиец», а возглавить собственно художественную сторону этого великого архитектурного проекта было поручено Фидию.

Программа реконструкции Акрополя реализовывалась на протяжении нескольких десятилетий и в основном завер-

[92] Укажем на последнюю по времени монографию в целом по истории афинского Акрополя: *Hurwit J.M.* The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. Cambridge, 2001. Другие важные исследования строительной политики Перикла перечислены в примеч. 31 к этой главе.

шилась лишь к концу V в. до н.э., когда ни Перикла, ни Фидия уже давно не было в живых. В работах принял участие целый сонм крупнейших представителей классического греческого искусства: Иктин, Калликрат, Мнесикл и многие другие. На центральном городском холме вырос величайший, никем и никогда не превзойденный шедевр мирового зодчества — Парфенон, храм Афины Парфенос (Девы), богини-покровительницы Архэ (кстати, его же заднее помещение, опистодом, служило и местом хранения союзной казны). Стены Парфенона по всему периметру были украшены уникальным фризом, мастерски вырезанным Фидием и группой его учеников. Фриз изображал торжественное шествие афинян на важнейшем полисном празднике — Панафинеях. Сотни фигур людей, жертвенных животных, присутствующих на празднестве божеств (и ни одна из этих фигур ни в чем не повторяет другую!) в неком синтезе реальности и мифа символизировали бытие процветающих демократических Афин[93]. Фидий являлся автором и храмовой статуи: громада Афины-Девы была изготовлена в так называемой хрисоэлефантинной технике, изваяна из драгоценнейших материалов — золота и слоновой кости.

Парфенон окружали другие замечательные постройки, составившие цельный и неповторимый ансамбль. На главном, западном подъеме на Акрополь были воздвигнуты Пропилеи — монументальный, художественно оформленный вход с широкими лестницами и колоннадами. В одном из помещений Пропилей находилась картинная галерея (пинакотека), а всю постройку венчал небольшой храмик Ники, богини победы. Путника, поднявшегося по Пропилеям, встречала вертикальная ось всего ансамбля — стоящая в центре Акрополя высокая статуя Афины Промахос, созданная тем же Фидием (впрочем, датирующаяся еще временем простасии Кимона, как мы видели в предыдущей главе). Позади и чуть правее открывался вид на Парфенон. Левее же, отчасти на месте развалин древнего Гекатомпедона, готовилась строительная площадка для Эрехтейона — храма небольшого и

[93] О фризе Парфенона и его символике см.: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Указ. соч. С. 109 и след.; *Demangel R.* Autour de la frise du Parthenon // MGG. T. 1. P. 299 - 304; *Beschi L.* Il fregio del Partenone: una proposta di lettura // EP. P. 234 ff.; *Castriota D.* Op. cit. P. 134 ff.; *Osborne R.* Democracy and Imperialism in the Panathenaic Procession: The Parthenon Frieze in its Context // AAAD. P. 143-150.

более скромного, чем монументальный Парфенон, но исключительно важного, подлинного «сакрального сердца» государства, где хранились самые древние и почитаемые святыни, в том числе знаменитый палладий — статуя Афины Полиады.

Подойдя затем к южному обрыву Акрополя, можно было узреть внизу, поблизости, Одеон — помещение для выступлений музыкантов и певцов. Одеон сразу бросался в глаза необычной формой крыши, напоминавшей шлем воина; собственно, его иногда так и называли «Перикловым шлемом». Построен он был из дерева, как говорили, из частей захваченных в сражениях персидских кораблей. Тут же, неподалеку, находился и театр Диониса, еще не приобретший своего окончательного, наиболее импозантного вида (это случилось после перестройки театра в IV в. до н.э.), но тем не менее уже, несомненно, существовавший. «Перикловы памятники» возникали не только на Акрополе и в его окрестностях, но и в других местах Афин и Аттики. В частности, на Агоре был завершен начатый при Кимоне Гефестейон, великолепно сохранившийся до нашего времени[94]; в Элевсине, значение которого на протяжении V в. до н.э. постоянно возрастало и который постепенно превращался в религиозный центр панэллинского масштаба[95], было возведено новое, более обширное, чем прежде, святилище для проведения мистерий.

В целом в наши задачи не входит рассматривать строительную программу Перикла — Фидия с большой степенью подробности (хотя тема эта, безусловно, весьма благодарная). Она очень хорошо освещена в историографии (мы уже ссылались на основные работы), да и источники, позволяющие изучать ее, обильны. Не говоря уже об остатках самих памятников, есть ценные релевантные пассажи в нарративной традиции. Наиболее важно исключительно яркое и детализированное свидетельство Плутарха (Pericl. 12—14); дополняют информацию, донесенную биографом, сведения Страбона (IX. 395-396), Павсания (I. 22-28 - описание Акрополя с постройками различных эпох) и других авторов.

[94] Broneer *O.* Notes on the Interior of the Hephaisteion // Hesperia. 1945. Vol. 14, N 3. P. 246 ff.; *Wyatt W.F., Edmonson C.N.* The Ceiling of the Hephaisteion // AJA. 1984. Vol. 89, N 2. P. 135 ff.

[95] *Clinton K.* The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // AAAD. P. 161 - 172.

Нам лишь хотелось бы сделать в данной связи несколько наблюдений, которые, не исключено, позволят пролить дополнительный свет на биографию и личность самого Перикла — ведь именно это нас интересует в первую очередь.

Прежде всего, не может не броситься в глаза (и нам уже приходилось это отмечать[96]), что среди Перикловых построек мы обнаруживаем почти исключительно храмы и другие культовые сооружения. «Афинский олимпиец», насколько можно судить, совершенно пренебрегал гражданской архитектурой, общественными зданиями утилитарного назначения. К таковым можно отнести разве что Одеон, однако и в сооружении такого рода религиозная семантика должна была быть не менее значимой, чем политическая.

В высшей степени интересно наблюдение И.А. Макарова[97] о том, что аналогичная «религиозная» и «демонстративная» направленность строительной политики была характерна для тиранов архаической эпохи, в частности для Писистратидов. Резкий контраст представляет эпоха Клисфена, да пожалуй еще и эпоха Кимона, с решительным преобладанием гражданских зданий. Этот весьма серьезный факт даже трудно однозначно оценить или объяснить. Может быть, ставилась цель сделать Афины особенно привлекательным, репрезентативным, зрелищным городом? Ведь храм, конечно, зрелищнее, чем булевтерий или экклесиастерий. Если имелось в виду именно это, то своей цели Перикл, безусловно, достиг. Обновленные Афины сразу же стали центром паломничества многочисленных греков (ср. *Aristoph.* Nub. 300 sqq.). «Школа всей Эллады» (выражение самого Перикла) творилась прямо на глазах.

Эстетика плавно перетекала в религию и политику. Дельфы не могли не завидовать росту сакрального блеска Афин и связанного с ними Элевсина. А Спарта в то же самое время систематически и демонстративно подчеркивала свое полное почтение к оракулу, давая понять, что она не претендует на духовное господство в Элладе, довольствуясь чисто политической гегемонией. Отсюда — недвусмысленно лаконофильская позиция дельфийского жречества Аполлона, со временем лишь усугублявшаяся.

[96] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 202.

[97] *Макаров И.А.* Формы идеологического обоснования раннегреческой тирании: автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1995. С. 23.

Строительная программа Перикла имела помимо внешнего и внутренний социально-политический аспект. Она Призвана была дать беднейшим афинским гражданам возможность хорошего заработка. За труды им действительно обильно платили, а средства для этого находились: благодаря постоянным поступлениям фороса полис непрерывно богател. Правда, политические противники Перикла во главе с Фукидидом, сыном Мелесия, выдвигали самые серьезные возражения против «великого проекта» *(Plut.* Pericl. 12; 14). Они считали, что это, во-первых, бессмысленная растрата государственных доходов, во-вторых, ограбление союзников. Как передает их слова Плутарх, «эллины понимают, что они терпят страшное насилие и подвергаются открытой тирании, видя, что на вносимые ими по принуждению деньги, предназначенные для войны, мы золотим и наряжаем город, точно женщину-щеголиху, обвешивая его дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов». Однако голоса этих политиков оставались, в общем-то, одиноки, а масса демоса безоговорочно поддерживала выгодную для нее линию лидера государства.

Та же внутренняя политика, отражавшая интересы бедняков, проявлялась и в активном выведении при Перикле клерухий. Плутарх (Pericl. 11) дает их краткий и, конечно, неполный перечень: «Тысячу человек клерухов он (Перикл. — *И.С.)* послал на Херсонес (Фракийский. — *И.С),* в Наксос пятьсот, в Андрос половину этого числа, во Фракию тысячу для поселения среди бисалтов (имеется в виду основание Амфиполя. — *И.С),* других в Италию, при возобновлении Сибариса, который теперь стали называть Фуриями». О Фуриях — уникальном, новаторском колонизационном мероприятии — речь подробнее пойдет ниже. Что же касается остальных клерухий, то легко увидеть, что почти всегда они выводились на земли союзных полисов. Продолжим цитировать Плутарха, ибо далее у него содержится предельно точная и полная характеристика основ этой политики, так что к ней, в сущности, и прибавить-то нечего. «Проводя эти мероприятия, он (Перикл. — *И.С.)* руководился желанием освободить город от ничего не делающей и вследствие праздности беспокойной толпы и в то же время помочь бедным людям, а также держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию поселением афинских граждан подле них».

Итак, чем сильнее оказывались Афины при Перикле, тем более жесткий нажим оказывали они на союзников. Те, начиная воспринимать полис-гегемон в полной мере, как «город-тиран», в свою очередь, учащали восстания и попытки отпадения. Очередным сигналом послужило возобновление Малой Пелопоннесской войны после истечения перемирия, заключенного Кимоном. В 447 г. пришлось вывести афинские гарнизоны из Беотии. Наиболее тяжелым оказался следующий год (о его событиях см. с различной степенью подробности: Thuc. I. 114; *Diod.* XII. 7; *Plut.* Pericl. 22-23). Восстала против афинского владычества Эвбея. Перикл, занимавший должность стратега, лично возглавил поход на остров с целью подавления мятежа. Терять Эвбею, расположенную так близко от границ Аттики, принадлежащую к числу интегральных и самых важных частей Архэ, афинянам, естественно, никак не хотелось.

Эвбейские полисы были возвращены в состав симмахии. Но тем временем восстали Мегары, которые уже неоднократно в своей истории радикально меняли свою внешнеполитическую ориентацию, переходя на сторону то Спарты, то Афин (такова уж, видимо, была неизбежная судьба этого пограничного города). Несмотря на большую стратегическую значимость территории Мегариды, с отпадением Мегар пришлось примириться. Дело в том, что пришло еще более грозное известие: на Аттику двигалось сильное войско Пелопоннесского союза. Это была первая за все время афино-спартанской войны попытка спартанцев провести на противника «лобовую атаку».

То, что произошло в дальнейшем, принадлежит к числу загадок древнегреческой истории. Фукидид описывает ход событий по своему обыкновению кратко, не вдаваясь в детали: «После этого пелопоннесцы под предводительством лакедемонского царя Плистоанакта, сына Павсания, вторглись в Аттику, дойдя до Элевсина и Фрии, и опустошили страну; однако дальше не пошли и возвратились домой». Причины столь странного, непоследовательного поведения спартанцев историк не объясняет.

Плутарх, как и почти всегда, более подробен, но насколько близко его рассказ соответствует действительности? У него события приобретают следующий вид. Плистоанакт, человек еще совсем молодой, командовал пелопоннесским

войском лишь номинально, а фактически решения принимал Приставленный к нему эфор Клеандрид[98]. С этим-то Клеандридом Перикл вступил в тайные переговоры, подкупил его и убедил отступить. Впоследствии, по сообщению Плутарха, виновники отступления были в Спарте даже наказаны: Плистоанакта вынудили уйти в изгнание из родного полиса, а Клеандрида приговорили к смерти, но он бежал. Кое-что в этой информации вызывает вопросы. Если Клеандрид стал государственным преступником, то почему же потом его сын Гилипп занимал достаточно высокое положение среди спартиатов? Далее, если спартанские власти были совершенно не удовлетворены исходом экспедиции, что мешало им вскоре же организовать новую? Возглавить такой поход мог бы, например, второй царь — Архидам, имевший справедливую репутацию прекрасного полководца.

А Спарта вместо этого предпочла военных действий не возобновлять и в том же 446 г. до н.э. вообще закончить войну, заключив уже известный нам «Тридцатилетний мир». Видимо, в целом сложившееся положение ее устраивало. Впрочем, не будем забывать, что внутри спартанской правящей верхушки точно так же, как и в демократических Афинах, шла борьба по внешнеполитическим вопросам, сталкивались различные позиции. Но только в условиях «лакедемонской политии» такого рода борьба происходила кулуарно, без «вынесения сора из избы»; поэтому о ее конкретных перипетиях мы можем только догадываться.

Как бы то ни было, впоследствии, после заключения мира, Перикл будто бы ежегодно посылал в Спарту крупную сумму денег — в качестве взятки, с помощью которой он оттягивал начало новой войны *(Plut.* Pericl. 23, со ссылкой на Феофраста). Можно, конечно, сказать, что это лишь слухи. Но, во всяком случае, с 446 г. до н.э. в афинском бюджете появилась новая расходная статья, загадочно означенная «на необходимое» (εις το δέον). Перикл ежегодно брал по этой статье 10 талантов, а потом, при отчете, не уточнял, куда конкретно были направлены средства. Впрочем, демос, очевидно, сам об этом догадывался и «принял эту статью расхода без всяких расспросов, не входя в расследование этой тайны» (Ibid).

Вскоре после заключения «Тридцатилетнего мира» в Афинах вновь обострилось внутриполитическое противо-

[98] Сыном этого Клеандрида был Гилипп, в 413 г. до н.э. отличившийся против афинян на Сицилии.

стояние. Впрочем, строго говоря, действительно серьезных опасений за свое лидерство Перикл мог не испытывать. Создается впечатление, что группировка его противников во главе с Фукидидом, сыном Мелесия, смирилась с положением «вечной оппозиции». Каких-либо новых, нестандартных ходов в политической борьбе «фукидидовцы» придумать не могли и ограничивались тем, что снова и снова повторяли все те же обвинения против Перикла: в том, что он слишком жестко эксплуатирует союзников по Архэ, хотя нужды в этом уже нет ввиду окончания войн как с Персией, так и со Спартой, и в том, что он напрасно тратит государственные средства на грандиозные строительные проекты. Демос, вполне удовлетворенный существующей ситуацией, по большей части просто не воспринимал эти нападки.

В целом борьба велась не на равных: влияние Перикла в 40-е годы V в. до н.э. было чрезвычайно значительным, а Фукидиду еще приходилось завоевывать авторитет. Впрочем, не исключено, что, если бы события оказались предоставлены своему естественному течению, в очередной раз повторилась бы извечная парадигма афинской политики: популярность Перикла рано или поздно пошла бы на спад (он попросту «приелся» бы демосу), оппозиция, в свою очередь, усилилась бы, и в конечном счете одна группировка элиты сменила бы у власти другую. Так случалось уже не раз. Каким прочным казалось положение Кимона на протяжении большей части 60-х годов! И все-таки одной политической неудачи (инцидента с отсылкой афинского контингента спартанцами в 462 г. до н.э.) оказалось достаточно, чтобы Кимона постигла полная опала.

Однако на этот раз естественному ходу события не были предоставлены. Перикл вновь проявил себя как выдающийся стратег внутриполитических комбинаций, обладающий искусством прогнозирования и способный предотвратить неблагоприятные для себя варианты. Он сделал самый дальновидный шаг, какой только был возможен при имеющихся обстоятельствах, а именно искусственно форсировал события. По сообщению Плутарха (Pericl. 14), он вступил в борьбу с Фукидидом, инициировал остракизм, подвергался опасности изгнания сам, но в конечном результате добился удаления из полиса своего противника (προς τον Θουκυδίδην εις αγώνα περί τοῦ οστράκου καταστάς και διακινδυνεύσας, εκείνον μεν έξέβαλε). Иными словами, Перикл заблаговременно пошел на остракизм, не дожидаясь, пока силы сторон уравняются. Соответственно, реальная опасность, которой он подвергался, была не столь уж и значительной. Исход голосования черепками, пожалуй, можно было предсказать заранее: жертвой остракофории оказался Фукидид.

Что касается конкретного времени его изгнания, то, не считая нескольких экстравагантных вариантов", в историографии соперничают две основные датировки: 444[100] и 443 г. до н.э.[101] Автору этих строк представляется безусловно предпочтительной более ранняя из этих датировок[102]. Однако в рамках данной главы мы не видим ни возможности, ни насущной необходимости развертывать подробную аргументацию по этому вопросу (мы делаем это в монографии об остракизме), тем более что речь в данном случае идет не о ка-

[99] *Kreutz P.* The Ostracism of Thoukydides, Son of Melesias // Historia. 1984. Bd. 33, H. 4. P. 499 ff (437 или 436 **г.** до н.э.); *Mattingly H.B.* The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. Vol. 25. P. 18 (скорее всего, 438 г. до н.э.); *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 303 (возможно, Фукидид был изгнан не ранее 439 г. до н.э.).

[100] *Valeton I.M.J.* Quaestiones Graecae. II. De ostracismo // Mnemosyne. 1888. Vol. 16. P. 164; *Calhoun G.M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. N.Y., 1970. P. 137; *Adcock F.E.* The Chronology of the Years 445-431 B.C. // CAH. Vol. 5. 1927. P. 474; *CarcopinoJ.* L'ostracisme athenien: 2nd ed. P., 1935. P. 112; *Andrewes A.* The Opposition to Pericles // JHS. 1978. Vol. 98. P. 7; *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987. P. 94; *Idem.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // Klio. 1996. Bd. 78, H. 2. P. 325 f.

[101] *Reinmuth O.W.* Ostrakismos // RE. 1943. Hbbd. 36. Sp. 1681; *Meinhardt E.* Op. cit. S. 45; *Raubitschek A.E.* Theopompos... P. 81; *Levi M.A.* Commento storico alia Respublica Atheniensium di Aristotele. Milano, 1968. Vol. 2. P. 274; *Idem.* Pericle... P. 211; *Guarducci M.* Epigrafia greca. Roma, 1969. [Vol. 2. P. 531; *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966. S. 114; *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972. IP. 82; *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981. sP. 144; *Phillips D.J.* Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 28; *Knox R.A.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // G&R. 1985. Vol. 32, N 2. P. 142; *Cox C.A.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-century Athens // C1J. 1989. Vol. 85, N 1. P. 36; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.: Revised ed. ;Oxford, 1989. P. 40; *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. Vol. 25). Princeton, 1990. P. 5; *Hölkeskamp K.-J.* Op. cit. S. 5; *Арский Ф.Н.* Указ. соч. С. 215; *Гинзбург С.И.* Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до Н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 34; *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 63.

[102] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 197.

ком-то принципиальном расхождении, а о разнице всего лишь в год.

Именно после только что описанного события в Афинах сложилась ситуация, которую Плутарх (Pericl. 16) характеризует так: μετά δέ την Θουκυδίδου κατάλυσιν καί τον όστρακισμόν ουκ έλάττω των πεντεκαίδεκα έτων διηνεκή καί μίαν οϋσαν έν ταΐς ένιαυσίοις στρατηγίαις αρχήν καί δυναστείαν κτησάμενος, έφύλαξεν εαυτόν άνάλωτον υπό χρημάτων («После падения Фукидида и изгнания его остракизмом он (Перикл. — *И.С.)* не менее пятнадцати лет обладал непрерывной, единоличной властью, хотя должность стратега дается на один год. При такой власти он остался неподкупным».

Из этих слов однозначно следует, что Перикл не менее пятнадцати лет подряд непрерывно занимал должность стратега, т.е. был избираем на нее ежегодно. Если он и раньше мог считаться лидером государства, то отныне воистину стал лидером «безальтернативным», вообще не имеющим себе соперников. Что, однако, позволяет говорить о «непрерывной и единоличной» власти? Иными словами, каковы были институциональные основы этого лидерства Перикла? Сама по себе должность стратега такой основой послужить не могла. Она, конечно, была высокой и, пожалуй, реально самой значимой в афинском демократическом полисе V в. до н.э. Однако стратегов, напомним, насчитывалось десять, и Перикл являлся лишь одним из них. В коллегии стратегов все члены были равны между собою, никакой специальной магистратуры «первого стратега», руководителя коллегии не существовало[103]. Да, Перикла избирали на этот пост год за годом, но, отдельно взятый, этот факт еще мало о чем говорит. «Афинский олимпиец» был не единственным гражданином, которому выпадала подобная честь. Ряд его современников (Гагнон, Сократ из Анагирунта, чуть позже Никий) тоже неоднократно избирались стратегами. В следующем столетии Фокион «затмил» их всех, оставаясь стратегом не пятнадцать лет, как Перикл, а чуть ли не полвека. И тем не менее применительно к Фокиону никто ведь не говорит о «непрерывной и единоличной власти», о безусловном лидерстве в полисе и т.п.

И тем не менее Плутарха здесь никак нельзя упрекнуть в преувеличении, в аберрации, порожденной большой временной дистанцией, отделявшей биографа от своего героя. Фукидид был современником Перикла, а между тем он придерживался точно такого же мнения. Выше мы уже цитировали слова этого историка об афинской демократии накануне Пелопоннесской войны: «По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина».

103 Dover *K.J.* ΔΕΚΑΤΟΣ ΑΥΤΟΣ // JHS. 1960. Vol. 80. P. 61 - 77; *Will W.* Perikles... S. 68 u. folg.

Насколько нам представляется, такое положение Перикла, его единовластие в условиях демократии, имело скорее не институциональные, а харизматические основы. С точки зрения чисто юридической Перикл являлся одним из многих должностных лиц, избираемых демосом и подотчетных ему. Кстати, к своим ежегодным отчетам он всегда относился в высшей степени ответственно, подолгу и тщательно готовился к ним, чем, кстати, удивлял молодого Алкивиада, который заметил по этому поводу: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» *(Plut.* Alc. 7). «Афинский олимпиец» отнюдь не был каким-то диктатором, управлявшим через голову демоса. Хоть комедиографы нередко упрекают его в монархических, тиранических замашках, здесь имеет место в значительно большей мере преувеличение, характерное для жанра древней аттической комедии, нежели отражение реального положения дел. Напрасно некоторые исследователи воспринимали эти выпады чрезмерно серьезно[104]. Да стать подлинным «монархом» Перикл не смог бы, если бы даже вдруг и захотел.

Все демократические учреждения в «Периклов век» стабильно функционировали и развивались. Никаких чрезвычайных полномочий «первый гражданин» никогда не получал. Его колоссальное влияние, имевшее определяющее значение для всей политики Афин, как внутренней, так и внешней, основывалось практически исключительно на его непререкаемом личном авторитете. По любому сколько-нибудь важному делу Перикл вносил (лично либо через кого-нибудь из своего окружения) проекты псефисм на рассмотрение народного собрания[105], и демос в этом верховном органе

104 См.: например: *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums: 9. Aufl. Essen, 1984. Bd. 6. S. 532. Маститый немецкий историк считал даже, что Перикл намеревался ввести в Афинах некое подобие наследственного правления с Алкивиадом в качестве преемника. Этот тезис не находит никакого подтверждения в источниках; его критику см.: *Kagan D.* The Archidamian War. Ithaca, 1974. P. 125.

105 Насколько можно судить, именно для этой цели он и стремился ежегодно занимать пост стратега. Члены этой коллегии в V в. до н.э. фак-

власти принимал перикловские предложения без принципиальных возражений, доверяя своему испытанному лидеру.

Здесь релевантными представляются некоторые ценные наблюдения Плутарха о Перикле: «По большей части он вел за собою народ убеждением и наставлением, так что народ сам хотел того же.... В народе, имеющем столь сильную власть, возникают, естественно, всевозможные страсти. Перикл один умел искусно управлять ими, воздействуя на народ главным образом надеждой и страхом, как двумя рулями: то он сдерживал его дерзкую самоуверенность, то при упадке духа ободрял и утешал его... Однако причиной этого была не просто сила слова, но... слава его жизни и доверие к нему: все видели его бескорыстие и неподкупность» *(Plut.* Pericl. 15).

Возникала парадоксальная ситуация, волновавшая уже Фукидида: эпоха наивысшего расцвета афинской демократии (а, кажется, никто не сомневается в том, что эпоха Перикла была именно таковой) стала одновременно эпохой решительного преобладания одного государственного деятеля. Возникает вопрос: а была ли тогда эта демократия истинной? Некоторые исследователи не избегают соблазна охарактеризовать эту политическую систему как «управляемую демократию»[106]. Не можем согласиться с подобной постановкой вопроса. Ни в каком отношении — ни с точки зрения политических институтов, ни с позиции политического менталитета — афинская демократия при Перикле не являлась более «управляемой», чем до него или после него. Собственно, судьба самого «олимпийца», как мы увидим ниже, это прекрасно демонстрирует. Как только сограждане разочаровались в нем, уже ничто — никакое влияние, никакой авторитет — не могло уберечь его от немедленной опалы.

Просто в период расцвета Архэ, когда Афины шли в основном от успеха к успеху, и «виновника» этих успехов с немалым основанием видели в Перикле, его политика, по большому счету, устраивала все слои гражданского населения. Соответственно, сколько-нибудь серьезная оппозиция ему с середины 40-х и вплоть до конца 30-х годов V в. до н.э. просто не возникала[107]. Этому способствовал и тот факт, что, как мы отмечали выше, Перикл в это время уже позиционировал себя как «всеобщий простат», как выразитель интересов всего полиса, всего гражданского коллектива, а не какой-либо группы внутри него. Он разорвал отношения с Алкмеонидами, не общался с родственниками и прежними друзьями, даже развелся с женой. Его новым окружением стали крупные деятели культуры, в основном неафинского происхождения. Это делало Перикла еще менее уязвимым, еще менее доступным для разного рода компрометирующей пропаганды, для обвинений в политической пристрастности.

Не принадлежала к афинянкам и новая спутница жизни Перикла знаменитая Аспасия. Говорить об этой замечательной женщине сколько-нибудь подробно не входит в наши планы[108], и мы отошлем читателя к относительно недавно появившейся специальной монографии о ней[109]. Отметим лишь буквально несколько нюансов. Милетянка Аспасия, дочь Аксиоха, родившаяся не раньше 470 г. до н.э., хоть и была в Афинах гетерой, однако отнюдь не принадлежала к низшим социальным слоям. Напротив, в родном полисе она входила в состав аристократии. Относительно того, как она оказалась в Афинах, существует весьма интересное предположение, бесспорно, гипотетичное, но весьма вероятное и подкрепляющееся просопографическим материалом. Около 460 г. до н.э. из Афин был изгнан остракизмом Алкивиад Старший, который, как мы видели в предыдущей главе, являлся политическим соратником Перикла. Согласно гипотезе, которую

тически обладали преимущественным правом законодательной инициативы. То есть, безусловно, в принципе любой гражданин мог внести свое предложение в Совет Пятисот, а уже этот орган, если предложение в нем одобрялось, готовил пробулевму для вынесения на заседания экклесии. Но стратегам, которые постоянно имели дело с Советом и собранием, которые могли говорить там «как власть имущие», было несравненно легче, чем рядовым афинянам, провести свой проект через все инстанции, так сказать, «пролоббировать» его.

[106] Например, Л. Омо так и назвал свою монографию о Перикле: «Перикл: опыт управляемой демократии» *(Homo L.* Op. cit.).

[107] Ср.: *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // AD. S. 81.

[108] Нам уже приходилось делать это в другой связи. См.: *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 45 — 46 (со ссылками на важнейшие свидетельства источников).

[109] *Henry M.M.* Prisoner of History: Aspasia of Miletus and her Biographical Tradition. Oxford, 1995. К сожалению, автор этой книги Мадлен Генри сознательно позиционирует себя как «ученый-феминист», что, конечно, само по себе порождает определенную тенденциозность, не способствует объективному и непредвзятому анализу исторического материала.

мы сейчас излагаем, для «отбывания» изгнания Алкивиад отправился в Милет. Там он взял в жены неизвестную нам по имени дочь знатного милетянина Аксиоха, родную сестру Аспасии (очевидно, старшую). Посредством этого брака, кстати, в ономастикон семьи Алкивиада попали милетские имена Аксиох и Аспасий, зафиксированные в этой семье впоследствии. Когда же Алкивиад Старший возвращался в Афины из остракизма десять лет спустя, он взял с собой не только жену, но и ее сестру (возможно, отец двух дочерей Аксиох к тому времени скончался). Так совсем еще молодая Аспасия в середине V в. до н.э. оказалась в «городе Паллады»; там она, отличаясь красотой, умом и образованностью, быстро приобрела известность в качестве гетеры, а со временем стала фактической супругой Перикла[110].

Был ли Перикл настолько увлечен Аспасией и, так сказать, влюблен в нее (хотя мы сомневаемся, что применительно к классической Греции можно вообще говорить о влюбленности мужчины в женщину), что из-за этого изменил всю свою жизнь — развелся с женой, от которой имел двух сыновей, Ксантиппа и Парала, и вступил в серьезную связь с гетерой, в связь, которая не имела шансов получить официальный, узаконенный полисом характер? Плодом этой связи стал еще один сын «афинского олимпийца», получивший имя отца (Перикл Младший).

Позволим себе усомниться в том, что Периклом (да и Аспасией) в данном случае двигали эмоции и страсти. Хотя их отношения чаще всего изображают в историографии именно в таком, романтическом свете, Перикл в целом отнюдь не производит впечатления человека, находящегося во власти страстей. Нет, он был личностью вполне рассудочной. И со своей первой женой он развелся отнюдь не из-за Аспасии, а (как мы видели выше) скорее по политическим причинам. «Политические разводы» были в Афинах не менее частым делом, чем политические браки.

Обратим внимание на то, как относился Перикл к своему сыну от Аспасии. Отец и не подумал заблаговременно озаботиться о том, чтобы этот его отпрыск получил в Афинах гражданские права. И лишь в начале 20-х годов V в. до н.э., когда внезапно умерли оба законных сына «первого гражданина» и возникла опасность, что он так и уйдет в могилу, не оставив гражданского потомства, он стал спешно добиваться натурализации Перикла Младшего. А ведь, если бы Ксантипп и Парал остались живы, Перикл Младший так и ходил бы в бастардах, оставался бы в афинском полисе метэком — и «афинского олимпийца» это, похоже, ничуть не смущало.

Кстати, и со стороны Аспасии мы не находим какой-то особенной любви к Периклу. Во всяком случае, верность его памяти она отнюдь не хранила и практически сразу же после его смерти стала сожительницей второстепенного политика, богатого торговца скотом Лисикла *(Plut.* Pericl. 24[111]). Одним словом, из двух альтернативных, противоречащих друг другу (видимо, взятых из различных источников) суждений Плутарха об отношениях Перикла и Аспасии: «Перикл пленился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах» и «Привязанность Перикла к Аспасии была основана скорее на страстной любви», более вероятным представляется первое.

Из интеллектуалов, вошедших в «кружок Перикла», ближе всего к «первому гражданину» стал, насколько можно судить, философ Анаксагор. И это отнюдь не случайно. Из всех представителей досократовской натурфилософии именно Анаксагор был, пожалуй, в наибольшей степени рационалистом[112]. В его учении эта черта, в целом типичная для ионийской философской школы рубежа эпох архаики и классики (Анаксагор, уроженец малоазийских Клазомен, являлся наследником великой милетской традиции Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена), была доведена до предела. Анаксагор поставил Разум (Νους) на столь высокое место в системе бытия, как, наверное, никто и никогда до него. Ведь в анаксагоровской концепции Разум воистину правит миром, придает ему стройность и законченность, своим «первотолчком» превращает хаотическую смесь «семян» всех вещей в упорядоченный Космос.

[110] *Henry M.M.* Op. cit. P. 9- 10.

[111] Со ссылкой на философа Эсхина Сократика, который лично был знаком с Аспасией и впоследствии специально занимался ее биографией, написав диалог «Аспасия».

112 философское учение Анаксагора хорошо изучено в отечественной историографии, поскольку этим мыслителем специально и углубленно занимался И.Д. Рожанский. См. монографию: *Рожанский И.Д.* Анаксагор. У истоков античной науки. М., 1972. См. также популярную книгу из серии «Мыслители прошлого»: *Рожанский И.Д.* Анаксагор. М., 1983. В этих работах освещен и жизненный путь философа, в частности, афинский период его деятельности, близость к Периклу. См. также: *Mugler* CЛ. Le Probleme d'Anaxagore // REG. 1956. Vol. 69. P. 314-376.

Этот рационализм Анаксагора, это подчеркивание огромной роли разума, конечно, не могли не вызывать симпатию Перикла. Ведь сам «афинский олимпиец» был рационалистом буквально во всем — в религии, в своих экономических воззрениях, даже в повседневном быту. На таких же позициях стоял он и в политической жизни, в сфере властных отношений. Годы фактического правления Перикла (с 444 г. до н.э.), выпавшие на последний период его деятельности, можно с полным основанием охарактеризовать как время нарастания рационализма в афинском обществе[113]. Опора на личные отношения, казалось, уступала место безличным соображениям законности и государственного интереса. Личный пример лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, должен был стать парадигматичным для властных структур полиса. Отныне все в Афинах обязано было делаться по голосу разума, а не под влиянием эмоций.

Макс Вебер, разработавший в начале XX в. типологию властных отношений в обществе, выделял три их типа: традиционный, харизматический и рациональный. Первые два, по его мнению, характерны для докапиталистических социумов; третий впервые появляется только в Новое время, с «рождением капитализма». В целом выдающийся немецкий социолог, бесспорно, прав. Однако мы не можем не отметить смелую, хотя, конечно, очень преждевременную попытку внедрить формально-рациональные начала в бытие государства, предпринятую Периклом в V в. до н.э. В такой заостренной, подчеркнутой форме это, кажется, было сделано первый и единственный раз во всей античной истории. И, бесспорно, попытка «афинского олимпийца» оказалась в конечном счете обречена на неудачу — именно потому, что он слишком уж опережал свое время. Его начинания просто не могли быть в сколько-нибудь адекватной мере постигнуты и восприняты согражданами, которые мыслили привычными категориями. Перикл пытался построить политическую жизнь на принципах рационализма, а в глазах прочих афинян оставался прежде всего харизматическим лидером.

[113] Зайцев *А.И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // ПДАСНВ. С. 23-28; *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды... С. 30.

Первым внешнеполитическим мероприятием Перикла как единоличного лидера Афин явилась знаменательная акция — основание панэллинской колонии Фурии в Южной Италии *(Plut.* Pericl. 11). Фурии создавались на месте древнего Сибариса, разрушенного еще в конце VI в. до н.э. в ходе войны с соседним Кротоном. По вопросу о Фуриях, который решался не в один момент, а, насколько можно судить, на протяжении нескольких лет, в Афинах вспыхнула внутриполитическая борьба[114]. Это как раз была середина 40-х годов V в. до н.э., время наиболее острого противостояния Перикла и Фукидида, сына Мелесия. Именно они выступали протагонистами и в дебатах по этому вопросу: конечно, каждому из них импонировала честь считаться инициатором столь значимого и новаторского мероприятия. Г. Уэйд-Гери, наиболее углубленно в мировой историографии занимавшийся деятельностью Фукидида, считал даже (и мы склонны здесь с ним согласиться), что именно этому политику изначально принадлежала сама идея основания Фурий, а Перикл перехватил этот план у своего оппонента, при этом существенно переместив акценты.

И действительно, между двумя лидерами существовали противоречия принципиального характера в подходе к статусу и функциям новой колонии. Насколько можно судить, Фукидид стремился к тому, чтобы она стала на деле, а не на словах только, панэллинской, т.е. строилась на принципах равноправия между контингентами поселенцев из различных полисов-метрополий. Но совсем иными были замыслы Перикла: он, естественно, желал упрочить в Фуриях в первую очередь афинское влияние, сделать их инструментом своей западной политики.

Эта западная политика Афин при Перикле, ее цели и методы проведения — все это могло бы стать (и, естественно, неоднократно становилось) предметом специального рас-

[114] Об этой борьбе см.: Wade-Gery *H.T.* Essays... P. 255 ff. (основополагающая по сей день, хотя во многом и небесспорная работа); *Строгецкий В.М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. А., 1987. С. 55 — 79; *Касаткина Н.А., Антонов В.В.* Внутриполитическая борьба в Афинах в середине 40-х годов V в. до н.э. и основание Фурий // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 55-63.

смотрения, в том числе и в отечественной историографии[115]. А здесь мы ограничимся самым кратким резюмированием данного сюжета. Уже в 50-е годы V в. до н.э., т.е. именно тогда, когда Перикл впервые стал лидером общеполисного масштаба, был заключен союз с Эгестой (IG. I^3. 11) — городом на западе Сицилии. К тому же времени относятся самые первые контакты Афин и Рима (*Liv.* III. 31. 8; 32. 6; *Dion. Hal.* X. 51 sqq.), сведения о которых мы склонны считать вполне историчными, вопреки скептической тенденции, преобладающей в современной историографии. Далее, не позднее 40-х годов V в. до н.э. имели место договоры Афин с двумя важными полисами Великой Греции — Регием (IG. I^3. 53) и Леонтинами (IG. I^3. 54)[116], тогда же возможно, с Метапонтом *(Thuc.* VII. 33. 4 — 5) и Неаполем в Кампании, куда даже прибывала афинская эскадра *(Timaeus.* FGrHist. 566. F98). Основание Фурий прекрасно укладывалось в очерченный нами контекст, а ввиду амбициозности проекта могло выглядеть как венец, вершина западной экспансии «афинского олимпийца».

Итак, столкнулись не просто две позиции по частному вопросу, но две принципиально различные общеполитические установки. Фукидид, человек старой аристократической формации[117], подходил к этому мероприятию с точки зрения несколько абстрактных, прекраснодушных представлений о чести полиса и благе эллинов. Перикл же, будучи политиком нового поколения, мыслил гораздо более конкретно: главным для него были *интересы* Афин. Одержав победу над Фукидидом и изгнав его остракизмом, «первый гражданин», естественно, взял «фурийский проект» под свой контроль и осуществил его по собственному плану. Основана колония была, с наибольшей вероятностью, в 443 г. до н.э.

[115] См., в частности: *Строгецкий В.М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 135—146; *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы... С. 103 и след.; *Он же.* Два очерка... С. 95 и след. (с указ. на др. раб.).

[116] Два эпиграфических документа, которые здесь указаны, датируются второй половиной 30-х годов V в. до н.э., однако они представляют собой возобновление ранее уже существовавших договоров. Переводы на русский язык договоров Афин с Эгестой, Регием, Леонтинами см.: *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин... С. 77 — 80.

[117] Как показывают расчеты Уэйд-Гери, он и по возрасту был старше Перикла.

Впрочем, полностью реализовать свои замыслы в отношении Фурий Периклу не удалось: новый полис очень скоро фактически вышел из-под афинского контроля. Та часть гражданского коллектива, которая происходила из Афин, не смогла обеспечить себе доминирования в государстве; разгорелась внутриполитическая борьба, осложненная внешними неурядицами... Как показали дальнейшие события, Фурии оказались очень ненадежным союзником афинян, на которого нельзя было в полной мере положиться.

Не исключено, что здесь сыграло некоторую роль еще вот какое обстоятельство. В другом месте[118] мы высказываем и пытаемся аргументировать мысль о том, что именно Фурии стали убежищем Фукидида, сына Мелесия, в течение того десятилетия, на которое пришелся его остракизм и пребывание за пределами Афин. Может быть, он и не сразу туда прибыл, но, во всяком случае, есть определенная вероятность, что в конце концов этот политик оказался в Великой Греции[119]. Фукидид относился к Периклу и его начинаниям, мягко говоря, без симпатии, и нужно полагать, сделал со своей стороны всё возможное, дабы сорвать планы «афинского олимпийца».

Западная политика перикловых Афин, кульминацией которой стало основание Фурий, была откровенно экспансионистской и нарушала баланс сил, сложившийся в греческом мире. Она противоречила Тридцатилетнему миру 446 г. до н.э. — впрочем, скорее его духу, чем букве, де-факто, а не де-юре[120]. Дело в том, что этот мирный договор, по сути, разграничивал сферы влияния Афин и Пелопоннесского союза.

[118] *Суриков И.Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1 (11). С. 14 - 15.

[119] Ср.: *Timaeus.* FGrHist. 566. F135, F.136 (с интерпретацией данных пассажей в раб.: *Wade-Gery H.T* Essays... P. 262. Тимей пишет, что историк Фукидид якобы жил в изгнании в Италии и даже умер там, а это явным образам противоречит фактам. Можно предположить, что Тимей спутал двух тезок-Фукидидов, историка и политика, и предположение это тем более закономерно, что их действительно постоянно смешивали друг с другом античные авторы.

[120] Сводку условий Тридцатилетнего мира см.: *Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v.Chr. B., 1962. S. 74 u. folg. (N 156); *Строгецкий В.М.* Рост афино-спартанских противоречий и борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 198— 199; *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин... С. 59.

Первая распространялась к востоку от Балканской Греции, включая прежде всего бассейн Эгейского моря, где находилась большая часть полисов — членов Афинской архэ. Сфера же влияния пелопоннесцев простиралась именно на запад от Эллады и, в частности, в Великую Грецию, богатые города которой издавна поддерживали тесные связи с Коринфом, верным союзником Спарты.

Теперь именно это положение Афины активно пытались сломать, изменить, что, конечно, вызывало все более ярко выраженное недовольство коринфян. На конгрессах Пелопоннесского союза коринфские представители оказывали все более интенсивное давление на спартанские власти, побуждая их пресечь гегемонистские притязания «города Паллады». Спарта пока выжидала, не предпринимая решительных действий...

Для проведения подобной внешней политики Периклу необходимо было крепко удерживать владычество Афин в Архэ, показывать всем союзникам, что церемониться с ними он не будет, подавлять «железной рукой» любые попытки отпадения. Жесткость и даже жестокость его линии была с предельной ясностью продемонстрирована в ходе подавления восстания на Самосе в 440 — 439 гг. до н.э. Это событие, судя по всему, глубоко врезалось в память современников; соответственно, оно очень неплохо освещено в нарративных источниках (важнейшие свидетельства: *Thuc.* I. 115—117; *Diod.* XII, 27 - 28; *Plut.* Pericl. 24 - 28), отражено и в эпиграфике (IG. I^3. 48), да и в современной исследовательской литературе неоднократно исследовалось[121]. Поэтому мы можем позволить себе остановиться на нем максимально кратко.

Самос был, пожалуй, вторым по значению и силе членом Архэ после самих Афин. Остров гордился своим славным прошлым (в VI в. до н.э., при тиране Поликрате, он принадлежал к числу ведущих держав греческого мира), был богатым и процветающим (построенный при Поликрате колоссальный храм Геры и во времена Перикла оставался самой большой культовой постройкой Эллады[122]), обладал сильным

121 Отошлем читателя прежде всего к фундаментальной, относительно недавней монографии по истории Самоса, в которой эта тема (как и ряд других) рассмотрена наиболее детально и на современном уровне: *Shipley G.* A History of Samos 800-188 B.C. Oxford, 1987.

[122] Наряду с эфесским храмом Артемиды и двумя храмами на Сицилии. См. данные по их размерам: *Osborne R.* Greece in the Making. 1200-479 BC. L.; N.Y., 1996. P. 262-263.

флотом. Тем тягостнее было для него сносить ужесточающуюся афинскую гегемонию, несмотря на то, что Самос являлся одним из немногих привилегированных союзников: фороса не платил, а свою долю в деятельность симмахии вносил непосредственно кораблями. При этом полис сохранял олигархическое правление.

Поводом для восстания самосцев послужил следующий факт. Они находились в состоянии войны с соседями-милетянами из-за спорных территорий (Самос владел землями на материке, так называемой Переей). В этом споре Перикл встал на сторону Милета (как поговаривали злые языки в Афинах, он поступил так потому, что милетянкой была Аспасия). Стратег прибыл на Самос с эскадрой кораблей, низложил правящих олигархов и установил демократию. Олигархи бежали в Перею, но не успел Перикл отправиться на родину, прибыли обратно, вернулись к власти и подняли антиафинское восстание. К восстанию примкнул еще один важный входивший в состав Архэ полис — Византий.

Всего этого полис-гегемон, конечно, никак не мог потерпеть. К Самосу срочно отправился мощный афинский флот. Им командовали все десять стратегов, что показывало важность мероприятия. Даже драматург Софокл, входивший в этом году в коллегию военачальников, тоже участвовал в самосской кампании. Но руководил ею, безусловно, Перикл. Осада острова затянулась. Учитывая его силу и богатство, этого, в принципе, следовало ожидать. К тому же в разгар осады пришло сообщение о том, что будто бы персидский сатрап Писсуфн принял сторону самосцев и что от Финикии в Эгеиду на помощь им идет ахеменидский флот. Эти слухи оказались неверными: Артаксеркс I неукоснительно выполнял условия Каллиева мира[123]. Однако Периклу все же пришлось отвлечь часть осаждающих судов в Южную Эгеиду, дабы в случае появления врага дать-таки ему отпор. Все это тоже способствовало затяжному характеру осады Самоса.

Лишь через девять месяцев остров сдался[124]. Естественно, на самосцев было наложено суровое наказание. Афиняне обязали их срыть оборонительные укрепления, выдать свой военный флот, заплатить победителю контрибуцию. Кроме того, Самос отныне лишался статуса привилегированного

[123] *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин... С. 60.

[124] К хронологии событий см.: *Fornara Ch.W.* On the Chronology of the Samian War // JHS. 1979. Vol. 99. P. 7 — 19.

союзника и начинал вносить форос наряду с подавляющим большинством других членов Архэ. Самосские олигархи[125] опять бежали в Перею, укрепились там в городе Анее (видимо, число этих изгнанников было довольно значительным), консолидировали свои силы, сумели отстоять независимость от нового проафинского режима на Самосе и в дальнейшем послужили немаловажным фактором во внешнеполитических отношениях конца V в. до н.э. «Самосцы из Аней» приняли активное участие в Пелопоннесской войне на стороне Спарты *(Thuc.* III. 19.2; 32. 2; IV. 75. 1; VIII. 19. 1; 61. 2), и в 404 г. до н.э. спартанский наварх Лисандр, взяв Самос, возвратил анейских изгнанников на родину *(Xen.* Hell. II. 3. 7)[126]

Плутарх (Pericl. 26 — 28) рассказывает о таких странных, вроде бы не свойственных греческому духу жестокостях, которые Перикл якобы творил над самосцами в ходе войны и после победы. Так, он приказывал ставить пленным врагам на лбу клеймо. А когда остров был взят, «Перикл привез самосских начальников кораблей и воинов в Милет и там на площади продержал их привязанными к доскам в течение десяти дней и, наконец, когда они были уже в изнеможении, велел их убить ударами палки по голове, а тела бросить без погребения». Ситуация, впрочем, разъясняется, если мы учтем, что источником данной информации послужил для Плутарха известный эллинистический историк Дурид Самосский. А этот последний, во-первых, принадлежал к направлению риторической историографии, для которой было характерно нагнетание разного рода страстей и ужасов[127]. Во-вторых, Дурид, как самосец, никак не мог быть в данном вопросе, имевшем прямое отношение к его родине, объективен и беспристрастен. Его сообщение, конечно, крайне тенденциозно и уже поэтому недостоверно, тем более что Дурид не являлся современником событий и был отделен от них двумя веками[128].

Практически одновременно с Самосом пал и восставший Византий. Обладание им имело для Афин исключительную важность, поскольку этот стратегически чрезвычайно выгодно расположенный полис на Боспоре Фракийском мог контролировать «хлебный путь» в Эгеиду из Северного Причерноморья. Этот путь приобретал для афинян все более важное значение, поскольку, во-первых, проблема нехватки зерна и необходимости его импорта в связи с ростом населения постоянно обострялась. Во-вторых же, поле для маневрирования в этом отношении сужалось. Из трех «великих житниц», хлебом из которых пользовалась классическая Эллада, самая главная — Египет — оказалась фактически закрыта после того, как в 454 г. до н.э. Ахемениды восстановили свое владычество над дельтой Нила и выдворили оттуда афинских «гостей». Что касается Великой Греции, контроль над морскими путями в этот регион Периклу, как он ни старался, пока не удалось установить. Этому препятствовали и активное противодействие Пелопоннесского союза в лице Коринфа, и неоднозначное отношение к планам афинской экспансии в самих великогреческих полисах. После просчета с Фуриями политика Перикла в Сицилии и Италии была фактически на время свернута как не принесшая ожидаемых результатов.

А вот северо-восточное, понтийское направление хлебного импорта представлялось наиболее перспективным (и, как показали последующие десятилетия, действительно стало таковым). К тому же на этом направлении у Афин не имелось сколько-нибудь сопоставимых по силе конкурентов, которые могли бы помешать им вести активную торговлю с греческими полисами Понта Эвксинского (особенно северного, скифского побережья). Нельзя, конечно, сказать, что никаких внешних препятствий для афинян на этом поприще вообще не существовало. Одним из таких препятствий было упоминавшееся выше восстание Византия, которое, впрочем, было без особого труда подавлено.

[125] См. об их судьбе: *Landucci Gattinoni F.* L'aristocrazia di Samo tra opposizione e potere nella seconda metä del V secolo a.C. // CISA. 1999. Vol. 25. P. 115-133.

[126] *Shipley G.* Op. cit. P. 122 ff. См. также: *Суриков И.Е.* Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья? // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 92 — 93; *Он же.* Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 316-317 (с полемикой против экзотической гипотезы В.А. Анохина, который считает, что изгнанники-самосцы бежали в Северное Причерноморье, в Нимфей, превратились там в каких-то «саммеотов» и долго еще странствовали по Крыму, появляясь то в одном, то в другом полисе).

[127] Ср.: *Суриков И.Е.* Лунный лик Клио: Элементы иррационального в концепциях первых античных историков // Μνήμα: сб. научн. тр., посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 403.

[128] Поэтому нас несколько удивляет безоглядное доверие к этим свидетельствам Дурида со стороны В. Билля *(Will W.* Perikles... S. 88 — 89). Исследователь в своей неприязни к Периклу готов использовать против него даже не вполне добросовестные аргументы.

Другая неожиданность выглядела более серьезно. В Пантикапее, политическом центре крупной симмахии причерноморских полисов, расположившихся на берегах пролива Боспор Киммерийский, в 438/437 г. до н.э. произошел государственный переворот. На смену династии правителей Археанактидов, происходивших то ли из Милета, то ли с Лесбоса, но, во всяком случае, связанных с городами, входившими в Афинскую архэ, к власти пришел некий тиран Спарток. Впоследствии его потомкам Спартокидам, как известно, удалось чрезвычайно упрочить свое положение, создать самую долговечную из тиранических династий в греческом мире[129] и сформировать из симмахии полноценное единое государство надполисного типа, известное в историографии под названием Боспорского царства[130]. Спарток, несмотря на свое фракийское имя, судя по всему, все-таки этнический грек[131], коль скоро ему счел возможным подчиниться союз греческих государств. Но дело даже не в «национальности» Спартака, а в том, что в зоне жизненных интересов Афин внезапно появился новый и мощный «игрок», некий «икс», и было не вполне ясно, как этот «икс» в дальнейшем себя поведет. Выяснение этого важного вопроса в свете «хлебной проблемы» стало одной из целей афинской экспедиции непосредственно в Понт Эвксинский под командованием самого Перикла[132].

[129] О типологической принадлежности власти ранних Спартокидов именно к тирании см.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 14.

[130] Историю Боспорского царства начинают во всех работах с V в. до н.э., хотя, строго говоря, ни при Археанактидах, ни при первых Спартокидах (т.е. в период, непосредственно интересующий нас здесь) это государство не могло еще носить такого названия.

[131] По поводу имени Спартака см.: *Крыкин СМ.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 101 — 104. В этой работе, наряду с преобладающей «фракийской» версией происхождения данного лица, высказана также альтернативная «малоазийская» (на наш взгляд, менее вероятная). Что же касается того конкретного Спартока I, о котором здесь идет речь, СМ. Крыкин считает, что «основатель боспорской династии мог оказаться выходцем из Абдер, несомненно знатного происхождения, перебравшимся каким-то образом далеко на северо-восток к возможным исополитам». Таким образом, исследователь признает греческую этническую принадлежность интересующего нас Спартока.

[132] Здесь и в дальнейшем изложении мы исходим из того, что переворот на Боспоре хронологически предшествовал понтийской экспедиции Перикла. Аргументацию см.: *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы... С. 107). В историографии (особенно отечественной) имеется

Эта экспедиция, которую с наибольшей вероятностью следует датировать хронологическим отрезком 437 — 435 гг. до н.э.[133], чрезвычайно скудно освещена в источниках. По сути дела, единственным эксплицитным свидетельством о ней является один пассаж того же Плутарха (Pericl. 20). В результате западная историография никогда не проявляла особенного интереса к данному эпизоду биографии Перикла. Нам известна даже попытка просто отрицать ее историчность[134], естественно, представляющая собой лишь набор гиперкритических клише и не учитывающая бесспорных фактов. Что же касается отечественного антиковедения, то в нем к понтийской экспедиции в различных контекстах обращались значительно чаще. Это не удивительно: приятно, что великий человек, лидер афинской демократии, побывал и в нашем Крыму! В частности, приходилось писать о данной акции Перикла и автору этих строк[135]. Здесь мы в основном изложим те выводы, в которых пришли в предшествующих работах.

Хотя напрямую сообщается в источниках лишь о пребывании афинян в Южном Причерноморье (Синопа, Амис)[136] и

(пожалуй, даже преобладает) и противоположная точка зрения: вначале экспедиция Перикла, затем приход власти Спартока. В некоторых, наиболее экзотических вариантах этой реконструкции (как, например, В.А. Анохина) Перикл попросту привозит с собой Спартока, дабы «воцарить» его в Пантикапее. Для постулирования подобного тезиса, как представляется, у нас нет никаких серьезных оснований. См. работы этого исследователя: *Anochin V.A.* Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos (437 v. Chr.) // Stephanos nomismatikos. B., 1998. S. 33 — 44; *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 30 — 37. Критику многих построений В.А. Анохина см. также: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: оттирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11-35.

[133] Чаще всего ее датируют 437 г. до н.э. (см., например: *Mattingly H.B.* Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC // Sur les traces des Argonautes. P., 1996. P. 151) или 436 г. до н.э. См., например: *Завойкин А.А.* Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // МГДА Ч. 1. С. 256.

[134] *Ferrarese P.* La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // CISA. 1974. Vol. 2. P. 7-19.

[135] *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы...; *Surikov I.E.* Historico-geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2001. Vol. 7, N 3/4. P. 341-366.

[136] О пребывании Перикла в Синопе говорится в указанном месте у Плутарха. Об Амисе в данной связи см.: *Суриков И.Е.* Перикл, Амис...

об основании ими там колоний[137], есть все основания утверждать, что этим регионом Перикл не ограничился[138] и побывал также у берегов Северного Понта. Более того, они-то и должны были явиться главной целью экспедиции, коль скоро перед ней ставилась задача обеспечения импорта зерна. При этом речь, по нашему мнению, шла не столько о полном доминировании Афин в понтийском регионе (что было вряд ли достижимо), сколько об установлении прочного контроля над морским «хлебным путем». Впрочем, Перикл отнюдь не намеревался отказываться и от пополнения Архэ новыми союзниками на обширных понтийских просторах, коль скоро такая возможность представилась бы — а она представилась.

Как мы показываем[139], афинский флот совершил почти полный «перипл Понта Эвксинского». Причем вначале Перикл двинулся вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря. На этом этапе в Архэ действительно вступил ряд местных полисов (Аполлония Понтийская, Ольвия и ряд других), названия которых (по большей части во фрагментированном, порой до невозможности восстановления, виде) встречаются впоследствии в афинских списках фороса. Насколько можно судить, инициатива вступления исходила именно от самих этих полисов и вряд ли явилась результатом вооруженного давления со стороны афинян.

Затем эскадра Перикла прибыла к Боспору Киммерийскому для выполнения главных задач экспедиции. Предстояло, во-первых, разведать, какого рода власть установилась недавно в Пантикапее, насколько она намерена поддерживать дружественные отношения с Афинами; во-вторых, устроить демонстрацию силы перед новым боспорским правителем с целью предостеречь его от потенциальных антиафинских демаршей; в-третьих, заручиться по возможности гарантиями стабильности, установив, например, афинский контроль над какими-то пунктами на подступах к Боспору. Все эти задачи были успешно выполнены: Перикл заручился гарантиями дружественных отношений со Спартокидами,

[137] Если быть совсем точным, в Синопе была основана клерухия, а в Амисе, судя по всему, — полноценная апойкия.

[138] Вопреки скептическим утверждениям И.Б. Брашинского. См.: *Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110 — 121; *Он же.* Афины и Северное Причерноморье в VI — II вв. до н.э. М., 1963. С. 56-88.

[139] *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы... С. 111 — 113 (с картой).

основал на подступах к Пантикапею афинские форпосты (бесспорно в Нимфее и, возможно, в Торике)[140]. Затем флот, не заходя уже в дальний восточный «угол» Понта, проследовал кратким путем к южному берегу моря, на Амис и Синопу. Там были проведены вышеупомянутые колонизационные мероприятия, после чего Перикл возвратился на родину[141].

В целом, давая оценку понтийской экспедиции Перикла, важно, на наш взгляд, удержаться в рамках «золотой середины», избегая обеих досадных крайностей: как чрезмерно скептического подхода (представленного И.Б. Брашинским и некоторыми западными исследователями), так и тенденции преувеличивать масштабы экспедиции более, чем позволяют источники. Ведь в некоторых работах поход Перикла вырастает в нечто глобальное, оставившее прямо-таки неизгладимые следы в истории и географии Причерноморья. При этом порой рубят сплеча — не подберем иного выражения. Например, встречают в северопонтийском регионе топонимы Афинеон и Стратоклия — и сразу рождаются гипотезы: раз Афинеон, то местечко, конечно же, основано Афинами,

[140] Приведем выдержку из работы полемизирующего с нами О.Н. Мельникова: «"Демонстрация военно-морской мощи афинян перед жителями этого региона"... натолкнулась на ответную демонстрацию сухопутной и военно-морской мощи "боспорской" симмахии... Периклу было заявлено о том, что "Боспор" заинтересован в экспорте хлеба в Афины не в меньшей мере, чем Афины в его получении. И до тех пор, пока "Боспору" будет выгодно продавать этот хлеб Афинам, до тех пор Афины и будут его получать... Периклу пришлось этим и довольствоваться, после чего более или менее спокойно возвратиться в Афины». См.: *Мельников О.Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // Нумізматика і фалеристика. 2001. № 3. С. 14. Вызывает уважение хорошая, патриотическая, так сказать, «пробоспорская» позиция автора: вот, дескать, как мы, боспоряне, показали этим надменным афинянам! Но аргументация — в стиле исторического романа. О.Н. Мельников развертывает (при полном отсутствии сообщений источников) такую яркую и подробную картину событий, что не оставляет впечатление: не иначе, он сам при них присутствовал...

[141] Иную точку зрения см.: *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 412 и след. Автор считает, что афиняне прошли вдоль всей полосы побережья Восточного Понта, нигде не сокращая путь, и установили свой контроль над рядом важных пунктов этого региона, основав при этом несколько колоний, в том числе крупных. Данных, которые однозначно подкрепляли бы этот тезис, по нашему мнению, недостаточно. Кроме того, сколько же людей вез с собой Перикл, если он мог позволить себе так «разбрасываться» ими, оставляя колонистов то здесь, то там?

ну а Стратоклом звали одного из афинских архонтов, значит, афиняне наименовали Стратоклию в его честь. При этом не принимают во внимание, что Афинеон относится к весьма распространенной категории топонимов на «Афин-», которые в подавляющем большинстве случаев производятся не от Афин и не от афинян, а, разумеется, от богини Афины. Обычая же давать поселениям названия в честь архонтов в демократических Афинах V в. до н.э. отнюдь не было (тем более что в это время архонты в полисе играли весьма незначительную роль)[142].

Подходя к проблеме взвешенно, мы не можем не констатировать значительной экспансии Афин на понтийском направлении в «Периклов век». Результатом этой экспансии стало включение в Архэ новых членов, основание форпостов в стратегически важном регионе, упрочение контроля над путем хлебной торговли, установление конструктивных отношений с боспорскими Спартокидами. С другой стороны, нет оснований полагать, что все это произошло в ходе одной-единственной экспедиции Перикла — той самой, о которой мимоходом сообщил Плутарх (а мог бы и не сообщить). Несомненно, имел место целый ряд плаваний в Понт, дипломатических акций, о которых просто не сохранилось свидетельств источников.

* * *

Шла вторая половина 30-х годов V в. до н.э., и, по образному выражению Плутарха, «уже поднимались волны Пелопоннесской войны». Внешнеполитическая обстановка непрерывно накалялась. По мере роста мощи и амбиций Афин усугублялось недовольство ведущих членов Пелопоннесского союза, особенно Коринфа[143]. Да и в самой Спарте крепли позиции тех кругов, которые считали, что Афины пора «поставить на место». Правда, в целом спартанцы достаточно осторожно относились к перспективе крупного вооруженного конфликта. Обладая лучшим в греческом мире сухопутным войском, они, тем не менее, прекрасно сознавали, какое бремя ляжет на их плечи в случае, если война окажется трудной и затяжной, а это казалось почти неизбежным. Постоянная внутренняя опасность, исходившая от илотов, тоже служила фактором, который Спарта не могла не принимать во внимание: война с Афинами означала отправку крупных воинских контингентов за пределы полиса, чем илоты вполне могли воспользоваться. Тем не менее спартанские власти были обеспокоены продолжающимся возвышением Афин и постепенно склонялись к решающим действиям. Их «подстегивала» мысль о том, что еще немного — и может оказаться поздно, Афины станут просто неодолимыми.

В условиях предельно напряженных межгосударственных отношений любой, даже незначительный, локальный пограничный инцидент мог стать «искрой в пороховой бочке», послужить непосредственным поводом к началу военных действий. Как правило, в подобных ситуациях возникновения повода долго ждать не приходится. И действительно, в конце 30-х годов V в. до н.э. почти одновременно имели место сразу несколько инцидентов такого рода[144].

Один из них был связан с Керкирой — островом в Ионическом море, у западного побережья Греции. Керкира располагала сильным флотом и занимала чрезвычайно важное стратегическое положение на морских путях, ведущих к Италии и Сицилии, и при этом являлась колонией Коринфа, но к рассматриваемому здесь времени давно уже рассорилась со своей метрополией и даже вела с ней войну. В поисках сильного союзника керкиряне обратились в Афины; афинское народное собрание в высшей степени благосклонно восприняло их просьбу о помощи и установило с Керкирой союзные отношения. Правда, это был оборонительный,

[142] В отношении подобных конструкций скептицизм И.Б. Брашинского выглядит как раз вполне уместным. См.: *Брашинский И.Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 152.

[143] *Raubitschek A.E.* The School of Hellas... P. 23 ff.

[144] Внешнеполитические инциденты, непосредственно повлекшие за собой начало Пелопоннесской войны, наиболее подробно описаны Фукидидом (I. 24 sqq.). Впрочем, этот ценнейший пассаж из труда великого историка все же не может быть назван абсолютно объективным и беспристрастным. Так, Фукидид, всячески старается преуменьшить значение такого важного инцидента, как мегарская псефисма Перикла. Это хорошо показал Э. Бадиан, соображения которого о начале Пелопоннесской войне представляются нам наиболее взвешенными и аргументированными во всей мировой историографии. См.: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 125— 162. Отметим также монографические исследования, специально посвященные этому сюжету: Sie *Croix G.E.M.* de. The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War: 2nded. Ithaca, 1981.

а не наступательный союз (эпимахия, а не симмахия); о включении Керкиры в Афинскую архэ речь не шла[145]. Тем не менее коринфяне не без оснований рассматривали поведение афинян как вмешательство в свои внутренние дела и пришли в крайнее возмущение.

Тогда же Афины ужесточили политику по отношению к городу Потидее на полуострове Халкидика, входившему в состав Архэ. Потидея тоже являлась колонией Коринфа и традиционно поддерживала с ним политические связи. Когда же афиняне приказали Потидее разорвать эти связи, она предпочла поднять восстание и заявить о своем выходе из Архэ. На усмирение отпавшего полиса была направлена афинская эскадра с отрядом гоплитов, который осадил Потидею. Эти события, естественно, послужили для Коринфа новым поводом для агитации за войну против Афин.

Примерно в то же время Афины ввели жесткие экономические санкции против Мегар — соседнего с ними полиса, который неоднократно в V в. до н.э. менял свою внешнеполитическую ориентацию и в 30-е годы примыкал к Пелопоннесскому союзу. «Предателей», по мнению афинян, надлежало наказать. Перикл лично провел через экклесию псефисму, направленную против мегарян *(Aristoph.* Ach. 530 sqq.; Pax 606 sqq. cum schol.; *Plut.* Pericl. 30)[146]. Любым мегарским товарам был отныне закрыт доступ на рынки Афин и всех полисов Афинской архэ; торговцы-мегаряне были под страхом смерти изгнаны оттуда. Экономика Мегар, в очень большой степени ориентированная именно на торговлю с Афинами, в кратчайший срок пришла в бедственное положение. Мегаряне пополнили собой число «жалобщиков» в Спарте.

Таким образом, большая война все более становилась неизбежной. В 432 г. до н.э. в Лакедемоне состоялся конгресс полисов — членов Пелопоннесского союза. На конгрессе было принято решение направить Афинам ультимативные требования и в случае отказа их выполнить — начать военные действия. Иными словами, спартанские власти попытались-таки вначале решить спорные вопросы путем переговоров. Войны они не желали и не скрывали этого.

После этого в Афины несколько раз прибывали послы из

[145] *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин... С. 46.

[146] Вопрос разобран нами в специальной работе: *Суриков И.Е.* Попытка торговых санкций...

Спарты и то в относительно мягкой, то в более угрожающей форме предлагали афинянам разорвать союз с Керкирой, снять осаду Потидеи и отменить санкции против Мегар. На последнем особенно настаивали, видимо, считая «мегарскую псефисму» главным камнем преткновения в отношениях двух симмахий. Фукидид, современник и свидетель событий, приводит слова спартанцев: «Прежде всего и совершенно определенно лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарянах» **(I.** 139. 1).

В принципе, на этом этапе война еще могла быть предотвращена или, по крайней мере, отсрочена. Не возникает никакого сомнения в том, что спартанцы удовлетворились бы, пойди Афины на некоторые, довольно незначительные уступки[147]. Однако как раз никаких уступок не последовало. Перикл, стоявший во главе афинского полиса и имевший определяющее влияние на демос, занял по этому вопросу предельно жесткую линию. По его инициативе народное собрание афинян отвечало на все требования Спарты самым решительным отказом. Фукидид (I. 140—144) приводит речь Перикла в экклесии по интересующему нас сюжету, и некоторые, наиболее показательные места этой речи имеет смысл процитировать:

«Я всегда держусь, афиняне, такого мнения, что не следует уступать пелопоннесцам... Лакедемоняне уже давно открыто замышляют против нас недоброе, а теперь — особенно... Не думайте, что война начнется из-за мелочей, если мы не отменим мегарского постановления. Именно это они чаще всего и выставляют доводом и постоянно твердят: отмените мегарское постановление, и войны не будет. Пусть вас не тревожит мысль, что вы начали войну из-за пустяков. Ведь эти пустяки предоставляют вам удобный случай проявить и испытать нашу силу и решимость... Поэтому обдумайте, желаете ли вы идти на уступки лакедемонянам, пока вы еще не пострадали от войны, или мы будем вести войну (что, мне по крайней мере думается, лучше), не уступая ни при каких обстоятельствах и без страха отстаивая наше достояние... Что касается нашей и их боевой силы и наличия средств, то знайте, что мы не слабее пелопоннесцев... А теперь, сначала отпустим послов, дав им следующий ответ: мы открываем мегарцам наш рынок и гавани, если лакедемоняне также

[147] Ср.: *Will W.* Perikles... S. 90 u. folg.

перестанут изгонять чужестранцев[148] — нас, афинян, и наших союзников (ведь и то, и другое соответствует мирному договору); мы признаем и независимость союзников (поскольку они были уже независимыми при заключении договора), если лакедемоняне также предоставят своим городам управляться по их собственному усмотрению, а не только по произволу лакедемонян[149]. Мы также готовы, согласно договору, подчиниться решению третейского суда[150]. Войны мы не начнем, но в случае нападения будем защищаться. Это — справедливый и достойный нашего города ответ. Однако следует иметь в виду, что война неизбежна... Мы должны быть достойны наших предков и всеми силами противостоять врагам, с тем, чтобы передать потомству нашу державу не менее великой и могущественной».

Именно в этом духе и был дан ответ спартанским послам, что уже полностью предрешало дальнейшее развитие событий. Как видим из речи, Перикл считал, что Афины уже достаточно сильны и готовы к решающей схватке за гегемонию в Греции. Античные авторы — от современника событий Аристофана до жившего много веков спустя Плутарха (практически все, за исключением Фукидида) — настойчиво подчеркивают, что на непримиримую позицию Перикла в вопросе о войне оказал значительное влияние и внутриполитический, даже личностный фактор. И мы также не склонны отрицать этот фактор[151].

[148] Имеются в виду спартанские ксенеласии.

[149] Одним из требований, выдвигавшихся спартанскими послами афинянам в ходе переговоров, было «признать независимость эллинов», т.е. отказаться от гегемонии в Афинской архэ. В ответ на это Перикл предлагает спартанцам фактически отказаться от гегемонии в Пелопоннесском союзе, что для тех, естественно, было тоже неприемлемо.

[150] Эти слова Перикла звучат несколько лицемерно, поскольку предлагаемая им инициатива была невыполнимой. Какой полис мог бы выступить третейским судьей между Спартой и Афинами? Для того чтобы рекомендации такого посредника были приняты обеими враждующими сторонами, это, во-первых, должен был быть полис независимый, не входящий ни в один из двух блоков, а, во-вторых, полис очень сильный и авторитетный, во всяком случае, не слабее Спарты и Афин (понятно, что третейский суд какого-нибудь Мелоса ни афиняне, ни спартанцы не посчитали бы для себя к чему-либо обязывающим). А такого полиса в Элладе не нашлось.

[151] В отличие, например, от В. Билля, который не считает достоверной традицию о личностных мотивах «агрессивности» Перикла в последние годы его карьеры, но взамен предлагает умозрительную интерпретацию довольно общего характера: «Война... представлялась Периклу инвестицией в будущее Афин: она препятствовала распаду союза или, по меньшей мере, отсрочивала этот распад, она обещала добычу и несколько ограничивала требования демоса о вспомоществовании» (*Will W.* Perikles... S. 105). Нам всё это кажется не очень убедительным.

Дело в том, что к концу 30-х годов V в. до н.э. положение «первого гражданина» несколько пошатнулось. В среде свободолюбивого и довольно своевольного демоса нарастало недовольство единоличным характером его власти; «афинский олимпиец», если можно так выразиться, начал понемногу приедаться своим согражданам. К тому же Перикл, естественно, не молодел (ему уже перевалило за шестьдесят), мог в каких-то случаях проявлять усталость и слабость. И каждым его промахом, естественно, не упускали возможности воспользоваться его политические противники. А их становилось все больше. С одной стороны, в 434 г. до н.э. предстояло возвратиться из остракизма Фукидиду, сыну Мелесия[152]. Хотя он тоже был уже очень немолод, тем не менее политический опыт, знатность происхождения, традиционный авторитет — всё это опять делало его серьезным соперником для Перикла[153]. С другой стороны, возвысился Клеон — «новый политик», молодой конкурент. Он наносил теперь по «первому гражданину» болезненные удары «слева», как когда-то сам Перикл — Кимону. Но тогда, тридцать лет назад, Перикл выступал в роли радикала и реформатора, а теперь эта роль отошла к Клеону, Перикл же оказывался в незавидной позиции держащегося за власть консерватора. В очередной раз действовала давняя парадигма афинской общественной жизни, «смена политических поколений», дававшаяся всегда крайне болезненно.

Судя по всему, противники Перикла с обоих «флангов» смогли найти между собой общий язык, договориться о создании на основе негативного консенсуса какой-то коалиции, направленной всецело против «олимпийца». О борьбе этой объединенной оппозиции с лидером полиса нам не раз уже приходилось писать[154], а повторять самого себя лишний раз

[152] Если он только не умер во время изгнания. Такая возможность есть, но она невелика.

[153] *Kienast D.* Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. Bd. 60, H. 3. S. 210-229.

[154] Наиболее подробно: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 203 и след.; *Он же.* Эволюция религиозного сознания... С. 86 и след. См. также: *Giuliani A.* Riflessi storiografici della opposizione a Pericle alio scoppio della guerra del Peloponneso // CISA. 1999. Vol. 25. P. 24-40.

не хочется. И в то же время не затронуть вопрос совсем никак невозможно. Поэтому осветим этот сюжет в самых кратких словах.

Нанести удар по самому Периклу оппозиционеры пока не решались и начали своеобразную психологическую «арт-подготовку». Был возбужден ряд судебных процессов против лиц из ближайшего окружения Перикла[155]; тем самым общественное мнение ненавязчиво подводилось к мысли о том, что раз друзья «первого гражданина» преступны, значит, и сам он не без греха.

Процессы проходили с большим или меньшим успехом. Философ Анаксагор был обвинен в нечестии и приговорен то ли к штрафу и изгнанию, то ли даже к смертной казни, но успел по совету Перикла заблаговременно покинуть город (так или иначе, впоследствии он действительно жил в малоазийском Лампсаке). Скульптора Фидия обвиняли также в нечестии (на щите статуи Афины в Парфеноне он изваял изображения Перикла и двое собственное), а, кроме того, в хищении золота при изготовлении статуи. Фидий при невыясненных обстоятельствах умер в тюрьме[156]. Наконец, в это время даже Аспасия была отдана под суд по обвинениям в нечестии и в содержании притона. Свою супругу Перикл все-таки смог отстоять: он «вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела» *(Plut.* Pericl. 32). Аспасия, как женщина, да еще и принадлежавшая к сословию метэков, сама защищать себя в суде не могла; для этого ей был необходим «простат», в роли которого в данном случае выступал именно Перикл. «Первый гражданин» в роли представителя обвиняемой стороны — уже этот факт показывал: что-то изменилось в Афинах. Ранее Периклу было куда привычнее атаковать, чем защищаться.

[155] *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle//Aevum. 1977. Vol. 51, fasc. 1/2. P. 10 — 26; *Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // GPAA. S. 97 — 113.

156 Датировки работы Фидия над скульптурным убранством Парфенона и его смерти см.: *Суриков И.Е.* Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI — V в. до н.э. // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 270 и след. По нашим выкладкам, в 447 — 438 гг. до н.э. скульптор работал на афинском Акрополе, затем отправился в Олимпию, где изготавливал знаменитую статую Зевса для тамошнего храма — одно из «семи чудес света», а к 432 г. до н.э. вернулся на родину, в Афины; там-то его и ждал суд.

Как бы то ни было, становилось предельно ясно, что следующей жертвой может стать сам «олимпиец». Ему грозила опала. Все чаще начинали вспоминать, что он принадлежит к «оскверненному» роду, а спартанцы, со своей стороны, не упускали возможности напомнить об этом афинянам. Так, в ходе одного из посольств в Афины они потребовали «изгнать скверну», — как замечает Фукидид (I. 127. 1—2), «прежде всего для того, чтобы умилостивить богов, но также и потому, что, как им было известно, Перикл, сын Ксантиппа, был причастен к этой скверне... И хотя прямо на изгнание Перикла нельзя было рассчитывать, но все же лакедемоняне надеялись этим подорвать его положение в государстве, так как его несчастное родство могло быть сочтено частично причиной войны»[157].

Совокупность всех этих фактов позволяет со всей серьезностью отнестись к той характеристике, которую Плутарх (Pericl. 32) дает роли Перикла в развязывании афино-спартанского вооруженного конфликта: «Когда же... его популярность пошатнулась, то он, опасаясь суда, раздул медленно тлевшее пламя войны в надежде, что обвинения рассеются и зависть смирится, когда граждане во время великих событий и опасностей вверят отечество ему одному как человеку уважаемому и авторитетному». Иными словами, Перикл решил фактически форсировать начало войны, чтобы заставить народ вновь сплотиться вокруг своего испытанного лидера. Поначалу ему это, безусловно, удалось: в первые годы Пелопоннесской войны «афинский олимпиец» пользовался безусловным, непререкаемым влиянием в афинском полисе, выполнял функции верховного главнокомандующего, определял всю стратегию и тактику ведения военных действий с афинской стороны.

После неудачи спартанских дипломатических миссий Пелопоннесский союз, собравшись на новый конгресс и заручившись поддержкой авторитетного Дельфийского оракула, который давно уже не скрывал своего недружелюбного отношения к перикловым Афинам[158], официально объявил «городу Паллады» войну. Весной следующего года военные действия начались. Пелопоннесская война (431 — 404 гг. до н.э.)

[157] Ср.: *Schmidt G.* Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // Rivista storica dell'antichità. 1990. Vol. 20. P. 7-30.

[158] *Giuliani A.* Atene e l'oracolo delfico // CISA. 1993. Vol. 19. P. 77-95.

стала крупнейшим, самым длительным и кровопролитным межполисным конфликтом во всей истории античной Греции[159]. В войну оказались так или иначе втянуты едва ли не все эллинские государства — даже не входившие ни в Афинскую морскую державу, ни в Пелопоннесский союз: ведь практически каждый полис тяготел либо к Афинам, либо к Спарте[160].

Если попытаться оценить и сопоставить силы враждующих сторон на момент начала военных действий, то они предстанут примерно равными, но совершенно по-разному ориентированными. В области сухопутных сил большое превосходство имел Пелопоннесский союз: входившие в него полисы без особого напряжения могли выставить войско в 60 тыс. гоплитов, среди которых (не следует забывать) были спартиаты, имевшие справедливую репутацию непревзойденных мастеров военного дела. А вот Афины даже в случае мобилизации всех своих военнообязанных граждан и привлечения на службу в дополнение к ним некоторой части метэков располагали лишь примерно тридцатитысячной армией (к тому же более слабой по своим боевым качествам). Союзники же по Архэ, как известно, только вносили форос, воинских же контингентов, за редким исключением, не поставляли.

С другой стороны, на море безраздельно господствовали Афины. Флот Афинской морской державы в период ее расцвета достигал общей численности в 400 кораблей (из них 300 — собственно афинских). Размеры военно-морских сил Пелопоннесского союза, основу которых составляли коринфские триеры, в точности неизвестны, но, во всяком случае, они на начало войны очень значительно (вдвое, если не втрое) уступали афинским. Имело место и качественное отставание: афинским морякам, приобретшим опыт и закаленным в многочисленных морских кампаниях, не было в то время равных в Эгеиде.

[159] Пелопоннесская война наиболее подробно освещена в серии монографий Д. Кэгена, которые в совокупности образуют единую фундаментальную историю этого грандиозного события античной истории. См.: *Kagem D.* The Outbreak...; *Idem.* The Archidamian War...; *Idem.* The Peace of Nicias...; *Idem.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987.

[160] В основном действовала закономерность, согласно которой демократические полисы склонялись на сторону Афин, полисы же с олигархическим устройством, — соответственно, на сторону Спарты. Бесспорно, из этого правила, как и из любого другого, были свои исключения.

Разным являлось состояние оборонительных укреплений полисов, возглавлявших вступившие в войну союзы. Спарта, как известно, вообще не имела городских стен. Афины же были окружены мощной системой фортификационных сооружений, включавшей в себя стены вокруг самого города, стены вокруг Пирея и соединявший их коридор «Длинных стен». Надежно связанные с морем, по которому всегда могли поступать подкрепления и продовольствие, Афины были совершенно неуязвимы для сколь угодно длительной осады, пока их флот доминировал в Эгеиде. Брать же города штурмом, как уже не раз говорилось, гоплитские армии греческого мира V в. до н.э. не умели, да и не имели для этого соответствующих приспособлений.

Несопоставимыми были и финансовые возможности враждующих сторон. Спарта, жившая в условиях натурального хозяйства, практически не имела своей казны. Единственным полисом Пелопоннесского союза, располагавшим значительными денежными ресурсами, являлся Коринф. Но Коринф в составе союза пользовался значительной свободой, для него и воля Спарты не считалась законом. Прагматики-коринфяне отнюдь не питали склонности щедро распахивать двери своей полисной казны для финансирования общесоюзных военных предприятий. Что же касается Афин, то в их казнохранилищах на Акрополе за годы рачительного управления Перикла накопились колоссальные суммы денег, поступавшие как от разработки серебряных рудников Лаврия, так и (в особенности) от союзников по Архэ в виде ежегодного фороса.

Фукидид (II. 13. 3 — 5) дает устами Перикла следующую оценку финансовых возможностей Афин: «Помимо прочих доходов в город поступало ежегодно 600 талантов союзнической дани[161]. К тому же на Акрополе хранилось 6 тыс. талантов серебра чеканной монетой. Общая же сумма денег в афинской казне достигала 9700 талантов; однако часть этих средств была уже израсходована на строительство Пропилеи, Акрополя и других сооружений, а также на осаду Потидеи.

[161] При Аристиде, основателе симмахии, общая сумма годичного фороса с союзников составляла 460 талантов. С тех пор общего повышения ставок фороса не происходило (разве что повышали, в порядке наказания, суммы, требуемые с отдельных полисов, проявивших нелояльность). Но количество членов Архэ со времен Аристида возросло, потому и общая цифра увеличилась с 460 до 600 талантов.

Кроме того, в казне хранилось нечеканного золота и серебра из частных и государственных посвятительных даров и всякой священной утвари (для процессий и состязаний), драгоценных предметов из мидийской добычи и тому подобных вещей не менее чем на 500 талантов. Кроме денежных сумм и сокровищ в храмах на Акрополе на случай крайней необходимости в распоряжении афинян были еще значительные сокровища других святилищ, а также золотые ризы самой богини (на статуе которой, по словам Перикла, было сорок талантов чистого золота — облачение богини, которое все было съемным)...».

Эти финансовые ресурсы, в отношении которых с «городом Паллады», конечно, не мог бы даже и пытаться поспорить никакой другой полис, давали афинянам широкое поле для маневра в случае необходимости дальнейшего пополнения вооруженных сил (особенно флота) и компенсации военных потерь. Да и в целом такое богатство позволяло с уверенностью смотреть в будущее. Одним словом, если отталкиваться от соотношения афинских и спартанских сил, исход войны представлялся совершенно непредсказуемым; пожалуй, наличествовало несколько больше факторов, действовавших в пользу Афин.

* * *

Как Спарта, так и Афины разработали планы ведения военных действий, учитывая не только свои сильные, но и слабые стороны. Напомним, спартанцы имели значительный перевес на суше, афиняне — на море. Соответственно, начиная с 431 г. до н.э. и на протяжении нескольких первых лет войны мощное шестидесятитысячное войско Пелопоннесского союза под командованием выдающегося полководца, спартанского царя Архидама[162], весной вторгалось в Аттику и опустошало сельскохозяйственные угодья. Взять Афины штурмом пелопоннесцы даже и не пытались, прекрасно понимая

[162] Поэтому первый период Пелопоннесской войны традиционно называют Архидамовой войной, а сам Архидам принадлежит ввиду данного обстоятельства к наиболее известным деятелям древнегреческой истории. Однако Архидам умер уже в 427 г. до н.э., и престол Еврипонтидов перешел к его сыну Агиду II. Этот царь незаслуженно остается в тени своего знаменитого отца; о нем даже мало кто знает. А между тем в целом Агид внес несравненно более значительный вклад в военные действия, нежели Архидам.

бессмысленность таких попыток. Цель была иной: вызвать афинян на генеральное сражение, разгромить их (а такой разгром последовал бы неминуемо) и таким образом сразу решить исход войны в свою пользу.

Перикл, стоявший во главе обороны Афин, предвидел такой ход событий. Если верить Фукидиду (I. 143. 4 — 5), он уже в одной из своих речей перед войной готовил своих сограждан к соответствующей тактике: «Если они (пелопоннесцы. — *И.С.)* нападут на нашу землю по суше, то мы нападем на них на море, и тогда опустошение даже части Пелопоннеса будет для них важнее опустошения целой Аттики. Ведь у них не останется уже никакой другой земли, которую можно было бы захватить без боя, тогда как у нас много земли на островах и на материке. Так важно преобладание на море!.. Поэтому нам уже теперь следует как можно яснее мысленно представить себе такое положение, при котором нам придется покинуть нашу землю и жилища, ограничиться обороной города и войной на море и не вступать в порыве гнева в бой с далеко превосходящими сухопутными силами пелопоннесцев... Следует не скорбеть о наших жилищах и полях, а подумать о нас самих. Ведь вещи существуют для людей, а не люди для них. Если бы я мог надеяться убедить вас в этом, то предложил бы добровольно покинуть нашу землю и самим опустошить ее, чтобы доказать пелопоннесцам, что из-за разорения земли вы не покоритесь им»[163].

Таким образом, Перикл прекрасно понимал, что ни в коем случае не следует поддаваться ни на какие провокации со стороны лакедемонян. Он совершенно сознательно обратился к откровенно оборонительной стратегии. По его распоряжению при получении известия о подходе вражеской армии в 431 г. до н.э. все сельское население Аттики было заблаговременно эвакуировано с хоры в город, под надежную защиту стен. Там и надлежало отсиживаться весь период пребывания противника на территории страны.

Фукидид, современник и участник событий, рисует яркую картину эвакуации (II. 14—16): «Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях. Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов, афиняне вели с давних

[163] Не исключено, конечно, что здесь Фукидид «задним числом» вложил в уста Перикла мысли, которые могла породить только реальная тактика двух сторон в первые годы войны.

пор... Афиняне долго жили на всей своей земле самостоятельными общинами. И даже после политического объединения большинство населения Аттики (как в древности, так и в последующее время, вплоть до этой войны) по старинному обычаю все-таки жило со всеми семьями в деревнях. Поэтому-то теперь афинянам было нелегко переселиться в город и бросать свое добро, тем более что они лишь недавно, после мидийских войн, восстановили свои деревянные жилища и обзавелись хозяйством. С грустью покидали они домашние очаги и святыни, которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков. И для всех них — деревенских жителей — предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом (πάλιν την αύτοΰ)».

С бессильным гневом взирали крестьяне на то, как пелопоннесцы разоряют их земельные наделы. «Первому гражданину» стоило немалых трудов поддерживать в согражданах спокойствие и выдержку, уберечь их от необдуманных поступков. «Перикл же хотя и видел, что афиняне раздражены создавшимся положением и мрачно настроены, но все же решение свое не выступать против врага считал правильным. Поэтому он не созывал народного собрания или какого-нибудь другого совещания, опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок[164]» (*Thuc.* II. 22. 1).

Заняв на суше «глухую оборону», афиняне предпринимали боевые действия атакующего характера там, где они были особенно сильны, — на море. Пока пелопоннесское войско еще стояло в Аттике, из Пирейской гавани вышла мощная эскадра из 100 кораблей (Ibid. 23. 2). Этот флот курсировал вокруг Пелопоннеса и пытался наносить неожиданные удары по прибрежным поселениям противника.

Выжидательная тактика Перикла в первый год войны оправдала себя, принесла свои плоды. Пелопоннесское войско, так и не добившись генерального сражения, с наступлением осени возвратилось на родину, и контингенты участников

[164] Не вполне ясно, при помощи каких институциональных механизмов Перикл мог оттягивать созыв заседаний экклесии, которые в норме должны были проводиться достаточно регулярно. Может быть, он ссылался на законы военного времени, и в Афинах действовало что-то вроде «чрезвычайного положения»? Во всяком случае, он явно опирался на свой личный авторитет См.: *Boegehold A.L.* The Athenian Government in Thucydides // LT. P. 580.

разошлись по своим городам, «на зимние квартиры»: зимой в античном мире военные действия не велись. Надежды Спарты на «блицкриг» не оправдались; становилось ясно, что война будет действительно затяжной и ни одна из сторон долго не добьется решающего успеха.

А афинское войско под командованием Перикла сразу после ухода спартанцев предприняло «ответный ход» — вторглось на территорию соседних Мегар и серьезно опустошило хору *(Thuc.* II. 31). В целом афиняне по итогам первой летней кампании могли с уверенностью смотреть в завтрашний день. Отражением сей уверенности, более того гордости за свой полис и существующую в нем демократическую форму правления является, безусловно, в первую очередь знаменитая «Надгробная речь» Перикла, произнесенная зимой 431/430 г. до н.э. на традиционной церемонии торжественного погребения павших воинов. Об этой воспроизведенной Периклом речи, подлинном панегирике демократии и блистательном памятнике демократической политической мысли, нам уже не раз приходилось упоминать[165].

Наступил второй год войны. Все шло по тому же плану, что и в первый. Весной пелопоннесское войско опять вступило в Аттику. Афинские крестьяне вновь были эвакуированы в город, под защиту стен. Флот же афинян под командованием самого Перикла действовал на море. Была проведена экспедиция к восточным берегам Пелопоннеса *(Thuc.* II. 56; *Plut.* Pericl. 35). Главной целью похода выступал священный Эпидавр, главный центр культа бога врачевания Асклепия. Взять город, впрочем, не удалось; моряки только опустошили часть его хоры, а заодно и сельскую округу еще нескольких полисов Арголиды, входивших в Пелопоннесский союз.

Однако уже на момент этой морской кампании в самих Афинах началось страшное бедствие, не предусмотренное Периклом и спутавшее все его казавшиеся столь продуманными и дальновидными планы. Речь идет о печально знаменитой эпидемии неизвестной заразной болезни, обрушившейся внезапно на «город Паллады». Внезапно, но вполне закономерно, особенно взирая на ситуацию с точки зрения нынешних медицинских и биологических знаний, которыми, конечно, еще не располагали люди «Периклова века».

Эвакуация крестьян в город, длительное проживание на его территории значительно большего количества лиц, чем

[165] Ср. о ней в примеч. 3 к введению.

эта территория позволяла, — всё это породило значительное перенаселение, скученность, антисанитарные условия. Уместно предоставить слово опять же Фукидиду, который видел описанное собственными глазами, сам переболел «чумой» (как называют источники охватившую Афины болезнь[166]), но выжил.

«Переселившись в Афины, лишь немногие беженцы нашли себе жилища или приют у друзей или родных. Большинство же вынуждено было занять городские пустыри или поселиться во всех святилищах богов и героев, кроме храмов на Акрополе, Элевсиния и некоторых других накрепко запертых зданий. При таком затруднительном положении пришлось целиком заселить даже Пеларгик у подошвы Акрополя, где запрещалось селиться под страхом проклятия... Множество беженцев расположилось даже в башнях обводной стены и в других местах, где кто мог. Ведь город не вмещал такого скопления беженцев, так что впоследствии пришлось приспособить под жилье, разделив между собой, даже Длинные стены и большую часть обводных стен Пирея» *(Thuc.* II. 17. 1-3).

В подобных условиях вспышке эпидемии, в общем-то, не приходится поражаться; пожалуй, удивительнее было бы, если бы всё обошлось без происшествий. И пусть даже болезнь имела не эндогенное происхождение. По предположению Фукидида (II. 48. 1—2), она началась сперва на территории Персидской державы, в Египте. А в Афины вирус, скорее всего, занесли моряки-торговцы. В пользу этого свидетельствует то, что первые случаи заболевания имели место в Пирее[167]. Однако в условиях превышавшей всякие санитарные нормы переполненности пространства внутри оборонительных стен быстрое и беспрепятственное распространение эпидемии было просто-таки гарантировано. Из этого, конечно, никоим образом не вытекает, что мы должны «задним числом» винить Перикла в крупнейшем стратегическом просчете. Однако отношение к нему сограждан эпидемия, понятно, не улучшила.

[166] Среди современных ученых (а этой проблемой занимались как историки, так и медики) нет единого мнения о действительном характере болезни. Да вряд ли и вообще когда-нибудь на этот вопрос будет дан окончательный ответ.

[167] Судя по всему, эпидемия, распространяясь по Средиземноморью, попала даже в Рим: *Coughanowr E.* The Plague in Livy and Thucydides // AC 1985. Vol. 54. P. 152-158.

Болезнь нанесла Афинам гораздо больший ущерб, нежели спартанцы или вообще какой бы ни было противник в любую эпоху. Она свирепствовала около четырех лет, и жертвами ее стали до четверти всех афинян[168].

На уровне религиозных представлений[169] чума, неизменно ассоциировавшаяся со «скверной», была расценена значительной частью граждан как очередная кара богов за родовое проклятие Алкмеонидов. В сочетании с обвинениями против Перикла как представителя этого рода, со спартанскими требованиями «изгнать скверну», выдвинутыми еще в 432 г. до н.э., наконец, с однозначно антиафинской позицией Дельфийского оракула, — всё это повело к новой и наиболее серьезной атаке на Перикла[170], к окончательной утрате им популярности и влияния. «Первый гражданин» и фактический командующий вооруженными силами, стремительно впав в немилость, был досрочно отстранен от должности стратега *(Plut.* Pericl. 35). Этим дело не ограничилось: против Перикла возбудили судебный процесс по обвинению в финансовых злоупотреблениях (Ibid. 32). Формулировка обвинения, насколько можно судить, была выбрана в известной мере произвольно. Она с тем же успехом могла бы звучать и иначе, это принципиально ничего не меняло. Уж очень хотелось озлобленным афинянам покарать лидера, утратившего их доверие, отомстить ему за перенесенные бедствия.

Перикл был приговорен к уплате крупного денежного

[168] *Thuc.* III. 87. 2 — 3: «Мощь афинян ничем, конечно, не была так ослаблена, как этим бедствием. Действительно, из числа значившихся в списках от болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников, а сколько жертв она унесла из остального населения, с точностью установить невозможно». Перед Пелопоннесской войной в Афинах насчитывалось 1200 всадников *(Thuc.* II. 13. 7); от болезни умерли 300. Мы имеем, таким образом, определенную пропорцию: 1:4. Эту пропорцию следует признать репрезентативной, поскольку эпидемия, надо полагать, не выбирала своих жертв, а уносила в могилу примерно в равной степени лиц из всех слоев населения (от бедняков-поденщиков до Перикла). Таким образом, получаем принципиальный вывод: смертность от эпидемии составила около четверти населения.

[169] А эпидемия, несомненно, воспринималась не в последнюю очередь как религиозный феномен. Есть, в частности, все основания полагать, что морской поход афинян этим летом именно на Эпидавр и попытка его захвата были напрямую порождены стремлением найти какое-то средство от болезни (средство, разумеется, сакрального характера).

[170] Одно из косвенных свидетельств этой атаки — знаменитая трагедия Софокла «Эдип-царь». См. о ней в данном контексте: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 206 и след.

штрафа (*Thuc.* II. 65. 3; *Plut.* Pericl. 35). Сумму штрафа Фукидид не называет, а Плутарх колеблется между несколькими суммами — от пятнадцати талантов до пятидесяти. Он ссылается на ряд авторитетов, расходящихся друг с другом в описании конкретных перипетий процесса — на Феофраста, Гераклида Понтийского, Идоменея Лампсакского. Как бы то ни было, даже пятнадцать талантов — сумма для частного лица весьма крупная.

Рушилось всё, что «афинский олимпиец» возводил на протяжении своей жизни, шли прахом все его труды. И мы имеем в виду не только и не столько перипетии его личной карьеры, сколько всю судьбу процветающих демократических Афин. С Периклом уходил «Периклов век»; точнее, получилось даже так, что эпоха начала меняться, уходить в прошлое уже при жизни своего творца. На смену стабильности, уверенности, державной гордости стремительно надвинулись кризисные явления — в области менталитета даже раньше, чем в сферах собственно политических, социальных или экономических[171]. Перикл сам был рационалистом, даже в годы Пелопоннесской войны[172], и учил рационализму со-

[171] Ср. анализ эпохи в фундаментальной монографии: *Levy E.* Athenes devant la defaite de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976.

[172] См., например, эпизод, пересказанный Плутархом (Pericl. 35): «Уже войска сели на суда и сам Перикл взошел на свою триеру, как вдруг произошло солнечное затмение (3 августа 431 г. до н.э. - И.С), наступила темнота, все перепугались, считая это важным предзнаменованием. Перикл, видя ужас и полную растерянность кормчего, поднял свой плащ перед его глазами и, накрыв его, спросил, неужели в этом есть какое-нибудь несчастие или он считает это предзнаменованием какого-нибудь несчастия. Тот отвечал, что нет. "Так чем же то явление отличается от этого, - сказал Перикл, - как не тем, что предмет, который был причиной темноты, больше плаща?"». Перикл, как выученик Анаксагора, и не мог вести себя иначе. Однако задумаемся: а кого мог убедить этот «фокус» с плащом? Характерен сам факт: прошло уже полтора века с тех пор как Фалес впервые в Греции предсказал солнечное затмение; Афины полны философами, рассказывающими всем желающим о том, что Солнце — не более как огненная глыба; а масса афинян, тем не менее, воспринимает это природное явление всецело как недобрый знак свыше. Даже не какой-нибудь рядовой гребец, а кормчий приходит от этого знака в ужас и растерянность. Наивным было бы считать, что демонстрация Периклом «затмения в миниатюре» тут же сделало всех воинов рационалистами. Тем более что демонстрация эта отнюдь не очевидна; чтобы соотнести в уме тень плаща с тенью Луны, нужно было обладать достаточно глубокими знаниями. Кто-то, может быть, и приободрился, поверив Периклу, но наверняка гораздо больше оказалось тех, кто подумал: «Наш вождь опять кощунствует, когда-нибудь это не сойдет с рук даром ни ему, ни нам».

граждан — и вот этот рационализм начал рассыпаться, как карточный домик, уступая место совершенно иррациональным эмоциям возбужденной толпы. «Первому гражданину», на глазах которого все это происходило, уже не оставалось места в этом новом, отнюдь не дивном мире.

Вполне закономерно, что в последнюю пору своей жизни Перикл переживал тяжелый душевный кризис. Бремя родового проклятия Алкмеонидов всей своей тяжестью легло на политика, который приложил в течение своей карьеры максимум усилий, чтобы от него избавиться. Мало того, что Перикл был измучен преследованиями; присовокупились бедствия в его семье. Со старшим сыном, Ксантиппом, «афинский олимпиец» давно уже не ладил: тот упрекал отца в скаредности, за глаза осмеивал его и даже распускал о нем порочащие сплетни *(Plut.* Pericl. 36). Тем не менее безвременная смерть молодого человека от эпидемии не могла, конечно, не огорчить родителя. А особенным ударом для него стала кончина и второго законного сына — Парала; вот на его-то могиле «железного» Перикла впервые увидели рыдающим. Тогда-то ему и пришлось ходатайствовать перед экклесией о включении в гражданский коллектив своего сына от Аспасии (Перикла Младшего) — в порядке исключения, в обход закона, принятого двумя десятилетиями ранее по инициативе самого же Перикла (Ibid.). Просьба была удовлетворена; демос не хотел окончательно добивать своего былого кумира[173].

По сообщению Плутарха (Ibid.), «Перикл потерял тогда также и сестру и большую часть свойственников и друзей, бывших очень полезными помощниками в его государственной деятельности». В результате он по большей части «лежал дома, убитый горем». Правда, карьера его еще не закончилась. В 429 г. до н.э. его снова избрали стратегом *(Thuc.* II. 65. 4; *Plut.* Pericl. 37). Но это было уже не возвращение к прежнему положению «первого гражданина», а скорее милость демоса, считавшего, что многочисленными страданиями Перикл искупил свою вину. Когда-то «афинский олимпиец» властно направлял волю демоса, а теперь ему приходилось получать от того же демоса унизительные подачки.

[173] Периклу Младшему была дана короткая, но довольно яркая жизнь. Он занимал видное положение в политической элите своего времени, неоднократно избирался на различные должности, в частности в 406 г. до н.э. был одним из стратегов, выигравших Аргинусское морское сражение и казненных после этого по приговору афинской экклесии.

Тем временем, как сообщает традиция, Перикл заболел и сам, вероятно, заразившись от кого-нибудь из родственников. «Болезнь у него носила не острый характер, как у других, не сопровождалась сильными приступами, а была тихая, затяжная, с различными колебаниями, медленно изнурявшая тело и постепенно подтачивавшая душевные силы... Перикл показал одному своему другу, навестившему его, ладанку, которую женщины надели ему на шею; он хотел этим сказать, что ему очень плохо, раз уж он согласен терпеть и такую нелепость» *(Plut.* Pericl. 38).

Перед нами — лишний признак предсмертного душевного кризиса великого рационалиста. Кстати, и сама болезнь его выглядит как-то необычно; как видим, у него совершенно не наблюдалось симптомов, от которых страдали остальные афиняне, погибавшие от «чумы». Не можем отделаться от впечатления, что Перикл вообще не стал жертвой эпидемии. Он, так сказать, тихо угас, умер в буквальном смысле слова от горя — от целой серии тяжелейших стрессов, совершенно подорвавших немолодой уже организм. Античная медицинская теория таких интерпретаций, естественно, не предусматривала, поскольку категория стресса ей еще не была известна.

Перикл скончался, по указанию Фукидида (II. 54. 6), через два с половиной года после начала Пелопоннесской войны, т.е. осенью 429 г. до н.э. Плутарх (Pericl. 38) сохранил для нас предсмертные слова этого выдающегося политика, которые нам представляется уместным привести: «Когда Перикл был уже при смерти, вокруг него сидели лучшие граждане и остававшиеся в живых друзья его. Они рассуждали о его высоких качествах и политическом могуществе, перечисляли его подвиги и количество трофеев: он воздвиг девять трофеев в память побед, одержанных под его предводительством во славу отечества. Так говорили они между собою, думая, что он уже потерял сознание и не понимает их. Но Перикл внимательно все это слушал и, прервавши их разговор, сказал, что удивляется, как они прославляют и вспоминают такие его заслуги, в которых равная доля принадлежит и счастью и которые бывали уже у многих полководцев, а о самой славной и важной заслуге не говорят: "Ни один афинский гражданин, — прибавил он, — из-за меня не надел черного плаща"», т.е. не облекся в траур.

Итак, вот в чем «первый гражданин», подводя итог всему прожитому и сделанному, видел свою главную заслугу. Но прав ли он был? Позволим себе усомниться в этом. Скорее Перикл выдавал желаемое за действительное. Ведь, умирая, он не мог не знать, что в городе горят сотни погребальных костров, что множество людей оплакивают своих родных и близких, унесенных эпидемией. И винят эти люди в своих бедствиях не кого иного, как его, Перикла, причем нельзя сказать, чтобы безосновательно.

Говоря о последних днях многолетнего лидера Афин, трудно назвать их иначе, как трагедией. Великой трагедией великого человека, которому выпала доля увидеть, как рушится то процветание, что он с такими усилиями создавал. Предсмертные раздумья Перикла, надо думать, омрачались еще и тем, что он не видел среди афинских государственных деятелей никого, кто бы мог стать его достойным преемником. И действительно, после его смерти политическая жизнь в «городе Паллады» как бы «измельчала». Перикл, бесспорно, являлся человеком отнюдь не без недостатков. И все же его выдающаяся личность накладывала на все, что совершали Афины под его руководством, некий отпечаток благородства и величия. Преемники Перикла (ни один из них) не пользовались столь же большим авторитетом, как он. Не блистало большинство этих людей ни талантами, ни подлинно государственным мышлением. Самое главное — они были не в состоянии подняться до осмысления долговременных, стратегических общеполисных интересов, думая в основном о решении сиюминутных задач, да еще о том, как бы не потерять свою популярность в среде демоса.

«Периклов век», период высшего расцвета греческого полиса и полисной Греции, остался в прошлом. Напрашиваются, конечно, ностальгические нотки. В то же время несомненно, что и сам Перикл внес какой-то вклад в подобное развитие событий. Он в полном смысле слова был переходной фигурой в истории Афин: «последним аристократом» и в то же время «первым демагогом», приложившим немало усилий для слома традиционного аристократического этоса и для торжества нового «ментального космоса», который оказался столь жестоким даже по отношению к своему создателю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как и в предыдущей нашей книге об афинских политиках, в данной, второй, в роли «главных героев» также оказалось четыре человека, виднейшие лидеры своего времени. И, наверное, наиболее резонным будет прежде всего сопоставить эту «великолепную четверку» с той, первой, попытаться выявить черты как сходства, так и различия.

Нельзя не заметить, что и Аристид, и Фемистокл, и Кимон, и Перикл являлись аристократами по происхождению. Чей-то род был более, чей-то — менее знатен; кто-то из них сочетал в своей родословной славу сразу нескольких евпатридских семей (как Перикл), кто-то находился несколько на периферии, относясь к боковой ветви рода (как Фемистокл). Но в принадлежности всех их к аристократической элите полиса сомневаться не приходится. Это то, что роднит перечисленных деятелей с политиками предыдущей исторической эпохи.

Но, как только мы выходим за рамки вопроса о происхождении, сразу становится ясно, что стадиально они принадлежат уже к новому типу лидеров. Это — аристократы в демократическом полисе, действующие в совершенно новых условиях развивающейся системы классического народовластия. Формировалась принципиально иная политическая культура, с которой приходилось сообразовываться. А вот это далеко не у всех получалось, да не все и хотели этого.

И тут обнаруживается, что типологически «четверка» распадается на две «двойки». С одной стороны, Аристид и Кимон, с другой — Фемистокл и Перикл. Не то чтобы члены первой пары были противниками демократии, а члены второй — ее сторонниками. На протяжении ряда глав книги мы неоднократно старались показать, что это не так; надеемся, что хоть в какой-то степени это нам удалось. Дело в другом. Саму демократию разные политики понимали по-разному.

Сразу поясним, что мы имеем в виду не субъективные взгляды. Это было бы избитым трюизмом. Понятно, что в любую эпоху, в том числе и в нашу, каждый человек воспринимает ключевые политические концепты (в частности, демократию) по-своему: quot homines, tot sententiae. В данной же связи мы хотели бы сказать, что в V в. до н.э., когда демократия в Афинах находилась в процессе становления и было еще неясно, по какому конкретному пути она пойдет, существовали две основные модели перспектив ее эволюции. В самом грубом и приблизительном виде их можно обозначить как демократия умеренная и демократия радикальная. Позже Аристотель, подходя к проблеме аналитически, намечал гораздо больше возможных форм демократического устройства. Но за век до этого мыслителя такой множественности форм речи еще встречалось: в качестве принципиальных альтернатив выдвигались, подчеркнем, именно эти две модели.

Первая из них подразумевала широкое участие демоса в управлении государством. Но, во-первых, это участие мыслилось под надежной опекой элиты, которая своим опытом и умением должна была оберегать народные массы от необдуманных шагов. Во-вторых, не предполагалось включение самых бедных слоев населения в число полноправных граждан. Тенденции эгалитаризма не должны были получать окончательного воплощения. На первый план выдвигалось не «арифметическое», а «геометрическое» равенство. Эта модель, которую в современной науке иногда называют «гоплитской демократией», была, в общем-то, преобладающей в мире греческих полисов.

Вторая модель демократии, специфически афинской чеканки, предусматривала снятие всех и всяческих границ внутри гражданского коллектива. В том числе и важнейшей границы между демосом и элитой. Последней надлежало просто уйти с политической сцены. Разумеется, только со временем: демос не мог сразу, одномоментно вырастить политических лидеров из собственной среды. На первых порах приходилось пользоваться испытанными аристократическими вождями, и в этом смысле большая часть V в. до н.э. была переходной эпохой. Но вектор развития был однозначен: к полному «арифметическому» равенству всех.

Нетрудно заметить, что из четырех политиков, о которых шла речь в этой книге, Аристид и особенно Кимон относились к приверженцам первой, патерналистской и элитарной модели, Фемистокл и особенно Перикл — к приверженцам второй, эгалитарной. Именно последняя одержала конечную победу, и, надо полагать, не только из-за субъективного превосходст-

ва политических качеств ее адептов. Однако — и это не столько парадоксально, сколько закономерно — эгалитарная демократия, восторжествовав, «подмяла под себя» собственных вождей. Есть некая ирония судьбы в том, что карьера Фемистокла и Перикла окончилась куда более трагично, чем карьера Аристида и Кимона. Последние подвергались остракизму, но потом возвратились и умерли уважаемыми и авторитетными лидерами. А Фемистокл, как мы помним, окончил свой жизненный путь в положении опального изгнанника, заочно осужденного на смерть; над Периклом в его последние годы демос тоже хорошенько поиздевался.

Согласно известной сентенции, любая революция, как Крон, пожирает собственных детей. Именно это произошло и в данном случае. Процессы, шедшие в афинском полисе в V в. до н.э., имели, несомненно, революционный характер. И на каком-то этапе ситуация вышла из-под контроля; оказалась упущенной возможность остановиться и стабилизировать обстановку. Демократия обрела потенции чрезмерного радикализма, что со временем повело к нарастанию деструктивных тенденций. Но это в полной мере случилось уже на следующем историческом этапе, который выходит за хронологические рамки данной работы. Он будет рассмотрен нами в третьей, последней книге о политике и политиках в античной Греции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М., 1973.
2. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.,1996.
3. *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
4. Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, ГА. КошеленкоХМ., 1996.
5. *Арский Ф.Н.* Перикл. М, 1971.
6. *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457 - 359 гг. до н.э.) // МГДА. Ч. 1. С. 75 -94.
7. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-н-Д., 1997.
8. *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М, 1985.
9. *Бондарь Л.Д.* Общественные повинности (литургии) в Афинах 5 — 4 вв. до н.э. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 1997.
10. *Бондарь Л.Д.* Гимнасиархия в Афинах // АМ. С. 139-155.
11. *Борухович В.Г.* Египет и греки в VI —V веках до н.э. // Учен. зап. Горьк ое, гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия истор. Средние века и древний мир. Горький, 1965. Вып. 67. С. 74-137.
12. *Брашинский И.Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. //ВДИ. 1955. №2. С. 148-161.
13. *Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110-112.
14. *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI - II вв. до н.э. М., 1963.
15. *Бузескул В.П.* Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889 .
16. *Бузескул В.П.* Перикл. Личность, деятельность, значение. Л., 1923.
17. *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб., 2003.
18. *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
19. *Владимирская О.Ю.* Алкмеониды и медизм в Афинах во время Греко-персидских войн // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 43-48.
20. *Высокий М.Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 399-424.
21. *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н.э. СПб., 2004.
22. *Гинзбург СИ.* Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32-42.
23. *Глускина А.М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 23 - 38.

24. *Глускина А.М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 35-52.
25. *Глускина АМ.* Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция: проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 2. С. 43 — 72.
26. *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998.
27. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
28. *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
29. *Завойкин А.А.* Афины - Боспор - Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // МГДА Ч. 1. С. 249-268.
30. Зайцев *А.И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // ПДАСНВ. С. 23 — 28.
31. *Залюбовина Г.Т.* Религия Эллады // АГАΣМОΣ: Г.Т. Залюбовиной ученики и друзья. М., 2003. С. 98-220.
32. *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики ? // ВДИ. 2002. № 3. С. 33-55; № 4. С. 23-42.
33. *Карпюк С.Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С.17 -35.
34. *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
35. *Касаткина Н.А.* Ранние военно-земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.) // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 4 — 8.
36. *Касаткина Н.А.* Эксплуатация афинянами земельных владений на Эвбее в V в. до н.э. // Проблемы антиковедения и медиевистики. Н. Новгород, 1999. С. 24-26.
37. *Касаткина Н.А.* Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII чтения памяти профессора СИ. Архангельского: мат. международ, конф. Н. Новгород, 2001. Ч. 1. С. 56-65.
38. *Касаткина Н.А.* Завоевание Эйона во Фракии // Материалы VII чтений памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2002. С. 28-30.
39. *Касаткина НА.* Солон Афинский и остров Саламин // АКРА: сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2002. С. 59 — 70.
40. *Касаткина Н.А., Антонов В.В.* Внутриполитическая борьба в Афинах в середине 40-х гг. V в. до н.э. и основание Фурий // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 55 — 63.
41. *Козаржевский А.Ч.* Античное ораторское искусство. М., 1980.
42. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980.
43. *Кондратюк М.В.* Архэ и афинская демократия // Античная Греция: проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 327 — 365.
44. *Корзун М.С.* Социально-политическая борьба в Афинах в 444-425 гг. до н.э. Минск, 1975.
45. *Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер., ст. и коммент. Н.Н. Трухиной. М.,1992.
46. *Кравчук А.* Перикл и Аспасия. М., 1990.
47. *Крыкин СМ.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993.
48. *Кудрявцева Т.В.* Афинская демократия и первые процессы по «жалобе на противозаконие» // Мнемон. СПб., 2003. Вып. 2. С. 89— 116.
49. Кузнецов *В.Д.* Организация общественного строительства в Древней Греции. М., 2000.

50. *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17-35.
51. *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII-V вв. до н.э.). СПб. 2001.
52. Лаглышев *В.В.* Очерк греческих древностей. [Ч. 1:] Государственные и военные древности. СПб., 1997.
53. *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. [Ч. 2:] Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997.
54. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1994. Кн. 2.
55. *Лурье С.Я.* История античной общественной мысли: Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.; Л., 1929.
56. *Макаров И.А.* Формы идеологического обоснования раннегреческой тирании: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.
57. *Макарова ОМ.* Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
58. *Маринович Л.П.* Некоторые уроки афинской демократии // Античность и современность. М., 1991. С. 16 — 20.
59. *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001.
60. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Судьба Парфенона. М., 2000. С. 103-105.
61. *Марру А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
62. *Мельников О.Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // Нум1зматика і фалеристика. 2001. № 2. С. 34-38; № 3. С. 11 - 18.
63. Миллер Г.А. Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография. М., 1967. С. 192-225.
64. *Молчанов А.А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения миноистики и микенологии). М., 2000.
65. *Молчанов А.А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н.э. - V в. н.э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 141-150.
66. *Молчанов А.А.* Антропонимия и генеалогия знати в древних Афинах // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005. С. 201 - 203.
67. *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* Писистратиды — потомки отказавших в гостеприимстве (Актуализация династического мифа) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 122-130.
68. *Пёльман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999.
69. *Родс П.Дж.* Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ. 1998. №3. С. 16-26.
70. *Родс П.Дж.* Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. №2. С. 33-55.
71. *Рожанский И.Д.* Анаксагор. У истоков античной науки. М., 1972.
72. *Рожанский И.Д.* Анаксагор. М., 1983.
73. *Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85 — 96.

74. *Рунг Э.В.* Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14-35.
75. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
76. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: оттирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11 - 35.
77. *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процесс. М., 1999.
78. *Ставнюк В.В.* Особенности политической-борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. С. 26 — 37.
79. *Стрелков А.В.* Афинский монетный декрет // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. 16. С. 25-47.
80. *Стрелков А.В.* Афинские бронзовые монеты IV-1 вв. до н.э. // Монеты и медали. М., 2004. Вып. 2. С. 10-55.
81. *Стрелков А.В.* К вопросу об афинских коллибах // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщений. М., 2004. С. 11-12.
82. *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 3-29.
83. *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987.
84. *Строгецкий В.М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 55 — 79.
85. *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991.
86. *Строгецкий В.М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // АМ. С. 69-83.
87. *Строгецкий В.М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 135-146.
88. *Строгецкий В.М.* Рост афино-спартанских противоречий и борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 170 — 200.
89. *Строгецкий В.М.* Строительная политика Перикла и «культурная» экспансия Афин // АКРА: сб. научн. тр. Н. Новгород, 2002. С. 142-148.
90. *Строгецкий В.М.* Место рабов, женщин и метеков в системе коммуникативных отношений в классическом полисе // Исседон. 2005. Т. 3. С. 101-107.
91. *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23-40.
92. *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин: истоки феминизма или матримониальная традиция? // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1995. С. 43-52.
93. *Суриков И.Е.* Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 89-99.
94. *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14 - 35.

95. *Суриков И.Е.* Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // ТТ АМ. С. 29 — 41.
96. *Суриков И.Е.* К интерпретации остракa с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 30-33.
97. *Суриков И.Е.* Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // АВ. 1999. Вып. 4/5. С. 187-193.
98. *Суриков И.Е.* Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения // АВ. 1999. Вып. 4/5. С. 126-143.
99. *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98 - 114.
100. *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 34-42.
101. *Суриков И.Е.* Перикл, Амис и амазонки // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1999. Вып. 6. С. 147-152.
102. *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГДА. Ч. 1. С. 95 - 112.
103. *Суриков И.Е.* Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности) // Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 137-143.
104. *Суриков И.Е.* Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // ДП. 2000. № 1 (6). С. 14-22.
105. *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000.
106. *Суриков И.Е.* К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ 2000. №4. С. 73-79.
107. *Суриков И.Е.* К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 17-27.
108. *Суриков И.Е.* Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273-288.
109. *Суриков И.Е.* Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100-109.
110. *Суриков И.Е.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // Hyperboreus. 2000. Vol. 6, fasc. 1. P. 103-123.
111. *Суриков И.Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек» ? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып.: Историческая биография и персональная история. М , 2001. С. 198-225.
112. *Суриков И.Е.* Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья? // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 90-97.
113. *Суриков И.Е.* Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI — V В. до н.э. // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 256-274.
114. *Суриков И.Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118-130.
115. *Суриков И.Е.* Античная нарративная традиция об институте остракизма // SH. 2002. Т. 2. С. 51 - 74.
116. *Суриков И.Е.* Внешняя политика Афин в период Пентеконтаэтии // МГДА. Ч. 2. С. 39-81.

117. *Суриков И.Е.* Лунный лик Клио: Элементы иррационального в концепциях первых античных историков // Μνήμα: сб. научн. тр., посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 402 — 412.
118. *Суриков И.Е.* Полемика о датировке Афинского монетного декрета: к оценке аргументации сторон // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщений. М., 2002. С. 9— 10.
119. *Суриков И.Е.* Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 15-24.
120. *Суриков И.Е.* Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Спец. вып.: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342-364.
121. *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002.
122. *Суриков И.Е.* Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003. С. 225-230.
123. *Суриков И.Е.* Изменения в афинских законах в V в. до н.э. (на примере закона об остракизме) // ДП. 2003. № 1 (11). С. 8-22.
124. *Суриков И.Е.* IV речь корпуса Андокида как исторический источник // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 3-13.
125. *Суриков И.Е.* Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. №2. С. 16-25.
126. *Суриков И.Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175— 188.
127. *Суриков И.Е.* Древнегреческие монеты с легендой ΣΑΜΜΑ: к оценке хода дискуссии // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 316-326.
128. *Суриков И.Е.* Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи: автореф. дисс.... докт. ист. наук. М., 2004.
129. *Суриков И.Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.
130. *Суриков И.Е.* Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3-30.
131. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
132. *Суриков И.Е.* ΒΟΤΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // SH. 2005. Т. 5. С. 3-22.
133. *Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита афинских демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15-33.
134. *Суриков И.Е.* Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. № 2. С. 113 - 130.
135. *Суриков И.Е.* Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 89 - 104.
136. *Суриков И.Е.* Остракизм Кимона // АВ. 2005. Вып. 7. С. 98-108.
137. *Суриков И.Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151 - 161.

138. *Суриков И.Е.* Сумерки «олимпийца»: О «развенчании» Перикла в одной недавней книге // SH. М., 2005. Т. 5. С. 171 - 179.
139. *Трухина Н.Н.* Афины в V в. до н.э. // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 116 - 131.
140. *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.). СПб., 2002.
141. *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт — «старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 14 - 27.
142. *Федосеев Н.Ф.* Археологические свидетельства об афинской клерухий в Синопе // ВДИ. 2003. № 3. С. 132-140.
143. *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С. 6-22.
144. *Фролов Э.Д.* Проблема традиционных оппозиций в греческой социальной терминологии // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 23 — 30.
145. *Фролов Э.Д.* Прибыль и предприниматели в древней Греции // ТТ АМ. С. 3-28.
146. *Фролов Э.Д.* Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1. С. 135-152.
147. *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.
148. *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
149. *Шичалин Ю.Л.* История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000.
150. *Adcock F.E.* The Chronology of the Years 445-431 B.C. // CAH. 1927 Vol. 5. P. 474 ff.
151. *Allison J.W.* Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. Bd. 32, H. 1. S. 14-33.
152. *Anderson G.* Alkmeonid «Homelands», Political Exile, and the Unification of Attica // Historia. 2000. Bd. 49, H. 4. P. 387-412.
153. *Andrewes A.* The Opposition to Pericles //JHS. 1978. Vol. 98. P. 1-8.
154. *Anochin V.A.* Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos (437 v. Chr.) // Stephanos nomismatikos. B., 1998. S. 33-44.
155. The Athenian Agora: A Guide to the Excavations and Museum: 4th ed. Athens, 1990.
156. *Austin MM.* Greek Tyrants and the Persians, 546-479 B.C. // C1Q. 1990 Vol. 40, N2. P. 289-306.
157. *Avezzu G.* Temistocle e Mironide nell'Epitafio di Lisia // Studi italiani di filologia classica. 1988. Vol. 6. P. 208-215.
158. *Bäbler B.* Die archaischen attischen Grabstelen in der Themistokleischen Stadtmauer: Grabschändung oder Apotropaion? // Philologus. 2001. Bd. 145, H. 1. S. 3-15.
159. *Badian E.* Archons and Strategoi // Antichthon. 1971. Vol. 5. P. 1-34.
160. *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.
161. *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // AD. S. 79-106.
162. *Balot R.* Pericles'Anatomy of Democratic Courage //AJPh. 2001. Vol. 122. P. 505-525.
163. *Barrett J.F.* The Downfall of Themistocles // GRBS. 1977. Vol. 18, N 4 P. 291-305.

164. *Bauer A., Frost F.J.* Themistokles: Literary, Epigraphical and Archaeological Testimonia: 2nd ed. Chicago, 1967.
165. *Bayer E., Heideking J.* Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975.
166. *Bearzot C.* Anomalie procedurali ed elusione del 'nomos' nei processi per alto tradimento: 'eisanghelia' e 'asebeia' // CISA. 1996. Vol. 22. P. 71-92.
167. *Bengtson H.* Themistokles und die delphische Amphiktyonie // Eranos. 1951. Bd. 49, H. 3/4. S. 85-92.
168. *Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v.Chr. B., 1962.
169. *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983.
170. *Berve H.* Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. Bd. 12. S. 1-28.
171. *Berve H.* Zur Themistokles-Inschrift von Troizen. München, 1961.
172. *Beschi L.* II fregio del Partenone: una proposta di lettura // EP. P. 234 ff.
173. *Bichler R.* Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrere Geschichte: 2. Aufl. B., 2001.
174. *Bichler R., Rollinger R.* Herodot. Hildesheim, 2000.
175. *Bicknell P.J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972.
176. *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23, H. 2. P. 146-163.
177. *Bicknell P.J.* Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31, H. 2. P. 161-173.
178. *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Leipzig, 1998.
179. *Bleicken J.* Die Einheit der athenischen Demokratie in klassischer Zeit // Hermes. 1987. Bd. 115, H. 3. S. 257-283.
180. *Bleicken J.* Die athenische Demokratie: 2. Aufl. Paderborn, 1994.
181. *Bloedow E.F.* Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 BC? // AHB. 2000. Vol. 14, N 3. P. 89-101.
182. *Blundell M.W.* Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics. Cambridge, 1991.
183. *Boegehold A.L.* The Athenian Government in Thucydides // LT. P. 577 - 582.
184. *Boegehold A.L.* et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Eguipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995.
185. *Boer W. den.* Themistocles in Fifth Century Historiography // Mnemosyne. 1962. Vol. 15, fasc. 3. P. 225-237.
186. *Boersma J.S.* Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B.C. Groningen, 1970.
187. *Bosworth A.B.* The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // JHS. 2000. Vol. 120. P. 1 - 16.
188. *Bowra C.M.* Periclean Athens. N.Y., 1971.
189. *Braun M.* Die «Eumeniden» des Aischylos und der Areopag. Tübingen, 1998.
190. *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD P. 13-24.
191. *Brenne S.* Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. JhS. v.Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001.
192. *Brenne S.* Die Ostraka (487 - ca. 416 v.Chr.) als Testimonien // OT. S. 36-166.

193. *Broneer O.* Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. Vol. 7, N 2. P. 161-263.
194. *Broneer O.* Notes on the Interior of the Hephaisteion // Hesperia. 1945. Vol. 14, N 3. P. 246-258.
195. *Brunt P.A.* Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B.C. // Ancient Society and Institutions. Oxford, 1966. P. 71-92.
196. *Bruyn O. de.* La competence de l'AreOpage en matiere de proces publics: Des origines de la polis athenienne à la conquete romaine de la Grece (vers 700-146 avant J.-C). Stuttgart, 1995.
197. *Buck R.J.* The Reform of 487 B.C. in the Selection of Archons // CIPh. 1965. Vol. 60, N2. P. 96-101.
198. *Burn A.R.* Pericles and Athens. L., 1948.
199. Burns *A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42, N 3. P. 371-387.
200. *Burstein S.M.* The Recall of the Ostracized and the Themistocles Decree // CSCA. 1971. Vol. 4. P. 93-110.
201. *Cahn H.A., Gerin D.* Themistocles at Magnesia // NC. 1988. Vol. 148. P. 13-20.
202. *Cahn H.A., Mannsperger D.* Themistocles Again // NC. 1991. Vol. 151. P. 199-202.
203. *Calabi Limentani I.* Aristide il Giusto. Fortuna di un nome // RIL. 1960. Vol. 94, fasc. 1. P. 43-67.
204. *Calame C* Thesee et l'imaginaire athenien: Legende et culte en Grece antique. Lausanne, 1990.
205. *Calderini A.* L'ostracismo. Como, 1945.
206. *Calhoun C.M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. N.Y., 1970.
207. *Camp J.M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986.
208. *Camp J.M.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // AAAD. P. 7-12.
209. *Camp J.M.* Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. Vol. 68, N 3. P. 255-283.
210. *Carawan E.M.* Apophasis and Eisangelia: The Role of the Areopagus in Athenian Political Trials // GRBS. 1985. Vol. 26, N 2. P. 115-140.
211. *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. Vol. 28, N 2. P. 167-208.
212. *Carawan E.M.* Thucydides and Stesimbrotus on the Exile of Themistocles // Historia. 1989. Bd. 38, H. 2. S. 144-161.
213. *Carawan E.M.* The Trials of Thucydides «the Demagogue» in the Anonymous Life of Thucydides the Historian // Historia. 1996. Bd. 45, H. 4. S. 405-422.
214. *Carcopino J.* L'ostracisme athenien: 2nd ed. P., 1935.
215. *Caey M.* When was Themistocles Ostracized? // Classical Review. 1922. Vol. 36, N7/8. P. 161-162.
216. *Castriota D.* Myth, Ethos and Actuality: Official Art in Fifth-Century B.C. Athens. Madison, 1992.
217. *Cavaignac E.* La designation des archontes atheniens jusqu'en 487 // RPLHA. 1924. Vol. 48. P. 144- 148.
218. *Cawkwell G.L.* The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock. Auckland, 1970. P. 39-58.

219. *Cerrato T.* Sofocle, Cimone, Anteriore e i Veneti // Athenaeum. 1985. Vol. 63, fasc. 1/2. P. 167-174.
220. *Chambers M.* The Significance of the Themistocles Decree // Philologus. 1967. Bd. 111. H. 3/4. S. 151-169.
221. *Chatelet F.* Pericles et son siecle. P., 1990.
222. *Clinton K.* The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // AAAD. P. 161 - 172.
223. *Cloche P.* Pericles et la politique exterieure d'Athenes entre la paix de 446 - 445 et les preludes de la guerre du Peloponnese // AC. 1945. Vol. 14. P. 93-128.
224. *Cloche P.* Le siecle de Pericles. P., 1970.
225. *Coldstream J.N.* Geometric Greece. L., 1979.
226. *Cole J.R.* Cimon's Dismissal, Ephialtes' Revolution and the Peloponnesian Wars // GRBS. 1974. Vol. 15, N 4. P. 369-385.
227. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.
228. *Connor W.R.* Lycomedes against Themistocles? A Note on Intragenos Rivalry// Historia. 1972. Bd. 21, H. 4. S. 569-574.
229. *Connor W.R.* Theseus and his City // RPAGW. P. 115 - 120.
230. *Copley G.R.* Natural Democracy. Democracy, Freedom, and Human Identity: Pericles' Gift to the Age of Globalization // Defense & Foreign Affairs Strategic Policy. 2005. Vol. 33, N 7. P. 4-7.
231. *CorsoA.* Monumenti Periclei. Venezia, 1986.
232. *Coughanowr E.* The Plague in Livy and Thucydides // AC. 1985. Vol. 54. P. 152-158.
233. *Cox C.A.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // ClJ. 1989. Vol. 85, N 1. P. 34-46.
234. *Cromey R.D.* Perikles' Wife: Chronological Calculations // GRBS. 1982. Vol. 23, N 2. P. 203-212.
235. *Cromey R.D.* The Mysterious Woman of Kleitor: Some Corrections to a Manuscript Once in Plutarch's Possession // AJPh. 1991. Vol. 112, N 1. P. 87-101.
236. *Davie J.N.* Theseus the King in Fifth-Century Athens // G&R. 1982. Vol. 29, N 1. P. 25-34.
237. *DaviesJ.K.* Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford, 1971.
238. *DaviesJ.K.* Democracy and Classical Greece: 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1993.
239. *DaviesJ.K.* The Fourth Century Crisis: What Crisis? // AD. S. 29-36.
240. *Davies J.K.* Democracy without Theory // Herodotus and his World. Oxford, 2003. P. 319-335.
241. De *Sanctis G.* Da Clistene a Temistocle // RFIC. 1924. Vol. 52, fasc. 3. P. 289-306.
242. *De Sanctis G.* Pericle. Milano, 1944.
243. *Degani E.* Aristofane e la tradizione dell'invettiva personale in Grecia // Entretiens sur l'antiquite classique. 1991. Vol. 38. P. 1 -49.
244. *Delcourt M.* Pericles. P., 1939.
245. *Delcourt M.* Oreste et Alcmeon. P., 1959.
246. *Delvoye Ch.* Art et politique ä Athenes ä l'epoque de Cimon // Le monde grec: Hommages ä Claire Preaux. Bruxelles, 1978. P. 801-807.
247. *Demangel R.* Autour de la frise du Parthenon // MGG. T. 1. P. 299-304.
248. *Develin R.* Athenian Officials 684-321 B.C. Cambridge, 1989.

249. *Dimakis P.D.* Quelques remarques ä propos de la position juridique des atheniennes (Ατθίδες) ä l'epoque classique // Symposion 1985: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S.221-231.
250. *Doenges N.A.* Ostracism and the *Boulai* of Kleisthenes // Historia. 1996. Bd. 45, H. 4. S. 387-404.
251. *Domingo Gygax M.* Peisistratos und Kimon: Anmerkung zu einem Vergleich bei Athenaios // Hermes. 2002. Bd. 130. S. 245-249.
252. *Donnay G.* Politische Anspielungen in der attischen Kunst des 5. Jahrhundert // PSZ. S. 379-394.
253. *Dover K.J.* ΔΕΚΑΤΟΣ ΑΥΤΟΣ //JHS. 1960. Vol. 80. P. 61-77.
254. *Dow S.* The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // AJA. 1962. Vol. 64, N. 4. P. 353-368.
255. *Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27-66.
256. *Dugas Ch.* L'evolution de la legende de Thesee // REG. 1943. Vol. 56. P. 1-24.
257. *Dyson G.W.* ΛΕΟΝΤΑ ΤΕΚΕΙΝ // C1Q. 1929. Vol. 23, N 3/4. P. 186-195.
258. *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Krise oder Vollendung? // AD. S. 11 - 28.
259. *Ehrenberg V.* Sophokles und Perikles. München, 1956.
260. *Ehrenberg V.* Polis und Imperium. Zürich, 1965.
261. *Eliot C.W.* Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. Bd. 16, H. 3. S. 279-286.
262. *Errington R.M.* Εκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135-160.
263. L'esperimento della perfezione: Arte e societä nell'Atene di Pericle / A cura di E. La Rocca. Milano, 1988.
264. *Fehling D.* Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art. Leeds, 1989.
265. *Fell M.* Kimon und die Gebeine des Theseus // Klio. 2004. Bd. 86, H. 1. S. 15-54.
266. *Ferrarese P.* La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // CISA. 1974. Vol. 2. P. 7-19.
267. *Ferrarese P.* Caratteri della tradizione antipericlea nella «Vita di Pericle» di Plutarco // CISA. 1975. Vol. 3. P. 21-30.
268. *Figueira T.J.* Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. Vol. 28, N 3. P. 281 - 305.
269. *FinleyM.I.* The Ancient Economy. Berkeley, 1973.
270. *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983.
271. *Flaceliere R.* Sur quelques points obscures de la vie de Themistocle // Revue des etudes anciennes. 1953. Vol. 55, N 1/2. P. 5-28.
272. *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971.
273. *Fornara Ch.W.* Themistocles' Archonship // Historia. 1971. Bd. 20, H. 5/6. S. 534-540.
274. *Fornara Ch.W.* On the Chronology of the Samian War // JHS. 1979. Vol.99. P. 7-19.
275. *Fornara Ch.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.

276. *Forrest W.G.* Themistokles and Argos // C1Q. 1960. Vol. 10, N 2. P. 221-241.
277. *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800-400 B.C. L, 1966.
278. *Forrest W.G.* Aristophanes, Lysistrata 231 // CIO. 1995. Vol. 45, N 1. P. 240-241.
279. *Frost F.J.* Pericles, Thucydides, Son of Melesias, and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. Bd. 13, H. 4. S. 385-399.
280. *Frost F.J.* Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 73 - 104.
281. *Frost F.J.* Themistokles and Mnesiphilus // Historia. 1971. Bd. 20, H. 1. S. 20-25.
282. *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. Vol. 1, N 2. P. 66-75.
283. *Frost F.J.* Plutarch's Themistocles: A Historical Commentary. Princeton, 1980.
284. *Frost F.J.* Faith, Authority, and History in Early Athens // RPAGW. P. 83-89.
285. *Funke P.* Wendezeit und Zeitwende: Athens Aufbruch zur Demokratie // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Mainz, 2001. S. 1-16.
286. *Fuscagni S.* La condanna di Temistocle e l'Aiace di Sofocle // RIL. 1979. Vol. 113. P. 167-187.
287. *Gagarin M.* The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // GRBS. 1990. Vol. 31, N 1. P. 27-44.
288. *Gauthier P.* A propos des clerouquies atheniennes du Ve siecle // Problemes de la terre en Grece ancienne. P., 1973. P. 163—178.
289. *Gauthier Ph.* Quorum et participation civique dans les democraties grecques // Cahiers du Centre Glotz. 1990. Vol. 1. P. 73-99.
290. *Gehrke H.-J.* Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 149-193.
291. *Gerner E.* Παρανόμων γραφή // RE. 1949. Hbbd. 36. Sp. 1281 - 1293.
292. *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979.
293. *Giuliani A.* Atene e l'oracolo delfico // CISA. 1993. Vol. 19. P. 77-95.
294. *Giuliani A.* Riflessi storiografici della opposizione a Pericle alio scoppio della guerra del Peloponneso // CISA. 1999. Vol. 25. P. 24-40.
295. *Giuliani A.* La cittä e l'oracolo: I rapporti tra Atene e Delfi in etä arcaica e classica. Milano, 2001.
296. *Goldhill S.* Civic Ideology and the Problem of Difference: The Politics of Aeschylean Tragedy Once Again // JHS. 2000. Vol. 120. P. 34 - 56.
297. *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.: Repr. ed. Westport, 1986.
298. *GouSchin V.* Athenian Synoikism of the Fifth Century B.C., or Two Stories of Theseus // G&R. 1999. Vol. 46, N 2. P. 168-187.
299. *Graf D.F.* Greek Tyrants and Achaemenid Politics // CrAH. P. 79-123.
300. *Graham A.J.* Themistocles' Speech before Salamis: The Interpretation of Herodotus 8. 83. 1 // C1Q. 1996. Vol. 46, N 2. P. 321-326).
301. *Gregor J.* Perikles: Griechenlands Grösse und Tragik. München, 1938.
302. *Griffith R.D.* Hippias' Missing Tooth // AHB. 1994. Vol. 8, N 4. P. 121 - 122.
303. *Guarducci M.* Epigrafia greca. Roma, 1969. Vol. 2.

304. *Gyratzsch C.* Eurybiades und Themistokles bei Artemision und Salamis // Klio. 1925. Bd. 19. S. 62-74.
305. *Habicht Chr.* Beiträge zur Prosopographie der altgriechischen Welt // Chiron. 1972. Bd. 2. S. 103-134.
306. *Hahn I.* Zur Echtheitsfrage der Themistokles-Inschrift // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1965. Vol. 13, fasc. 1/2. P. 27-39.
307. *Hall L.G.H.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P. 319-329.
308. *Halliwell S.* Comic Satire and Freedom of Speech in Classical Athens // JHS. 1991. Vol. 111. P. 48-70.
309. *Hamel D.* Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period. Leiden, 1998.
310. *Hammer D.* Plebiscitary Politics in Archaic Greece // Historia. 2005. Bd. 54, H. 2. S. 107-131.
311. *Hammond N.G.L.* The Narrative of Herodotus VII and the Decree of Themistocles at Troezen // JHS. 1982. Vol. 102. P. 75 - 93.
312. *Hammond N.G.L, Roseman L.J.* The Construction of Xerxes' Bridge over the Hellespont //JHS. 1996. Vol. 116. P. 88-107.
313. *Hands A.R.* On Strategy and Oracles, 480/79 // JHS. 1965. Vol. 85. P. 56-61.
314. *Hansen M.H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974.
315. *Hansen M.H.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975.
316. *Hansen M.H.* Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens // GRBS. 1978. Vol. 19, N 2. P. 111 - 120.
317. *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976-1983. Copenhagen, 1983.
318. *Hansen M.H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxford, 1987.
319. *Hansen M.H.* Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988.
320. *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983-1989. Copenhagen, 1989.
321. *Hansen M.H.* Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.
322. *Hansen M.H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215-243.
323. *Hansen M.H.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995.
324. *Hansen O.* The Athenian Colony of Brea = Amphipolis? // Hermes. 1999. Bd. 127, H. LS. 121-122.
325. *Hanson V.D.* Introduction // LT. P. IX-XXIII.
326. *Hartog F.* Le miroir d'Herodote: Essai sur la representation de l'autre. P., 1980.
327. *Harvey F.D.* Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. Vol. 79. P. 585-635.
328. *Harvey F.D.* Neokles, Father of Themistokles// Historia. 1980. Bd. 29, H. 2. S. 110-111.

329. *Harvey F.D.* The Conspiracy of Agasias and Aischines (Plutarch, Aristeides 13) // Klio. 1984. Bd. 66, H. 1. S. 58-73.
330. *Harvey F.D.* Dona ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday. Exeter, 1985. P. 76-117.
331. Heftner *H.* Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 2001.
332. *Heftner H.* [Andokides] 4, 32-37 (ca. 400-395 v. Chr.): die Ostrakisierungen des Kallias Didymiou, Kimon, Megakles und Alkibiades d. Ä. rechtfertigen diejenige des jüngeren Alkibiades, nicht des Sprechers // OT. S. 302-316.
333. *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984.
334. *Helly B.* La glose d'Hesychius Μενωνίδαι: penestes thessaliens ou ostracises atheniens? // RPLHA. 1994. Vol. 68, N 1/2. P. 135-146.
335. *Henry M.M.* Prisoner of History: Aspasia of Miletus and Her Biographical Tradition. Oxford, 1995.
336. *Herman G.* Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P. 349-363.
337. *HeskelJ.* The North Aegean Wars, 371-360 B.C. Stuttgart, 1997.
338. *Hölkeskamp K.-J.* Parteiungen und politische Willensbildung im demokratischen Athen: Perikles und Thukydides, Sohn of Melesias // Historische Zeitschrift. 1998. Bd. 267, H. 1. S. 1-27.
339. *HolladayJ.* Medism at Athens, 508-480 B.C. // G&R. 1978. Vol. 25, N 2. P. 174-191.
340. *Hölscher T.* La Nike dei Messeni e dei Naupatti a Olimpia. Arte e storia della fine del V secolo // EP. P. 67 - 108.
341. *Hölscher T.* Immagini dell'identitä greca // I Greci: Storia, cultura, arte, societä. 2: Una storia greca. II. Definizione. Torino, 1997. P. 191 — 248.
342. *Homo L.* Pericles: Une experience de democratie dirigee. P., 1954.
343. *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Oxford, 1992. Vol. 1.
344. *Hornblower S.* The Religious Dimension to the Peloponnesian War, or What Thucydides does not Tell Us // Harvard Studies in Classical Philology. 1992. Vol. 94. P. 169- 197.
345. *Hornblower S.* The Greek World 479-323 B.C.: 3rd ed. L.; N.Y., 2002.
346. *Howgego Chr.* Ancient History from Coins. L.; N.Y., 1995.
347. *Humphreys S.* The Evolution of Legal Process in Ancient Attica // Tria Corda: Scritti in onore di A. Momigliano. Como, 1983. P. 229-256.
348. *Humphreys S.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983.
349. *HurwitJ.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100-480 B.C. Ithaca, 1985.
350. *Hurwit J.M.* The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. Cambridge, 2001.
351. *Huxley G.* Bones for Orestes // GRBS. 1979. Vol. 20, N 2. P. 145-148.
352. *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.
353. *Jacoby F.* Some Athenian Epigrams from the Persian Wars // Hesperia. 1945. Vol. 14, N3. P. 157-211.
354. *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxford, 1949.

355. *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Leiden, 1954. Vol. 2.
356. *Jacoby F.* Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956.
357. *Jameson M.H.* A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. Vol. 29, N2. P. 198-223.
358. *Jameson M.H.* The Provisions for Mobilization in the Decree of Themistokles // Historia. 1963. Bd. 12, H. 4. S. 385-404.
359. *Jameson M.* Private Space and the Greek City // GC. P. 171 - 195.
360. *Jordan B.* Herodotos 5. 71. 2 and the Naukraroi of Athens // CSCA. 1970. Vol. 3. P. 153-175.
361. *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. Vol. 30, N4. P. 393-401.'
362. *Kagan D.* The Archidamian War. Ithaca, 1974.
363. *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War: 2nd ed. Ithaca, 1981.
364. *Kagan D.* The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981.
365. *Kagan D.* The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987.
366. *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991.
367. *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Stuttgart, 1934-1936. Bd. 1-2.
368. *Kelly D.H.* The Athenian Archonship 508/7 - 487/6 B.C. // Antichthon. 1978. Vol. 12. P. 1-17.
369. *KennellyJJ.* Archaisms in the Troizen Decree // C1Q. 1990. Vol. 40, N 2. P. 539-541.
370. *Kienast D.* Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. Bd. 60, H. 3. S. 210-229.
371. *Kienast D.* Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // Chiron. 2003. Bd. 23. S. 43-77.
372. *Kinzl K.H.* Athens: Between Tyranny and Democracy // GEM. P. 199 - 223.
373. *Knell H.* Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979.
374. *Knight D.W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970.
375. *Knox RA.* «So Mischievous a Beaste»? The Athenian Demos and Its Treatment of Its Politicians // G&R. 1985. Vol. 32, N 2. P. 132-161.
376. *Kolb F.* Agora und Theater, Volks- und Festversammlung. B., 1981.
377. *Konishi H.* Thucydides' Method in the Episodes of Pausanias and Themistocles // AJPh. 1970. Vol. 91, N 1. P. 52-69.
378. *Kraay CM.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976.
379. *Krentz P.* The Ostracism of Thoukydides, Son of Melesias // Historia. 1984. Bd. 33, H. 4. P. 499-504.
380. *LabarbeJ.* La loi navale de Themistocle. P., 1957.
381. *Lamberton R.* Plutarch. New Haven, 2001.
382. *Landucci Gattinoni F.* L'aristocrazia di Samo tra opposizione e potere nella seconda metä del V secolo a.C.// CISA. 1999. Vol. 25. P. 115-133.
383. *Lang M.* Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990.
384. *Lang M.* Ballots // Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia (The Athenian Agora. V. 28). Princeton, 1995. P. 82-90.
385. *Lavelle B.M.* A Note on the First Three Victims of Ostracism (Αθηναίων Πολιτεία 22. 4) // CIPh. 1988. Vol. 83, N 2. P. 131 - 135.

386. *Lavelle B.M.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, c. 560-510 B.C. Stuttgart, 1993.
387. *Lavency M.* Aspects de la logographie judiciaire ä l'epoque de Lysias // AC. 1957. Vol. 26, N 1. P. 125-135.
388. *LazenbyJ.F.* The Defence of Greece 490-479 B.C. Warminster, 1993.
389. *Leahy D.M.* The Bones of Tisamenus // Historia. 1955. Bd. 4, H. 1. S. 26-38.
390. *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981.
391. *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // AD. S. 139-150.
392. *Lehmann G.A.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Opladen, 1997.
393. *Lenardon R.J.* The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8, H. 1. S. 23-48.
394. *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L., 1978.
395. *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v. Chr. // AD. S. 557 - 571.
396. *Levi M.A.* Commento storico alia Respublica Atheniensium di Aristotele. Milano, 1968. Vol. 2.
397. *Levi M.A.* Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996.
398. *Levy E.* Athenes devant la defaite de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976.
399. *Lewis R.G.* Themistokles and Ephialtes // C1Q. 1997. Vol. 47, N 2. P. 358-362.
400. *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750-330 B.C. Baltimore, 1982.
401. *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y., 1990.
402. *Loomis W.T.* Pausanias, Byzantion and the Formation of the Delian League // Historia. 1990. Bd. 39, H. 4. S. 487-492.
403. *Lotze D.* II cittadino e la partecipazione al governo della «polis» // I Greci: Storia, cultura, arte, societä. Torino, 1997. Vol. 2. II. P. 369-401.
404. *Lotze D.* Bürger und Unfreie im vorhellenistischer Griechenland: Ausgewählte Aufsätze. Stuttgart, 2000.
405. *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1940. P. 71-95.
406. *Macurdy G.H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863-910 // CIPh. 1952. Vol. 37, N 3. P. 307-310.
407. *Maffre J.-J.* Le siecle de Pericles. P., 1990.
408. *Martin A.* Notes sur l'ostracisme dans Athenes. P., 1907.
409. *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes: Zur Entstehung der athenischen Demokratie // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 5-4.
410. *Martin T.R.* Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton, 1985.
411. *Mattingly H.B.* Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. Vol. 14, N 2. P. 277-297.
412. *Mattingly H.B.* Poets and Politicians in Fifth-Century Greece // GEM. P. 231-245.
413. *Mattingly H.B.* The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. Vol. 25. P. 1-26.

414. *Mattingly H.B.* New Light on the Athenian Standards Decree (ATL II, D 14) // Klio. 1993. Bd. 75. S. 99-102.
415. *Mattingly H.B.* Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC // Sur les traces des Argonautes. P., 1996. P. 151 - 157.
416. *Mattingly H.B.* The Athenian Empire Restored. Ann Arbor, 1996.
417. *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P. 73-81.
418. *Mayer Chr.* Der Volksbeschluß in der 'Themistokles-Inschrift' von Troizen (ca. 370 — 350 v. Chr.): die Rückberufung der Ostrakisierten vor der Schlacht von Artemision (480 v. Chr.) // OT. S. 357 - 367.
419. *Meier Chr.* Die politische Kunst der griechischen Tragödie. Dresden, 1988.
420. *Meier Chr.* Politik und Tragödie im 5. Jahrhundert // Philologus. 1991. Bd. 135, H. 1. S. 70-87.
421. *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972.
422. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.: Revised ed. Oxford, 1989.
423. *Meinhardt E.* Perikles bei Plutarch. Frankfurt a. M., 1957.
424. *Meißner B.* Krieg und Strategie bei den Griechen // Seminari Romani di cultura greca. 2002. Vol. 5, fasc. 1. P. 107-135.
425. *Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Princeton, 1939-1953. Vol. 1-4.
426. *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums: 9 Aufl. Essen, 1984. Bd. 6.
427. *Meyer H.D.* Thukydides Melesiou und die oligarchische Opposition gegen Perikles // Historia. 1967. Bd. 16, H. 2. S. 141 - 154.
428. *Miller S.G.* Old Metroon and Old Bouleuterion in the Classical Agora of Athens // Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1995. P. 133 — 156.
429. *Miltner F.* Des Themistokles Strategie // Klio. 1938. Bd. 31. S. 219-243.
430. *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // G&R. 1996. Vol. 43, N LP. 11—30.
431. *MosleyDJ.* Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973.
432. *Mosse C* De l'ostracisme aux proces politiques: le fonctionnement de la vie politique ä Athenes // Istituto universitario Orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. Vol. 7. P. 9 — 18.
433. *Mosse C* La democratie grecque. P., 1986.
434. *Mosse C* La place de la pallake dans la famille athenienne // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 273-279.
435. *Mosse C* La classe politique ä Athenes au IVeme siecle // AD. S. 67 - 77.
436. *Mosse C.* Inventing Politics // GT. P. 137-162.
437. *Mugler* Сл. Le probleme d'Anaxagore // REG. 1956. Vol. 69. P. 314-376.
438. *Murray O.* The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Groups // Sympotica: A Symposium on the Symposion. Oxford, 1990. P. 149-161.
439. *Murray O.* Cities of Reason // GC. P. 1 - 25.
440. *Murray O.* Early Greece: 2nd ed. L., 1993.
441. *MyresJ.L.* Herodotus Father of History. Oxford, 1953.
442. *Neer R.* The Athenian Treasury at Delphi and the Material of Politics // Classical Antiquity. 2004. Vol. 23, N 1. P. 63-94.
443. *Nixon L., Price S.* The Size and Resources of Greek Cities // GC. P. 137-170.

444. *Nolle J.* Themistokles in Magnesia: über die Anfänge der Mentalität, das eigenen Porträt auf Münzen zu setzen // Schweizerische numismatische Rundschau. 1996. Bd. 75. S. 5-31.
445. *North H.F.* A Period of Opposition to Söphrosyne in Greek Thought // Transactions of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 1-17.
446. *O'Neil J.L.* The Exile of Themistokles and Democracy in the Peloponnese // C1Q. 1981. Vol. 31, N 2. P. 335-346.
447. *O'Neil J.L.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995.
448. *O'Neill E.* Note on Phrynichus' Phoenissae and Aeschylus' Persae // CIPh. 1942. Vol. 37, N 4. P. 425-427.
449. *Ober J.* Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defence // CrAH. P. 171-188.
450. *OberJ.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989.
451. *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998.
452. *OberJ.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.
453. *Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985.
454. *Osborne R.* Democracy and Imperialism in the Panathenaic Procession: The Parthenon Frieze in its Context // AAAD. P. 143-150.
455. *Osborne R.* Greece in the Making, 1200-479 BC. L.; N.Y., 1996.
456. *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997, N 155. P. 3-33.
457. *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford, 1969.
458. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.
459. *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAH: 2nd ed. 1988. Vol. 4. P. 303-346.
460. *Padel R.* Making Space Speak // NDD. P. 336-365.
461. *Panchenko D.* Democritus' Trojan Era and the Foundations of Early Greek Chronology // Hyperboreus. 2000. Vol. 6, fasc. 1. P. 31-78.
462. *Papastavrou J.* Themistokles: Die Geschichte eines Titanen und seiner Zeit. Darmstadt, 1978.
463. *Pearson L.* The Local Historians of Attica: Repr. ed. Ann Arbor, 1981.
464. *Peek W.* Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd. 3). B., 1941.
465. *Petzold K.-E.* Geschichtsdenken und Geschichtsschreibung: Kleine Schriften zur griechischen und römischen Geschichte. Stuttgart, 1999.
466. *Phillips D.J.* Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P. 21-43.
467. *Phillips DJ.* Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd. 83. S. 123-148.
468. *Piccirilli L.* Γυνή Κλειτορία, κλιτορία, άλιτηρία moglie di Cimone // RFIC. 1982. Vol. 110, fasc. 3. P. 278-282.
469. *Piccirilli L.* Aristide di Egina? Per l'interpretazione degli ostraka Agora inv. P. 9945 e P 5978 // ZPE. 1983. Bd. 51. S. 169-176.
470. *Piccirilli L.* II filolaconismo, l'incesto e l'ostracismo di Cimone // Quaderni di storia. 1984. Vol. 10, N 19. P. 171-177.

471. *Piccirilli L.* Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.
472. *Piccirilli L.* L'ostracismo di Callia figlio di Didimia // Klio. 1996. Bd. 78, H. 2. S. 325-328.
473. *Podlecki A.J.* The Political Background of Aeschylean Tragedy. Ann Arbor, 1966.
474. *Podlecki AJ.* Cimon, Skyros and 'Theseus' Bones' // JHS. 1971. Vol. 91. P. 141-143.
475. *Podlecki AJ.* The Life of Themistocles. Montreal, 1975.
476. *Podlecki AJ.* Themistocles and Pausanias // RFIC. 1976. Vol. 104, fasc. 3. P. 293-311.
477. *Podlecki AJ.* Polis and Monarch in Early Attic Tragedy // Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986. P. 76-100.
478. *Post L.A.* The Seven against Thebes as Propaganda for Pericles // Classical Weekly. 1950. Vol. 44, N 4. P. 49-52.
479. *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. 1977. Vol. 51, fasc. 1/2. P. 10-26.
480. *Prestel G.* Die antidemokratische Strömung im Athen des 5. Jahrhunderts bis zum Tod des Perikles. Breslau, 1939.
481. *Pritchett W.K.* The Liar School of Herodotus. Amsterdam, 1993.
482. *Puech A.* Les trois recits principaux de la bataille de Salamine // MGG. T. 2. P. 757-764.
483. *Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // GPAA. S. 97-113.
484. *Raubitschek A.E.* Athenian Ostracism // C1J. 1953. Vol. 48, N 4. P. 113-122.
485. *Raubitschek A.E.* Damon // CM. 1955. Vol. 16. P. 78-83.
486. *Raubitschek A.E.* Kimons Zurückberufung // Historia. 1955. Bd. 3, H. 3. S. 379-380.
487. *Raubitschek A.E.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. Vol. 24, N4. P. 286-289.
488. *Raubitschek A.E.* Das Datislied // Charites: Studien zur Altertumswissenschaft. Bonn, 1957. S. 234-242.
489. *Raubitschek A.E.* Die Rückkehr des Aristeides // Historia. 1959. Bd. 8, H. 1. S. 127-128.
490. *Raubitschek A.E.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // Phoenix. 1960. Vol. 14, N 2. P. 81-95.
491. *Raubitschek A.E.* The School of Hellas: Essays on Greek History, Archaeology, and Literature. Oxford, 1991.
492. *Redfield J.* Drama and Community: Aristophanes and Some of his Rivals // NDD. P. 314-335.
493. *Reinmuth O.W.* Ostrakismos // RE. 1943. Hbbd. 36. Sp. 1674-1685.
494. *Rhodes P.J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd. 19, H. 4. S. 387-400.
495. *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. Oxford, 1972.
496. *Rhodes P.J.* Εισαγγελία in Athens // JHS. 1979. Vol. 99. P. 109-114.
497. *Rhodes P.J.* Ephebi, Bouleutae and the Population of Athens // ZPE. 1980. Bd. 38. S. 191-201.
498. *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981.
499. *Rhodes P.J.* Political Activity in Classical Athens // JHS. 1986. Vol. 106. P. 132-144.

500. *Rhodes P.J.* «Alles eitel Gold»? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // Aristote et Athenes. P., 1993. P. 53-64.
501. *Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxford, 1997.
502. *Ridgway B.S.* An Issue of Methodology: Anakreon, Perikles, Xanthippos // AJA. 1998. Vol. 102, N 4. P. 717-738.
503. *Rihll T.E.* Democracy Denied: Why Ephialtes Attacked the Areiopagus // JHS. 1995. Vol. 115. P. 87 - 98.
504. *Ritook Z.* Damon. Sein Platz in der Geschichte des ästhetischen Denkens // Wiener Studien. 2001. Bd. 114. S. 59-68.
505. *Roberts J.T.* Aristocratic Democracy: The Perseverance of Timocratic Principles in Athenian Government // Athenaeum. 1986. Vol. 64, fasc. 3/4. P. 355-369.
506. *Roberts J.* Athenian Democracy Denounced: The Political Rhetoric of America's Founders // The Birth of Democracy. Athens, 1993. P. 164- 167.
507. *Robertson N.* Timocreon and Themistocles // AJPh. 1980. Vol. 101, N 1. P. 61-78.
508. *Robinson CA.* The Date of Themistocles' Ostracism // AJPh. 1946. Vol. 67, N3. P. 265-266.
509. *Robinson E.W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997.
510. *Roller D.W.* Who Murdered Ephialtes? // Historia. 1989. Bd. 38, H. 3. S. 257-266.
511. *Romilly J. de.* Rencontres avec la Grece classique. P., 1995.
512. *Ruggeri C. Il* processo 'panellenico' di Temistocle // CISA. 1996. Vol. 22. P. 29-35.
513. *Runciman W.G.* Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 347-367.
514. *Ruschenbusch E.* Ηλιαία. Die Tradition über das solonische Volksgericht // Historia. 1965. Bd. 14, H. 3. S. 381-384.
515. *Ruschenbusch E.* Ephialtes // Historia. 1966. Bd. 15, H. 3. S. 369-376.
516. *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 67-77.
517. *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979.
518. *Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // Klio. 2000. Bd. 82, H. 2. S. 335-343.
519. *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991.
520. *Ste Croix C.E.M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972.
521. *Samons L.J.* Kimon, Kallias and Peace with Persia // Historia. 1998. Bd. 47, H. 2. S. 129-140.
522. *Samuel A.E.* Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972.
523. *Scaife R.* Alexander I in the Histories of Herodotos // Hermes. 1989. Bd. 117, H. 2. S. 129-137.
524. *Schachermeyr F.* Stesimbrotos und seine Schrift über die Staatsmänner. Wien, 1965.

525. *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968.
526. *Schachermeyr F.* Perikles. Stuttgart, 1969.
527. *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte. Wien, 1974.
528. *Schachermeyr F.* Sophokles und die perikleische Politik // PSZ. S. 359-378.
529. *Schauenburg K.* ΕΤΡΤΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ // MD AI (A). 1975. Bd. 90. S. 97-121.
530. *Scheide! W.* Piaton, Gorg. 516d (ca. 390-385 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles und des Kimon (ca. 470 bzw. 461 v. Chr.) // OT S. 350-356.
531. *Scheidet W.* Theopomp FGrHist 115 F 88 (ca. 345-340 v. Chr.): der Rückruf des ostrakisierter Kimon (?) // OT. S. 373-386.
532. *Scheidel W., Taeuber H.* Aristoteles Ath. Pol. 27, 4 (ca. 332-325 v. Chr.): die Ostrakisierung des Damon (ca. 438-432 v. Chr.) // OT. S. 459-464.
533. *Schmidt G.* Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // Rivista storica dell'antichita. 1990. Vol. 20. P. 7-30.
534. *Schmitz W.* Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v. Chr. //AD. S. 573-597.
535. *Schreiner J.H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968.
536. *Schreiner J.H.* The Origin of Ostracism Again // CM. 1970 (1976). Vol. 31. P. 84-97.
537. *Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1993.
538. *Schubert Ch.* Perikles. Darmstadt, 1994.
539. *Schumacher L.* Themistokles und Pausanias: Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd. 94. S. 218-246.
540. *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971.
541. *Sealey R. A* Note on the Supposed Themistocles-Decree // Hermes. 1963. Bd. 91, H. 3. P. 376-377.
542. *Sealey R.* Ephialtes // ClPh. 1964. Vol. 59, N 1. P. 11-22.
543. *Sealey R.* The Entry of Pericles into History// PSZ. S. 144- 161.
544. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700-338 B.C. Berkeley, 1976. P. 155.
545. *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxford, 1993.
546. *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd. 1.
547. *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S. 175-198.
548. *Seltman CT.* Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.
549. *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. Vol. 51, N 1. P. 69-73.
550. *Shapiro H.A.* Painting, Politics, and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P. 87 - 96.
551. *Shapiro H.A.* Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire // Mediterranean Historical Review. 1992. Vol. 7, N 1. P. 29-49.

552. *Shear T.L.* Ισόνομους τ' Αθήνας έποιησάτην: The Agora and the Democracy // AAAD. P. 225-248.
553. *Shimron B.* Politics and Belief in Herodotus. Stuttgart, 1989.
554. *Shipley G.* A History of Samos 800 - 188 B.C. Oxford, 1987.
555. *Siewert P.* Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // CISA. 1991. Vol. 17. P. 3-14.
556. *Sinclair R.K.* Democracy and Participation m Athens. Cambridge, 1991.
557. *Snell B.* The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought. N.Y., 1960.
558. *Sourvinou-Inwood Chr.* Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter //JHS. 1971. Vol. 91. P. 94- 109.
559. *Städter Ph.* A Commentary on Plutarch's Perikles. Chapel Hill, 1989.
560. *Städter Ph.* Pericles among the Intellectuals // Illinois Classical Studies. 1991. Vol. 16, N 1/2. P. 111-124.
561. *Stanton G.* The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. Vol. 90. P. 180- 183.
562. *Stanton G.R.* Athenian Politics c. 800-500 B.C.: A Sourcebook. L.; N.Y., 1991.
563. *Stanton G.R.* The Rural Demes and Athenian Politics // AAAD. P. 217-224.
564. *Stark I.* Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart; Weimar, 2002. S. 147-167.
565. *StaveleyE.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972.
566. *Stefanek P.* Timokreon bei Plutarch, Them. 21, 5 (ca. 467 v. Chr.): die Ostrakisierung des Themistokles (470 v. Chr.) // OT. S. 171 - 173.
567. *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989.
568. *Stein-Hölkeskamp E.* Kimon und die athenische Demokratie // Hermes. 1999. Bd. 127, H. 2. S. 144-164.
569. *Stockton D.* The Death of Ephialtes // C1Q. 1982. Vol. 32, N 1. P. 227 - 228.
570. *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxford, 1991.
571. *Storey I.* Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 1998. Vol. 5. P. 85-134.
572. *Surikov I.E.* Historico-Geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2001. Vol. 7, N3/4. P. 341-366.
573. *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // Mesogeios. 2004. Vol. 24. P. 185-208.
574. *Tarkiainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966.
575. *Thomas R.* Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambridge, 1989.
576. *Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000.
577. *Thommen L.* Spielräume der Demokratie: Der Prozeß gegen Themistokles // GPAA. S. 81-95.
578. *Thompson H.A., Wycherley R.E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center (The Athenian Agora. V. 14). Princeton, 1972.

579. *Thompson W.E.* The Marriage of First Cousins in Athenian Society // Phoenix. 1967. Vol. 21, N 4. P. 273-282.
580. *Thompson W.E.* The Kinship of Pericles and Alkibiades // GRBS. 1970. Vol. 11, N 1. P. 27-33.
581. *Thomsen R.* The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972.
582. *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse? //AD. S. 322-331.
583. *Traill J.S.* The Political Organization of Attica. Princeton, 1975.
584. *Treu M.* Zur neuen Themistokles-Inschrift // Historia. 1963. Bd. 12, H. 1. S. 47-69.
585. *Ure P.N.* When was Themistocles Last in Athens? // JHS. 1921. Vol. 41. P. 165-178.
586. *Valeton I.M.J.* Quaestiones Graecae. II: De ostracismo // Mnemosyne. 1887. Vol. 15. P. 129- 171,337-355, 357-426; 1888. Vol. 16. P. 1-25, 162-238.
587. *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. Vol. 21, N 1. P. 1-8.
588. *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970.
589. *Vandiver E.* Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a. M„ 1991.
590. *VernantJ.-P.* Myth and Thought among the Greeks. L., 1983.
591. *Yernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragedie en Grece ancienne. P., 1986. T. 2.
592. *Vickers* M. Attic Symposia after the Persian Wars // Sympotica: A Symposium on the Symposion. Oxford, 1990. P. 105— 121.
593. *Wade-Gery H.T* The Question of Tribute in 449/8 B.C. // Hesperia. 1945. Vol. 14, N 3. P. 212-229.
594. *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxford, 1958.
595. *Waerden B.L. van der.* Greek Astronomical Calendars and their Relation to the Athenian Civil Calendar // JHS. 1960. Vol. 80. P. 161 - 180.
596. *Wallace R.W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989.
597. *Wardy R.* Rhetoric // GT. P. 465-485.
598. *Welwei K.-W.* Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999.
599. *Welwei K.-W.* Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen: Von Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // GPAA. S. 15-29.
600. *Westermann W.L.* Athenaeus and the Slaves of Athens // Slavery in Classical Antiquity. Cambridge, 1960. P. 73-92.
601. *Westlake H.D.* Thucydides on Pausanias and Themistocles — a Written Source? // C1Q. 1977. Vol. 27, N 1. P. 95-110.
602. *Whitehead D.* The Demes of Attica 508/7 - ca. 250 B.C. Princeton, 1986.
603. *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995.
604. *Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.
605. *Willemsen F.* Ostraka // MDAI(A). 1965. Bd. 80. S. 100- 126.
606. *Williams G.M.E.* The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. Bd. 31. P. 103-113.
607. *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai. II: Kleisthenes and the Persian Wars // Hermathena. 1952. Vol. 79. P. 1-21.
608. *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan. Claremont, 1997. P. 327-346.

609. *Wintern R.* Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. 2004. Bd. 147, H. 1. S. 26-34.
610. *Wolski J.* Wpfyw wojen perskich na formy walki politycznej w Grecji // Przeglad historyczny. 1968. T. 59, N 3. P. 416-427.
611. *Wolski J.* Μηδισμός et son importance en Grece ä l'epoque des guerres mediques // Historia. 1973. Bd. 22, H. 1. S. 3- 15.
612. *Woodhead A.G.* ΙΣΗΓΟΡΙΑ and the Council of 500 // Historia. 1967. Bd. 16, H. 2. S. 129-140.
613. *Wüst F.R.* Zu den πρυτάνιες των ναυκράρων und zu den alten attischen Trittyen // Historia. 1957. Bd. 6, H. 2. S. 176- 191.
614. *Wyatt W.F., Edmonson C.N.* The Ceiling of the Hephaisteion // AIA. 1984. Vol. 89, N 2. P. 135-167.
615. *Wycherley R.E.* The Stoa Basileios //JHS. 1940. Vol. 60. P. 95-96.
616. *Wycherley R.E.* Literary and Epigraphical Testimonia (The Athenian Agora. V. 3). Princeton, 1957.
617. *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5. Jahrhundert v. Chr.: Diss. Erlangen, 1959.
618. *Zimmermann H.-D.* Frühe Ansätze der Demokratie in der griechischen Poleis // Klio. 1975. Bd. 57, H. 2. S. 293-298.
619. *Zinserling G.* Das Akropolisbauprogramm des Perikles // Kultur und Fortschritt in der Blütezeit des griechischen Polis. B., 1985. S. 206-246.
620. *Τιβέριος Μ.* Θησεύς καί Παναθήναια // // AAAD. P. 131 - 142.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Античный вестник. Омск
АМ	— Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998
ВДИ	— Вестник древней истории
ДП	— Древнее право: Ius Antiquum
МГДА	— Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000-2002. Ч. 1 - 2
ПДАСНВ	- Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры
ТТАМ	— Торговец и торговля в античном мире. М., 1997
AAAD	- The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford, 1994
AC	— L'Antiquite classique
AD	- Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995
AHB	- Ancient History Bulletin
AJA	— American Journal of Archaeology
AJPh	— American Journal of Philology
CAH	— Cambridge Ancient History
CISA	- Contributi dell'Istituto di storia antica. Milano
ClJ	— Classical Journal
ClPh	- Classical Philology
ClQ	— Classical Quarterly
CM	— Classica et mediaevalia
CrAH	- The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985
CSCA	— California Studies in Classical Antiquity
DK	- *Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker
EP	- L'esperimento della perfezione: Arte e societä nell'Atene di Pericle. Milano, 1988
FGrHist	- *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker
G&R	— Greece & Rome
GC	- The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford, 1991
GEM	- Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. B., 1977
GPAA	- Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000
GRBS	- Greek, Roman and Byzantine Studies
GT	- Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge. L., 2000
IG	— Inscriptiones Graecae
JHS	- Journal of Hellenic Studies
LT	- The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War. N.Y., 1996
MDAI(A)	- Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
MGG	- Melanges Gustave Glotz. P., 1932. T. 1 - 2
NC	— Numismatic Chronicle
NDD	- Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context. Princeton, 1990.
OT	– Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487 - 322 v. Chr) Stuttgart, 2002
PSZ	- Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979
RE	- Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REG	— Revue des etudes grecques
RFIC	— Rivista di filologia e d'istruzione classica
RIL	- Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche
RPGAW	- Religion and Power in the Ancient Greek World. Uppsala, 1996
RPLHA	- Revue de philologie, de litterature et d'histoire anciennes
SH	— Studia historica
ZPE	- Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора ... 5

Глава I
Афинская демократия в V в. до н.э ... 11

Глава II
Аристид: политик вне группировок ... 61

Глава III
Фемистокл: homo novus в кругу старой знати ... 139

Глава IV
Кимон: аристократ, но не олигарх ... 187

Глава V
Перикл: человек, давший имя эпохе ... 259

Послесловие ... 354

Библиография ... 357

Список сокращений ... 380

CONTENT

Preface ... 5

Chapter I
The Athenian Democracy in the Fifth Century B.C ... 11

Chapter II
Aristides: A Politician beyond Factions ... 61

Chapter III
Themistocles: A *homo novus* amidst the Old Nobility ... 139

Chapter IV
Cimon: An Aristocrat, but no Oligarch ... 187

Chapter V
Pericles: A Man who Gave His Name to His Epoch ... 259

Afterword ... 354

Bibliography ... 357

List of Abbreviations ... 380

Научное издание

Суриков Игорь Евгеньевич

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ:
ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ
Время расцвета демократии

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.А. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *ТВ. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *Р.В. Молоканова,*
А.В. Морозова, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 29.10.2008
Формат 60 χ 90Vi6. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 24,0. Усл.кр.-отт. 24,5. Уч.-изд.л. 23,5
Тип. зак. 866

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано *с* готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12